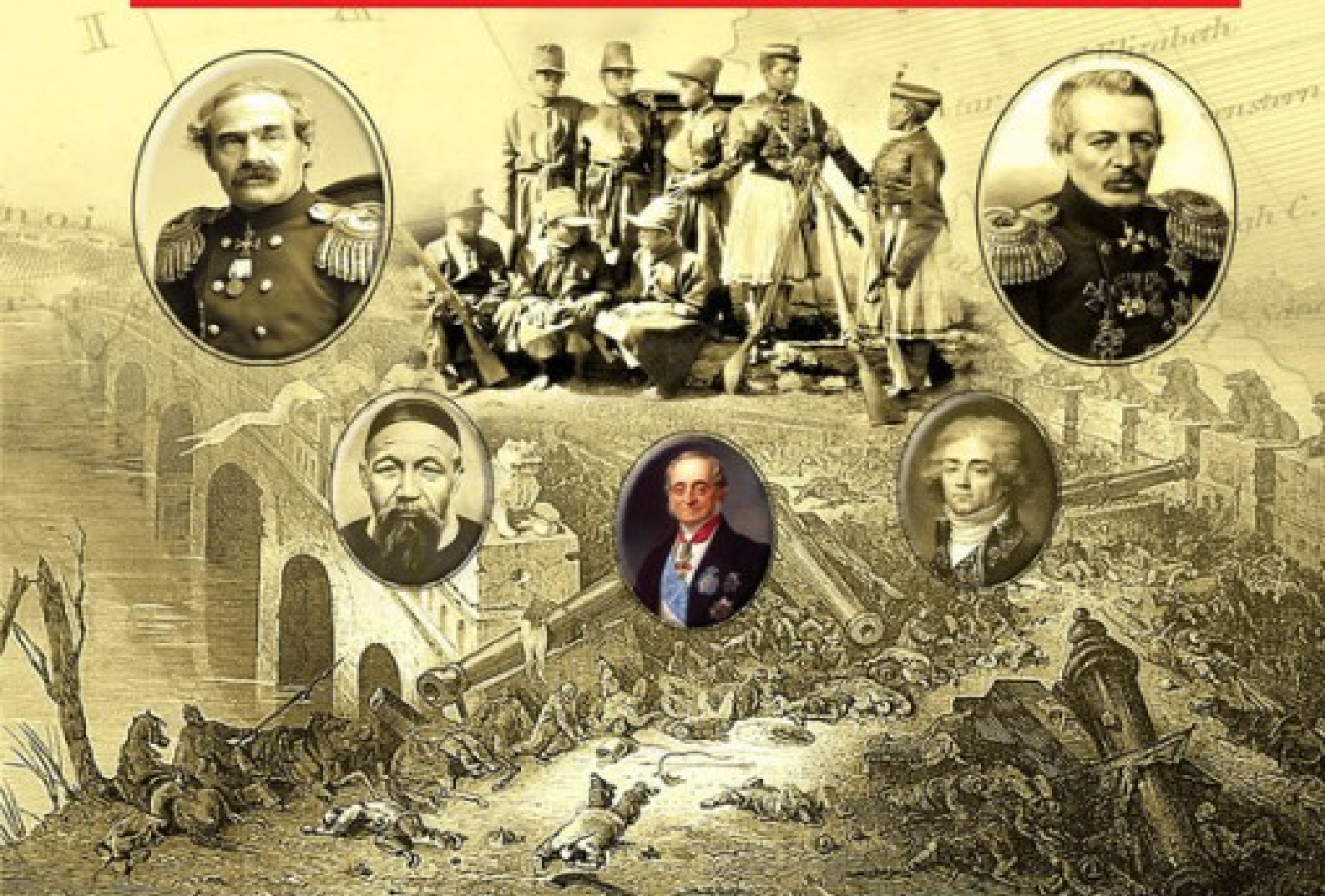

РОССИЯ – ДЕРЖАВА НА ТРЕХ КОНТИНЕНТАХ

Алексей Волынец

ДЕРЕВЯННЫЕ ПУШКИ КИТАЯ

РОССИЯ И КИТАЙ – МЕЖДУ
СОЮЗОМ
И КОНФЛИКТОМ

Annotation

Чем «опиумные войны» англичан в Поднебесной были похожи на Крымскую войну? Почему русские без единого выстрела вернулись на потерянный Амур и отчего за Приморье пришлось сражаться не с китайцами, а с Англией? Зачем русские гвардейцы учили маньчжурских солдат и почему китайские «казаки» Синьцзяна съели русских пленных? Как Китай влиял на постройку Транссиба и Владивостокской крепости? Зачем Россия помогла Пекину вернуть центр Азии и сколько могла стоить большая русско-китайская война?

На эти и многие другие вопросы ответит книга «Деревянные пушки Китая» – о том, как военная история XIX века повлияла и до сих пор влияет на русско-китайские отношения...

- [Алексей Волынец](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [«На великой реке Амуре стоят драки сильные...»](#)
 - [«Русским следует вернуться в Якутск, который и должен служить границей...»](#)
 - [«Рубеж между обоими государствами постановить...»](#)
 - [«Ежели б Амур-река была в российском владении...»](#)
 - [«Должно домогаться у китайского двора свободного плаванья по Амуру...»](#)
 - [«О способах к осмотру Амура, не подав подозрения китайцам...»](#)
 - [«Чтоб нам был уступлен один из берегов Амура...»](#)
 - [«Особый Комитет по делам Дальнего Востока»](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Полтора века без войн](#)
 - [Миллионы богдыхана](#)
 - [«Но вот приближается к ним от запада сосед...»](#)
 - [Опиум для Китая](#)
 - [Глава 3](#)
 -
 - [«Серебряный журавль» против европейского опиума](#)
 - [Русский рецепт для Китая](#)
 - [История России в китайском изложении](#)
 - [«Количество государственных рабов превосходит численность войск»](#)

- [Россия «и в Азии, и в Европе, и в Америке»](#)
- [«Река Воэрья, течёт до Асытэлэцзань...»](#)
- [Украина по-китайски и Казанская Россия](#)
- [Глава 4](#)
 - [Наркоторговцы готовятся к войне с Китаем](#)
 - [От Динхая до Кантона](#)
 - [«Обуздание варваров ласками»](#)
 - [«Каждое действие, как его ни скрывай, обязательно станет известным варварам...»](#)
 - [Пароходы атакуют](#)
 - [Сэр Хью против князя И](#)
 - [«Всадники в латах бросились вперёд...»](#)
 - [Белый флаг над Кантоном](#)
 - [Приключения сипаев в Китае](#)
 - [«Истребление противника в больших масштабах...»](#)
 - [Очередной императорский племянник](#)
 - [Поход к устью Янцзы](#)
 - [Прорыв вверх по великой реке](#)
 - [Бои под солнечным ударом](#)
 - [«Маньчжуры падали от ружейного огня, но не падали духом...»](#)
- [Глава 5](#)
 - [«Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить»](#)
 - [«Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура...»](#)
 - [«Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен»](#)
 - [«Итак, это наше!»](#)
 - [Пароход по завещанию](#)
 - [«И край Амурский открывал...»](#)
 - [«Чтобы при этом не пахло порохом...»](#)
 - [«Амурский сплав»](#)
 - [«Солдаты любили пароход...»](#)
 - [«Огненная лодка с множеством суровых людей»](#)
- [Глава 6](#)
 - [Китайский брат Иисуса Христа](#)
 - [«Царство Небесное» и его ополченцы](#)
 - [Первые потери и неудачи «Царства Небесного»](#)
 - [Триумф в долине Янцзы](#)
 - [Армейская структура тайпинов](#)
 - [Золотой век британских торговцев оружием](#)
 - [Армия «Царства Небесного»](#)

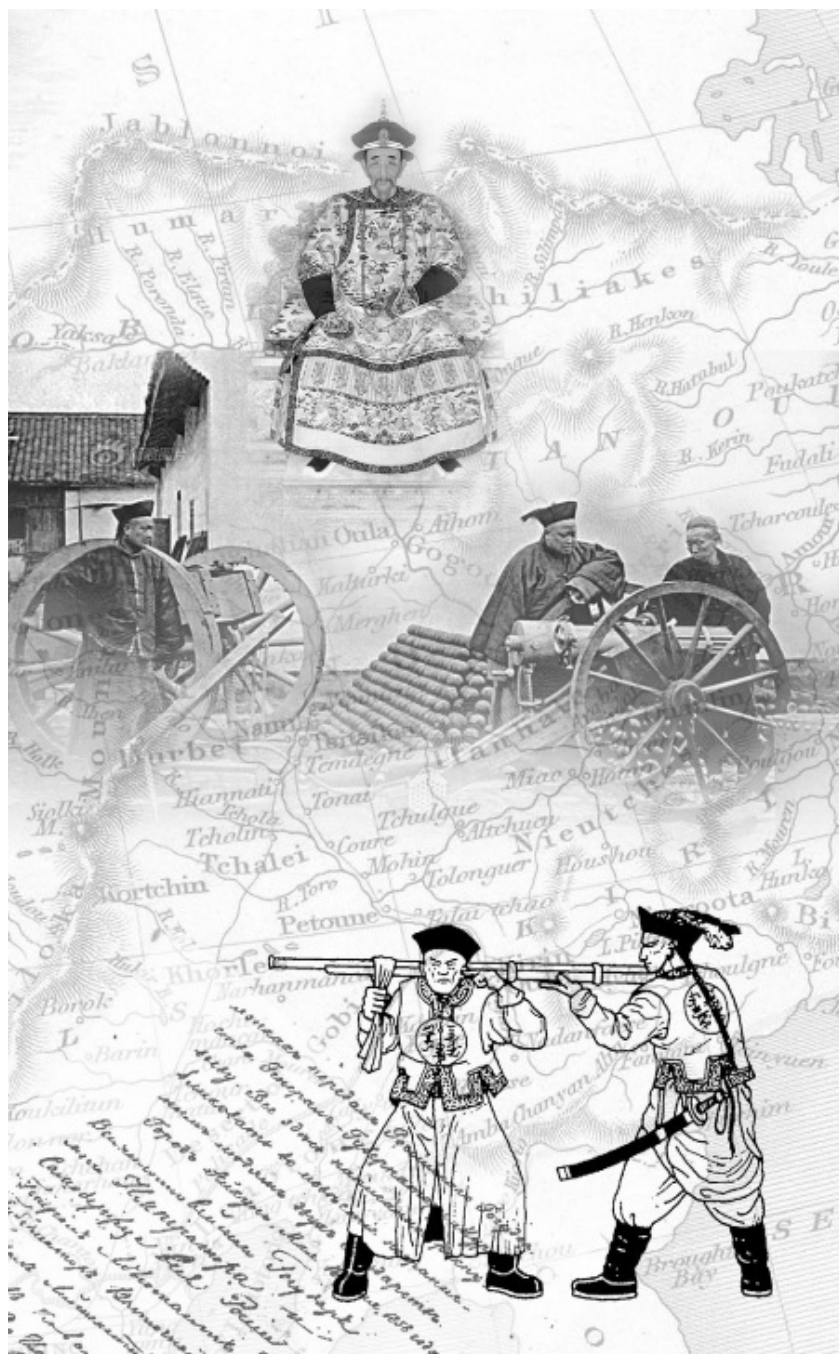
- [Военные уставы тайпинов](#)
- [«Их отряды казались горами тюльпанов...»](#)
- [Дисциплина и военная пропаганда тайпинов](#)
- [«Военный коммунизм» тайпинов](#)
- [Рейд на Пекин](#)
- [Бои в столичной провинции](#)
- [Тем временем в долине Янцзы](#)
- [Поэт на защите империи](#)
- [Контрнаступление «И-вана»](#)
- [Когда Хуанхэ тоже восстаёт против императора](#)
- [«Триады» идеально захватывают Шанхай](#)
- [Стены Шанхая](#)
- [«Мятежники Шанхая покупают у иностранцев капсюли и ружья...»](#)
- [Бомбы и крупнокалиберные ружья Шанхая](#)
- [Русский воин о повстанцах Шанхая](#)
- [Бамбуковый огнемёт](#)
- [Первые попытки штурма Шанхая](#)
- [Февральский штурм глазами англичан](#)
- [Война при помощи скрипки и европейской одежды](#)
- [В борьбу за Шанхай вступают европейцы](#)
- [Французское фиаско по-шанхайски](#)
- [Город штурмует голод](#)
- [Революция пожирала своих детей, или Резня среди «младших братьев Христа»](#)
- [От крестьянской революции к феодальной теократии](#)
- [Глава 7](#)
 - [«Намерен пройти на устье Амура во что бы то ни стало...»](#)
 - [Встреча двух экспедиций](#)
 - [«Эти избы как бы свидетельствовали, что земля эта русская...»](#)
 - [«Забытая, а всё-таки земля...»](#)
 - [Второй амурский «сплав»](#)
 - [«Появились они с недобрыми намерениями...»](#)
 - [Первый георгиевский кавалер на Амуре](#)
 - [Что такое «полицейская» война?](#)
 - [Дальние родственники в Петербурге и Пекине](#)
 - [Нарезная винтовка против фитильной аркебузы](#)
- [Глава 8](#)
 - [Сомнительный casus belli для «полицейской» войны](#)
 - [Заботы императорского наместника](#)
 - [Начало «полицейской» войны](#)
 - [«Полицейская» война становится интернациональной](#)

- Неспешное начало войны
- Очередной штурм Кантона
- Арест вражеского полководца
- Англо-французы ищут путь на Пекин
- Канонерки штурмуют форты
- По реке к Пекину
- «Всеобщее изобилие» и «иностранный лекарь»
- Глава 9
 - «Для определения восточных границ двух великих империй...»
 - «За 200 лет политические обстоятельства совершенно изменились...»
 - «Сомнительно, чтобы китайцы уступили берег Амура без войны...»
 - «Россия готова помочь Китаю...»
 - «Сегодня будем пировать, а все дела отложим до завтра...»
 - «Особенно неприятно отразился на лицах маньчжуров...»
 - «Левый берег реки Амура да будет владением Российского государства...»
- Глава 10
 - «Знаменитый» монгол против британского адмирала
 - «Мы должны попытаться атаковать Пекин...»
 - Подготовка броска на Пекин
 - Англичане занимают будущий Порт-Артур
 - Деревянные пушки Китая
 - Штурм Дагу
 - Новые переговоры и путь на Пекин
 - «Коровьи рога» против европейцев
 - Битва на мосту с мраморными львами
 - Походные чайники «принца» Гуна
 - Грабёж императорских жемчужин
- Глава 11
 - «Россия готова помочь Китаю приобрести военные материалы...»
 - «Трудное и щекотливое дело»
 - «России легче нанести Китаю удар...»
 - «При всем старании нельзя ожидать должного успеха...»
 - «Китайцы не ожидали, что им дадут такое превосходное оружие...»
 - «Были съедены и тела казнённых...»
- Глава 12
 - Заложники для верности «Верного царя»
 - Спасение «Небесной столицы»

- [«Шанхайский иностранный полк»](#)
- [Борьба за Янцзы](#)
- [Адмиралы, бравшие Пекин, защищают Шанхай](#)
- [«Отряды иностранного оружия»](#)
- [«Двойной дракон» для европейского наёмника](#)
- [«Няньцзюни» – китайские махновцы](#)
- [Поражение «И-вана» у цепного моста](#)
- [Чарльз Гордон «теряет лицо» вместе с пароходом](#)
- [Небесный царь уходит на небо «за подкреплениями»](#)
- [Последний бой монгола Цэнгэринчи](#)
- [Нелёгкая победа над «факельщиками»](#)
- [«Усвоение заморских дел»](#)
- [Этнические мятежи в империи Цин](#)
- [Глава 13](#)
 - [Мятеж на всякий случай](#)
 - [«Тайфурчи» из «новых мусульман»](#)
 - [Государство и армия «Счастливица»](#)
 - [Наградной револьвер от «Счастливица»](#)
 - [Битва за стратегический плацдарм в Синьцзяне](#)
 - [Пекин готовится к возвращению Синьцзяна](#)
 - [«Содействовать китайцам в нанесении ему хорошего удара...»](#)
 - [«Смутный Бисмарк» против «Халатника»](#)
 - [Коммерция купца Каменского](#)
 - [«Наши войска, обрушившись со всех сторон, убивали их...»](#)
 - [«Зима не принесла с собой усиления войск Якуб-бека...»](#)
 - [«Их желание отхватить кусок от нашей страны...»](#)
 - [Открытие «ворот Восточного Туркестана»](#)
 - [Смерть «Счастливица»](#)
 - [«Неверные греховодники китайцы» и схватка за наследство Якуб-бека](#)
 - [Падение Восточного Туркестана](#)
- [Глава 14](#)
 - [«Напоминают людей Синьцзяна...»](#)
 - [«Сусанянь» и «сотни юных дев»](#)
 - [Камень преткновения – «Илийский край»](#)
 - [«Если бы китайцы не были вынуждены ненавидеть иностранцев...»](#)
 - [«Делают китайцев в настоящее время врагом сильным и опасным...»](#)
 - [«Стараясь нанести китайцам по возможности чувствительный удар...»](#)

- «Исходный пункт действий против столицы Китая...»
 - «Военное положение того края представляется в неутешительном виде...»
 - «Наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими...»
 - «Активные действия на китайские порты...»
 - «Уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад...»
 - «Почему бы не начать с Китая?»
 - «Вывезите архивы и императора из Пекина...»
 - «Граница между Россией и Китаем имеет одинаковую протяжённость для обеих сторон...»
 - «Решение некоторых пограничных вопросов, касающихся пользы обеих империй...»
 - Глава 15
 - Гектар за 3 рубля
 - На Дальний Восток через Одессу
 - «Представляется по состоянию финансовых средств невозможным...»
 - «Железная дорога необходима во всех отношениях...»
 - «Считать вопросом первостепенной для России важности...»
 - «С постройкой дороги Россия приобретёт главенствующее значение на Дальнем Востоке...»
 - «Историческая дорога, по которой продвигается русский народ...»
 - Библиография
-

Алексей Волынец
Деревянные пушки Китая. Россия и Китай
– между союзом и конфликтом

© Волынец А. Н., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

«Ежели б Амур-река была в российском владении...». Как Россия потеряла Амур на 169 лет

«На великой реке Амуре стоят драки сильные...»

После открытия русскими первопроходцами великой реки Амур до окончательного присоединения её берегов к нашей стране прошло двести лет. Что же происходило в те два столетия вокруг Амура, прежде чем он стал границей между Россией и Китаем?

Первое упоминание реки Амур в международных документах появляется 25 июня 1670 года. Именно в тот день император маньчжуров Сюань подписал послание русскому царю, в котором сообщал, что «в районе Амура мелкие разбойники, твои подданные, напали на наших сборщиков соболя».

Естественно, имя великой дальневосточной реки Амур в том письме звучало иначе – «Сахалынь-ула», Чёрная река, как её называли маньчжуры. Русские этот язык не знали, и гонцы из Пекина дали им копию императорского послания на монгольском языке. Уже в Москве монгольское имя «Кара-мурэн» (Чёрная река по-монгольски) перевели как Шилка – столичные чиновники из Сибирского приказа, управлявшего далёкими восточными окраинами, ещё не очень разбирались, где начинается собственно Амур, а где его притоки...

С государственной принадлежностью Амура тоже было всё непонятно. К тому времени русские первопроходцы, именно их небольшие отряды маньчжурский император именовал «мелкими разбойниками», уже почти четверть века собирали на берегах реки меховую дань и строили укреплённые остроги. Первый официальный представитель власти приехал из Москвы на берега Амура ещё в 1653 году, чиновники русского царя планировали основать на этих землях новое воеводство.

*Маньчжурский император Сюаньфэ (Канси).
Китайский рисунок начала XVIII века*

Но за то время, пока первые русские люди осваивали Приамурье, южнее возникла огромная империя. В июне 1644 года, когда отряд первопроходцев Василия Пояркова впервые вышел на берега Амура, в полтора тысячах вёрст к югу армия маньчжурских племён захватила Пекин. За следующие десятилетия маньчжуры покорили почти весь Китай, основав свою империю Цин. И когда в 1670 году император Сюань отправлял письмо московскому царю с первым упоминанием Амура, на берегах этой реки находилось не более тысячи русских, а всё население России не превышало 14 миллионов человек, тогда как в новой китайской империи насчитывалось почти 100 миллионов подданных.

Ранее китайцы хотя и бывали на берегах Амура, но почти не интересовались этими северными для них землями. Маньчжуры же считали «Чёрную реку» своей сферой влияния, так как здесь, среди не знавших государственности малочисленных племён, издавна проживали и их дальние родственники – народности дучеров и орочёнов. Русские называли их «тунгусами». Сами маньчжуры, впервые столкнувшись с русскими первопроходцами, изначально тоже посчитали пришельцев «неизвестным сибирским племенем».

В итоге берега Амура стали спорной территорией между Русским царством и маньчжурской империей Цин. Первое вооружённое столкновение произошло уже в 1652 году, когда казаки Ерофея Хабарова разгромили атаковавший их маньчжурский отряд, в три раза превосходивший первопроходцев по численности.

«Здесь на великой реке Амуре стоят драки сильные с воинскими людьми, что присланы от царя богдойскова» – архивы сохранили датированное апрелем 1655 года письмо об этих событиях, отправленное в Якутск «служилым человеком» Онуфрием Степановым. «Богдойским царём», или «богдыханом», русские именовали маньчжурского императора.

В своём письме якутскому воеводе Онуфрий Степанов рассказал, как маньчжурские войска безуспешно осаждали построенный казаками Кумарский острог, расположенный на правом берегу Амура, на территории, которая сегодня является китайской провинцией Хейлунцзян: «А приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки и пищальми, и знамена у них всякой розной цвет... Из Кумарского острожку государевы служивые люди и амурские казаки выходили на вылазку, и многих богдойских людей побили и отбили у них 2 пищали железные, порох и ядра...»

Спустя три года сибирский казак Степанов, известный среди своих под прозвищем Кузнец, погибнет в бою, когда 11 казачьих лодок столкнутся с полусотней маньчжурских боевых кораблей на Амуре, там, где в него впадает река Сунгари.

«Русским следует вернуться в Якутск, который и должен служить границей...»

К концу XVII века в России реку Амур уже считали новой линией границы. Не случайно изданный в Москве в 1678 году большой географический труд «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азия» завершается главой «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы».

Однако маньчжуры, новые властители Китая, думали иначе. Но они смогли вплотную заняться Амуром только после покорения всех китайских земель, включая остров Тайвань. Спустя 14 лет после первого письма, в 1684 году, из Пекина в Москву отправилось новое обращение маньчжурского императора. Фактически это был ультиматум, требовавший от России отступить с Амура аж за Байкал, к реке Лене. «Вам, русским, следует побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей», – писал император Сюанье.

К тому времени маньчжурские войска уже год вели необъявленную войну против русских. На реке Зее, в современной Амурской области, появился маньчжурский «фудутун» (генерал-губернатор) Лантань с 10-тысячным войском при 172 пушках. Воины Лантаня, среди которых были маньчжуры, китайцы, корейцы и даже два десятка голландских офицеров-наёмников, уничтожили несколько «острожков» и зимовий русских первопроходцев, а затем осадили Албазинский острог, в котором оборонялось четыре сотни казаков при всего 3 орудиях. Одновременно в Забайкалье русским острогам угрожали монголы, союзные маньчжурскому императору. При этом Российское государство на всём огромном пространстве от Байкала до Амура имело не более двух тысяч стрельцов и казаков при 21 пушке.

Казалось, ещё чуть-чуть, и осуществится ультиматум императора Сюанье, грозившего «вернуть русских в Якутск». Но бои вокруг Албазина, несмотря на численное превосходство маньчжурских войск, продлились два года, ошеломив империю Цин упорством и боеспособностью русских воинов. В итоге два государства в августе 1689 года начали первые переговоры о том, где же пройдёт их общая граница.

С русской стороны вопрос о будущей границе решал приехавший из Москвы боярин Фёдор Алексеевич Головин. Русское правительство соглашалось признать за империей Цин земли к югу от Амура. Инструкция, написанная для Головина боярами и дьяками Посольского приказа, гласила: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что кроме оной реки, издавна разделяющей оба государства, никакая

граница не будет крепка, также чтобы подданные обеих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили...»

Но маньчжурские послы требовали куда большего – в Пекине хотели, чтобы граница прошла по реке Селенге и озеру Байкал. Император Сюанье всё ещё хотел отодвинуть русских далеко на северо-запад, «вернуть в Якутск». Маньчжуры никогда не владели землями у Байкала, но, как пересказывал их доводы в докладах московскому начальству посол Головин, логика требований из Пекина была простой – «что все те земли от Байкала-моря были владения хана монгольского, а монгольцы все издавна подданные их китайского хана».

Боярин Фёдор Алексеевич Головин

Для России переговоры были сложными. Далеко на западе страна вела тяжелую войну с Турцией, русские войска в те дни безуспешно пытались прорваться в Крым. Непростым было и внутреннее положение – в 1689 году как раз началась открытая борьба за власть молодого царя Петра I с царевной Софьей и её сторонниками.

Поэтому Россия не имела на Дальнем Востоке достаточно сил, чтобы вести большую войну с маньчжуро-китайской империей. Но и пекинский «богдыхан» после жестоких боёв за Албазин опасался серьёзной войны с упорными русскими, если будет настаивать на их отступлении за Байкал.

Посол Фёдор Головин проявил немало дипломатического мастерства, порой используя как оружие даже своевременную шутку. Например, когда маньчжурские дипломаты в ходе обсуждений всё же согласились признать город Нерчинск, в котором шли переговоры, русской территорией, Головин тут же ответил им: «Сердечно благодарен вам за разрешение переночевать здесь эту ночь». Как описывает те минуты переводчик маньчжурской делегации: «Московский посол отвечал с изысканной учтивостью, но его ирония очень ранила наших послов и пристыдила их, хотя в тот момент им удалось как-то скрыть это...»

В итоге обеим сторонам пришлось пойти на компромисс. 27 августа 1689 года представители Москвы и Пекина подписали первый для обоих государств договор о границе, вошедший в историю как Нерчинский трактат.

«Рубеж между обоими государствами постановить...»

Примечательно, что договор, с которого начиналась русско-китайская граница, был составлен на трёх языках, но среди них не было китайского. Документы о разграничении Русского царства и империи Цин изложили по-маньчжурски, по-русски и на латыни. Покорившие Китай маньчжуры составляли официальные документы на своём языке, абсолютно далёком от китайского. Посольство боярина Головина свой экземпляр договора писало, естественно, на русском. Латынь же служила языком общения двух делегаций, так как ни в России, ни в маньчжурском Китае ещё не было чиновников, одновременно владевших языками обоих государств.

Российские и китайские владения в районе Амура и граница по Нерчинскому договору 1689 года

Переводчиками для маньчжурской стороны стали давно жившие в Пекине католические монахи-миссионеры француз Франсуа Жербийон и

португалец Томазо Перейра. Знатоком латыни в русской делегации был Андрей Белобоцкий – русин из Польши, поэт и богослов, учившийся в университетах Италии, Франции и Испании, бежавший в Московскую Русь от преследований инквизиции.

Эти трое знатоков латыни, применяя мёртвый язык исключительно по памяти и не без ошибок, составили письменные варианты договора о границе между Пекином и Москвой. Двойной перевод с маньчжурского на русский при помощи латыни породил в итоге три разных неидентичных текста. К этому добавились сложности перевода географических названий – имена таёжных рек и гор, ставших ориентирами на огромном пространстве от Байкала до Охотского моря, на трёх языках звучали по-разному. Да и сами послы с переводчиками очень приблизительно знали географию земель, которые они делили.

В итоге из Нерчинского трактата, предназначенного «рубеж между обоими государствами постановить», однозначно было понятно лишь одно – русские покидают «город Албазин», или, в латинском варианте, «fortalitia in loco nomine Yagsa», а границей становится правый исток Амура, река Аргунь.

Зато там, где Аргунь сливается с рекой Шилкой и образует сам Амур, география договора прописана весьма непонятно. Русские и маньчжуры договорились «рубеж между обоими государствами постановить» по некоей речке «имянем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левые стороны, близ реки Черной». На латыни Горбицу запишут как *Kerbichi*, позже выяснится, что аборигены-«тунгусы» знают аж две реки с таким названием.

От истоков «реки имянем Горбица» линия границы проводилась на восток по неким «Каменным горам». В маньчжурском варианте договора они названы «Большим Хинганом», но точно такое же имя носят и горы к югу от Амура. Одним словом, дипломаты смутно представляли, что делят. Поэтому про земли в далёком устье Амура написали просто – «не ограничены до иного благополучного времени». Их разграничение отложили на будущее.

«Ежели б Амур-река была в российском владении...»

27 августа 1689 года, в тот день, когда боярин Головин подписал Нерчинский трактат, он ещё не знал, что почти в пяти тысячах вёрст к западу, в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре, произошли события, навсегда отдавшие власть в руки молодого царя Петра I. Не знал Фёдор Головин и того, что он станет ближайшим сподвижником царя-реформатора, фельдмаршалом его новой армии и участником закладки Санкт-Петербурга.

На Дальний Восток боярин Головин уже никогда не вернётся. Царь Пётр I, занятый реформами и войнами далеко на Западе, вполне удовлетворится Нерчинским трактатом, который хотя и отодвинул Россию со страшно далёкого Амура, но помог избежать конфликта с большим Китаем, а главное, открыл возможности для выгодной русско-китайской торговли.

5-я статья подписанного в Нерчинске договора позволяла «для нынешние начатые дружбы приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что надобно». Поэтому Россия смогла стать посредником в выгодной коммерции между Европой и Китаем. И в разгар войны со шведами приходившие из Китая караваны приносили огромные прибыли, в отдельные годы покрывая половину всего бюджетного дефицита страны.

О так до конца и не установленной дальневосточной границе задумались лишь по окончании долгой войны за Балтику. В Китай отправился один из лучших дипломатов Петра I граф Савва Рагузинский. Одной из его задач было «учинить, сколько возможно будет, обстоятельное описание и карту» земель к северу от Амура, чтобы наконец понять, где же точно среди тайги и гор проходит русско-китайская граница и где она упирается в Охотское или Японское море...

Но два века назад задача исследования дикой тайги оказалась невыполнимой, хотя посольство Рагузинского сопровождали несколько офицеров-геодезистов. Как докладывал в Петербург в апреле 1728 года сам посол: «Об оных местах подлинно ныне ничего проведать не можно было, ибо дважды геодезистов для описания посылал, кои девять недель ехав от Якутска до реки Уды и пожив в тамошнем острожке, возвратились ни с чем».

Упомянутый «острожек» – ныне село Удское в Тугуро-Чумиканском районе на севере Хабаровского края. Где же заканчиваются загадочные «Каменные горы» из Нерчинского трактата и кому принадлежит безлюдный северный берег в устье Амура, так и осталось непонятным. Поэтому посольство Рагузинского смогло уточнить границу двух

империи в районе Монголии, но не затронуло отложенный в Нерчинске вопрос о точной границе в Приамурье.

Тем временем власти Российской империи всё более понимали, что Амур стране всё-таки нужен прежде всего как единственная в те времена удобная «трасса», идущая с запада на восток к Тихоокеанскому побережью. Без Амура связь с Камчаткой приходилось поддерживать через порт Охотска, до которого добирались вьючными караванами из Якутска по тяжелейшему и неудобному «тракту» сквозь леса, болота и горы (<http://dv.land/history/pervyi-na-dalnevostochnom-beregu>). Не случайно одновременно с посольством Рагузинского в Петербург обратился якутский воевода Яков Ельчин, жалуясь на неудобство «тракта» в Охотск: «Ежели б Амур-река была в российском владении и можно было от Нерчинска выходить судами в амурское устье, то от Якутска до Охотска пути старание иметь не надлежало б».

Вскоре в Петербург пришел обстоятельный документ от одного из участников экспедиции Беринга, сосланного на Камчатку капитана Василия Казанцева. Камчатский ссыльный доказывал, что для связи с побережьем Охотского моря лучше использовать плывущие по Амуру корабли, а не трудные оленьи тропы из Якутска в Охотск. Одновременно в Петербург обратился другой участник экспедиции Беринга, профессор Академии Наук Герхард Миллер. Побывав в 1735 году в Нерчинске и у истоков Амура, профессор с удивлением обнаружил, что невозможно понять, где же проходит граница в Приамурье. Об этом Миллер написал целую книгу «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ Российским и Китайским государствами 1689 года», в которой доказывал невозможность понять, что же такое «Каменные горы» из Нерчинского трактата и что отнюдь не весь северный берег Амура принадлежит Китаю.

«Должно домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру...»

Амур был слишком далёк от Петербурга, но в правительстве всё же задумались о значении для страны судоходства по великой реке. В 1753 году Сенат Российской империи после большого совещания с военными, дипломатами и учёными из Академии Наук принял резолюцию: «Иностранной коллегии должно домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру, а между тем на реке Ингоде, где она соединялась с Аргуном, приискать удобное к строению судов место. Построив же два судна, могущие Амуром, а потом и морем плыть в русские порты, приготовить для этих судов всё необходимое, и когда китайский двор позволит свободное плавание по Амуру, то суда эти отправить в путь немедленно, с приказанием экипажам описать подробно саму реку и прилегающие к ней местности».

В Петербурге рассчитывали, что неясность границ в районе Амура позволит Иностранной коллегии (как тогда именовали Министерство иностранных дел) добиться у Пекина согласия на плавание по реке русских кораблей. Хотя канцлер Российской империи Бестужев-Рюмин и считал, что такое обращение к Пекину «совсем бесплодно быть имеет», но всё же решили отправить к истокам Амура специалистов, чтобы определить удобное место для корабельной верфи и подготовить строительство судов.

Это предприятие вошло в историю как «Нерчинская секретная экспедиция», которой руководил сибирский губернатор Василий Мятлев. Участники «секретной экспедиции» впервые начали научное изучение фарватера Амура и подсчитали, что при использовании этой реки доставка хлеба и грузов в русские порты на Охотском море и Камчатке обойдётся значительно дешевле.

Однако в мае 1758 года отправленный в Китай посланник Василий Братищев привёз ответ пекинского правительства. Маньчжурский император-«богдыхан» в своей грамоте, датированной 23 сентября 1757 года, отказал в дозволении русским судам плавать по Амуру. Мотив отказа в русском переводе XVIII столетия звучал так: «У нас от века того не бывало, чтоб России позволено было в какое-нибудь место провозить свой хлеб рекою Амур, чего и ныне никоим образом позволить нельзя».

Китай и в то время был крупнейшим по населению государством планеты, уже тогда игравшим заметную роль в мировой торговле. Поэтому в Петербурге не желали ссориться с огромной страной, к тому же не имея возможности перебросить к востоку от Байкала значительные

военные силы. Обидный отказ пришлось проглотить, смирившись с неуступчивостью китайских властей.

«О способах к осмотру Амура, не подав подозрения китайцам...»

К вопросу о плавании русских кораблей по Амуру пыталась вернуться царица Екатерина II. В 1764 году она поинтересовалась у дипломатов, не стоит ли вновь попробовать уговорить Китай на счёт Амура. Ответ Коллегии иностранных дел был неутешительным: «Как ни уверена Коллегия в необходимости и пользе того, чтобы русские суда рекою Амур ходили свободно, но по известному упорству в том китайского двора не находит теперь способов возобновить свои домогательства...»

Великая императрица, присоединившая к России берега Чёрного моря, Крым и большую часть Польши, так и не решилась поспорить с Китаем ради Амура. Лишь её внук, царь Александр I, в 1805 году вновь попытался решить вопрос Амура, отправив в Китай большое посольство во главе с графом Юрием Головкиным.

В подписанной царём инструкции для посла говорилось: «Разведать о степени судоходности реки Амур и вытребовать от китайцев позволение ходить по Амуру хотя бы несколькими судами ежегодно для снабжения Камчатки и Русской Америки необходимыми припасами».

Вместе с послом Головкиным к дальневосточной границе ехал полковник Теодор д'Овре, который числился в императорской свите «по квартирмейстерской части», в реальности выполняя функции военного разведчика. Поставленные царём задачи были изложены чётко: «Собрать все возможные сведения о военном положении страны между Байкалом и чертою китайской границы. Развить представления относительно военной части у китайцев в Маньчжурии по Амуру. Представить заключение, возможно ли будет со временем совершить небольшую тайную экспедицию в страны, лежащие между Амуром и Становым хребтом. Сохранять тайну и осторожность».

Оказавшись в верхнем течении Амура, полковник д'Овре с удивлением установил, что местные «тунгусы» не считают себя китайскими подданными, а всё присутствие Китая на этих землях ограничивается несколькими «пограничными столбами с надписями на пяти языках». В итоге разведчик представил русскому царю проект «О способах к осмотру и описи Амура и совершению экспедиции по левому берегу этой реки, не подав подозрения китайцам».

Граф Юрий Александрович Головкин

Однако на западных рубежах России как раз начиналась большая война с Наполеоном, поэтому Александру I пришлось навсегда забыть о нерешённых вопросах восточной границы. Полковник д'Овре вернулся с берегов Амура, чтобы воевать против Бонапарта, и в итоге с боями дошёл до Парижа, став генералом и резидентом русской военной разведки в Западной Европе. Заниматься дальневосточными вопросами ему более не пришлось.

Миссия посла Головкина, с которым разведчик д'Овре в 1805 году ехал к границам Китая, тоже закончилась неудачей. Маньчжурские чиновники, не желая даже разговаривать о спорной границе у Амура, не пустили посольство в свою страну под предлогом того, что посол отказался тренироваться в ритуальных поклонах китайскому императору.

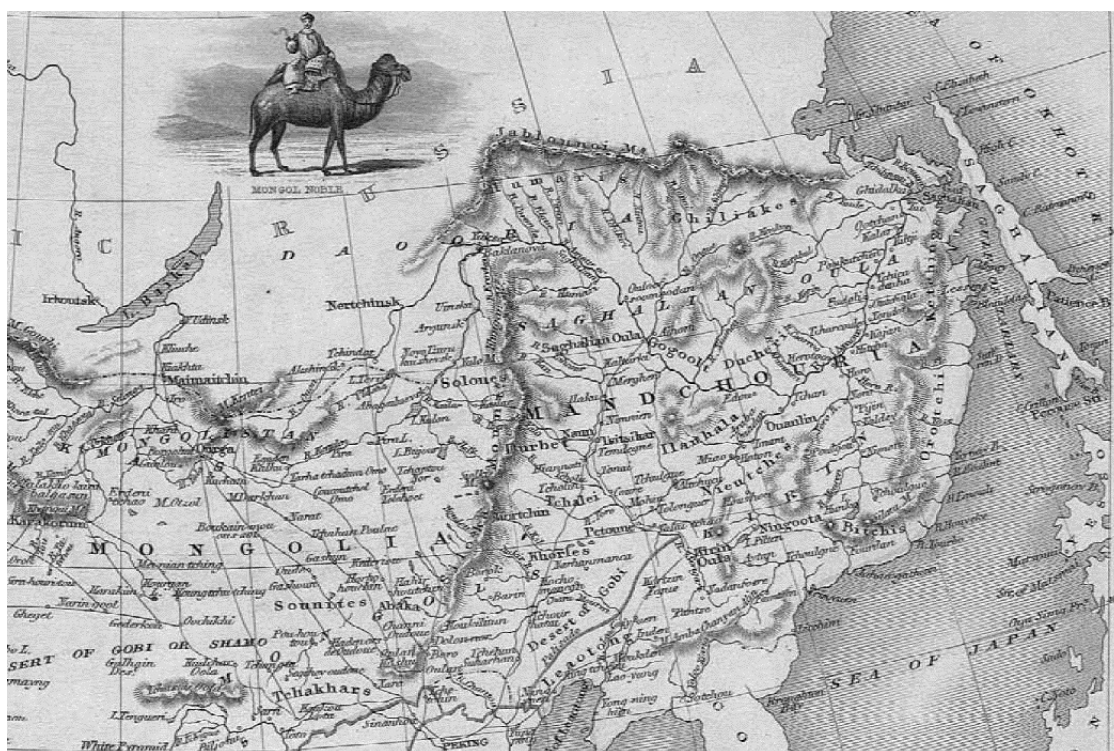
Ради интересов страны граф Юрий Александрович Головкин даже согласился на «девятикратное касание пола лбом» перед самим императором, но счёл унижительным и нарушающим достоинство Российской империи требование отрепетировать такие поклоны перед

пограничными чиновниками империи Цин. Посольству пришлось безрезультатно пуститься в обратный путь из Забайкалья в Петербург...
До возвращения России на берега Амура оставалось ещё полвека.

«Чтоб нам был уступлен один из берегов Амура...»

10 мая 1805 года граф Головкин направил в Министерство иностранных дел Российской империи «Записку о реке Амур», в которой проанализировал все варианты развития событий вокруг великой дальневосточной реки. Русский дипломат считал, что нет природных рубежей между Россией и Китаем, «кроме реки Амур, коя могла бы служить естественною границею».

«Свободное плаванье по Амуру важно для нас, – доказывал Головкин, – дабы приобрести более лёгкое, нежели ныне, сообщение меж Сибирью и учреждениями на Камчатке и в Охотске. Нет сомнения, что преимущества более умеренного климата, плодородия берегов сей реки, леса, который можно там обрести для строительства судов, составляли бы весьма выгодные средства для снабжения продуктами и торговли с этими бесплодными областями. Судоходство по Амуру предоставило бы нам также возможность установить деятельную торговлю с манджурами и обитателями Кореи».

Русско-китайская граница на английской карте начала XIX века

Но, как доказывал русский дипломат, несмотря на все неточности Нерчинского трактата, власти Китая никогда не пойдут на добровольные уступки: «Напрасно стремились бы мы доказать наши права на сию территорию – китайцы никогда не согласятся их признать». Однако, по

мнению Головкина, путь войны с Китаем тоже недопустим: «Путь переговоров обещает лишь весьма сомнительный успех. Путь оружия представляется ещё менее благоприятным... Ежели мы сравним ту легкость, с каковой китайцы соберут 100 тысяч человек на берегах Амура, с теми препятствиями, которые нам придется преодолеть, чтоб собрать там армию в 15–20 тысяч человек и содержать их там, то можно видеть, что сие значит слишком дорого платить за завоевание...»

Юрий Головкин доказывал, что решить вопрос о границе по Амуру можно только в одном-единственном случае – если китайцам когда-либо потребуется политическая или военная помощь России: «Наша помощь либо даже посредничество дали бы нам право выставить требования и добиться, чтоб вместо прямой линии к востоку нам был уступлен левый берег Амура».

Забегая вперёд, скажем, что именно так всё и произойдёт через пятьдесят с лишним лет после того, как дипломат Головкин написал свою «Записку о реке Амур». В середине XIX века Китаю, после неудачных «опиумных» войн с Англией и Францией, потребуется помощь и посредничество России. Только тогда власти империи Цин пойдут на уступки в «амурском вопросе».

Но в эти полвека вокруг Амура произойдёт ещё много исторических событий и политических интриг. Подданным Российской империи придётся совершить немало трудов и подвигов, чтобы твёрдо встать на берегах великой реки.

«Особый Комитет по делам Дальнего Востока»

Начнётся всё с того, что в 1839 году вспыхнет война империи Цин с Англией – первое боевое столкновение европейцев с Китаем после того, как прекратились бои маньчжуров и казаков на Амуре. Это столкновение покажет, что китайцы страшно отстали в военном деле. Пока в Европе гремели непрерывные войны, совершенствовавшие оружие и военное искусство, покорившийся маньчжурам Китай с конца XVII столетия наслаждался миром. И за полтора века без войн армия империи Цин, хотя и насчитывала миллион солдат, растеряла боевой дух и осталась абсолютно средневековой со старым оружием.

Оказалось, что европейские пароходы и нарезные ружья легко громят огромное китайское воинство. К 1842 году Англия одержала победу над Китаем, захватив Гонконг и получив небывалые привилегии в других портах огромной страны.

Именно известия об этой победе заставили императора Николая I вновь задуматься о старом «амурском вопросе». Во-первых, оказалось, что огромный Китай не так уж силён, как это представлялось ранее. Во-вторых, русский царь опасался, что раз китайцы начали уступать чужакам земли на юге, то они могут уступить англичанам и на севере, там, где возле устья Амура проходит так и не определённая граница.

В июне 1843 года Николай I распорядился создать при правительстве «Особый Комитет по делам Дальнего Востока». В Комитет вошли министр иностранных дел граф Нессельроде, морской министр князь Меншиков, военный министр князь Чернышов, министр внутренних дел граф Перовский, начальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел Сенявин и глава военной разведки генерал-квартирмейстер Берг.

Самые высокопоставленные чиновники империи должны были определить дальнейшую политику России в отношении Китая и русско-китайской границы в районе Амура. Но прежде чем продолжить рассказ о деятельности «Особого Комитета по делам Дальнего Востока», попробуем разобраться – что же произошло в Китае, почему огромная многомиллионная страна оказалась бессильна против европейского оружия...

Глава 2

«Ничего не может быть презреннее...» китайской военной силы...». Армия цинского Китая накануне первой «опиумной войны»

В XIX веке Китай не раз становился относительно лёгкой добычей для армий европейского образца. Почему же богатая и самая многонаселённая империя с древнейшими традициями государственности оказалась в таком незавидном положении? Для ответа на этот вопрос не обойтись без небольшого исторического экскурса.

Полтора века без войн

Племена маньчжуров подчинили себе Китай в годы, когда в России царствовал отец будущего императора-реформатора Петра I. Именно тогда сложилась военная система маньчжурской династии Цин, просуществовавшая почти без изменений до начала XX века. Армия пекинского императора состояла из восьми маньчжурских, восьми монгольских и восьми китайских «дивизий», сведённых в восемь корпусов-«знамён», каждый со своим цветным знаменем.

Этнических маньчжур было немногим более 3% от числа населения Цинской империи, однако костяк сухопутной армии составляли именно они и родственные им племена солонов и тибо. Вторую ступень в имперской иерархии занимали монголы, за ними шли китайские коллаборационисты-«ханьцзюнь», служившие маньчжурам ещё до окончательного покорения Китая, и лишь затем остальные китайцы. Помимо гвардии «восьми знамён» были созданы и местные гарнизонные и охранные войска из китайцев, не входившие в привилегированную систему «восьми знамён» и называвшиеся «войсками зелёного знамени».

В XVII веке военная организация маньчжур не сильно отставала от современного ей европейского уровня. Однако вскоре империя Цин достигла своих «естественных» границ – «Срединное государство» и вассальные ей более слабые «варварские племена» со всех сторон окружали почти безлюдные и труднопроходимые просторы Мирового океана, северной тайги, южных тропиков и высочайших в мире гор Гималаев.

Полтора века маньчжурский Китай не сталкивался с противником, обладающим развитой военной организацией и техникой. Европейские державы были отделены далёкими морями и до начала эпохи парового флота просто не имели возможности перебросить достаточные силы к границам Поднебесной. Российская же империя вплоть до XX века никогда и не имела на своих дальних восточных границах современных и многочисленных войск.

Незначительные, по китайским меркам, волнения крестьян в отдельных провинциях да немногочисленные локальные войны с заведомо слабейшим и менее развитым противником на дальних границах – вот и весь боевой опыт империи Цин с конца XVII века и до первого столкновения с европейцами 3 ноября 1839 года.

При этом 400-миллионный Китай всё эти полтора столетия имел самую большую армию мирного времени на планете. Когда в Европе гремели Наполеоновские войны, покой Поднебесной охранял миллион солдат, то есть даже больше, чем все войска Бонапарта на начало 1812

года, в момент наивысшего военного напряжения Французской империи, контролировавшей почти всю Западную и Центральную Европу.

Миллионы богдыхана

В списках «восьмизнамённой» гвардии числилось 275 тысяч бойцов, всё наследственное военное сословие империи Цин. Треть из них стояли элитными гарнизонами в наиболее крупных городах по всему Китаю. Ещё порядка 650 тысяч, от 20 до 50 тысяч в каждой провинции, составляли «Войска зелёного знамени», которые комплектовались из китайцев путём вольного найма и несли службу в местных гарнизонах. Эти войска выполняли все административные функции – от чисто военных до полицейских и даже курьерских.

Из восьми маньчжурских корпусов-«знамён» старшим считался корпус «Жёлтого с красной каймой знамени», так как в его списках числили императора и императорскую фамилию. В этот же корпус входила рота («ниру» по-маньчжурски или «цзолин» по-китайски) «албазинцев», потомков русских казаков, взятых маньчжурами в плен при долгой осаде Албазина (маньчжуры называли его Якса) в 1685 году.

Столичные «восьмизнамённые» войска имели структуру вычурную и по средневековому красочную, сюда, например, входили: дворцовая гвардия – «Цзинь-цзюнь-ин» и стража летней резиденции – «Юань-мин-юань», стража у императорской усыпальницы – «Шао-лин-цзы-бин» и особая тигровая рота – «Ху-цянь-ин», в которую включались лучшие стрелки из лука для императорской охоты. Среди столичного гарнизона был и особый отряд «тигров», щитоносцев, одетых в жёлтые полосатые костюмы, под цвет тигровой шкуры. В теории они предназначались для отражения атак неприятельской конницы путём наведения своими костюмами страха на лошадей – увы, не все лошади знали о существовании тигров.

Структура провинциальных «Войск зелёного знамени» была более функциональной. Помимо городских гарнизонов они включали два отдельных корпуса, выполнявших стратегические задачи: «Хо-пяо», занимавшийся охраной и поддержанием в порядке многочисленных плотин на жёлтой реке Хуанхэ, и корпус «Цао-пяо», выполнявший аналогичные функции на Императорском канале, основной транспортной артерии Центрального Китая, по которой шло снабжение продовольствием Пекина и северных провинций.

Маньчжурский генерал «восьмизнаменной» гвардии в парадных доспехах. Фотография XIX века

«Зелёнознаменные» солдаты сводились в пехотные «ины» (батальоны) численностью в 500 человек и кавалерийские «ины» (эскадроны) в 250 человек. Из нескольких «инов» составлялись «чжэнь-пяо», бригады, а все войска провинции подчинялись провинциальному главнокомандующему «ти-ду». Чёткая система организации и действенный контроль со стороны центрального правительства практически отсутствовали. «Войска зелёного знамени» представляли собой конгломерат разрозненных полков, отрядов и гарнизонов. Уровень

подготовки и условия службы очень различались в зависимости от степени коррумпированности чиновников разных провинций.

*«Тигровый» воин из пекинского гарнизона.
Гравюра XIX века*

Здесь необходимо добавить, что китайцы представляются монолитным народом только стороннему наблюдателю, в действительности это конгломерат родственных этносов, зачастую не понимающих друг друга – например, провинциальные диалекты Северного Пекина и Южного Гауандуна отличаются больше, чем русский и польский языки. Так что в ту эпоху для многих китайцев перманентная вражда с маньчжурскими властями или соседними кланами была

актуальнее любых стычек с далёкими «варварами». В XIX веке все воевавшие с Цинской империей, по сути, ни разу и не столкнулись с единым Китаем...

Китайский солдат из «войск зелёного знамени» с фитильным ружьём. Фотография XIX века

Личный состав «восьмизнамённой» гвардии получал достаточно высокое содержание: рядовые столичных частей по 4 ляна серебра в месяц, артиллеристы – 3 ляна, рядовые – 1,5 ляна. Кроме того, каждый «восьмизнамённый» солдат и унтер-офицер получали по 22 мешка риса в год. Офицерский состав «восьмизнамённых» войск получал в зависимости от чина от 45 до 80 лян серебра в месяц и соответствующее

немалое количество мешков риса. Китайские солдаты «зелёного знамени» обходились значительно дешевле – от 1 до 1,5 лян в месяц и всего 3,5 мешка риса в год.

Серебряный лян в то время примерно равнялся 2 российским рублям серебром. Таким образом, жалованье солдат и офицеров Цинской империи (особенно «восьмизнаменных») заметно превышало служебные доходы офицеров, не говоря уже о солдатах, Российской империи. Но в условиях казнокрадства и коррупции китайские солдаты «войск зелёного знамени», по многочисленным свидетельствам современников, вели вполне нищенское существование.

Военный бюджет Китая в 1812 году составил 51 миллион рублей серебром (25 200 275 лян серебра), плюс такая неопределяемая ныне сумма, как 5 608 676 мешков риса. Даже без этих мешков данная сумма соответствует прямым военным расходам Российской империи в том году, когда французы сожгли Москву.

Таким образом, с цифрами у Китая было всё в порядке. Хуже было другое – его огромная армия оставалась абсолютно средневековой. Уровень военной техники и тактики соответствовал в лучшем случае европейской Тридцатилетней войне (1618–1648).

«Но вот приближается к ним от запада сосед...»

Один из первых русских китаеведов, Захар Леонтьевский, в 1824 году наблюдал ежегодный смотр и стрельбы «восьмизнаменной» гвардии в окрестностях Пекина. По описанию виден типичный для европейской тактики XVI–XVII веков «караколь»: последовательные залпы сменяющихся рядов в глубоком построении стрелков. Описанные ружья – типичная фитильная аркебуза XVI столетия, употреблявшаяся в Европе ещё до появления тяжёлых мушкетов. Ствол короткий, «в аршин», то есть более чем на 40 см короче русского пехотного ружья эпохи войны с Наполеоном. Калибр так же мельче европейского тех лет (15 и 18 мм соответственно).

Китайский «гингальс». Гравюра 1843 года

Характерно, что китайскими стрелками не употреблялся шомпол, пуля просто опускалась в ствол. Подобные «аркебузы» и тактика их применения позволяли развить достаточно большую скорострельность при малой дальности и никакой меткости. Относительно малый калибр, соответственно малый вес пули и заряда не позволяли эффективно пробивать доспехи, чем и объясняется сохранение средневековых лат на вооружении маньчжурской армии до второй половины XIX века.

Помимо маньчжурских «аркебузирова», Захар Леонтьевский описывает отряды пеших и конных лучников. Наряду с короткими пехотными ружьями воины империи Цин использовали и, наоборот, очень длинные, до 2 метров, и калибром 20–25 мм, обычно стрелявшие сразу несколькими пулями. Столкнувшись с таким оружием в ходе

первой «опиумной» войны, англичане, вспомнив европейское Средневековье, именовали его «гингальсом».

При стрельбе такое тяжёлое ружьё обслуживалось двумя бойцами, один клал ствол на плечо и плотно фиксировал его при помощи жгута материи, другой стрелял. По свидетельствам очевидцев, из-за примитивности фитильного устройства и большого количества некачественного пороха, применяемого для выстрела из такого «гингальса», лица многих стрелков носили следы пороховых ожогов.

Не лучше обстояло дело и с артиллерией. Русский дипломат Егор Ковалевский, посетивший Пекин в 1849–1851 гг., оставил любопытное описание ежегодных учений столичных артиллеристов из «восьмизнамённых» войск: «Орудий было до двухсот, но что за орудия! Привезённые на поле пушки увязываются веревками; иные просто к брускам, положенным плашмя, иные к лафетам, если только можно назвать лафетами эти уродливые одноколки, колёса которых врываются до половины в рыхлую землю, чтобы откат не был очень силён». По описаниям Ковалевского, стреляли китайцы «без диоптра, на глаз, подбивая клинья спереди или сзади, притягивая верёвкой вправо или ослабляя влево».

Как видим, это даже не эпоха Тридцатилетней войны. Нечто подобное было в битве при Павии или у Ивана Грозного во время взятия Казани за четыре века до описываемых событий.

Застоя в военном деле способствовала и господствовавшая в Китае неоконфуцианская идеология, искренне считавшая Поднебесную единственным центром мира и отвергавшая любые заимствования у близких или далеких «варваров». Новый XIX век «стали, пара и электричества» Китай, в лице Цинской империи, формально встретил в зените могущества – кроме современной территории, включая Тибет, Синьцзян и Тайвань, его границы охватывали Монголию, Корею, Вьетнам, Бирму, Непал, ныне российскую Туву и российское Приморье. Но накануне столкновения с европейцами Вооружённые силы Китая оставались, по сути, всё той же армией, с которой маньчжурский союз племён покорял империю Мин два века тому.

Неудивительно, что современник Наполеоновских войн русский подданный, американец ирландского происхождения Пётр Добель (Питер Дюбель), посетивший Китай по торгово-дипломатическим делам в 1818 году, оставил первое в России того времени и очень показательное описание цинского войска: «Ничего не может быть презреннее устройства китайской военной силы... Оружие китайской пехоты есть: длинные пики, ружья с фитилями, короткие сабли... Конница их также имеет сабли; но самое лучшее их оружие суть лук и стрелы... В армии богдыхана числится более миллиона воинов. Это может быть и справедливо, но положительно могу уверить всех, что нигде и никогда не

существовало войска, при такой многочисленности столь слабого и малоспособного защищать государство и столь совершенно несведущего в воинском искусстве. Я уверен, что всякая европейская держава, если б только решилась вести войну с китайцами, могла бы весьма легко покорить страну сию; и я надеюсь ещё дожить до сей эпохи...»

Надменный, но наблюдательный европеец Дюбель оказался хорошим аналитиком и действительно дожил «до сей эпохи», когда наверняка не без удовлетворения читал известия о первой «опиумной» войне. Пока же, за четверть века до столкновения Британской и Китайской империй, он пророчествовал: «Долговременный мир, коим наслаждаются китайцы, много способствовал к растлению нравов и ослаблению духа бодрости и мужества. Может быть, нет в свете народа менее воинственного, как китайцы. И если бы Китай не был окружён морем и слабейшими соседями, то бы давно сделался добычею первого отважного завоевателя. Но вот приближается к ним от запада сосед, которого должны они страшиться и против которого нет никакой обороны. Я разумею британцев в Ост-Индии, владения их придвинулись уже к самим границам Китая...»

Опиум для Китая

По странному совпадению в 1757 году, когда маньчжуры, вырезав джунгар, присоединили к Китаю территорию будущего Синьцзяна, британская Ост-Индийская компания захватила в Бенгалии районы, производящие опиум. Опиум и стал первым товаром европейских торговцев, который нашёл широкий спрос на самодостаточном китайском рынке.

Первые медицинские сведения о свойствах опия в Китае находят в книге рецептов «Средние страны», появившейся в X веке, в эпоху долгих междоусобных войн и переворотов между падением империи Тан и воцарением династии Сун. Первоначально китайцы позаимствовали от индийских мусульман способ варить мак и из полученного опия делать «хлебцы». Однако им куда больше понравилось курение опия, которое вызывало иное, более глубокое действие. Уже при первых вдохах дыма человек впадает в сладкую дрёму наркотического опьянения. Как оказалось, именно индийский опиум из Бенгалии обладал особым качеством и приобрёл небывалый спрос в Поднебесной...

Уже к концу XVIII века англичане наладили широкую торговлю этим специфическим «товаром», занимавшим к рубежу веков свыше трети всего объёма английской торговли с Китаем. И если раньше европейцы вынуждены были щедро платить серебром за чай, шёлк, фарфор и прочие популярные у европейской элиты китайские товары, то теперь поток серебра (основной в том мире расчётной валюты) хлынул в обратную сторону.

Масштабы наркоторговли были просто фантастическими. Только в одном 1837 году англичане ввезли в Китай 2535 тонн опия, выручив за него 592 тонны серебра. А ведь кроме англичан в наркоторговле подвизались и американцы, перепродававшие в Китай более дешёвый и менее «качественный» турецкий опиум, и прочие европейские торговцы. Всего же в 1837 году в обмен на опиум из Китая утекло свыше 1200 тонн серебра. Вымывание из страны серебряной монеты перекосило всю экономическую и финансовую систему Китая, вызвав катастрофическое удорожание серебряной монеты и, как следствие, резкий рост налогового бремени и снижение уровня жизни основной массы крестьянского населения, в быту пользовавшегося мелкой медной монетой, но платившего подати серебром.

Помимо экономического удара торговля опиумом при таких гигантских масштабах наносила страшный удар по моральному и физическому состоянию всего китайского народа. В первую очередь наркоманами становились представители элиты, ведь у крестьян просто не было серебра на покупку опия. По оценкам современников, среди

пекинских чиновников было 10–20% курильщиков опиума, а в приморских провинциях и портовых городах юга Китая таковых было свыше половины. Наркоманами стали даже некоторые маньчжурские принцы. А после того как под влиянием высокого спроса плантации мака появились в континентальном Китае и их менее качественный, но дешёвый опиум стал доступен простолюдинам, к наркоманам-принцам и наркоманам-чиновникам присоединились наркоманы-крестьяне, наркоманы-солдаты и даже наркоманы-монахи.

Как с ужасом писал китайский очевидец, свидетель тех лет: «Днём люди спали, а ночью бодрствовали; ясным светлым днём не слышно было и человеческого голоса, царила тишина, а ночью при свете луны и красных фонарей открывался дьявольский базар...»

Курение опиума на полтора века стало бичом китайской жизни, и даже в первой половине XX века многие видные политики и военные деятели Китая всех противоборствующих лагерей – вроде «Молодого маршала» Джан Сюэяна или главного красного маршала Джу Дэ, бывшего в молодости страстным курильщиком опиума, – не были свободны от этой пагубной страсти. И только жёсткая диктатура Коммунистической партии Китая сумела обуздать наркотическую эпидемию.

А пока же чиновники империи Цин упивались опиумными галлюцинациями, а их более корыстные коллеги упивались подсчётом коррупционных барышей, которые приносила нелегальная торговля маковым зельем. Всеобщая коррупция стала третьим – помимо ущерба генофонду и экономике – злом, занесённым в Китай на парусах быстроходных опиумных клиперов, порождённых бурно развивавшимся европейским капитализмом.

Первый императорский указ о запрете торговли опиумом появился ещё в 1729 году, задолго до развития систематического британского трафика из Индии. Начиная с 1796 года указы о запрете опиума следовали регулярно со столь же постоянной безрезультатностью. Зачастую европейские купцы вели торговлю прямо с кораблей, стоявших на якоре у побережья. Многочисленные сампаны и джонки свозили опиум на берег и по многочисленным рекам и каналам распространяли его по всему Китаю.

«Борьба» с опиумоторговлей создала устойчивую коррупционную систему среди маньчжуро-китайского чиновничества. Например, лет за десять до первой «опиумной» войны капитан Хань Чжаоцин, назначенный руководить борьбой с опиумной контрабандой, договорился с иностранными судовладельцами и с каждых пропущенных 10 тысяч ящиков опиума брал процент, несколько сот ящиков, и докладывал о них властям как об успешно захваченных. Дошло до того, что он ввозил опиум на военных судах и получал при этом награды за успешную борьбу с наркоторговлей. В результате высокопоставленный коррупционер

получил чин адмирала и право ношения павлиньих перьев на головном уборе, нажил огромное состояние, ну и заодно убил наркотиком множество соотечественников.

Нельзя сказать, что данные проблемы совсем не волновали власть. У высших чинов империи Цин были разные взгляды на проблему опиума. Часть чиновников выступала за тотальный запрет не только торговли, но и хранения и употребления опиума. Другие, наоборот, призывали шире наладить собственное опиумное производство, строго запретив употребление лишь военным и чиновникам, и собственным опиумом вытеснить с китайского рынка опиум английский, чтобы остановить стремительный отток серебра из Поднебесной. Но наиболее многочисленная и, как выяснится, наиболее влиятельная часть элиты вообще ни за что не выступала – этим разложенцам и так неплохо жилось.

Невольным инициатором первой «опиумной» войны станет честный китайский чиновник Линь Цзэсюй. Но именно этот человек сделает для Китая и первое описание царской России, на котором стоит остановиться поподробнее.

Глава 3

Царская Россия глазами Китая. Какой в XIX столетии виделась Российская империя из Китая

Интересующемуся историей российскому читателю давно известны произведения, описывающие взгляд на нашу страну иностранца с Запада, из Европы. Начиная с «Записок о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна XVI века до «России в 1839 году» маркиза де Кюстина.

И посол императора «Священной Римской империи» (фактической предшественницы современного Евросоюза) барон фон Герберштейн и, как бы сказали сейчас, «независимый журналист» де Кюстин дали весьма любопытный взгляд на нашу страну извне. Взгляд чужой, зачастую недоброжелательный, но меткий – и оттого очень интересный, полезный. Ведь не зря сказал один русский поэт: «Большое видится на расстоянии».

Споры о таких взглядах иностранцев на Россию – о том, чего там больше, откровенной русофобии или нелицеприятного, но объективного анализа, – ведутся уже как минимум третий век. При любых итогах таких споров бесспорно одно – мнение европейцев, их взгляд на нашу страну с Запада в России всегда вызывали повышенный интерес.

При этом взгляд на Россию с противоположной стороны света, с Востока, в нашей стране, как правило, никому не известен, за исключением единиц узких специалистов-востоковедов. Парадоксально, но мнение о России ничем не прославленного, кроме, собственно, «Записок» о нашей стране, француза де Кюстина обсуждается уже не первый век. При этом почти никто не знает, что одновременно с де Кюстином о Российской империи писал ещё один очень внимательный (и в чём-то столь же недоброжелательный) иностранный наблюдатель.

Только был этот посторонний исследователь нашей страны одним из первых лиц своего огромного государства, самого населённого на планете. И вот об этом взгляде со стороны – со стороны Востока, вроде бы дальнего, но плотно примыкающего к нашим границам, – Россия не знает почти ничего. Попробуем исправить эту ошибку.

«Серебряный журавль» против европейского опиума

В 1839 году, том самом, когда французский маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин катился в карете из Петербурга в Москву, на 8 тысяч вёрст юго-восточнее столицы Российской империи из Пекина в самый большой порт на юге Китая ехал новый начальник. Карету ему заменял паланкин, который на своих плечах несли десятки слуг.

54-летний Линь Цзэсюй был отмечен титулом «чжитай», в соответствии с которым ему полагался серебряный журавль, вышитый на груди чиновничьего халата. Титул «чжитай» в России переводили как «наместник», а в Англии – как «Viceroy», вице-король.

Действительно, наместник Линь уже два года возглавлял две самые населённые провинции в центре Китайской империи – Хубэй и Хунань, а в самом конце 1838 года император Сяньфэн фактически присоединил к его наместничеству и самую южную провинцию страны, Гуандун. Тогда на территории этих трёх провинций Китая, подвластных Линь Цзэсюю, проживало около 70 миллионов человек – столько же в том году населяло всю территорию Российской империи.

Императорский наместник Линь Цзэсюй

Пекинское правительство поручило наместнику Линю искоренить торговлю опиумом на юге страны, для чего ему подчинили не только третью провинцию, но и морской флот, охранявший южные берега Китайской империи Цин. К тому времени нелегальный ввоз опиума английскими купцами обеспокоил даже надменных и костных царедворцев Пекина.

По оценкам Линь Цзэсюя, который уже несколько лет с тревогой изучал проблемы опиумоторговли, в 1835 году китайцы заплатили англичанам за этот наркотик почти 3 тысячи тонн серебра в монетах и слитках – это в десять раз превышало стоимость всего легального импорта за тот год из Британии в Китай. Всего за два следующих года объём опиумной торговли удвоился – в 1837 году англичане ввезли в Китай 2535 тонн опия, выручив за него 592 тонны серебра.

Объём нелегальной торговли опиумом был таков, что буквально вымывал серебряную монету из южных провинций Китая, повышая стоимость серебра и задевая экономику всей империи Цин. К тому же курение опиума активно разлагало управляющий аппарат империи, ведь первым наркотик распространялся среди зажиточных городских слоёв и чиновников. По оценкам наместника Линя, опиумными наркоманами было до трети всех чиновников в южных, приморских, провинциях Китая.

Поэтому, прибыв в Гуанчжоу, самый крупный порт на юге страны, через который велась основная торговля Поднебесной с иностранцами, наместник Линь Цзэсюй решительно взялся за дело. С марта по май 1839 года его солдаты арестовали почти две тысячи китайских торговцев, специализировавшихся на опиумной торговле с англичанами. Одних лишь трубок для курения опиума в самом крупном порту Китая изъяли более 70 тысяч.

Первоначально наместник Линь старался избегать насилия в отношении иностранных купцов, он предложил им сдать весь опиум в обмен на чай. Результат оказался неутешительным – британские торговцы, главные поставщики опиума, шедшего из захваченной англичанами Индии, жаждали серебра и не спешили сдавать зелье в обмен на чай. Тогда в конце апреля 1839 года наместник Линь начал силой обыскивать склады и корабли англичан, обнаруженный опиум подлежал конфискации.

К июню солдаты и чиновники Линь Цзэсюя конфисковали два с половиной миллиона фунтов, то есть свыше миллиона килограммов наркотика. 3 июня 1839 года пятьсот китайских работников на берегу за стенами Гуанчжоу приступили к сожжению всего изъятого у европейцев опиума. Уже в конце XX века этот день – 3 июня – в КНР стал отмечаться как День борьбы с наркотиками.

На сожжение миллиона килограммов опиума потратили 23 дня, последнюю партию уничтожили 26 июня 1839 года. Спустя полтора века, в 1987 году, именно в память этого дня Генеральная Ассамблея ООН постановила ежегодно отмечать 26 июня как Международный день борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом.

Русский рецепт для Китая

Как видим, память о наместнике Лине сохранилась и в наши дни, в современном Китае он вообще почитается как один из национальных героев. Но «чжитай» Линь Цзэсюй был не только решительным чиновником – как думающий человек, он прекрасно понимал, что такой наезд на прибыли британских коммерсантов неизбежно приведёт к открытому силовому конфликту. И в отличие от большинства надменного и замкнутого в себе имперского чиновничества Китая, наместник Линь догадывался, что огромный и богатый Китай середины XIX века в военном отношении слабее европейцев.

Само сомнение в том, что империя Цин хоть в чём-то отстаёт от «заморских варваров», тогда могло стоить китайскому чиновнику если не головы, то уж точно карьеры. Вся идеология того имперского Китая базировалась на аксиоме, что Поднебесная – это центр мира, «Чжун-Го», Срединная империя, самое развитое и культурное государство Вселенной. Собственно, имперская идеология шла ещё дальше – в ней Китай вообще являлся единственным государством на планете, остальные официально считались ничтожными «варварами», которые являются вассалами Пекина, даже если сами не подозревают об этом.

Линь Цзэсюй же, внимательно изучив европейцев, подозревал совсем иное – что в случае военного столкновения китайцев и «западных варваров» победа может быть совсем не на стороне Китая. Именно поэтому он, предчувствуя надвигающуюся «опиумную» войну, в том же 1839 году попытался закупить современное западное оружие через португальских и североамериканских купцов.

Однако наместник Линь понимал, что помимо современного оружия для победы необходимо и современное государство. А с этим в Китае тех лет, несмотря на все богатства, огромную численность населения и древность культуры, было не очень хорошо. По сути, империя Цин в плане государственного и военного устройства законсервировалась в той эпохе, которую Европа прошла ещё в XVII столетии.

Прямое указание на отставание Китая от «западных варваров» тогда по идеологическим причинам было невозможно. И Линь Цзэсюй, как опытный конфуцианский чиновник, применил обходной манёвр – специально для пекинского императора и его приближённых он написал развлекательный по форме памфлет об отсталом варварском государстве между Европой и Азией, которое благодаря любопытным военно-государственным реформам сумело стать сильным и добиться большого влияния в далёкой Европе.

Так, главным героем книги китайского царедворца стала страна «Элосы» – этим именем китайцы называли и ныне называют Россию.

Сам наместник Линь до этого в нашей стране никогда не бывал, из русских людей он мог лишь мельком наблюдать торговцев «Российско-Американской кампании», чьи корабли периодически приплывали в Гуанчжоу торговать мехами, добытыми на Алеутских островах и Аляске.

Но Линь Цзэсюй был не только одним из самых образованных чиновников империи Цин – благодаря высокому положению наместника 70 миллионов подданных он смог собрать все доступные тогда в Китае сведения о России. «Чжитай» Линь и его секретари изучили книги прежних китайских авторов и старые летописи, опросили немало китайских коммерсантов, занимавшихся торговлей с русскими на северной границе в Монголии, и даже получили через европейских купцов некоторые английские, французские и португальские книги, так или иначе затрагивавшие историю и географию России.

Так, буквально накануне первого военного столкновения англичан и китайцев в Поднебесной появилась книга «Основные сведения о Российском государстве».

История России в китайском изложении

Излагая историю нашей страны, китайский автор упоминает даже древнее происхождение славянских племён: «Прародина Элосы находилась на северо-восточных рубежах древней Элиси-Идали и была известна под именем Сидиа, где проживали туфани».

«Элиси-Идали» – это Эллада и Италия, так в средневековой китайской традиции именовалась античная Римская империя. «Сидиа» – это китаизированное произношение имени Скифия, или Сарматия, как раз на северо-восточных границах Древнего Рима. «Туфанями» же китайцы традиционно именовали первобытные и кочевые племена.

Изначально в древности, пишет Линь, Россия не была особенным государством, «не отличаясь от нынешних татар» – то есть ничем особенным не выделяясь среди большинства известных автору обычных «варварских» государств Азии. Однако, продолжает Линь, «последние несколько сот лет положили начало мощи и процветанию России».

Китаец в общих чертах знает далёкое прошлое Руси, сообщает о завоевании её в результате нашествия монголов – «хан государства татар, приведя войска, разрушил Москву, а затем уничтожил их государство». Но в XV веке, отмечает Линь Цзэсюй, «один человек из Ногэло по имени Ивань Ваэрсид поднял войска и вернул земли северных окраин России, а также возвратил Сибирь, полностью изгнав татар за пределы древних границ, которые были силой ими завоёваны 300 лет назад».

Здесь не трудно понять, что под именем «Ивань Ваэрсид» скрывается китайское произношение русского имени «Иван Великий», а китайский историк объединяет в одно целое сразу несколько исторических личностей – Ивана Калиту, Ивана III и Ивана Грозного. Человек же «из Ногэло» – это, понятно, из Новгорода. Так далёкий китайский автор обозначил династию Рюриковичей, выяснив из доступных ему сведений, что московские цари считались потомками легендарного Рюрика, начавшего своё правление именно с Новгорода.

Примечательно, что китаец говорит об объединении под скипетром. «Ивань Ваэрсид» только «земель северных окраин России», понимая, что значительная часть более южных земель Киевской Руси тогда осталась вне государства московских царей.

Далее Линь Цзэсюй начинает повествование о временах царя Петра I: «В начале противоборства с разными странами Европы люди были по-прежнему необразованными и дикими, они не были знакомы с техническими достижениями стран Запада до тех пор, пока царь Пётр, умный и талантливый, не покинул столицу своего государства и не отправился с товарищами в Янь-шидалань (Амстердам) и другие места на судовой верфи и в арсеналы, чтобы изучать технические ремёсла.

Вернувшись домой, Пётр передал знания. И русские даже превзошли другие страны в том, как изготавливать огневые средства и строить боевые корабли. Были обучены и тренированы войска, их дисциплина до настоящего времени исключительно строгая...»

Видно, что китайский автор высоко оценил реформы Петра I и его удачный опыт заимствования технических достижений Запада. Собственно, ради этого прозрачного намёка и писалась Линь Цзэсюем его книга, предназначенная для императорского двора в Пекине.

Далее от царя Петра советник Линь сразу переходит к эпохе императрицы Екатерины II. Тут примечательно, что образованный китаец начала XIX столетия не только не различал русские мужские и женские имена, но даже был не в состоянии представить, что монарший трон может официально занимать лицо женского пола. Поэтому императрица Екатерина II именуется в книге Линь Цзэсюя как «Царь Едилини».

«Царь Едилини, – пишет Линь, – завоевал десять губерний Польского государства, а также нанёс поражение 130-тысячному войску французского императора. И бурный расцвет постепенно превратил Россию в самое могущественное государство Европы».

Здесь, как видим, китаец слил воедино и эпоху Екатерины Великой, и все Наполеоновские войны эпохи Александра I. Но ключевые события ухвачены далёким автором верно – именно годы царствования Екатерины с разделами Речи Посполитой и победы над Наполеоном превратили Россию, как справедливо для тех лет пишет Линь, «в самое могущественное государство Европы».

«Начиная со времени разгрома Франции, – отмечает китайский автор, – Россия вызывает страх у сопредельных стран угрозой расширить границы, увеличить свою территорию».

«Количество государственных рабов превосходит численность войск»

После такого исторического экскурса Линь переходит к описанию государственного устройства Российской империи: «В столице учреждён Синоту (так китайскими иероглифами передаётся термин Сенат) из 62 членов, подчинённые им чиновники прочих ведомств делятся на несколько разрядов. Различия между разрядами делаются не по величине находящихся в распоряжении земель и не по размеру получаемого налога, а по количеству приписанных рабов. Все чины имеют военные должности. Количество государственных рабов превосходит численность войск».

Русских крепостных крестьян Линь Цзэсюй определяет именно термином «раб». Китайская империя на протяжении тысячелетий опиралась на общины лично свободных крестьян, поэтому прикрепленные в России к хозяину крепостные воспринимались китайским современником именно как рабы. И для первой половины XIX столетия такое мнение было, увы, вполне справедливым.

Отметим, что Линь Цзэсюй заметил ещё ряд ключевых особенностей Российской империи. Во-первых, указал на наличие большого количества казённых крестьян («государственных рабов», по Линю) – этих прикрепленных к государственным землям людей в то время в России насчитывалось почти 9 миллионов, именно эти «государственные рабы» обслуживали, например, ключевой промышленный комплекс рудников и заводов Урала.

Во-вторых, Линь Цзэсюй отметил ещё одну характерную особенность Российской империи – почти полную милитаризацию бюрократии: «все чины имеют военные должности». Если на начало XIX столетия в давно не воевавшем Китае первую роль в управлении государством играли именно гражданские чиновники, а профессиональные военные были очень далеки от управления государством, то в постоянно воевавшей России большинство высших бюрократов носили генеральские эполеты.

Линь Цзэсюй приводит достаточно подробную статистику по России. Например, указывает, что в 1816 году «насчитывалось 6 миллионов 353 тысяч государственных рабов и 9 миллионов 757 тысяч рабов в частном владении». По сведениям Линя, к 1832 году в России «численность войск возросла до 686 тысяч, что вдвое больше прежнего. Однако их мощь заключается не в многочисленности войск, а в исключительной манёвренности...»

Далее Линь переходит к описанию системы военных поселений императора Николая I: «Каждый крестьянин наделяется земельным участком, кроме того, предоставляется жилище, за что обязан содержать одного воина и одну лошадь. Когда нет ратных дел, воин помогает обрабатывать землю. Их военно-морской флот также увеличился и состоит из 40 больших боевых кораблей, 35 малых боевых кораблей, 28 мачтовых судов, 300 небольших судов и 44 тысяч матросов». Любопытно, но в определении количества русских военных кораблей китайский автор близок к истине, лишь несколько занижил реальную численность матросов.

Затрагивает Линь и вопросы образования в России: «Учреждены школы астрономии, школы арифметики, школы игры на музыкальных инструментах, школы технических ремёсел, литературные школы, имеются также библиотеки, в которых хранится много книг на иностранном и русском языках. По этой причине культура и просвещение процветают...»

Линь Цзэсюй уделяет место и вполне этнографическим описаниям русской жизни: «Все местные жители исповедуют греческую религию... Что касается жилищ, то только царский дворец, правительственные учреждения и храмы сооружены из кирпича и покрыты черепицей, прочие жилые постройки населения в основном деревянные. Одежда длинная, до пят. Летняя одежда изготовлена из полотна, зимой накидывают шубу на бараньем меху». Как видим, Линь не пропустил своим вниманием самую тогда распространённую зимнюю одежду в России – овчинный тулуп, названный китайцем из субтропического Гуанчжоу «шубой на бараньем меху».

Россия «и в Азии, и в Европе, и в Америке»

Естественно, Линь отмечает и огромные пространства России: «Территория страны располагается во многих частях света, и в Азии, и в Европе, и в Америке. В пределах её европейской части имеются следующие семь регионов: Восточная Россия, Западная Россия, Южная Россия, Великая Россия, Малая Россия, Казанская Россия. Кроме того, на южной окраине имеются недавно завоёванные вассальные земли мусульманских народов. На востоке европейская часть России граничит с губерниями Азиатского материка; на западе – с Болань (Польшей), Пулуше (Пруссией), Осайтэли (Австрией); на юге – с Дулуцзи (Турцией); на севере доходит до Ледового моря (Северный Ледовитый океан)».

«К западу от Каспийского моря, к востоку от Чёрного расположены недавно присоединённые земли России», – так Линь Цзэсюй обозначает Кавказ как раз в эпоху Кавказских войн. «Местные жители, – описывает китаец, – исповедуют магометано-мусульманскую религию, не сведущи в литературе и науках, грабежом добывают на жизнь. Россия расположила здесь войска, назначила чиновников, чтобы всеми силами опекать и править...»

«Кроме того, – продолжает описание китаец, – имеются завоёванные в Азии новые вассальные земли, всего четыре губернии, составляющие два региона: Восточную Сибирь и Западную Сибирь». Действительно, русская Сибирь с 1822 года делилась на четыре губернии: Енисейскую, Иркутскую, Тобольскую и Томскую – внимательный китайский исследователь не ошибся. Более того, он привёл даже подозрительно точную цифру русского населения Сибири – 1 038 356 человек.

«На востоке, – пишет Линь, – сибирские земли доходят до моря, на севере – до океана. На западе граничат с губерниями Европейского континента, на юге – с монголами Китая...» Монголия, равно как и Тува и будущие русские земли по Амуру и в Приморье, тогда ещё были частью Китайской империи Цин.

Любопытно данное китайским автором описание присоединения Сибири к нашей стране: «Россия во времена самообразования государства не была зависимой от Татарии. Некоторые российские купцы добирались до морского побережья Сибири, где вели торговлю, обменивая заморские товары на меха, торговля постепенно разрасталась. Купцы, установив отношения с племенными старейшинами, расхваливали богатства России, уговаривая каждого старейшину вместе со всеми соплеменниками подчиниться России. И те, увидев величие и красоту столицы, городов, дворцов Российского государства, искренне перешли под покровительство России. Ежегодно стали вносить дань из местных богатств, превратившись в вассалов России. Не прилагая

большого труда, не используя ни одного солдата и ни одной стрелы, русские обратили всю Сибирь в собственность России».

Однако труд Линь Цзэсюя содержит краткое описание казачьих первопроходцев Сибири и даже упоминает имя Ермака: «Использовали воинов из донских казаков как авангард для нового захвата земель... Среди татар имелся выдающийся предводитель Еэрма, который собрал более 6000 войска и отправился на восток, завоёвывать Сибирь. Казаки предполагали сами создать государство, но сил было мало, и они снова покорились России. Еэрма был убит своими подчинёнными. После этого российский царь послал войска, расквартированные в Алин (Нарым), которые открыли земли вплоть до Хуанисиа (Енисея). Там проживала народность танэсы (тунгусы). Войска только пришли, а местные жители наперебой стали выплачивать дань мехами...»

Вот как описывает китайский исследователь дальнейшие маршруты первопроходцев: «Русские отправились вдоль реки Лей-на (Лена), свернули влево и пошли трудной горной дорогой. Лёд и снег в бескрайней дикой местности, однако там водятся очень дорогие соболь и лисица. В дальнейшем войска казаков, не боясь дождя и снега, постоянно приходили в эти земли. Миновало более 50 лет, и Митэли из донских казаков дошёл до берега моря Хэгэсы Восточного океана (т. е. Охотского моря Тихого океана), разведаль дорогу. Ещё увеличив войско, отправились по реке Яньяла (Ангара) и дошли до озера Майцзя (так китаец именуёт Байкал). Среди близких и дальних земель не было таких, которые бы они не покорили...»

Любопытно, что Линь Цзэсюй даже довольно точно передаёт прозвище основателя Охотского острога – казак Иван Москвитин в китайском произношении стал «Мители».

Линь даёт весьма колоритное описание русских сибиряков: «Радушно принимают гостей, чрезмерно увлекаются вином. Живут в деревянных домах, питаются скудно – едят только чеснок, рыбу, мясо, пьют коровье и лошадиное молоко. На Севере очень холодно, многие не выходят со двора...»

Не обошёл вниманием китайский автор и использование Сибири в качестве места ссылки: «Земли бескрайние, и жителей мало. Поэтому отбирают людей из числа государственных преступников и высылают сюда, распределяя трудовую повинность в зависимости от степени тяжести совершённого преступления».

Упоминает Линь Цзэсюй и американские владения России: «На Американском континенте имеется лишь одна небольшая удалённая губерния Гэсимосы. Сведения относительно площади и количества населения отсутствуют». «Гэсимосы» – это, понятно, эскимосы, коренное население севера Аляски.

«Река Воэрья, течёт до Асытэлацзань...»

Любопытно данное китайцем описание крупнейших рек европейской части России: «Река Воэрья (Волга), её истоки в Ногэло (Новгородской губернии), течёт до Асытэлацзань (Астрахани), впадает в море. Река Лувэйна (Двина), её истоки в Алуна (Вологда), течёт до Ачжанья (Архангельск), впадает в море. Река Найсыда (Днепр), истоки в Вэйдосы (Витебск), течёт до Били (так китайцы именовали крымский Перекоп), впадает в море. Река Дуань (Дон), истоки у Дула (Тула), течёт до Азопу (Азов), впадает в море...»

Интересно краткое описание Петербурга, «Битэгэ», как его именует китаец: «Столица государства Мосыкэ (Москва) первоначально была основана в Великой России, впоследствии перенесена в Битэгэ (Петербург)... Сюда, на север Восточной России, российский царь перенёс столицу. Население 808 512 человек. Гарнизон 55 тысяч. Здесь пролегают рубежи страны, место равнинное, поросшее травами, приморское побережье богато лесами, перемежающимися пахотной землёй; однако холодный климат, обильные осадки в совокупности с половодьем морского прилива и сильные ветры вызывают наводнения, принося бедствия».

Линь Цзэсюй даже упоминает самое крупное наводнение в истории Санкт-Петербурга 1824 года, используя китайское летоисчисление по годам правления пекинских императоров и ошибаясь с русской датой на несколько лет: «В 9-й год правления Даогуана утонуло чуть ли не 10 тысяч человек».

Подчинённую России Финляндию китайский исследователь именует «Хунлань»: «Гряды скал сменяют друг друга, леса густы, рощи тенисты. Зима холодная, снег глубокий. Местные жители, финской ветви, патриархальны, трудолюбивы. Их речь отличается от говора жителей других русских губерний».

О трёх губерниях Прибалтики («Лигуй» – Ревельской, «Ливония» – Лифляндской, «Гэлань» – Курляндской) Линь Цзэсюй сообщает, что «прежде принадлежали Швеции, ныне возвращены России».

«Западной Россией» китайский автор именует современные территории Белоруссии и Украины. В их описании Линь Цзэсюй даже кратко упоминает историю Речи Посполитой: «В первые годы династии Мин (т. е. в конце XIV века) земли, прежде принадлежавшие Чачжээрлунь и Польше, после бракосочетания Чачжээрлунь с польской принцессой были объединены и образовано единое государство». «Чачжээрлунь» – так китаец именует литовского великого князя Ягайло, в 1385 году заключившего династический брак с польской королевой Ядвигой, положивший начало польско-литовскому королевству.

«Земли в Польше, на которых проживал Чачжээрлунь, – продолжает Линь, – впоследствии были завоёваны Россией и названы Западной Россией. С древности и до сих пор здесь находятся две ветви местных жителей: белые русы и чёрные русы».

Отметим, что китаец знает не только белорусов, но и жителей «Чёрной Руси», древнего Гродненского княжества. Сам город Гродно китаец именует «Элоно». Минск у него – «Минсай», а Витебск – «Вэйдисай».

Сельские земли Белоруссии китаец характеризует уничижительно: «Земля убогая и сырая, на юге много озер, часты наводнения». Зато земли нынешней Украины удостоились всяческих похвал: «Мягкий, тёплый климат. Равнина, буйно поросшая дикой коноплей. Прекрасная обрабатываемая земля, собирают обильный урожай, выращивают зерновые, изготавливают вино, разводят скот».

Украина по-китайски и Казанская Россия

Однако, хотя китаец Линь и знает понятие Украина (её он именует «Улени»), относит к ней только две губернии («Воэрсини» – Волынскую и «Пололия» – Подольскую). При этом Линь Цзэсюй в своём описании «Украины» специально уточняет, что населена она белорусами. Вот такая удивительная для нашего современника этнография. Но это явно не ошибка, а специфическая классификация китайского автора – православных, до конца XVIII столетия находившихся под властью не России, а Польши, он считает народом, немного отличным от русских, и всех их именует белорусами.

Отдельно от Украины китайский автор выделяет «Малую Россию»: это три губернии с центрами в Киеве, Чернигове и Полтаве. Соответственно в китайской транскрипции Линь именует эти города «Цзифу», «Чаниэфу» и «Буэрдова».

Чрезвычайно любопытно описание китаецем Киевской губернии: «Исконные земли России. Некогда они были захвачены двумя государствами – Татарией и Польшей, затем снова отвоёваны. Здесь располагаются наиболее подходящие для обработки земли... Местные жители опрятны, трудолюбивы. Стены в комнатах и снаружи побелены. Население большое, люди честолюбивы».

Пять причерноморских губерний Линь Цзэсюй именует «Южной Россией». Это Екатеринославская губерния («Цзядели»), Таврическая («Таолида»), Херсонская (город Херсон именуется китаецем «Касюнь»), Бессарабская (Молдавия–«Мишанами») и казачья область Войска Донского (эту территорию Линь Цзэсюй именует «Дуаньгошасы»). «Южнорусская равнина, – повествует китайский исследователь, – пригодна для выращивания пшеницы. Местные жители некогда были очень дикими. Только во времена правления российских царей постепенно стали постигать религиозное вероучение».

Любопытно, что китаец упоминает в качестве аборигенов этих земель скифов-«сидиань», а донских казаков с их автономным самоуправлением относит к татарам: «Принадлежат к роду татар, отличаются высоким ростом, патриархальными нравами, живут в достатке, любят благодетельствовать, усердно трудятся, бесстрашны в бою. Сами решают, кого казнить, кого миловать...»

Отдельной составной частью Российской империи Линь Цзэсюй считает территорию, которую он именует «Казанской Россией» – «Цзянь Элосы». В Казанскую Россию он включает собственно Казанскую губернию («Цзянь»), Вятскую губернию («Вэйяцзя»), Симбирскую («Синьмайсай»), Пензенскую («Бинье») и Пермскую («Баму»).

Китайский автор довольно точно указывает середину XVI века как дату присоединения этих земель к России. При этом всё коренное население этого региона он этнически относит к «ветви пруссов», по-видимому, так он пытался обозначить финно-угорские и балтские корни некоторых народностей данного региона.

К собственно «Великой России», то есть Великороссии, китайский автор относит 18 центральных губерний, начиная с Московской. Описывая Москву—«Мосыкэ», Линь Цзэсюй затрагивает и недавние события войны 1812 года: «Французский император Наполунь во главе войска напал на страну. Русский царь, все служилые и простолюдины покинули жилища в Мосыкэ, спасаясь от неприятеля, оставили только пустой город. Император Наполунь сразу же занял столицу, полагая, что добился полной победы, однако не успел оглянуться, как налетел со всех сторон ветер, вспыхнул пожар. Не вступив в сражение с русскими, французы сами разбежались, погибших в огне и замёрзших не счесть. Французские войска потерпели полное поражение и бежали, так как не знали замысла русских: оставить город и поджечь его с тем, чтобы выгадать время! И тогда, получив помощь Неба, русские уничтожили сильного противника!»

Любопытно данное Линь Цзэсюем описание московской архитектуры: «Прежде московские дома, постройки, ограды были деревянными, впоследствии их покрыли черепицей, а кое-где железом; ворота обиты железом, покрыты черепицей. С тех пор как испытали пламя войны, пришли в запустение, для путников была постоянной опасность заблудиться. Впоследствии мастера-строители возвели высокие прекрасные куполообразные сооружения, построили храмы по подобию татарских, соорудили правительственные учреждения и тюрьмы наподобие французских...»

Есть у китайского автора и описание знаменитых достопримечательностей Москвы – Царь-колокола и Царь-пушки: «Сохранился один большой колокол, диаметр его – 536 цунь, стоимость – около 350 тысяч серебряных монет. Одна большая пушка, внутри неё может сидя поместиться человек, никогда прежде из неё не стреляли».

Описывая Новгород «Новогэло», Линь Цзэсюй даже упоминает его вечевое прошлое: «Гордый, своевольный город, не терпевший ограничений своей свободе, впоследствии был завоёван монголо-татарским ханом. Могущественный и прекрасный, хотя и не стал столицей государства, однако является великим городом России. Только русский царь Ивань покорил эти земли...»

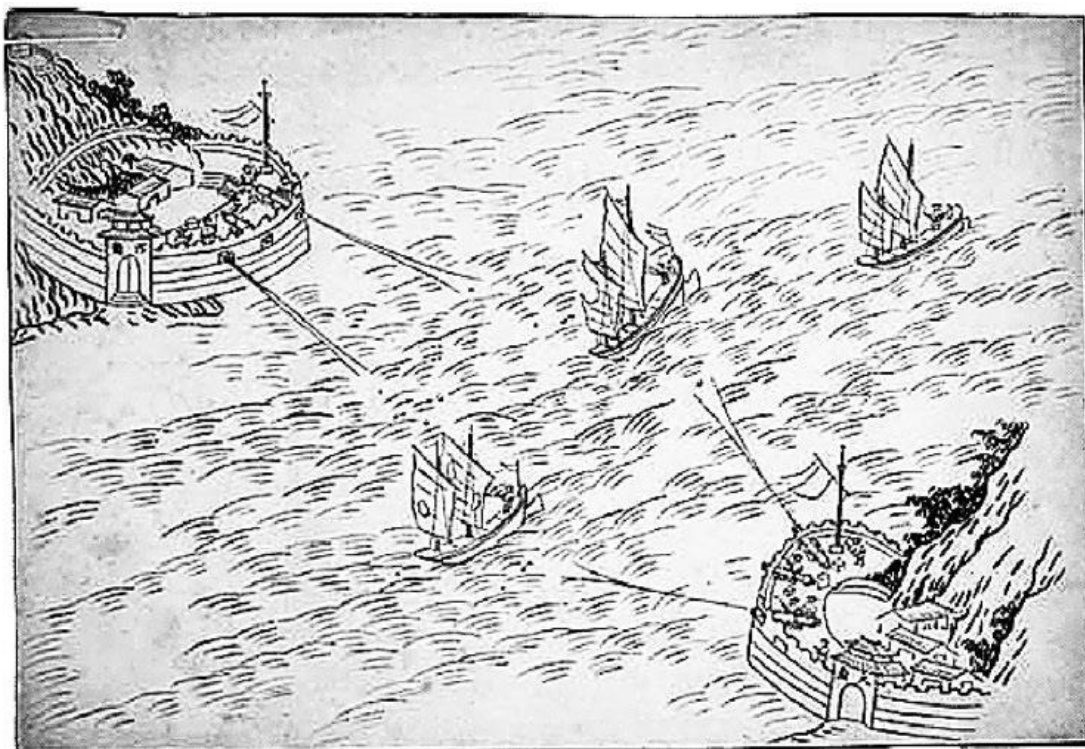
Глава 4

Война миров. Первая «опиумная» война – как англичане победили Китай

Наркотошговцы готовятс к войне с Китаем

Угроза лишения баснословных доходов от наркотошговли и вообще торговли с Китаем (а без выручки от продажи опиума торговля с Китаем была для европейцев невыгодна) побудила Британскую колониальную империю начать войну с феодальной Цинской империей. Английский флот уже тогда по праву считался сильнейшим в мире, таковым он будет оставаться ещё на протяжении почти целого века. Да и немногочисленная британская сухопутная армия после Наполеоновских войн была в целом на высоте военного искусства и военной техники того времени. Викторианская эпоха (королеву Викторию короновали как раз в те дни, когда Линь Цзэсюй начал борьбу с опиумом) – эпоха бесспорного экономического и политического лидерства Великобритании на планете – только начиналась.

Линь Цзэсюй, видя приближение войны и осознавая превосходство английского флота (о тотальном превосходстве европейской сухопутной армии над «знамёнными» войсками даже он вряд ли предполагал), начал активные приготовления в районе Кантона – оборудование артиллерийских фортов и строительство береговых заграждений. Он приказал закупить у различных иностранных государств (Португалии, США, Голландии, Испании) 380 пушек.

*Прикрывающие Кантон форты на Жемчужной реке.
Китайский рисунок XIX века*

Вдоль гуандунского побережья и на мелких островах были размещены небольшие отряды солдат, снабжённые значительным количеством отравляющих веществ, чтобы в нужный момент отравить источники и оставить британские корабли, оторванные от своих далёких баз, без пресной воды.

Китайские морские части под командованием адмирала Гуан Тяньпэя активно тренировались в проведении абордажа и рукопашном бое на палубе – они ещё не догадывались, что превосходство британской морской артиллерии и парусного вооружения, а тем более такое чудо, как пароходы, практически не оставят им возможности скрестить мечи на палубах английских кораблей.

Линь Цзэсюй призвал на военную службы и 5000 ловцов жемчуга из местных нацменьшинств, их суда должны были наблюдать за неприятелем и по возможности вести «малую войну», неожиданно атакуя английские суда.

Показательно, что на все эти военные расходы погрязшее в равнодушном и корыстном бюрократизме центральное правительство Китая не выделило ни копейки. А намерение Линь Цзэсюя организовать народное ополчение обеспокоило маньчжурские власти едва ли не более, чем перспектива английского набега.

Здесь надо указать, что первая война с европейцами воспринималась в Поднебесной именно как очередной набег варваров. Отсюда и столь странное для нас дальнейшее поведение маньчжуро-китайских властей в ходе боевых действий – в силу своей естественной ограниченности они искренне считали эти события не войной двух империй, а очередным набегом каких-нибудь кочевников. Сколько их было в истории Китая! Варвары пограбят, пожгут и уберутся восвояси, и снова можно будет заняться своими любимыми делами – философией, поэзией, коррупцией, поручив нудную торговлю с варварами раболепным купцам-компрадорам. Вся разница, что варвары на этот раз приходят не из степей за Великой Китайской стеной, а из морских пустынь, куда они неизбежно уберутся сами собой, сколько бы городов они ни захватили у морских границ. Ну а то что варвары оказались локально сильнее, не страшно, такое тоже случалось в долгой истории Китая. В любом случае внутриимперские проблемы и интриги были для большинства «мандаринов» (так европейцы в XIX веке именовали чиновников империи Цин) куда важнее и опаснее всех варварских подданных королевы Виктории с их дьявольскими орудиями войны.

С конца 1839 года и до июня 1840-го военные действия носили характер отдельных стычек у морского побережья. В отличие от европейских войн война была необъявленной. Она и не могла быть объявленной в силу отсутствия дипломатических отношений. Китайцы,

например, первоначально даже не знали символики белого парламентёрского флага, а британские представители для обращения к Китаю использовали выходящую в Макао, старинной португальской колонии, газету на китайском языке. Воистину то была война миров.

От Динхая до Кантона

Первые столкновения китайских войск с европейским оружием

Экспедиционные силы Британии первоначально состояли из четырёх европейских полков, сводного волонтёрского полка Индийской армии, артиллерийских и сапёрной частей – всего 4094 человек, не считая прислуги. Флот в начале войны состоял из трёх линейных 74-пушечных кораблей, двух фрегатов (20 и 28 орудий), пяти корветов и бригов и четырёх вооружённых пароходов, принадлежащих Ост-Индийской компании. Сухопутные войска размещались на 28 транспортных судах.

Войска и корабли готовили в Англии и Индии, порох и артиллерийские снаряды доставили из Австралии, транспортные суда вместо балласта везли уголь для пароходов. Даже в этих деталях заметна основательность подготовки «варварского набега».

К июню 1840 года британские экспедиционные силы сосредоточились на внешнем рейде у Макао, несколько южнее Кантонского залива (устье Жемчужной реки, Чжуцзян). Ещё в период Наполеоновских войн англичане планировали оккупировать этот португальский анклав под предлогом защиты его от французов, захвативших Португалию. По требованию китайских властей английская эскадра тогда ушла из Макао. Во время войны Англии и США в 1814 году английские военные корабли уже заходили в китайские воды у Кантона, преследуя североамериканских купцов.

Англичане, ещё не оценив в должной мере слабость китайских войск, не решились сразу атаковать форты Кантона, как того требовало правительство в Лондоне. У англичан на данном театре боевых действий не было ни одной сухопутной базы, ощущался недостаток пресной воды – приходилось парусами собирать дождевую воду. К тому же с июля в Южно-Китайском море начинается период тайфунов, существенно осложняющий мореплавание. Поэтому первая операция англичан была направлена именно на выявление и захват подходящей базы у побережья, которую было бы легко оборонять.

Гонконг ещё не возник, и такой базой выбрали город Динхай на островах Чжоушань в Восточном Китае, у берегов провинции Чжэцзян, южнее устья реки Янцзы. 3 июля 1840 года английский пароход прошёл узким проливом в гавань Динхая. Китайские войска и флот, видимо, от неожиданности, сопротивления не оказали. Пароход провёл за собой всю английскую эскадру.

Первая «опиумная» война

Как несколько позднее писали офицеры Генштаба Российской империи подполковник Бутаков и капитан Тизенгаузен: «После полудня 4-го июля был отправлен на адмиральскую джонку парламентёр, на которого китайцы пытались навести свои орудия, но не успели произвести выстрела, так как его шлюпка быстро пристала к борту. Когда китайский адмирал, находившийся в городе, приехал на джонку, ему было прочитано в присутствии экипажа требование английского правительства о сдаче Чусана. В прочтённом требовании было также включено обращение к китайскому народу, в котором английское правительство объясняло, что оно ведёт войну только против императора и мандаринов; однако это обращение, по-видимому, не произвело никакого действия на экипаж — по выражению лиц видно было, что китайцы более ненавидят англичан, чем своих притеснителей манджур».

Ответа на ультиматум так и не последовало, и на следующий день, 5 июля 1840 года, в половине третьего пополудни пушечным выстрелом с

английского фрегата начался первый крупный бой китайского и европейского войск. За 9 минут английские корабли разрушили ближайший китайский форт, средневековую 6-пушечную башню, и шлюпки с британским десантом беспрепятственно высадились на берег. С высоты занятого холма англичане увидели город Динхай, четырёхугольник средневековых крепостных стен со рвом. Тут же британская десантная артиллерия открыла огонь по городу гранатами, вызвав пожар и панику населения.

Штурм средневековых стен был отложен на завтра, но на следующий день англичане увидели город, покинутый и жителями, и войском. В городе захватчики, к своему удивлению, нашли большие запасы пороха и значительные склады старинного, как им показалось, оружия. Так, без потерь и упорных боёв, англичане получили удобную базу у побережья Китая, а развитое сельское хозяйство на островах обещало и решение продовольственной проблемы экспедиционных войск. Не меньше, чем слабое сопротивление, англичан поразило отличное состояние мощёных дорог в городе и окрестностях.

Опираясь на Динхай, английские суда двинулись вдоль китайского побережья на север и 10 августа бросили якоря у порта Тяньцзинь (ныне третий по величине город в Китае) в столичной провинции Чжили. Быстрое падение Динхая и появление «варваров» на подступах к Пекину повергло маньчжурское правительство в растерянность. Губернатор столичной провинции маньчжур Ци Шань вступил с англичанами в переговоры. Те, в свою очередь, не смогли из-за отмелей ввести свои пароходы и тем более парусные суда в реку Хайхэ (Байхэ). Британцы были вынуждены, ввиду отсутствия закрытой якорной стоянки, постоянно крейсировать в море, поэтому согласились на перемирие и ведение дальнейших переговоров в Кантоне.

Неудача с попыткой проникновения британских судов в устье Хайхэ носила стратегический характер: здесь у Тяньцзиня река соединялась с Императорским каналом, который шёл с юга от Янцзы (самый длинный искусственный водный путь в мире – 1 700 километров) и по которому Пекин и северные провинции снабжались продовольствием. Контроль над этим стратегическим пунктом без преувеличения позволил бы англичанам взять Цинскую империю за горло. Планы этого стратегического «иглоукалывания» свидетельствуют о том, что английское командование, в отличие от своих китайских коллег, неплохо изучило противника и его болевые точки.

«Обуздание варваров ласками»

В переговорах с англичанами маньчжурские чиновники, проводя политику «обуздания варваров ласками», объявили виновником конфликта губернатора Линь Цзэсюя. На свою беду имперский уполномоченный Линь в это время успешно атаковал 5 английских судов, заставив их уйти от китайского берега. Из воды после боя выловили десяток английских трупов. Но пекинский император оценил эти события как «честолюбивые действия, ведущие к раздорам».

Пугавший мандаринов своей активностью Линь Цзэсюй был смещён со всех постов и сослан на чиновничью должность в далекий Илийский край в Синьцзяне, куда уже проникало влияние России. Там он внимательно наблюдал за событиями на границах Китая и, по свидетельствам современных китайских политологов, предсказал, что наибольшую опасность границам империи Цин представляет расширяющаяся Российская империя: «В конечном счёте именно Россия принесёт Китаю самые большие беды».

Пока же самые большие беды Китаю приносили китайские чиновники. Губернатор столичной провинции Ци Шань, так «удачно» начавший переговоры, был назначен императорским ревизором и направлен в Кантон на место Линь Цзэсюя для улаживания дел с англичанами.

Английский флот также направился к Кантону. В Динхае три четверти оставленного оккупантами гарнизона было к тому времени небоеспособно из-за болезней. Это, однако, не помешало упорным англичанам провести рекогносцировку Янцзы, пройдя почти сотню километров вверх по течению реки. Удобный путь в глубь Китая был открыт, и это сыграет решающую роль в дальнейшем ходе войны.

Англо-китайские переговоры продолжались в Кантоне до конца 1840 года. Ци Шань, хотя и всячески затягивал этот процесс разнообразными китайскими церемониями, чтобы задобрить англичан, сократил численность китайских войск и кораблей в районе Кантона, распустил ополченцев и снял береговые заграждения. К англичанам же прибыли подкрепления – полк индийских сипаев и три военных судна, в их числе принадлежащий Ост-Индийской компании вооружённый пароход «Nemesis» – именно ему суждено будет стать самым знаменитым кораблём той войны.

5 января 1841 года англичане прервали затянувшиеся переговоры и через два дня атаковали китайские укрепления в устье Жемчужной реки, начав прорыв к Кантону. К тому времени благодаря попустительству Ци Шаня они хорошо изучили местность, плавая к берегам и островам устья за пресной водой. Укрепления защищали вход в устье, западное –

Щацзюе – состояло из форта на холме и артиллерийских береговых батарей у подножия холма на урезе воды. Укрепление на восточном берегу – Дацзюе, европейцы называли его Тикото – представляло собой несколько береговых батарей.

Комбинированные действия артиллерийских судов и шлюпочного десанта принесли англичанам успех. Пароход «Nemesis», сам по себе производивший на китайцев сильное впечатление, вдобавок применил ракеты системы Конгрева. Первая же пущенная ракета взорвала пороховые заряды и моментально уничтожила китайскую военную джонку.

Моряки Поднебесной в тот момент явно забыли, что живут на исторической родине ракет, и ударились в панику. Англичане, последовательно сосредоточивая артиллерийский огонь, практически безнаказанно расстреляли китайские корабли и береговые укрепления. В первый день боёв они захватили 191 орудие. Многочисленные залпы «аркебуз» китайской пехоты, встретившей на берегу английский десант, также не смогли причинить атаковавшим заметный урон. Чэнь Ляньшэн, комендант форта Шацзюэ, пал в бою.

«Каждое действие, как его ни скрывай, обязательно станет известным варварам...»

Переговорщик Ци Шань отказался направить подкрепления погибавшим войскам и на следующий день запросил перемирия. А менее чем через две недели он фактически капитулировал, согласившись на условия англичан – выплату шести миллионов долларов контрибуции, уступку Гонконга и открытие Кантона для неконтролируемой торговли. Англичане в ответ обязались освободить островной город Динхай, что Ци Шань в своих докладах императору представил как большую победу Китая в войне с варварами.

Император в далёком Пекине не сразу понял, что произошло в Кантоне и где находится этот неведомый остров Гонконг, – он направил своего племянника с 17-тысячным контингентом «зелёнознамённых» войск в помощь Ци Шаню. Однако любившие друг друга подсидеть цинские сановники вскоре разъяснили императору суть «успехов» Ци Шаня, и капитулянт был арестован и приговорён к смертной казни. Высокое маньчжурское происхождение позволило ему в итоге отделаться лишь конфискацией имущества – но конфисковали немало: 664 тонны серебряных монет и 17 тонн серебряного лома, и это не считая нескольких тонн золотых слитков, 11 ящиков бриллиантов и 154 000 гектаров земельных владений.

После того как Ци Шаня отправили в кандалах в столицу, обороной Кантона до прибытия императорского племянника руководил сановник Ян Фан, носивший почётный маньчжурский титул «хоуцзюе» за карательные операции против многочисленных китайских тайных обществ. Этот опыт не мог помочь ему в войне с англичанами, но, видимо, предполагалось, что искушённый жандарм покончит с английской агентурой в районе Кантона.

Благодаря активной торговле, и особенно наркоторговле, англичане действительно имели неплохие «агентурные» связи в лице своих контрагентов. Ещё Ци Шань докладывал императору: «В городах и всей провинции Гуандун предателей – великое множество. Вообще говоря, каждое слово и каждое действие, как его ни скрывай, обязательно станет известным варварам». Это, однако, не помешало Ци Шаню вести переговоры с англичанами именно через такого «предателя», профессионального наркоторговца Бао Пына, знавшего английский язык. Впрочем, значение «агентуры» англичан для их военных успехов не стоит преувеличивать, а под ярлыком «предателей» у маньчжурских сановников фигурировали не только агенты оккупантов, но и китайские патриоты,

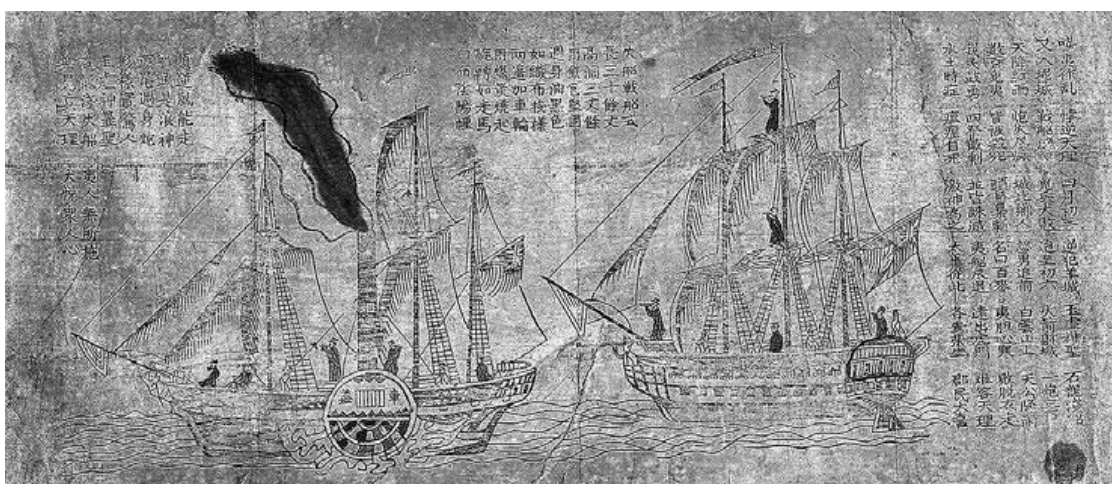
выступавшие против всех «варваров», как английских, так и маньчжурских...

Ян Фан и воевать начал как полицейский: он объявил награду в 50 тысяч серебряных монет за голову каждого британского командира. Излишне говорить, что эти награды не нашли своих героев.

Пароходы атакуют

22 февраля 1841 года английская эскадра, снявшись с якоря у переданного им месяц назад Гонконга, снова двинулась к устью Жемчужной реки. В авангарде двигались пароходы, показавшие себя незаменимым средством войны среди речных островов и протоков. Китайцы вновь занимались активным строительством речных заграждений, вбивая в дно сваи и затапливая на фарватере джонки с камнями. Англичане перехватили китайское посольное судно, вёзшее адмиралу Гуань Тяньпэю приказ поспешить с устройством заграждений. Пароход «Nemesis» и четыре большие десантные шлюпки с пушками вошли в устье, разогнали китайских строителей и попали под огонь хорошо замаскированной китайской батареи. Огнём с парохода и десантом батарея была уничтожена, англичане потерь не имели – стреляли китайские пушки и артиллеристы плохо.

26 февраля, расчистив заграждения, введя все корабли в устье и устроив свою артиллерийскую батарею на одном из островов, англичане начали генеральный штурм китайских укреплений в районе Хумыня – именно здесь китайцы полтора года назад сожгли конфискованный у европейцев опиум. Британский десант размещался на пароходах, шлюпках и захваченных китайских джонках.

Британский пароход. Китайский рисунок середины XIX века

Китайцы ещё издали открыли огонь, англичане без выстрелов подошли к укреплениям, встали на якорь и обрушили шквал огня. Погода стояла безветренная, и когда стало невозможно вести артиллерийский огонь из-за густых клубов дыма, в дело пошёл английский десант. Непосредственно командовавший китайскими войсками с самого начала войны адмирал Гуань Тяньпэй погиб в бою, всего было убито около 500

китайских солдат и свыше 1000 взято в плен. Англичане захватили около 380 орудий.

Относительная лёгкость успеха англичан объясняется их техническим и тактическим превосходством – они умело и последовательно сосредоточивали артиллерийский огонь на объектах атаки, искусно используя сектора, непростреливаемые средневековыми китайскими орудиями. Британские разрывные снаряды, первая шрапнель и ракеты Конгрева оказывали подавляющее воздействие на китайские батареи, а «зелёнознамённые» солдаты не выдерживали решительной штыковой атаки английского десанта.

К тому же следует помнить, что китайские войска здесь не имели заметного численного превосходства, опять не получали подкреплений и вступали в бой по частям. Это вообще характерно для той войны – сражаясь с 400-миллионным Китаем, английские экспедиционные войска во многих локальных боях зачастую имели численное превосходство над китайцами. Англичанам до самого конца войны противостояли разрозненные провинциальные гарнизоны, неопытность которых часто приводила к тому, что британцы били их по частям. Не зная ранее настоящих сражений «восьмизнамённым» и «зелёнознамённым» командирам либо не удавалось создать решающего численного преимущества, либо не удавалось его реализовать...

На следующий день британская эскадра двинулась вверх по реке к Кантону, попутно разрушив заграждение из цепи плотов. При этом английские пароходы подверглись обстрелу с берега из ручниц, крупнокалиберных ружей («гингальсов», как их тогда именовали англичане, вспомнив это оружие эпохи Столетней войны). К удивлению англичан, китайцы стреляли из этого оружия свинцовыми пулями более метко, чем из артиллерийских орудий.

Уничтожая по пути китайские береговые батареи и заграждения, англичане достигли острова Вампу близ Кантона, где спустя 80 лет зародится современная китайская армия. Пока же с острова снова открыла неожиданный огонь отлично замаскированная батарея. Но её 23 средневековые пушки закономерно не отличились меткой стрельбой и были захвачены стремительным шлюпочным десантом. Китайцы бежали, потеряв несколько человек убитыми, англичане обошлись одним смертельно раненым.

На острове Вампу англичане захватили ещё один 30-орудийный форт, а уже 3 марта 1841 года было заключено трёхдневное перемирие, воспользовавшись которым «варвары» исследовали путь от Вампу к Кантону. В эти дни к эскадре подошли подкрепления в виде войск, эвакуированных с островов Чжоушань, таким образом, под Кантоном сконцентрировались практически все экспедиционные силы Британии. К китайцам также прибывали подкрепления – «главным образом из северо-

западных провинций, т. е. народ чуждый и страшный для самих кантонцев».

По окончании перемирия, как писали российские офицеры Бутаков и Тизенгаузен, «до 18-го марта дальнейшие действия заключались в уничтожении и занятии фортов, построенных по берегам реки, которых китайцы, собственно говоря, совсем не защищали». Например, взятие форта «Макао» стоило англичанам трёх раненых, а китайцам нескольких убитых. Между тем этот форт, расположенный на маленьком островке посередине реки, представлял собой круглое в плане каменное сооружение с башней посередине и был вооружён 22 орудиями. По обе стороны от форта к берегам реки шло заграждение из плотов, усиленное сваями и затопленными джонками, которое прикрывалось земляной батареей на 8 небольших орудий.

Увы, могучие средневековые укрепления и многочисленные средневековые пушки не могли остановить британские пароходы и профессиональных солдат с большим опытом Наполеоновских и колониальных войн.

Сэр Хью против князя И

18 марта 1841 года англичане стояли уже в двух милях от Кантона. Ближние подступы к городу также защищали форты, множество вооружённых китайских джонок разных размеров и несколько канонерских лодок европейского образца. Пароход «Nemesis» ближе к полудню начал атаку форта «Птичье гнездо»; к двум часам дня англичане овладели всеми фортами, а к вечеру заняли свои бывшие фактории на берегу реки у самых стен Кантона. Отсюда англичане снова начали переговоры с китайскими властями, настаивая в первую очередь на возобновлении торговли чаем, что сделало данную войну ещё более похожей на варварский набег.

Странное перемирие и торговля – в том числе торговля опиумом прямо с британских судов, на некоторых даже вывесили флаги с иероглифами «Продаётся опиум» – вопреки прямому запрету императора, продолжались до мая.

14 апреля в Кантон во главе отряда маньчжур прибыл императорский племянник И Шань. В своём первом донесении венценосному дяде он докладывал: «Население Гуандуна – сплошь предатели, а солдаты – бандиты. Поэтому я набираю ополченцев далеко и не использую ополченцев из Гуандуна. Мои солдаты захватывают этих предателей и без суда и следствия убивают их. Народ Гуандуна давно уже неспокоен».

На все ответственные посты И Шань расставил маньчжур, что ещё более усугубило дезорганизацию. Как писал китайский очевидец: «Солдат из различных провинций переформировали, распределили по разным частям и поселили отдельно по лагерям. Солдаты не видели своих военачальников, военачальники не следили за своими солдатами, везде царили беспорядок и хаос, дисциплины никакой не было. Паёк, выдаваемый в виде солёных овощей, бывал то обильным, то его вовсе не было...»

Тем временем англичане узнали, что император Китая таки объявил им войну своим эдиктом ещё в конце января. Император наказывал своим маньчжурским и китайским подданным: «По всем дорогам окружайте и истребляйте врагов! Необходимо сделать так, чтобы ни одна лодка или корабль иноземцев не вернулись обратно...»

Английские силы в ходе странного торгового перемирия были растянуты от Кантона до Гонконга. Агентура сообщала британцам, что в Кантон постоянно прибывают новые подкрепления, в том числе маньчжурские войска: 30 апреля прибыло не менее двух тысяч на 40 шлюпках; 8 мая – три тысячи на 70 шлюпках, вдоль реки снова строились замаскированные батареи. Вскоре появились донесения, что китайцы планируют уничтожить английский флот с помощью брандеров. При этом

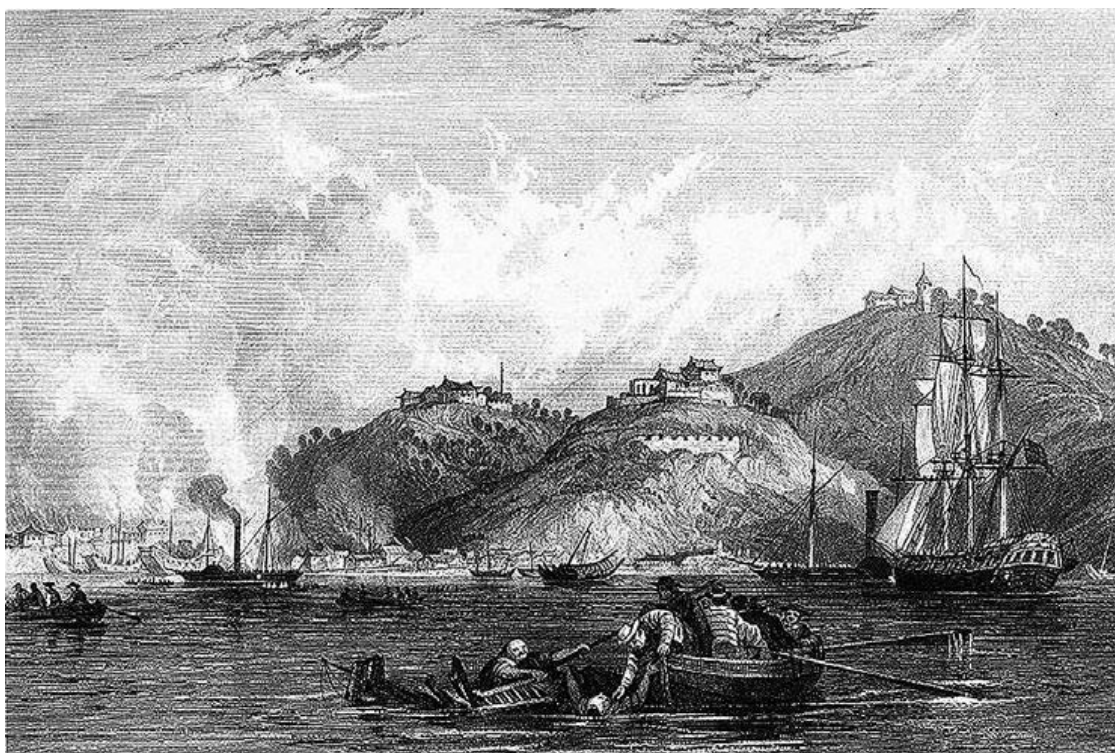
англичане умудрились к середине мая закупить и отправить в Европу новый урожай чая и стали готовиться к штурму Кантона.

Императорскому племяннику И Шаню, днями напролёт пировавшему в Кантоне в обществе местных красавиц, противостоял 60-летний британский генерал-майор Хью Гофф. Родом из простонародья, с молодости он прошёл все войны против революционной и наполеоновской Франции, был не раз ранен и прославился в 1813 году, когда его полк захватил в бою уникальный трофей – жезл маршала Журдана, одного из сподвижников Наполеона. Перед «опиумной» войной Гофф, не имевший даже дворянского титула, командовал одной из колониальных армий в Индии. Военачальников с такой судьбой и таким опытом во всём миллионном войске Цинской империи не было.

«Всадники в латах бросились вперёд...»

Оставив небольшой гарнизон и одно судно в Гонконге, к 21 мая 1841 года британские суда сосредоточились на реке у Кантона. И Шань решил атаковать их с трёх разных направлений, двинув против британских кораблей в том числе... пехоту и конницу. Ведь, как писал китайский современник, явно понимавший толк в казнокрадстве, И Шань и его приближённые полагали, что «если не вступить в бой, то им не будут отпущены средства на содержание армии и не будет оснований докладывать императору об успехах». Таким образом, бессмысленные «атаки» сухопутными войсками речных берегов служили для победы над государственным бюджетом Китая, а реальный удар по врагу должны были нанести брандеры.

В ночь на 22-е число в протоках Жемчужной реки действительно появилось множество китайских брандеров, но английская вахта вовремя заметила опасность и забила тревогу. Брандеры встретили артиллерийским огнём, который расстроил атаку – часть их китайцы зажгли слишком рано, а большинство даже не зажгли. Брандеры состояли из двух-трёх шлюпок, наполненных разным горючим материалом и связанных между собой цепями. Выше по реке сосредоточилось множество китайских джонок и лодок с посаженными на них войсками, готовыми ринуться на abordаж английских судов во время суматохи, которую должно было произвести появление брандеров.

*Британские пароходы топят китайские джонки возле Кантона.
Европейская гравюра XIX столетия*

Суматохи не произошло – манёвренные пароходы и шлюпки англичан отбуксировывали горящие шлюпки в сторону или топили их. Неудачную атаку поддержал огонь замаскированных китайских батарей, английские суда отыскивали их в темноте по вспышкам выстрелов и вступали в артиллерийскую дуэль.

Зато у противной стороны суматохи хватало, как писал китайский очевидец: «Ночью всадники в латах бросились вперёд, стук мечей сливался с выстрелами, от вспышек пушечных выстрелов было светло, цинские офицеры и солдаты кричали о победе, о том, что корабли варваров сожжены; убитых и утонувших было множество». Убитых и утонувших было множество китайцев – с утра ликующий И Шань узнал, что неприятельские силы потерь не понесли и перешли в атаку.

Пароход «Nemesis», погнавшийся за неприятельской джонкой, выплывшей из-за мыса и сделавшей несколько выстрелов по англичанам, обнаружил укромную бухту, в которой сосредоточились китайские силы – до сотни военных джонок и брандеров. Появление парохода обратило китайцев в бегство, не помог и огонь замаскированной береговой батареи. Англичане под прикрытием артиллерийского огня с парохода на гребных шлюпках по мелководью атаковали скопление китайских судов и в течение трёх часов уничтожили 43 военные джонки, 32 брандера и множество мелких шлюпок. Захваченная бухта в нескольких километрах к северу от Кантона была использована англичанами как удобное место для высадки десанта.

Белый флаг над Кантоном

24 мая 1841 года началась высадка сухопутных частей для непосредственной атаки Кантона. Город, за исключение обширных предместий, был окружён 15-километровой крепостной стеной высотой 8–9 метров с цепочкой кирпичных фортов на окрестных высотах. Для высадки войск и грузов англичане использовали китайские суда, во множестве захваченные на реке английскими пароходами. С юга Кантон атаковала отвлекающая колонна англичан, основные силы наступали с севера. Высадке десанта китайцы не препятствовали, пуская лишь сигнальные ракеты.

На рассвете 25 мая основная колонна англичан – 2776 штыков, 14 сухопутных пушек и 152 ракеты Конгрева – с севера через топкие рисовые поля двинулась к четырём фортам у стен Кантона. Около 1000 китайских «зелёнознамённых» солдат попытались обойти англичан с тыла, чтобы отрезать противника от места высадки. Вылазку отразили частым ружейным огнём высадившиеся на берег английские матросы. При этом китайцы использовали для обстрела англичан специальные стрелы-ракеты (стрела с прикреплённой пороховой трубкой выпускалась из лука, подожжённая фитилём трубка действовала как простейший реактивный двигатель). Этим экзотическим оружием китайцы даже ранили двоих англичан.

Тем временем главные британские силы по традиции легко, без рукопашной, овладели фортами и попали под сильный обстрел со стороны городских стен. Китайцы стреляли из пушек, «гингальсов» и фитильных ружей. Отразив несколько нерешительных вылазок и очистив от неприятеля пространство перед городскими стенами, измотанные душным днём и боем, англичане заночевали в фортах, намереваясь утром 26 мая прорваться через городские стены, «пользуясь паническим страхом, наведённым на китайцев» (как вскоре писали об этом Бутаков и Тизенгаузен в своей книге «Обзор войн европейцев против Китая»).

Тем временем к утру 26 мая отвлекающая южная колонна англичан при поддержке артиллерийских кораблей овладела всеми фортами и береговыми батареями между Жемчужной рекой и городом. Среди захваченных китайских пушек было несколько особо больших, 10,5-дюймового калибра.

Британские снаряды и ракеты вызвали в городе пожары и панику. С утра толпы беженцев, узнавших, что «хунмао инцзили» – рыжеволосые англичане – вот-вот ворвутся в город, бросились к восточным городским воротам, ещё не блокированным неприятелем. В городе начались беспорядки и грабежи, в которых приняли активное участие и солдаты из

других провинций, погибло до тысячи человек. В половине одиннадцатого утра на городских стенах Кантона взвился белый флаг – за время войны с англичанами китайцы хорошо выяснили его значение...

Приключения сипаев в Китае

В соответствии с соглашением о прекращении военных действий китайские власти обязались возобновить англо-китайскую торговлю и выплатить англичанам 6 миллионов юаней серебром, т. е. чуть менее 16 тонн серебра – солидная, но не самая большая, по китайским меркам, сумма. Выплатить контрибуцию китайцы должны были в течение недели; если срок платежа затянется более чем на неделю – сумма вырастет до 7 миллионов, если на две недели – 8, три недели – 9 миллионов. Такая вот «рэкети́рская» арифметика. Кроме того, китайцы обязались выплатить 300 тысяч серебряных юаней за разграбленное имущество английских торговых фирм, а также вывести из района Кантона все войска других провинций (около 18 тысяч солдат) и не приближать их к городу ближе чем на сотню километров.

Английские войска до выплаты контрибуций оставались на занятых позициях. И здесь им пришлось неожиданно столкнуться с местным китайским ополчением, которое никак не разделяло капитулянтские настроения своих маньчжуро-китайских властителей. Уже через три дня после капитуляции, с утра 29 мая, на высотах в окрестностях Кантона стали скапливаться тысячи сельских ополченцев-«пининтуаней» (дословно по-китайски «дружин усмирения англичан»), вооружённых копьями, мечами, щитами и незначительным количеством фитильных ружей. Англичане отгоняли их ружейными залпами и короткими атаками, в ходе которых они потеряли одного офицера – он умер от солнечного удара.

При этом нельзя сказать, что китайцы ничему не учились на той войне и не пытались использовать слабые стороны противника. Так, 30 мая 1841 года в окрестностях Кантона (Гуанджоу) им удалось подловить отделившуюся от основных сил роту 37-го Мадрасского туземного пехотного полка. Исходя из имевшихся на тот момент знаний о противнике действия китайцев были почти идеальными. Сипаев атаковали под проливным тропическим дождём, когда британские кремнёвые ружья почти не могли вести огонь, что сводило на нет их преимущество перед китайцами, вооружёнными в основном холодным оружием и немногочисленными фитильными ружьями. Атака превосходящих сил на неспособную стрелять рыхлую колонну, по идее, должна была закончиться её быстрым разгромом.

Но тут и проявилось совсем иное качество британской армии. Сипаи моментально перестроились в плотное каре, строй, который китайцы ранее у них не наблюдали. На юге страны, в районе Кантона, у войск империи Цин был минимум кавалерии, и англичанам просто не было необходимости ранее демонстрировать подобные плотные порядки

пехоты. В итоге атака китайцев, вместо того чтобы снести рыхлую колонну, упёрлась в плотную щетину штыков.

Когда первый натиск не удался, то оказалось, что обученные слаженному штыковому бою сипаи куда эффективнее людей с мечами и пиками. Даже хорошая индивидуальная подготовка в стиле знаменитых восточных единоборств и высокий боевой дух не компенсировали китайским добровольцам отсутствие реального опыта войны.

По британским данным, в этой рукопашной китайские ополченцы, действуя длинными пиками «с наконечниками в виде серпов», сумели убить двоих британских солдат. У китайцев же в народной молве и даже в рассказах позднейших историков эти двое убитых превратились в «2 офицеров и более 200 солдат, англичан и индийцев». Это вообще характерная деталь той войны – цифры потерь у европейских и китайских источников расходятся на порядок. Но логика подсказывает, что здесь к истине всё же ближе надменные европейцы.

Остаётся добавить, что окружённых сипаев выручили две роты морских пехотинцев с новейшими капсульными ружьями, для стрельбы из которых дождь не был помехой. Их залпы без труда разогнали китайскую толпу с мечами и пиками.

«Истребление противника в больших масштабах...»

Английское командование потребовало у властей Кантона убрать ополченцев, угрожая в противном случае возобновить военные действия и обстрел города. Императорский племянник И Шань, опасаясь и англичан и стихийных китайских ополченцев, направил Юй Баочуня, главу города Кантона, уговорить «пининтуаней» отойти от города и не тревожить англичан. Мэр Кантона не без труда выполнил эту «миротворческую» миссию.

И Шань к тому времени дисциплинированно выплатил контрибуцию в срок – 4 миллиона он взял в местном казначействе, а 2 миллиона отобрал у купцов и горожан. Грузенные китайским серебром англичане отплыли на свою базу в Гонконг, и их уход И Шань представил императору как свою победу. «Мы осуществили сожжение вражеских кораблей, произвели атаку и истребление противника в больших масштабах», – писал он дяде-императору в представлении о награждении своих подельников.

Англичане в Гонконге боролись с кровавым поносом, который свалил четверть экспедиционных сил, и с традиционными в начале лета тайфунами: природа нанесла оккупантам куда более чувствительные потери, чем 144 убитых за все время боёв в устье Жемчужной реки и у стен Кантона.

Британское правительство, убедившись в военной слабости Китая, не одобрило условия кантонского мира и решило продолжить войну, тем более что стратегия дальнейших действий была понятна – надо было наносить удар в районе нижнего течения Янцзы, перерезать Великий канал в самом его начале и тем самым диктовать свою волю пекинским властителям.

21 августа 1841 года усиленная английская эскадра – 36 судов, из них два линейных корабля, четыре парохода и 21 транспорт с 2700 штыков, полевой артиллерией и ракетами – двинулась вдоль китайского побережья на север. К августу в Китае по императорскому указу уже успели сократить войска и отозвать ополченцев, оборонявших приморские земли, и возобновление боевых действий оказалось совершенно неожиданным.

Британская эскадра, захватив по пути хорошо укрепленный город Амой (ныне Сямынь) на побережье напротив Тайваня, в сентябре снова вышла к островам Чжоушань, которые уже захватывались годом ранее. Кстати, описывая бои у Амоя, китайские источники вновь утверждают, что англичане потеряли «несколько пароходов и военных кораблей», англичанам такие потери неизвестны, зато они отмечают большие склады

средневекового оружия – мечей, щитов, фитильных ружей, – захваченные в городе...

Китайцы вновь заняли острова Чжоушань только в марте 1841 года, когда их английский гарнизон был переброшен к Кантону. Теперь острова были укреплены куда серьёзнее, а местный наместник Юй Цянь, «монгол из знамени Сянхуан» (т. е. из корпуса Жёлтого знамени с красной каймой), слыл решительным сторонником войны. Англичане взяли Динхай 1 октября 1841 года за сутки достаточно упорного боя. Впервые солдаты китайских регулярных войск вступали с противником в рукопашную, а не отступали после обстрела с кораблей, едва завидев десант. Эти рукопашные ещё раз подтвердили превосходство современной армии над средневековой – личная храбрость и фехтовальное искусство отдельных китайских и маньчжурских бойцов, зачастую бросавшихся в гущу англичан, не могли остановить слаженно действовавших огнём и штыками профессиональных европейских солдат.

Китайские офицеры, командовавшие обороной Динхая, погибли в бою. Потери англичан – 3 убитых и 15 раненых, у китайцев – до 1000 убитых и главным образом утонувших при бегстве. Такое соотношение характерно для всех боёв первой «опиумной» войны и не должно удивлять. Подобное закономерно для всех столкновений регулярных европейских армий со средневековыми – сравним, например, потери русской армии и местных войск при присоединении Средней Азии во второй половине XIX века.

Во время первой «опиумной» войны пальба многочисленных китайских пушек (по сути, средневековых бомбард) практически не оказывала воздействия на англичан, в то время как их мастерски управляемый и сосредоточенный огонь самых современных для тех лет орудий крушил китайские укрепления и боевые порядки. Аналогично обстояло дело и с соотношением огня слабых фитильных ружей китайцев и залпов «тонкой красной линии» британской пехоты, о ситуации в рукопашном бою уже говорилось.

К тому же у никогда ранее не видевших войну маньчжуров и китайцев некоторый боевой опыт имели в лучшем случае дедушки или даже прадедушки, тогда как у англичан командование обладало опытом сражений с Наполеоном, а офицерский и рядовой состав имел за плечами хорошую практику колониальных кампаний против достаточно серьёзного противника. Ведь за первые 40 лет XIX века, пока Китай наслаждался благостным застоём, англичане только в индийских колониях провели девять крупных войн с размахом от Афганистана до Бирмы.

Очередной императорский племянник

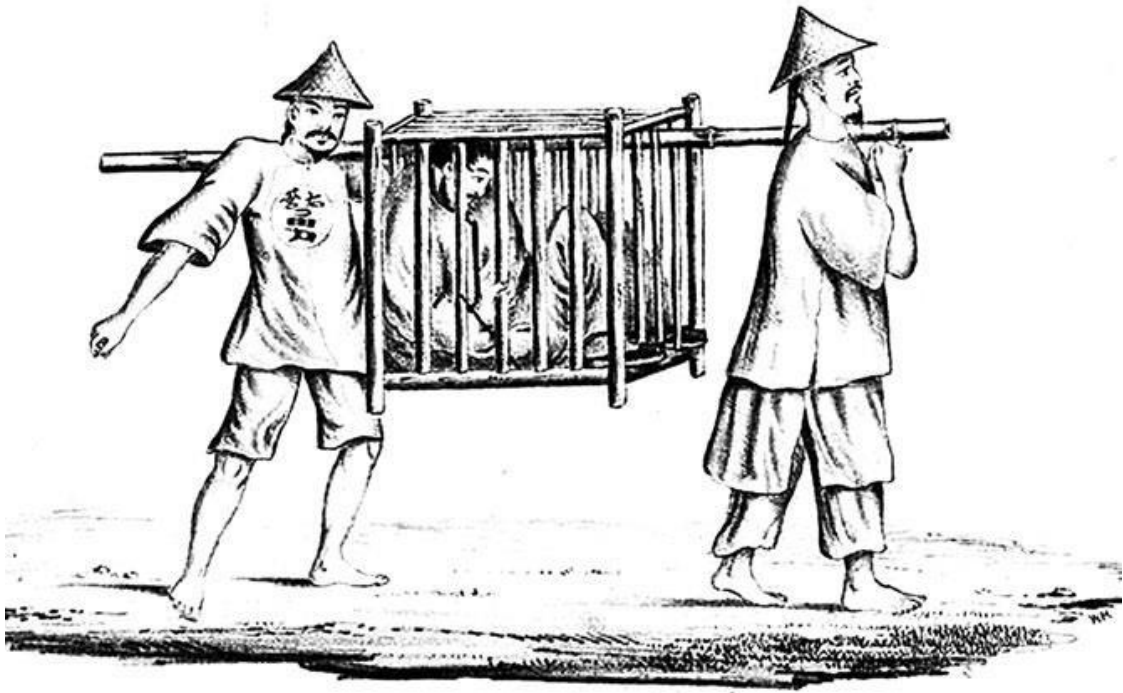
После взятия островного города Динхая англичане уже через неделю нанесли удар по близлежащим на побережье городам Чжэньхай и Нинбо в провинции Чжэцзян, где располагались основные силы (4000 солдат) монгола Юй Цяня – тут британская «экспедиция» планировала остановиться на зимние квартиры. Высадившаяся при помощи манёвренных пароходов в нескольких пунктах, 10–13 октября 1841 года пехота англичан окружила китайцев и прижала к реке, те упорно сопротивлялись и отказывались сдаться. Некоторые китайские солдаты и офицеры убивали себя, большинство утонуло, бросившись в реку. Утонул и «восьмизнаменный» монгол Юй Цянь.

В захваченном Чжэньхае англичане обнаружили несколько новеньких пушек, отлитых по образцу английских орудий, и джонку с приспособленным к ней гребным колесом – так китайцы пытались перенимать опыт своего противника, искушённого в современной войне. Правда, китайское гребное колесо приводилось в движение вручную...

Город Нинбо сдался без боя, и английская пехота расположилась в нём на зимние квартиры. Оккупанты даже организовали наёмную китайскую полицию и разведку. Полиция, по мнению англичан, работала плохо, потому что китайцы периодически похищали отдельных английских солдат. А вот сообщениями разведки о передвижениях китайских войск и распоряжениях маньчжурских властей англичане были вполне удовлетворены.

Зима с 1841 на 1842 год прошла достаточно спокойно, в мелких стычках и разведывательных рейдах обеих сторон. В течение зимних месяцев, по сообщениям британской разведки, китайцы через португальцев Макао закупали пушки и европейское стрелковое оружие. Но цинское правительство не потрудились сосредоточить против занятого англичанами приморского района действительно крупные силы, хотя бы несколько десятков тысяч. Маньчжуры не предприняли активных действий и против Гонконга с его минимальным гарнизоном.

Более того, когда горцы Непала, номинальные подданные цинского императора, прослышали о войне и предложили провести диверсию против британских владений в Индии, маньчжуры заподозрили в этом предложении некие происки западных «варваров»...

*Китайцы переносят британского пленного.
Английский рисунок 40-х годов XIX века*

Только в ночь на 9 марта 1842 года китайские войска неожиданно атаковали англичан – пехота бросилась к городским воротам, а брандеры попытались сжечь корабли оккупантов. Китайцы, скрытно сосредоточившись в городских предместьях, сумели внезапной атакой прорваться в Нинбо через южные ворота. Но на улицах города европейские ружья и штыки оказались эффективнее их мечей и фитильных аркебузов, очень помогло англичанам и умелое применение полевой артиллерии на городских улицах – за несколько часов британцы выбили нападавших за городские стены, а затем вытеснили из предместий. Некоторые из раненых и попавших в плен китайцев находились под воздействием опиума.

Британские суда также сумели избежать попадания брандеров, и те взорвались, не причинив противнику вреда. Нападение было отбито.

Командовал неудавшимся китайским наступлением очередной императорский племянник (многожёнство порождало очень большие семьи) И Цзин. Сам он, правда, находился достаточно далеко от места боёв с трёхтысячным резервом, в то время как остальные китайские части, 10 тысяч «зелёнознамённых» солдат и ополченцев, действовали разрозненно в пространстве и времени, не имея в ходе боёв заметного численного превосходства над силами противника.

В ответ англичане 15 марта разгромили ближайший крупный лагерь китайских войск у города Цыци, захватив огромное количество продовольствия и экзотическое средневековое оружие – лёгкие медные

пушки без лафетов с ручками для переноски. Императорский племянник И Цзин бежал одним из первых, доложив дяде-императору, что лагерь сдали изменники, «вступившие в стовор с сельскими ополченцами», а англичан действовало против него 17 тысяч (в действительности их было не более 2000). Больше наступательных действий китайцы не предпринимали, ограничивались малой войной, пытаясь ловить одиночных оккупантов и атаковать вражеские суда брандерами.

Англичане к маю 1842 года отдохнули, подвезли пехотные резервы и значительно увеличили группировку своих пароходов – теперь их насчитывалось тринадцать, некоторые были специально приспособлены для речной войны. Покинув уже ненужные города на побережье и оставив лишь укрепленную базу в островном Динхае, англичане 7 мая двинулись на север, к устью великой реки Янцзы – самой большой реки Евразии.

Доблестный императорский племянник И Цзин занял оставленную противником территорию и доложил императору: «Большими силами войск я предпринял наступление на Нинбо. Злоумышленники-варвары были уstraшены и в беспорядке бежали».

Поход к устью Янцзы

18 мая десант с британской эскадры захватил город Чжапу, где ему впервые пришлось столкнуться с достаточно крупной маньчжурской частью – всего в городе было, по данным английской разведки, 6300 «зелёнознамённых» китайских солдат и ополченцев и 1700 солдат «восемизнамённых» войск. Отношения между этими частями цинского войска были не самыми лучшими. Город англичане взяли быстро – китайские ополченцы из провинции Фуцзянь, настроенные против маньчжур, не стали защищать южные городские ворота.

Куда более упорная борьба разгорелась за большой храм вне пределов городских стен, где засело три сотни маньчжурских солдат. Целый день продолжалась перестрелка и рукопашные схватки. Маньчжуры вели активный огонь из своих фитильных ружей. В схватке погиб британский полковник Томлинсон – самый крупный чин из убитых цинскими войсками в этой войне. Только когда британские саперы при помощи нескольких пороховых мин сумели зажечь храм, небольшая группа оставшихся в живых маньчжур сдалась.

В Чжапу англичане впервые столкнулись с тем, что маньчжуры убивают не только себя, но и свои семьи, жён, детей и стариков, если им грозил плен. При этом, именно после захвата города, английская и китайская стороны обменялись пленными – англичане отпустили пленных китайских солдат, выдав каждому по 3 серебряных монеты, а китайцы вернули противнику 16 солдат, в разное время захваченных китайскими «партизанами» в районе Нинбо и Динхая, выдав каждому англичанину по 30 серебряников, а индусу-сипаю по 15.

Кстати, пленных китайцы «конвоировали», перенося их при помощи носильщиков в бамбуковых клетках, а англичане, пользуясь традиционной маньчжурской причёской, связывали своих пленников косами друг с другом по несколько человек. Эта причёска – с выбритым лбом и длинной косой сзади – была обязательной для всех подданных Цинской империи мужского пола, кроме монголов и тибетцев. Китайцы воспринимали маньчжурскую причёску как символ национального унижения, но за отсутствие данной причёски или срезание кос китайским подданным империи Цин грозила смертная казнь.

Занятие Чжапу давало англичанам удобную базу для наступления на город Ханчжоу, один из богатейших в Китайской империи, по численности населения равный Лондону тех лет и к тому же связанный судоходной артерией с Великим каналом, к которому стремились англичане. Но генерал Гофф посчитал свои силы недостаточными для углубления в столь густо населённые районы и не стал отклоняться от главной цели экспедиции.

8 июня 1842 года британская эскадра вошла в устье Янцзы и стала осторожно передвигаться вверх по течению. Здесь незаменимыми оказались манёвренные и не зависящие от ветров парходы, занимавшиеся разведкой и исследованием сложного фарватера реки.

Прорыв вверх по великой реке

16 июня в районе небольшого города Усун англичане прорвали укрепленный рубеж, который по замыслу китайского командования должен был надежно прикрыть путь вверх по Янцзы. Укрепления состояли из цепи фортов и артиллерийских батарей, всего 175 пушек. Здесь китайцы стреляли достаточно метко, нанеся заметные повреждения английским кораблям, и, будь у них современная артиллерия, нападавшим пришлось бы нелегко, но, опять же, у китайской стороны отсутствовала всякая организации огня укрепления и батареи действовали сами по себе и не могли поддерживать друг друга. Англичане при помощи пароходов расставляли парусные артиллерийские суда в нужных точках, концентрируя огонь, и последовательно подавляли береговые батареи китайцев.

Оборону Усунского рубежа возглавлял командующий войсками провинции Цзянсу генерал Чэнь Хуачэн, имевший около 5000 «знаменных» маньчжурских войск и державшийся, по оценкам англичан, достаточно стойко. Он не отступил и погиб в бою. В то время как более высокий маньчжурский чин – наместник трёх провинций Нью Цзян, двигавшийся к нему на помощь с 4-тысячным отрядом, – попав под обстрел с английских кораблей, бежал и сдал без боя города Шанхай и Баошань.

В ходе боя за Усунский рубеж англичане столкнулись с массой любопытного: китайские пикинёры и «мушкетёры» применили против них ручные пороховые гранаты, среди действовавших на реке военных джонок некоторые были снабжены гребными колёсами (естественно, приводившимися в движение не паровой машиной, а ручной силой, при помощи системы шестерён), а среди захваченных пушек обнаружили несколько испанских трёхвековой давности и совсем древнее кувшинообразное орудие с узким стволом и очень широкой казённой частью. Подобные бомбарды европейцы знали по миниатюрам в средневековых хрониках.

До конца июня 1842 года англичане находились в районе Шанхая, к ним подошли новые подкрепления, в том числе два парохода, один из них полностью железный. Численность британской пехоты достигла 9000 штыков.

Маньчжурские власти все ещё опасались, что англичане попробуют снова наступать на столичный Пекин через Тяньцзин по реке Байхэ, поэтому именно там сосредоточили главные силы, а долина Янцзы была прикрыта относительно слабо. К тому же цинские сановники были уверены, что англичане просто не смогут провести значительные силы далеко вверх по реке с очень сильным течением и множеством отмелей.

Действительно, до появления пароходов такой прорыв в глубь континента вверх по течению великой реки был бы просто невозможен. Китайские властители, воспитанные на классическом каноне древней китайской военной мысли – трактате «У-цзин», собранном и отредактированном ещё в эпоху династии Сун в XI веке, – просто не могли себе такого представить.

Между тем к началу июля английские пароходы исследовали фарватер Янцзы до того места, где она соединяется с Императорским каналом, и 6 июля 1842 года британская эскадра на буксире пароходов двинулась вверх по реке.

Бои под солнечным ударом

В течение всех 10 дней, пока англичане медленно продвигались по Янцзы, становясь ночью на якорь, китайцы их не тревожили. Ни заграждений, ни значительных укреплений и береговых батарей тоже не было. Только 16 июля огнём с кораблей и десантом были уничтожены три батареи на 20 орудий, прикрывавшие изгиб Янцзы в 20 милях от Чжэньцзяна, основной цели британской экспедиции. В отличие от многих китайских укреплений эти батареи, по мнению британских офицеров, были расположены весьма удачно, но слишком рано открыли огонь и тем демаскировали себя.

Чжэньцян был обнесён высокой 6-километровой каменной стеной, но практически не имел пушек – они были ранее отправлены на укрепления в районе Усуна и уже числились среди британских трофеев. Гарнизон города под командованием маньчжура Хай Лина состоял из 1200 маньчжуров, 400 монголов и 800 китайцев, в окрестных лагерях располагалось 3000 «зелёнознамённых» войск. Таким образом, англичане (считая тех матросов, которые могли быть использованы вне судов для усиления пехоты) имели двукратное численное превосходство, не говоря уже о качественном. Подкрепления из Нанкина, о которых при приближении англичан просил Хай Лин, так и не прибыли.

Маньчжуры запретили населению покидать город, казнив некоторых беженцев. Небольшое количество брандеров, спущенных по реке, не причинили англичанам хлопот, но корабли в штурме Чжэньцзяна практически не участвовали, пехота справилась самостоятельно. Штурм был начат десантом на рассвете 21 июля 1842 года. Высадке китайские войска не препятствовали, хотя, по мнению англичан, с учётом сложной местности, легко могли бы нанести десанту немалый урон.

Британская пехота отбросила «зелёнознамённых» солдат с высот, окружавших город, потеряв при этом больше людей от солнечного удара (температура была выше 40 градусов Цельсия), чем от огня противника. Китайцы отступили, не приняв рукопашного боя. Но у городских стен маньчжуры оказали ожесточённое сопротивление, встретив наступавших сильным огнём фитильных ружей и «гингальсов».

Чтобы взобраться на стены, англичане использовали штурмовые лестницы, действуя под прикрытием полевой артиллерии и ракет Конгрева и частого огня стрелков, рассыпавшихся в цепи у стен на расстоянии пистолетного выстрела. Британский полковник Драйвер умер от солнечного удара, взобравшись на городскую стену, – эти «естественные» смерти в разгар боя не должны удивлять: англичане были измотаны долгой войной в чужой стране, и перенапряжение боя в страшной жаре оказывалось смертельным.

«Маньчжуры падали от ружейного огня, но не падали духом...»

Одни из городских ворот англичане взорвали мешками с порохом. На стенах и улицах Чжэньцзяна завязалась упорная схватка. Противники хладнокровно расстреливали друг друга залпами в упор. Кремневые и капсульные ружья были эффективнее фитильных, но стрелявшие картечью старинные «гингальсы» тоже оказались действенны на узких городских улицах. Маньчжуры рубили англичан тяжёлыми мечами, те кололи их штыками.

Взрыв патронной сумки одного из убитых английских солдат от тлеющего фитиля лежавшего рядом убитого маньчжура вызвал панику целой британской роты – среди захватчиков давно ходили слухи о китайских пороховых минах. Китайцы действительно попытались подорвать англичан на одной из улиц при помощи заранее заложенного пороха. «Маньчжуры падали от ружейного огня, но не падали духом, англичане падали и от неприятельского огня, и от действия жары» – так описывают те уличные бои Бутаков и Тизенгаузен в «Обзоре войн европейцев против Китая».

Три с половиной часа понадобилось штурмовым колоннам англичан, чтобы пройти менее двух километров навстречу друг другу. Овладев воротами и соединив свои колонны, они уже считали сражение законченным. Но около 800 оставшихся в живых «восьмизнаменных» солдат, убив свои семьи, чтобы они не достались врагу, перегруппировались и неожиданно пошли в самоубийственную контратаку. Те из них, кто не погиб в ходе завязавшегося упорного боя, отступили в городские переулки, чтобы покончить с собой. Комендант города Хай Лин приказал поджечь свой дом и погиб в огне.

Проведя тревожную ночь в мелких стычках и перестрелках с рассеявшимся по городу неприятелем, англичане на следующий день в маньчжурских кварталах обнаружили множество трупов женщин и детей из семей «восьмизнаменных» солдат, многим, по древнему монгольскому обычаю, были переломаны хребты. Впрочем, ожесточённые отчаянным сопротивлением оккупанты тоже не щадили мирное население.

Город к тому времени представлял сплошные развалины с разлагавшимися на жаре трупами. Разрушив городские стены, англичане быстро вывели свои уже утомленные боями и болезнями войска на транспортные корабли. К тому же на окраинах в окрестностях Чжэньцзяна их постоянно беспокоили местные ополченцы.

Британские суда блокировали Императорский канал и в первые же сутки, хотя ежегодный гигантский караван с зерном уже прошёл на север

в Пекин, задержали около 700 грузовых джонок. Большой удачей для англичан был захват нескольких джонок с углём – их активно действовавшие пароходы уже испытывали нехватку топлива.

Оставив на высотах у Чжэньцзяна три полка пехоты с артиллерией и ряд судов для блокады Императорского канала, основные силы англичан на буксире пароходов снова двинулись вверх по Янцзы к древней столице Китая городу Нанкину. Единственная встретившаяся по пути береговая батарея оказалась брошенной. На стенах Нанкина уже висели белые флаги. Здесь представители цинского императора приняли все требования британской короны.

Глава 5

**«Ты сойдёшь с ума от Амура!..». Как
Россия возвращалась к давно потерянным
амурским берегам**

«Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить»

Именно события «опиумной» войны подтолкнули русского царя Николая I образовать «Особый Комитет по делам Дальнего Востока», в который вошли самые высокопоставленные и влиятельные чиновники Российской империи. Для начала «Особый Комитет по делам Дальнего Востока» решил направить к устью Амура морскую экспедицию. Дело в том, что к середине XIX века всё ещё считалось, что морские корабли не могут заходить в Амурский лиман.

Эту ошибку породили французские и английские экспедиции конца XVIII столетия, пытавшиеся исследовать воды у Сахалина и амурского устья. Ещё в 1787 году знаменитый французский мореплаватель Жан Лаперуз попробовал пройти в устье Амура. Амурский лиман действительно был непрост для кораблей, особенно парусных, к тому же фрегаты Лаперуза натолкнулись на мель, и мореплаватель счёл, что эта река не судоходна. Авторитет Лаперуза был столь высок, что его выводы о непригодности Амура для морских кораблей в Европе более полувека считали непреложным фактом.

«Особый Комитет по делам Дальнего Востока» всё же решился проверить выводы знаменитого Лаперуза, или, как писал сам царь Николай I, «узнать, действительно ли Амур можно использовать для судоходства». Но оказалось, что для большой экспедиции в устье Амура требуется порядка 340 тысяч рублей серебром. И в работу «Особого Комитета» вмешался министр финансов граф Канкрин.

В докладной записке царю министр писал, что у России нет торговых интересов на Тихом океане. «При неразвитии или, лучше сказать, несуществовании нашей торговли в Восточном океане, – писал граф Канкрин, – единственной полезной целью экспедиции будет поручение удостовериться, между прочим, в справедливости сложившегося мнения о недоступности устья реки Амур, обстоятельства, обуславливающего степень полезности для России этой реки. Но для разрешения этого вопроса не требуется снаряжения такой большой и дорогостоящей экспедиции, а гораздо лучше, в отношении политическом и финансовом, произвести исследования Амурского лимана и устья реки Амур через Российско-Американскую компанию...»

Царь согласился с экономным министром, его убедил тот факт, что маленькая экспедиция торговцев из Российской-Американской компании не привлечёт внимания китайских властей, в отличие от большой экспедиции военных кораблей. В итоге вместо 340 тысяч рублей на экспедицию выделили в 60 раз меньше денег и в 1845 году отправили к устью Амура небольшой бриг «Константин».

Экспедицию на маленьком бриге возглавил капитан Александр Гаврилов. Он был опытным моряком, но помимо задач исследования Амурского лимана имел массу других приказаний от директоров Российской-Американской компании. Помимо этого, капитан был связан инструкцией Министерства иностранных дел «соблюдать строжайшее инкогнито», в случае встречи с китайцами выдавая свой корабль за американское рыболовное судно. Для конспирации экспедицию даже снабдили грузом виргинского табака.

Восточносибирский генерал-губернатор Николай Муравьев

Неудивительно, что по итогам экспедиции капитан доложил следующее: «По краткости времени, ничтожеству имевшихся средств, свежим ветрам и течениям, не представилось никакой возможности произвести тщательные и подробные исследования, которые могли бы разрешить вопрос о состоянии устья реки Амур и её лимана».

Министр иностранных дел Карл Нессельроде

Хотя сам капитан Гаврилов вовсе не считал результаты своей экспедиции окончательными, министр иностранных дел Нессельроде поспешил доложить царю, что Амур не имеет для России никакого значения, так как в его устье, – повторил министр заблуждения прошлых лет, – глубина всего «три фута», менее метра, и река непригодна для плавания кораблей. Император Николай I написал 16 декабря 1846 года на докладе министра эмоциональную резолюцию: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить».

Однако сам император данный вопрос не оставил. Назначая в следующем 1847 году нового губернатора Восточной Сибири, куда входили земли Забайкалья, Якутии и русские берега Охотского моря, царь Николай среди прочих инструкций дал и такое напутствие: «Что же касается реки Амур, то об этом речь впереди... *A bon entendeur peu de paroles*». Новый восточносибирский губернатор Николай Муравьёв прекрасно уловил смысл последней царской фразы французской пословицы: «Умный поймёт с полуслова».

Не имея никаких письменных приказов из Петербурга, губернатор Муравьёв начал готовить присоединение к России амурских берегов. Хотя вся официальная политика Российской империи и большинство высших сановников имели прямо противоположное мнение. Так, губернатор Западной Сибири князь Пётр Горчаков писал фактическому

главе правительства князю Чернышёву: «Амур для России лишнее, неизмеримые дебри от Якутска до Камчатки и к Охотскому побережью являют собою границу, не требующую охранения, и, что всего важнее, отстраняют жителей Сибири от пагубного влияния иностранцев...»

Министр иностранных дел Нессельроде в 1848 году предложил провести окончательное разграничение между Россией и Китаем севернее Амура – как писал современник, «отдать, таким образом, навсегда Китаю весь Амурский бассейн, бесполезный для России по недоступности для мореходных судов устья реки». Министр считал, что «излишняя активность» на Дальнем Востоке только отвлекает Россию от европейской политики и к тому же может повредить выгодной торговле с Китаем.

«Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура...»

Пренебрежение столичных чиновников огромным Приамурьем станет понятно, если знать, что за всю первую половину XIX столетия на землях современных Хабаровского края и Амурской области побывал лишь один-единственный уроженец европейской части России. Ещё весной 1844 года изучавший север Сибири сотрудник Петербургской Академии наук Александр Миддендорф на свой страх и риск отправился из Якутска к устью Амура.

Вместе со столичным учёным в неисследованную тайгу Приамурья отправились уроженец Томской губернии военный топограф Василий Ваганов и два якутских казака, Матвей Решетников и Иван Долгий. До сентября 1844 года участники экспедиции изучали побережье Охотского моря в районе Шантарских островов, а затем верхом на оленях отправились в долгое путешествие через всё Северное Приамурье. За четыре месяца маленький отряд прошёл свыше 1500 вёрст по совершенно неисследованной местности.

Миддендорф с восторгом описывал уникальную природу Приамурья: «Чрезвычайно любопытная полоса Земли; где лицом к лицу встречаются соболь и тигр; где южная кошка отбивает у рыси северного оленя; где соперница её – россомаха – на одном и том же участке истребляет кабана, оленя, лося и косулю; где медведь насыщается то европейской морошкой, то кедровыми орехами; где соболь ещё вчера гонялся за тетеревами и куропатками, доходящими до запада Европы, сегодня за ближайшими родственниками тетёрки Восточной Америки, а завтра крадется за чисто сибирской кабаргой...»

Часть путешествия экспедиция Миддендорфа прошла по льду реки Зеи и Амура. Учёный записал в своём дневнике: «Амур есть единственная значительная водная артерия, ведущая к океану, единственный путь, который природа дала со всех сторон запертой Сибири...»

Но помимо чисто научных знаний экспедиция имела и политический результат. «Я успел составить картину Амурского края, которая бросала новый свет на эту страну», – писал сам Александр Миддендорф. К его удивлению, севернее Амура отсутствовали какие-либо следы китайской власти, а немногочисленные роды «тунгусов» сами толком не знали, чьи же они подданные.

Прошедший вместе с Миддендорфом всё Приамурье военный топограф Василий Ваганов стал ординарцем Восточносибирского генерал-губернатора Николая Муравьёва, полностью разделяя его мнение

о необходимости присоединения Амурского края к России. В 1847 году именно Ваганов по поручению Муравьева пресёк деятельность иностранных агентов на берегах Амура, арестовав некоего Остена, английского подданного, который, щедро раздавая деньги, начал в Забайкалье на берегах реки Шилки строить судно, чтобы пройти на нём вниз по Амуру.

Середина XIX века была временем «колониальной гонки», когда на картах Африки и Азии исчезали последние «белые пятна» – порой было достаточно одной географической экспедиции, чтобы крупная колониальная держава могла объявить о присоединении ранее не исследованной территории. И докладывая в Петербург об аресте англичанина, губернатор Муравьев сообщал, что Британская империя, проводившая активную политику в Китае, явно интересуется Амуром. Муравьев если и преувеличивал опасность, то не сильно – во время Крымской войны англичане действительно попытаются высадиться в устье Амура.

Пока же, в 1847 году, губернатор Муравьев отправил взволнованную депешу министру внутренних дел Перовскому: «Явился англичанин Остен и покотился по пути сообщения Сибири с Тихим океаном, туда, где в устье Амура лежит необитаемый Сахалин, ожидающий господ, чтобы запретить плаванье по Амуру. С китайской стороны в Амур впадают большие судоходные реки, с Южным Китаем англичане торгуют свободно, а Амур доставит им возможность овладеть и Северо-Восточным Китаем... Вот зачем ездят сюда англичане. Остен и не думает о геологии, но он успел собрать более подробные и верные сведения о местной торговле, чем я сам доселе имел...»

«Левый берег Амура, – доказывал губернатор Муравьев, – никому не принадлежат: тут кочуют только по временам тунгусы, а при самом устье – гиляки. Англичанам нужно только узнать всё это, и они непременно займут Сахалин и устье Амура: это будет делом внезапным, без всяких сношений о том с Россией, которая, однако ж, может лишиться всей Сибири, потому что Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура...»

«Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен»

Обеспокоенный император Николай I в 1848 году распорядился направить к берегам Амура большую экспедицию военных топографов. Цель определили чётко: «Собрать точнейшие сведения, дабы на основании оных можно было ясно определить, по какому именно направлению гор должна следовать наша с Китаем граница на основании Нерчинского трактата».

Экспедицию возглавил подполковник Генерального штаба Николай Агте, опытный военный топограф, ранее занимавшийся определением точной линии границы между Российской империей и Норвегией. С берегов Северной Скандинавии подполковник направился прямо на Дальний Восток. Его экспедицию специально назвали «Забайкальской» – как писалось в официальных бумагах, «дабы самым распоряжением об отправлении экспедиции не могли подать повода» к претензиям со стороны китайских властей. В случае встречи в Северном Приамурье с представителями Китая, члены экспедиции должны были представляться как «частные промышленники», занятые «отысканием звериных промыслов».

Одновременно с «Забайкальской» экспедицией подполковника Агте в августе 1848 года из Петербурга к берегам Дальнего Востока отправился маленький транспортный корабль «Байкал». Одна из его задач тоже была связана с Амуром – капитан «Байкала» Геннадий Невельской должен был наконец-то проверить доступность Амурского лимана и устья для плаванья морских судов.

Как сказал сам Николай I по поводу этой экспедиции: «Главное для нас дело есть предупреждение всяких покушений иностранцев к занятию местности близ устья Амура». Для таких опасений были все основания – годом ранее в Охотском море у северной оконечности Сахалина были замечены два военных корабля Великобритании. На запрос русских дипломатов в Лондон, что делает в тех краях британский флот, англичане ответили, что якобы ищут пропавшую экспедицию контр-адмирала Джона Франклина, которая исчезла ещё в 1845 году, отправившись искать путь из Атлантики в Тихий океан через Арктику...

Путь парусного судна из Петербурга до берегов Охотского моря и устья Амура тогда занимал почти 9 месяцев, сухопутные экспедиции через всю Сибирь требовали не меньшего времени. Поэтому деятельность «забайкальца» Агте и «байкальца» Невельского растянулась надолго.

Лишь в ноябре 1850 года в столице Российской империи узнали, что Геннадий Невельской самовольно основал первое русское поселение в устье Амура – Николаевский пост, будущий город Николаевск-на-Амуре, первыми обитателя которого стали шесть матросов из экспедиции Невельского. Узнав об этом событии, в Петербурге вновь собрался «Особый комитет по делам Дальнего Востока». Царь Николай I в шутку стал его именовать «Гиляцким комитетом» – «гиляками» тогда в России называли нивхов, аборигенов Амурского устья и Сахалина.

И вновь самые высшие чины империи – от министра иностранных дел Нессельроде до главы правительства князя Чернышёва – были против любой активности возле Амура. «Кто может поручиться, – вопрошал глава российского МИДа, – что китайцы не придут в значительной силе, не вытеснят горсть наших людей, не разорят на глазах гиляков наши постройки и не попрут самого флага? Всё это произведёт более вредное для нас влияние на местных гиляков, нежели добровольное оставление нами поста. Для сохранения достоинства нашего правительства гораздо лучше немедленно удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этот пункт в ожидании, что скажет китайское правительство...»

Единственным сторонником сохранения русского поста в устье Амура оказался восточносибирский губернатор Муравьёв. Глава правительства Чернышёв даже упрекнул его: «Вы просто хотите воздвигнуть себе памятник Амуром!» В итоге министры выставили губернатора с совещания, заявив, что пришлют ему итоговый протокол на подпись.

Вечером того же дня к Муравьёву прибыл фельдъегерь с приказом от главы правительства немедленно подписать протокол совещания. В протоколе высшие чины империи доказывали «неудобство занятия Амура», более того – было написано, что с этим согласился и сам губернатор Муравьёв. Раздосадованный глава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства решился на неслыханную в бюрократическом мире дерзость. Муравьёв заявил, что как радушный хозяин он просто обязан угостить офицера фельдъегерской службы хотя бы чаем, и, пока курьер сидел у самовара, вместо одной подписи губернатор прямо на протоколе писал свои доводы в пользу присоединения Амура к России.

В таком виде протокол заседания «Особого комитета по делам Дальнего Востока» и попал на стол императора. Возник бюрократический скандал, однако дерзость Муравьёва развеселила царя Николая I, который решил собрать новое заседание «комитета петербургских гиляков», на этот раз под своим личным председательством. Именно на этом заседании 19 января 1851 года царь произнёс знаменитые слова: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

«Итак, это наше!»

Впрочем, рассуждая о флаге, царь не забыл и про осторожность – основанный в устье Амура русский пост для остального мира решили представлять всего лишь как «торговый склад Российско-Американской компании». В адрес же Китая было решено направить дипломатическое послание очень осторожного содержания.

«До сведения нашего дошло, – сообщалось от имени русского царя китайскому императору, – что с некоторого времени у устья Амура стали появляться иностранные суда, и мы имеем причины думать, что появление там сих иностранных судов, из коих некоторые были военными, не без цели. Вековые дружественные наши с Китаем отношения побуждают нас довести до сведения китайского правительства о сём важном обстоятельстве. Овладение устьем Амура какой-либо морскою державою не может быть нами терпимо, так как Амур вытекает из наших пределов, и притом земли, примыкающие к устью Амура, по трактату нашему с Китайской империей оставлены неразграниченными. Поэтому интересы как Китая, так и России требуют, чтобы никакие иностранные суда не могли иметь вход в Амур и плавать по этой реке и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державе. Всё это дружески сообщается китайскому правительству на дальнейшее его размышление – не признает ли оно полезным войти с нами в соглашение на счёт безопасности устья упомянутой реки от всяких покушений на сии места иностранцев, чего требует взаимная безопасность наших и ваших границ...»

Вопреки опасению министра иностранных дел Нессельроде, никаких протестов, а тем более решительных действий со стороны Китая не последовало. Русский пост спокойно существовал в устье Амура, не встречая каких-либо следов присутствия китайской власти в этих краях. В Петербурге всё более убеждались – Пекин либо не считает эти неразграниченные земли своими, либо китайскому правительству совсем не интересна эта таёжная глушь.

В конце 1852 года в Петербург с берегов Амура наконец вернулась «забайкальская» экспедиция подполковника Николая Агте. Дюжина «топографических отрядов» экспедиции за три года прошла более 20 тысяч вёрст по Северному Приамурью, впервые исследовав почти три миллиона квадратных километров.

22 апреля 1853 года подполковник Агте и губернатор Муравьёв лично представили царю Николаю I отчёт экспедиции и составленные ею географические карты. Русский император с удовольствием разглядывал первую в мире «Генеральную карту Амурской области». Карта доказывала, что в соответствии с подписанным 164 года назад

Нерчинским трактатом северный берег в устье Амура может принадлежать России, ведь в природе нет единых «Каменных гор», протянувшихся на восток к океану, а есть целый ряд горных хребтов разной направленности.

Подполковник Агте пояснял царю: «Только уверенность китайцев, что не разграниченная с нами черта должна направляться не на восток к океану, а на юго-восток к Среднему Амуру, может объяснить их молчание по предмету занятия нами устьев Нижнего Амура, что, конечно, давно известно маньчжурским властям и не может более составлять тайны для Пекинского правительства...»

Николай I был доволен. Склонившись над новой картой, он провёл рукой от Байкала до устья Амура: «Итак, это наше!» Затем царь посмотрел на глобус и тут же помрачнел: «Всё это хорошо, но я ведь должен посылать защищать это из Кронштадта...»

Царь имел в виду, что у России на дальневосточных берегах практически нет никаких войск, а кораблям, чтобы попасть на Дальний Восток, надо оплывать всю Европу, Африку, Индию, Китай и Японию, то есть бóльшую половину земного шара. И тут за карту взялся губернатор Восточной Сибири: «Кажется, нет надобности, государь, так издалека. Можно и ближе подкрепить...»

Муравьёв провёл рукой на карте по течению Амура из Забайкалья к океану, показывая, что подкрепления на дальневосточное побережье будет проще отправить прямо по Амуру – по пути, которым русские люди не плавали со времён Ерофея Хабарова. Царю понравилась эта идея. 57-летний самодержец рассмеялся и, как мальчишку, потрепал 44-летнего генерал-губернатора рукой по голове: «Ах, Муравьёв, ты, право, когда-нибудь сойдёшь с ума от Амура!»

До окончательного возвращения России на берега великой дальневосточной реки оставалось всего 5 лет.

Пароход по завещанию

Предлагая царю совершить пробное плавание по всему Амуру, от истоков до устья, Николай Муравьёв ждал гонца из Забайкалья. Там, в пяти тысячах вёрст к востоку от Петербурга, у казачьей станицы Сретенской, на берегу одного из амурских истоков – реки Шилки, шло строительство первого на Дальнем Востоке парохода.

Генерал-губернатор Муравьёв не зря через несколько лет дополнит свою фамилию почётной приставкой «Амурский» – он понимал, что первый пароход, прошедший воды Амура от истоков до устья, навсегда решит судьбу великой реки и её берегов. Русские люди не проплывали здесь со времён Ерофея Хабарова, ведь более полутора столетий амурские воды считались территорией Китайской империи Цин, закрывшей путь нашим кораблям...

Амур входит в десятку крупнейших рек на Земле – почти четыре с половиной тысячи километров, если считать от устья до истоков реки Аргунь, которая, сливаясь с рекой Шилкой, и образует амурское русло. Шилка протекает по нашему Забайкалью, Аргунь же с конца XVII века является границей между Россией и Китаем. Поэтому неслучайно два первых русских парохода, строившихся для плавания по Амуру, получают имена образующих его истоков – «Аргунь» и «Шилка».

Готовить строительство этих пароходов генерал-губернатор Николай Муравьёв начал ещё в 1850 году. В отличие от прежних гребных судов именно пароходы должны были обеспечить надёжное плавание по Амуру. Им предстояло провести по реке баржи с войсками и припасами, чтобы создать укрепленные посты в амурском устье и перебросить подкрепления на Камчатку. Ведь в то время именно Амур был самой удобной «дорогой» из Сибири к водам Охотского и Японского морей.

Существовавшие альтернативные пути были чрезвычайно сложны. Ранее грузы и людей на дальневосточные берега России везли либо морскими кораблями из Петербурга через три океана, огибая большую половину земного шара, либо через тайгу по труднейшему «тракту» от Якутска к Охотскому порту. И только первые пароходы на Амуре открывали России широкую дорогу на Восток.

Иркутский купец Евфимий Андреевич Кузнецов

Но благие замыслы генерал-губернатора Муравьёва сразу натолкнулись на привычное препятствие – банальную нехватку денег. Высшая бюрократия в Петербурге относилась к дальневосточным инициативам Муравьёва без одобрения. Вопреки мнению самого царя, министры Российской империи опасались ссориться с Большим Китаем ради далёких и диких земель на Амуре, считая их освоение напрасной и рискованной тратой казённых средств.

Замысел Муравьёва о первых пароходах для Дальнего Востока спас случай. Осенью 1850 года в Иркутске умер богатейший купец Евфимий Андреевич Кузнецов, один из первых миллионеров Сибири. Огромный капитал он сколотил на торговле водкой и золотых приисках, а прославился необычайным везением и непомерными тратами, разбрасывая на свои прихоти целые состояния.

Купец Кузнецов и губернатор Муравьев были знакомы лично – центр Восточно-Сибирского генерал-губернаторства (включавшего земли Забайкалья, Якутии и русские берега Охотского моря вместе с Камчаткой) располагался именно в Иркутске. Иркутский коммерсант хорошо знал про амурские замыслы Муравьева и перед смертью, не имея прямых наследников, часть своего богатства – 100 тысяч рублей серебром – завещал на строительство первых пароходов для Амура.

Но суда с новыми, сложнейшими для середины XIX века механизмами только предстояло построить. Ближайший завод, где тогда создавали паровые двигатели, располагался на Урале, в Екатеринбурге – от Забайкалья его отделяло более трёх с половиной тысяч вёрст. Цены на паровые машины были крайне высоки. Никакой железной дороги через всю Сибирь ещё не было даже в замыслах, поэтому проблемой становилась и доставка тяжёлых паровых двигателей с Урала за Байкал, к истокам Амура.

Принадлежавший государству Екатеринбургский механический завод в то время был полностью загружен строительством механизмов и двигателей для военных пароходов Каспийской флотилии. Поэтому пришлось обратиться к уральским частным промышленникам, которые оценили стоимость двух паровых машин с доставкой их на берега реки Шилки в 81 тысячу рублей серебром. Как писал в Петербург губернатор Муравьев, при такой покупке от завещания купца Кузнецова остаются «деньги весьма незначительные и недостаточные для сооружения двух пароходных судов с оснасткою».

Чтобы избежать лишних трат, Муравьев решил купить не сами машины, а, как тогда говорили, «машинное заведение» – оборудование, необходимое для их производства. Договор о покупке был подписан 2 января 1851 года, архивы полностью сохранили для нас его данные вплоть до копеек. Всё необходимое приобрели за 26 899 рублей 10 копеек у Мельковской механической фабрики в Екатеринбурге, которая работает и в наши дни, став огромным заводом «Уралтрансмаш». Три с половиной тысячи вёрст транспортировки купленного на санях и телегах от Урала до станции Сретенской (ныне город Сретенск) в Забайкальском крае обошлись ещё в 15 692 рубля 77 копеек.

Итого на создании первого судостроительного производства к востоку от Байкала удалось сэкономить 57 408 рублей 13 копеек.

«И край Амурский открывал...»

Необходимый для постройки пароходов металл купили на Петровском чугунолитейном заводе в 400 верстах к юго-западу от Читы. Выпускавшееся там железо по качеству было хуже уральского, но его можно было дешевле и быстрее доставить к месту строительства пароходов. Управляющий Петровского завода, родившийся в Сибири горный инженер Оскар Дейхман, стал и ответственным за сборку двигателей будущих пароходов.

Верфь для их строительства оборудовали в 80 верстах ниже по течению от Сретенска, где в Шилку впадает река Чалбуча. Заброшенный сереброплавильный завод в устье Чалбучи стал базой для создателей первых амурских пароходов.

Общее руководство строительством и подготовку пароходов к плаванию поручили Петру Васильевичу Казакевичу, опытному военному моряку в чине капитана 2 ранга. В ближайшем будущем именно капитан Казакевич внесёт огромный вклад в освоение Приамурья – не зря на современной карте России его фамилией названы бухта и пролив в Японском море, мыс на Охотском побережье и одна из протоков Амура в районе Хабаровска.

Строительство первых пароходов в малолюдном Забайкалье сталкивалось с огромными трудностями. Хотя на берегу Шилки заложили сразу два корабля, но строить их пришлось поочередно – для одновременных работ не хватало ни сил, ни специалистов. Второй пароход смогут построить только через год после первого, а в качестве работников пришлось привлечь даже сотню каторжников с Карийских золотых приисков.

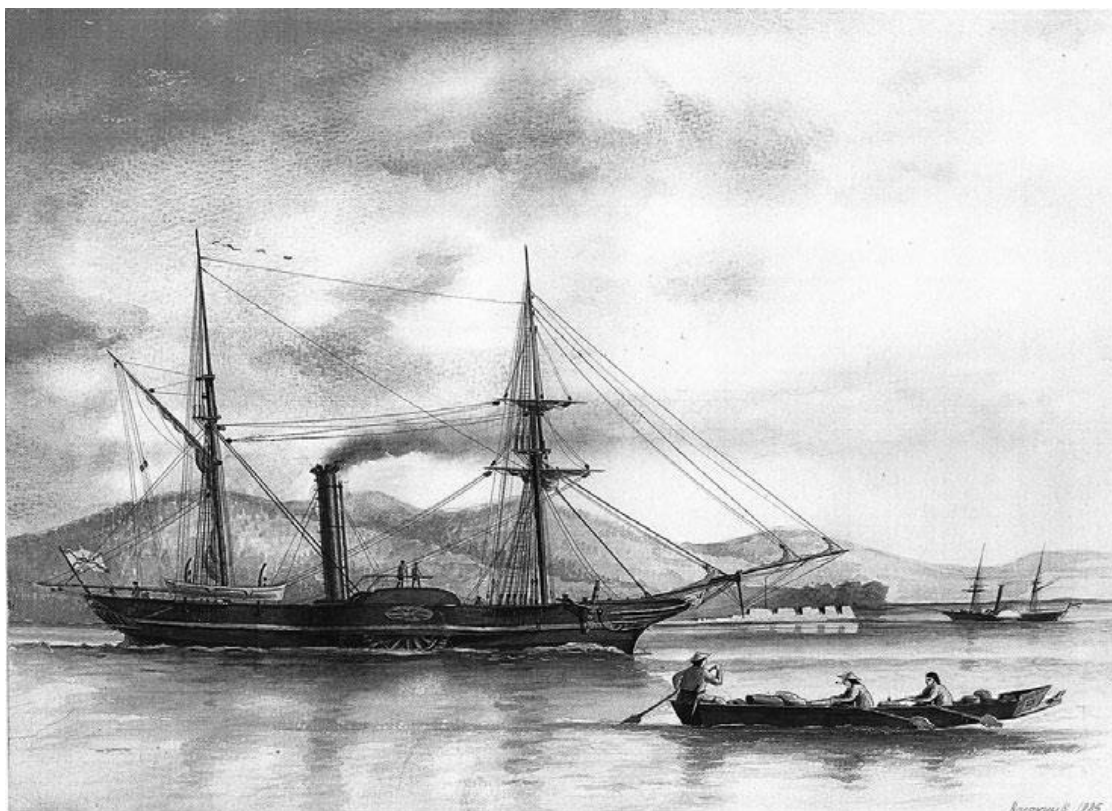
Чертежи пароходов готовил «титулярный советник» и корабельный инженер Михаил Гаврилович Шарубин, он же руководил сборкой корпуса первого парохода. Любопытно, что спустя полтора десятилетия, когда Шарубина похоронят на окраине Петербурга, его могилу украсит надгробная эпитафия, рассказывающая именно про далёкий Амур:

Из края в край судьбой носимый,
Родной ты берег покидал
И океан необозримый
Не раз шутя переплывал –
И край Амурский открывал...

Первые пароходы для Дальнего Востока стали главным делом в жизни «титулярного советника», в конце марта 1852 года он сообщал

губернатору Муравьеву: «Работы по построению корпуса судна закончены».

Спустя неделю из Петербурга пришла правительственная депеша: «Государь Император высочайше повелеть изволил – проектированный для плавания по реке Шилке пароход наименовать Аргунь». Ещё не достроенный пароход официально включили в списки кораблей военного флота Российской империи.

«Аргунь», первый пароход на Амуре.

Рисунок В.В. Васякина, выполненный по архивным материалам, предоставленным В.Р. Чепелевым

Корпус парохода «Аргунь», построенный полностью из железа, в длину был чуть более 26 метров. Так как пароходу предстояло плыть по мелким истокам и притокам Амура, то его днище соорудили почти плоским, с осадкой без груза менее полуметра. Но корпус был самой простой задачей – создание механизмов и паровой машины на Петровском чугунолитейном заводе заняло немало времени и закончилось только в апреле следующего 1853 года. Ещё полгода заняла транспортировка разобранного двигателя и механизмов на конных телегах – ведь Петровский завод от верфи на реке Шилке отделяли почти 700 вёрст.

Пароход «Аргунь» стал не только первенцем на Амуре – он оказался первым в России пароходом, полностью построенным из отечественных

материалов без привлечения иностранных специалистов. История сохранила для нас фамилии рабочих, занимавшихся монтажом его двигателя, паровых котлов и гребных колёс, – приехавшие с Петровского завода механики Белокрылов и Бакшеев, слесари Павлов и Дедулин. Свою нелёгкую работу они завершили весной 1854 года.

Первый на Амуре пароход был именно колёсным – более совершенный гребной винт, впервые появившийся только 14 лет назад, до восточной окраины Сибири ещё не дошёл. Поэтому созданное здесь «пароходное судно» имело по четырёмметровому гребному колесу с каждого борта. Над палубой возвышалась одна труба и две деревянные мачты с реями – их пришлось оснастить парусами, ведь паровая машина, впервые построенная к востоку от Байкала, получилась мощностью всего в 60 лошадиных сил и позволяла пароходу развивать лишь небольшую скорость – менее 7 узлов (около 13 км/ч).

Но для современников на восточной окраине Сибири первый пароход казался верхом совершенства. Как вспоминал один из очевидцев о внутреннем обустройстве нового корабля: «Каюты все были хороши, но капитанская в особенности. Большой зал со светлым люком, спальня, буфет и хороший клозет...»

Команду «Аргуни» составили матросы 47-го флотского экипажа; к этой войсковой части принадлежали все военные моряки, служившие на Камчатке и берегах Охотского моря. Но дальневосточные матросы ещё не имели опыта обслуживания новой паровой техники, поэтому в качестве «машинистов» в команду зачислили штатских – мастеровых, ранее участвовавших в монтаже двигателя на пароходе.

Капитаном «Аргуни» стал 28-летний Александр Степанович Сгибнев, родившийся в Кронштадте, потомственный военный моряк. С лета 1851 года он занимался исследованием русла реки Шилки «с целью учреждения на ней судоходства», а затем строил деревянные баржи и гребные суда, который должны были пойти по Амuru вслед за первым пароходом.

«Чтобы при этом не пахло порохом...»

В небывалое плавание от истоков к устью Амура должен был отправиться целый караван судов. Всю зиму солдаты располагавшихся в Забайкалье «линейных» (то есть пограничных) батальонов заготавливали лес. Весной на берегах Шилки и её притоках началось строительство барж и огромных плотов. Все суда надо было закончить к маю, и, как вспоминал прапорщик Алексей Баранов: «Работы производились спешно, начинали с рассветом и оканчивали с темнотой, работали часов 15–18 в день. Это продолжалось с конца марта до последних чисел апреля...»

Подготовку «амурского сплава», как тогда называли плавание к устью Амура, ускорила большая политика. С 1853 года Россия вела войну с Турцией, на стороне которой выступили Англия и Франция. К началу следующего 1854 года стало понятно, что вооружённое столкновение с англо-французской коалицией неизбежно. Это сразу превращало региональный конфликт с Турцией в войну по всем границам Российской империи. Ведь Англия и Франция имели тогда самые сильные военные флоты, способные нанести удар по нашей стране не только на западе, у берегов Чёрного, Балтийского и Белого морей, но и на Дальнем Востоке.

Россия на тот момент практически не имела войск восточнее Байкала – на огромном пространстве от Аляски и Камчатки до Охотска насчитывалось лишь несколько сотен солдат и матросов. Самым крупным был гарнизон Петропавловска-Камчатского, но и его 125 бойцов, включая писарей и денщиков, вряд ли могли защитить наши берега в случае появления англо-французского флота.

Требовалось срочно перебросить на Дальний Восток подкрепление. Морской путь из Кронштадта вокруг земного шара, мимо Западной Европы, Африки, Индии, Китая и Японии, был невозможен – в Мировом океане господствовали британские корабли. Солдаты ещё могли с трудом пройти по таёжной тропе неудобного «тракта» из Якутска к Охотскому порту. Но провезти этим путём тяжёлые пушки и многочисленные припасы было совершенно невозможно.

И только текущий с запада на восток полноводный Амур, берега которого всё ещё считались китайскими, открывал надёжный путь для переброски резервов и грузов к дальневосточным владениям России. Окончательное решение идти этой «дорогой» приняли в январе 1854 года на новой встрече царя Николая I и генерал-губернатора Николая Муравьёва. В условиях начинающейся войны с Англией и Францией было решено «плыть Амуром», не дожидаясь разрешения китайских властей. Русский император поставил Муравьёву лишь одно условие: «Чтобы при этом не пахло порохом...»

Видимо, тогда Николай Муравьёв понял, что ему придётся плыть с войсками по Амуру лично. Корабли с солдатами и грузом надо было провести через формально всё ещё чужую территорию, но при этом избежать какого-либо столкновения или конфликта с китайцами. В марте 1854 года Великобритания и Франция объявили войну нашей стране, их могущественные флоты готовились к атаке – выбора не оставалось, подкрепление для Дальнего Востока необходимо было доставить к лету.

«Амурский сплав»

Война и стала причиной почти круглосуточных работ на берегах Шилки. К маю 1854 года, помимо первого парохода, был готов целый караван речных судов – 76 деревянных барж, баркасов и огромных плотов. Им предстояло везти к устью Амура сводный отряд из солдат сибирских «линейных батальонов» и забайкальских казаков. Командиром отряда был назначен 28-летний подполковник Михаил Семёнович Корсаков, ранее не раз бывавший на Камчатке и берегах Охотского моря. Отправляясь в этот путь к новым, неизведанным землям, молодой подполковник не мог знать, что в будущем благодарные потомки назовут в его честь город на Сахалине и несколько сёл на берегах Амура...

19 мая 1854 года, проехав всю Сибирь с запада на восток, к Шилкинскому заводу, где уже собрались все войска и готовые суда, приехал генерал-губернатор Муравьёв. Прошедшая зима была суровой, Шилка промёрзла насквозь, и только к этому времени на реке исчезли последние льдины. Муравьёв тут же распорядился провести испытания парохода.

25 мая первый дальневосточный пароход спустился на несколько вёрст вниз по Шилке. Его возвращение губернатор обставил торжественно – на берегу реки в парадной форме выстроились солдаты. Как вспоминал очевидец тех событий, казачий сотник Гавриил Скобельцын: «Генерал Муравьёв отдал приказ при возвращении парохода встречать его пушечными и ружейными залпами с берегов. К сожалению, торжество совершенно не удалось. Пароходик не имел сил подняться против течения, и его пришлось притащить бечевою...»

Солдаты посчитали, что проблемы возникли из-за неудачного дня испытаний – на календаре тогда было 13 мая по старому стилю. В реальности неопытные кочегары и слабая паровая машина не позволили пароходу идти против сильного течения разлившейся весенней Шилки. Первый блин вышел комом, и возвращать пароход к месту стоянки пришлось солдатам в роли бурлаков. Но откладывать поход для доработки паровой машины времени не было. На следующий день генерал-губернатор Муравьёв назначил отплытие каравана.

Начало похода отметили молебном перед специально привезённой из Нерчинска старинной иконой Богородицы, по преданию спасённой из осаждённого китайцами Албазина. Многим очевидцам запомнилось и красивое пение хора, составленного из забайкальских каторжников – других певцов в этой глуши не было.

К полудню 26 мая 1854 года на суда погрузился весь отряд – сотня казаков, 754 пехотинца, 120 кавалеристов регулярной армии с лошадьми и 46 артиллеристов с 4 пушками. Но бóльшую часть каждого

предназначенного к походу судна занимал груз – почти 25 тысяч пудов продовольствия и военных припасов, в основном предназначенных для Камчатки и Охотской флотилии. Среди груза было не только казённое имущество, но и частные пожертвования, собранные сибирскими купцами для первого «Амурского сплава». Например, иркутский золотопромышленник Степан Соловьёв за свои деньги обеспечил всех отправлявшихся в плавание рядовых солдат запасами чая, сахара, мыла и табака.

«Казаки и артиллеристы и их лошади, – вспоминал участник похода прапорщик Алексей Баранов, – находились на барках, построенных казаками на Аргуни. Эти барки были почти круглые, с низкими бортами и двигались медленнее наших лодок, как вследствие своей формы, так и потому, что дно у них было сделано из бревен, положенных поперек барок... Все лодки были нагружены хлебом несколько выше бортов, в виде удлинённой пирамиды, и накрыты парусиной. На передних и задних частях лодок, свободных от груза, помещались солдаты. Мы, офицеры, также устроили себе на кормовых частях лодок нечто вроде кают, пользуясь парусиной, покрывавшей хлеб... Кроме разных лодок и барок, у нас имелись ещё плоты из брёвен, занятые разными припасами, солониной, маслом и живым рогатым скотом для продовольствия экспедиции. По мере расходования припасов и скота плоты пойдут на дрова для парохода...»

Караван растянулся на много вёрст по Шилке. В первой лодке в качестве проводника плыл 24-летний казачий сотник Гавриил Дмитриевич Скобельцын. Уроженец Забайкальского пограничья, он раньше участвовал в исследовательских экспедициях на северном берегу Амура и знал язык маньчжуров и «тунгусов»-эвенков, местных аборигенов. Как и многие участники первого «Амурского сплава», этот казак навсегда оставит память о себе на карте России – там, где в Амур впадает река Бурея, и сегодня располагается основанное в позапрошлом веке село Скобельцыно.

Через четыре дня плавания по Шилке, 30 мая 1854 года в 14 часов 30 минут, караван подошёл к её слиянию с рекой Аргунь. Отсюда начинался сам Амур, по которому русские люди не плавали более полутора веков. Как вспоминал очевидец: «Все встали в лодках и осенились крестным знаменем. Генерал-губернатор, зачерпнув в стакан амурской воды, поздравил всех с открытием плавания по реке, раздалось восторженное «ура»...»

«Солдаты любили пароход...»

Спустя два дня, 1 июня, корабли достигли места, где некогда стоял героический Албазин, – сегодня это Сквородинский район Амурской области. Участники «сплава» отдали дань памяти погибшим здесь русским первопроходцам. Командир одной из рот, 23-летний подпоручик (т. е. младший лейтенант по-современному) Николай Александрович фон Глен, позднее так вспоминал тот день: «Под звуки молитвы, исполненной батальонными трубачами, Муравьев со свитой вышел на берег и поднялся на вал, которым был когда-то обнесён Албазин и следы которого видны и доныне. Все невольно обнажили головы и сотворили крестное знамение в память погибших здесь геройского смертью защитников крепостцы, отражавших грудью своей полчища манджур, в десять раз превосходивших своею численностью. Помолясь, отряд тронулся дальше...»

Отсюда начинались совершенно неисследованные воды. Не было ни точных карт Амура, ни сведений об особенностях его дна, отмелях и течениях. Деревянные суда осторожно двигались вслед за лодкой с проводником и чёрным, хорошо заметным на воде пароходом. Как позднее рассказывал о первом плавании по Амуру сам командир парохода «Аргунь» Александр Сгибнев: «В то время мы имели об этой реке самые скромные, сбивчивые понятия, и поэтому плыли, как говорится, ощупью, не зная даже, в какой степени река судоходна... Поэтому нередко суда притыкались к мелям и их приходилось разгружать и снова нагружать».

Порядок плавания капитан Сгибнев описывает так: «Отряд обыкновенно уходил с ночлега на рассвете, по пушечному выстрелу с парохода, а пароход снимался с якоря не ранее десятого часа, когда расчищался туман, почти постоянно покрывавший берега реки по утрам. К полдню пароход догонял отряд. Затем, по затруднительности держаться с отрядом, разбросанным по фарватеру реки на пространстве двух-трех вёрст, пароход в широком месте обгонял отряд и уходил вперёд, чтобы выбрать удобный берег для привала на ночлег».

Воспоминания капитана Сгибнева о первом амурском плавании дополняют мемуары прапорщика Баранова: «Пароход уходил вперёд и останавливался с таким расчётом, чтобы флотилия могла прибыть туда же часам к десяти или одиннадцати вечера. Прибывающие лодки устанавливались вдоль берега... Тотчас начиналось приготовление пищи, солдаты варили себе чай. Пока был скот, пищу готовили со свежим мясом, а потом с солониной или маслом. Особая команда назначалась на каждом привале рубить дрова для парохода».

Первому на Амуре пароходу плавание давалось с трудом. Не раз плывущие в воде или затонувшие стволы деревьев ломали лопасти

гребных колёс, которые приходилось экстренно чинить. Но как вспоминал прапорщик Алексей Баранов: «Солдаты любили пароход, называя его, как лошадь, «Воронко», по чёрному цвету его окраски. Присутствие парохода действительно как-то оживляло экспедицию, как будто делало её сильнее и значительнее...»

Русский речной караван плыл по безлюдной местности, берега Амура были полны диких животных и птиц. Но, со слов прапорщика Баранова, «во всё плавание нами не было сделано ни одного выстрела, хотя дичи было довольно, – стрельба была запрещена». Генерал-губернатор Муравьёв строго запретил выстрелы, чтобы не пугать и не провоцировать китайские власти.

Но первые поселения подданных империи Цин русские встретили, лишь преодолев почти 900 вёрст от слияния Аргуни и Шилки, приближаясь к той местности, где сегодня на левом берегу Амура стоит город Благовещенск. Хотя Амур уже почти два столетия формально принадлежал Китайской империи, этнические китайцы на его берегах никогда не жили. Более того, правящие в Пекине маньчжуры под страхом смертной казни запрещали китайцам селиться на землях Маньчжурии и, соответственно, на берегах Амура.

Во встреченных русскими первых поселениях обитали «тунгусы»-орочёны и маньчжуры. Муравьёв знал, что где-то здесь находится городок Айгунь – единственное в то время крупное поселение в Приамурье, располагавшееся на правом, южном, берегу реки. «Приближаясь к Айгуню, – вспоминал позднее казачий сотник Гавриил Скобельцын, – генерал Муравьёв приказал мне выбрать на левом берегу Амура удобное место для высадки войска...»

«Огненная лодка с множеством суровых людей»

Казак Скобельцын не мог знать, что выбранное им место в будущем станет русским городом Благовещенском, ныне центром Амурской области. Сделанный им выбор диктовался лишь удобством берега и тем, что место для русского лагеря будет отделено от маньчжурского города широкой рекой – генерал Муравьёв не знал, как отреагируют на появление каравана китайские власти. Надеясь на мирные переговоры, он велел готовиться и к возможному бою.

Высадка русского отряда на берег – там, где река Зея впадает в Амур, – произошла 9 июня 1854 года. По приказу Муравьёва войска чистили ружья и точили штыки. Было назначено общее построение. Солдаты переодевались в чистое бельё и готовились получить казённую чарку водки – по традиции русской армии так всегда полагалось перед боем.

Оказавшийся на берегах Амура потомок баронского рода прибалтийских немцев Николай фон Глен, выстраивая солдат своей роты на прибрежной поляне, не мог знать, что спустя всего полтора десятилетия именно здесь появятся на свет трое его детей – одни из первых уроженцев будущего города Благовещенска... В тот день юного 23-летнего поручика заботили иные вопросы. «Всех волновала одна мысль, – запишет он позже в мемуарах, – что-то ждёт в Айгуне? Согласятся ли китайцы пропустить флотилию, или придётся с оружием в руках завоёвывать себе это право?»

Тот же вопрос волновал и генерал-губернатора Николая Муравьёва. «Мы слышали барабанный бой, – вспоминал те минуты казачий сотник Гавриил Скобельцын. – Начальники частей со своими отрядами спешили явиться на место сборного пункта, куда направился и генерал Муравьёв со всем своим штабом. На месте сбора заиграла музыка и было вынесено несколько вёдер спирта. Генерал почерпнул ковш и, обратившись к войску, сказал: «Я служил на Кавказе, солдаты меня любили, со мною в огонь и воду готовы были идти. Вот тут ниже есть китайский городок, могут быть разные столкновения. Надеюсь, если будет нужно, вы, русские, на свою руку охулки не положите!»

К утру следующего дня небольшое русское войско – менее тысячи солдат и сотня казаков – изготовилось к бою. Пароход с генералом Муравьёвым пересёк Амур и приблизился к маньчжурскому берегу, к городку Айгунь. По приказу генерала на пароходе безостановочно играл военный оркестр. Свой приказ получили и оставшиеся на левом берегу офицеры: «Если переговоры не приведут к желаемому результату, то по знаку с парохода войска немедленно должны переправиться на правый берег Амура и вступить в дело».

«Вступать в дело», т. е. атаковать, не пришлось. В ходе длившихся целый день переговоров чиновники империи Цин согласились пропустить караван Муравьёва далее по Амуру. Впервые с XVII века был создан прецедент свободного плавания русских кораблей по великой дальневосточной реке. Немалую роль в успешном исходе переговоров сыграл невиданный в этих краях пароход – изумлённые маньчжурские чиновники, отправляя в Пекин донесения, назвали его «огненной лодкой с множеством суровых людей».

11 июня 1854 года русская «огненная лодка» во главе каравана судов отправилась далее по Амуру. «Множеству суровых людей», точнее, горстке наших солдат и офицеров, вскоре предстояло столкнуться в боях с британским флотом, защищая Камчатку и амурское устье. Благополучно покинувший Айгунь губернатор Муравьёв ещё не знал, что спустя всего четыре года именно в этом городке он подпишет договор, который навсегда вернёт России берег Амура.

Глава 6

«Младший брат Христа» против Конфуция: восстание тайпинов. Как в Китае XIX века началась самая большая крестьянская война в мировой истории

Но прежде чем подойти к обстоятельствам заключения нового русско-китайского договора о берегах Амура, посмотрим, что же происходило в Поднебесной. А происходила там – ни много ни мало – самая большая крестьянская война в мировой истории...

В 1843 году, следующем по окончании «опиумной» войны с Англией, в деревнях недалеко от потрясённого «заморскими варварами» Кантона возникла ещё одна секта, или тайное общество. Таких тайных союзов и обществ – религиозных, политических, мафиозных, а зачастую всё это вместе и разом – в Китае издревле было великое множество. В эпоху империи Цин они выступали против маньчжурского господства, за восстановление старой, уже ставшей легендой национальной династии Мин: «Фань Цин, фу Мин!»

В конце XVIII века одно из них – самое известное по «мафиозному» имени «Триада» – подняло восстание против маньчжуров на Тайване и в южных приморских провинциях. Так закончился почти вековой период относительного социального мира внутри империи. На рубеже XIX столетия в Северном Китае буддийское тайное общество «Байляньцзяо» («Белый лотос») возглавило большое крестьянское восстание, длившееся почти девять лет. Характерно, что после подавления восстания, в 1805 году, взбунтовались те, кто его подавлял, – сельское ополчение «сяньюнь» и ударные части добровольцев «юнбин», требовавшие вознаграждения после демобилизации. К ним примкнули новобранцы войск «зелёного знамени», протестовавшие против плохого снабжения. Вырезать опытных солдат маньчжуры уже не могли и, чтобы утихомирить военный мятеж, раздали бунтовщикам земли из казённого фонда.

Вся первая половина XIX столетия прошла в Китае под знаком непрекращающихся провинциальных волнений, разрозненных бунтов и мятежей тайных обществ и национальных меньшинств. В 1813 году последователи секты «Небесного разума» даже штурмовали императорский дворец в Пекине, восьми десяткам нападающих удалось прорваться в покои императора, но они были перебиты маньчжурскими гвардейцами из «Цзинь-цзюнь-ин», дворцовой стражи.

Но новая секта, или новое тайное общество, отличалась от прежних тем, что была основана на преломлённом в китайском сознании христианстве.

Китайский брат Иисуса Христа

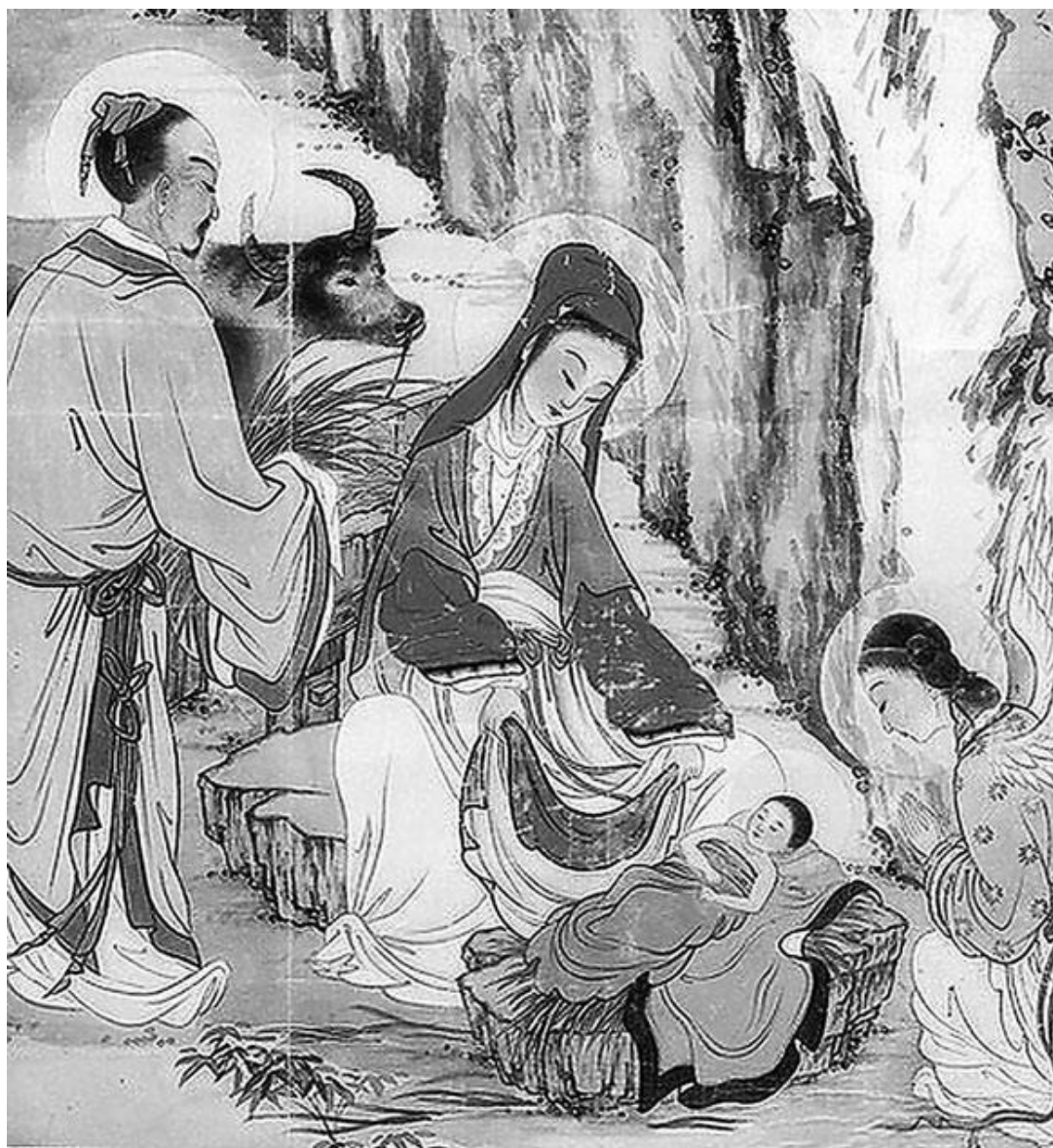
Сын зажиточной сельской семьи Хун Сюцюань трижды ездил в Кантон, посвятив первые 30 лет жизни неудачным попыткам сдать пресловутые экзамены на чиновничью должность. Именно там он познакомился с китайскими переводами христианских книг и проповедей, а перегруженный конфуцианской схоластикой мозг и жестокое разочарование в традиционном миропорядке (провал на экзаменах означал конец мечтам о карьере) породили сначала духовный кризис, а потом прозрение, иллюминацию и религиозно-политическую экзальтацию, ставшую началом нового учения и государства.

Подобно христианским святым, Хун после третьего провального экзамена, ставшего для него концом прежней жизни, 40 дней и ночей находился при смерти, бредя стихами, в которых смешивал христианские элементы с традиционными китайскими. Выздоровев, он уже не думал о сдаче экзаменов, а намеревался изменить мир. Ведь он уже был братом Иисуса Христа...

Лидер тайпинского восстания, «младший брат Иисуса Христа» Хун Сюцюань. Рисунок XIX века

К счастью для нового мессии, у него оказались очень практичные последователи, как выяснится в близком будущем, наделённые недюжинными организаторскими и военными талантами. Таков был Ян Сюцин, сын нищих крестьян из соседней провинции Гуанси, сменивший немало занятий и оказавшийся безработным после того, как по итогам «опиумной» войны центр иностранной торговли переместился из Кантона в Шанхай. Ян вряд ли до конца верил в то, что уважаемый им учитель Хун – родной сын Иеговы и брат Иисуса, но это не помешало ему объявить себя вторым младшим братом бога-сына. И уж тем более, подобно всем пассионарным личностям, он искренне считал себя ничем не хуже Христа или маньчжурского императора.

Китайский рисунок на библейскую тематику.

Преломлённое в средневековом китайском сознании христианство оказалось способно породить и не такие сюжеты...

Всего же основателей нового учения и нового государства (действительно нового – не зря Новую историю Китая начинают с этого восстания) было шестеро – учитель, нищий, ростовщик, землевладелец, крестьянин, рудокоп. Самого разного социального происхождения, образования и профессий, все они были «хакка», дети бедных кланов. «Хакка» буквально – «гости», потомки древних переселенцев, которых издавна презирали и притесняли коренные кланы. И века совместной жизни не сгладили, а углубили эту вражду. Здесь вмешалась исконная борьба за основное средство выживания – за землю, очень похожая по социальной природе на ту, что через половину века породит на Юге России между казаками и «иногородними» большую кровь гражданской войны. Эта большая кровь – ещё бóльшая благодаря огромным массам населения – залёт и восставший Китай, и при тайпинах, и при Мао.

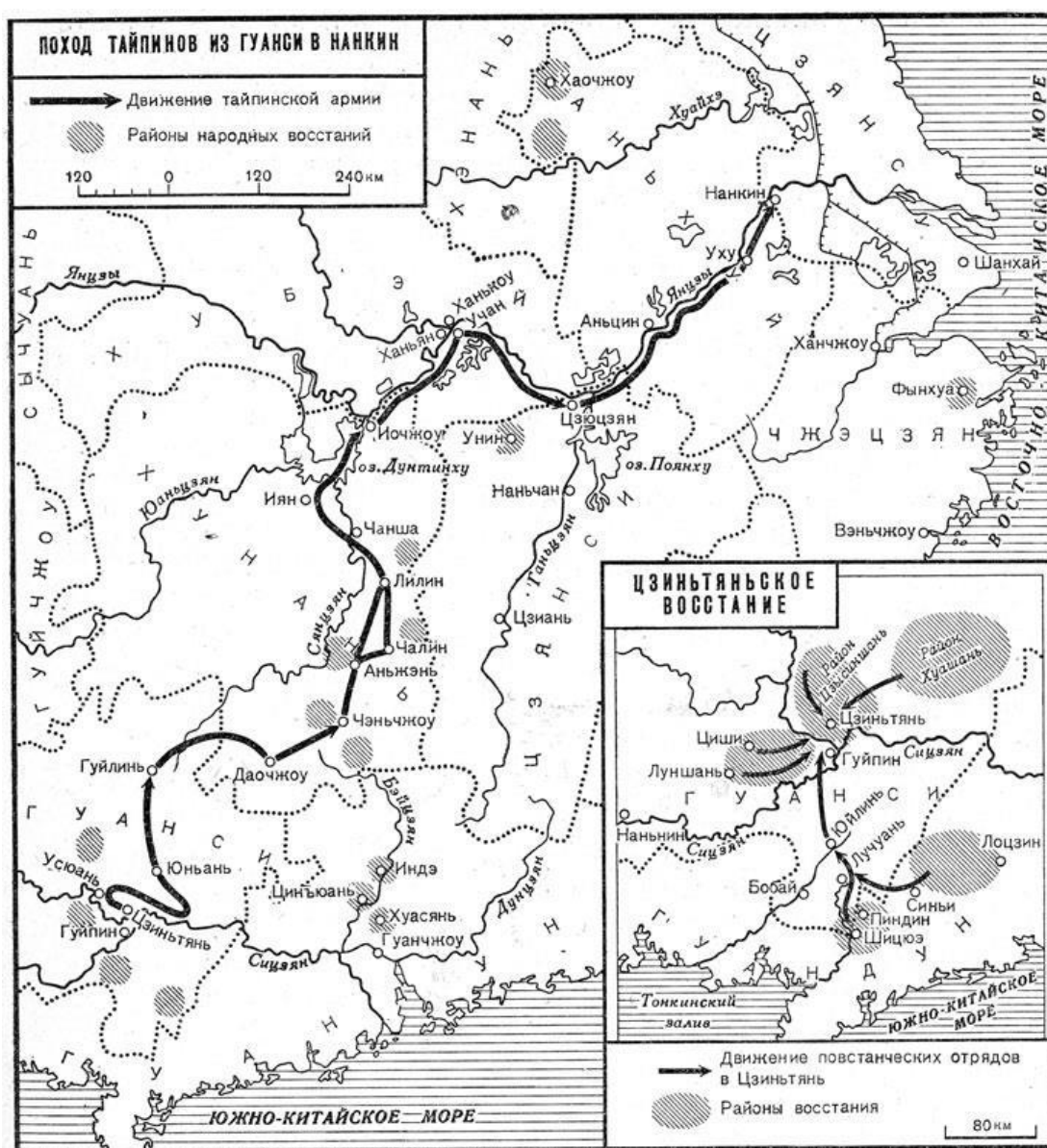
Дети «хакка» создали общество «Байшандихуй» – общество Отца Небесного, в котором переплелись христианское учение о справедливости и древние китайские утопии о всеобщей гармонии, призывы к социальному равенству и национальному восстанию против инородной маньчжурской династии. По сути, это была первая в новой истории версия «теологии национального освобождения». В дополнение к Ветхому и Новому заветам они написали свою, «третью часть» Библии – Последний завет.

В 1847 году Хун Сюцюань приехал в Кантон к протестантским миссионерам из США, чтобы принять обряд крещения. Но это были уже не те христиане первых веков, что сокрушили рабовладельческую империю Рима, – испугавшись странного китайца, американский священник отказался его крестить.

Богоискатели не сразу превратились в повстанцев. Местные власти гоняли непонятных проповедников, потом стали сажать в тюрьму и освобождать за взятки. Через семь лет новое учение охватило значительные массы, а секта превратилась в разветвлённую подпольную организацию, с лета 1850 года начавшую подготовку к открытому восстанию.

«Царство Небесное» и его ополченцы

11 января 1851 года в деревне Цзиньтянь уезда Гуйпин округа Синьжоуфу провинции Гуанси взбунтовались рабочие-угольщики против произвола местного маньчжурского чиновника. Бунт стал сигналом к большому восстанию. 25 сентября повстанцы захватывают первый большой город – уездный центр Юньань, где создают своё правительство и провозглашают новое государство. Оно называлось Царство Небесное Величайшего Счастья – «Тай-Пин Тянь-Го», – и восставших стали называть «тайпинами».

Начало тайпинского восстания, 1851–1853 годы

С XIX века «Тай-Пин Тянь-Го» по традиции переводят как «Небесное Государство Великого Благоденствия». Но поскольку вожди тайпинов использовали именно библейскую терминологию, то ближайшим русским аналогом «Тянь-Го» будет хорошо знакомое и ныне всем христианам «Царство Небесное». Естественно, что в XIX веке в России не могли так именовать государство китайских инсургентов. Что же касается термина «Благоденствие», то он был уместен в позапрошлом столетии (например, «Союзом благоденствия» называлось одно из первых тайных обществ декабристов), но в XXI веке переводить терминологию китайских революционеров при помощи лингвистического анахронизма совершенно не обязательно. «Царство Небесное Величайшего Счастья» куда точнее отражает стилистику тайпинов.

Лидер восставших сектантов Хун Сюцюань получил титул «Тянь-ван» – Небесный государь (ближайший русский религиозный аналог – «царь небесный»); по сути, он стал императором, антиподом только что вступившего в Пекине на «драконий трон» маньчжурского богдыхана Сяньфэна.

Самопровозглашённый «Царь Небесный», Тянь-ван, претендовал на верховную власть во всём мире – такой тайпинский вариант мировой революции. Поэтому его сподвижники получили вспомогательные титулы по сторонам света – Восточный, Западный, Южный и Северный государи, соответственно «Дун-ван», «Си-ван», «Нань-ван» и «Бэй-ван». Был ещё Вспомогательный (или Фланговый) государь, «И-ван».

Провозгласив «Царство Небесное Величайшего Счастья», по сути, тайпины без обиняков декларировали создание Рая на Земле... Они носили красные повязки на голове, а в знак неповиновения маньчжурам перестали брить волосы над лбом и заплетать обязательные косы, за что получили от врагов прозвище «хунтоу» и «чанмао» – красноголовые и длинноволосые.

В дальнейшем, в ходе затянувшейся гражданской войны, когда отдельные города и районы не раз переходили из рук в руки, особо хитрые и конформистские обыватели умудрялись, отрастив волосы, сохранять и косу, скрывая её под головными уборами от тайпинов, чтобы в случае возвращения маньчжуров, быстренько сбрав лишнее, предъявить этот знак верноподданности маньчжурской династии.

Помимо кос тайпины отменили и традиционный для конфуцианского Китая обычай бинтования женских ног. Вообще, женщины у тайпинов получили равный социальный статус, и на первом этапе движения в их армии существовали даже особые женские отряды.

Движение тайпинов – можно даже говорить о тайпинской революции – было очень сложным явлением. Это была и традиционная крестьянская война против правящей бюрократии (социальный взрыв, включавший и

войну кланов), и традиционное же национально-освободительное движение против иноземной династии. Это была религиозная война нового «христианского» мировоззрения против традиционного китайского (особенно против конфуцианства в самых его костных формах) и в то же время война за возрождение древнейших китайских идеалов, восходящих к эпохе Чжоу, завершившейся за три века до Христа. Тайпины сочетали традиционный китайский национализм, с его осознанием превосходства над окружающими народами, и искренний интерес к западному христианскому миру, к «братьям-варварам», как говорили они.

Эти особенности движения и превратили восстание тайпинов в сложную и долгую гражданскую войну – выродившуюся династию Цин с их разложившимся военно-бюрократическим аппаратом от китайских революционеров спасли китайские же традиционалисты, убеждённые конфуцианцы, вступившие в шаткий союз с последними маньчжуро-монгольскими пассионариями.

Не случайно главным врагом тайпинских «ванов» на поле боя стал лидер классической поэтической школы Китая, мастер «поэзии сунского стиля» Цзэн Гофань. У него было всё в порядке с экзаменами и чиновничьей карьерой. Возможно, он бы ещё принял лозунг «Фань Цин, фу Мин!» – «Долой династию Цин, восстановим династию Мин!» – но «христианский коммунизм» тайпинов был ему глубоко противен. Вдохновенный традиционалист и в то же время убежденный новатор (реформировал всё – от армии и придворного этикета до конфуцианской философии), он сыграл решающую роль в разгроме тайпинов.

Именно Цзэн Гофань и его ученик и соратник по гражданской войне Ли Хунчжан в ходе борьбы с тайпинами положат начало новой, уже не средневековой китайской армии, которая спасёт династию Цин, для того чтобы в начале XX века сбросить её с трона, а к середине столетия исчезнуть под ударами наследников тайпинов – китайских коммунистов, которые в свою очередь создадут новую армию, одну из крупнейших в нашем, XXI веке.

Но оставим историческую диалектику и вернёмся к тайпинам.

Первые потери и неудачи «Царства Небесного»

Восставшие сектанты удерживали город Юньань полгода. Сорок тысяч провинциальных войск «зелёного знамени» блокировали захваченный тайпинами район, но так и не смогли приступить к штурму городских стен, наткнувшись на активную оборону – отряды восставших постоянно маневрировали и контратаковали противника в окрестностях Юньани, умело сочетая эти действия с партизанской войной. В апреле 1852 года, когда в контролируемом ими районе иссякли запасы продовольствия, тайпины прорвали линию блокады и двинулись на север. При прорыве в упорных боях были убиты четыре маньчжурских генерала, а тайпины потеряли попавшим в плен своего первого военного руководителя, главу союзных «триад» Хун Дацюаня.

В ходе прорыва повстанцы атаковали столицу провинции Гуанси, город Гуйлинь, но фитильные ружья и пушки на городских стенах отразили все атаки. В одной из них под огнём маньчжурских пушек погиб «Нань-ван», Южный государь тайпинов, – он, кстати, был первым, кого власти несколько лет назад арестовывали за странную проповедь и отрицание Конфуция.

Не втягиваясь в долгую осаду, тайпины двинулись дальше на северо-восток, в соседнюю провинцию Хунань. По пути к ним присоединилось 50–60 тысяч человек, в том числе несколько тысяч работников угольных шахт. Из них был создан отдельный сапёрный отряд, предназначенный для подкопов под городские стены. Два месяца тайпины осаждали и штурмовали город Чанша, столицу Хунани. Именно здесь впервые проявился главный в ближайшем будущем враг тайпинов – 40-летний высокопоставленный чиновник в отставке и конфуцианский поэт Цзэн Гофань, а объединенные местные отряды самообороны – «миньтуани» наряду с пушками сыграли главную роль в защите города. Под огнём пушек у стен Чанши погиб Западный государь тайпинов, «Си-ван», из нищих крестьян, бывший охранник купеческих караванов.

Отступив от Чанша, тайпины двинулись к великой китайской реке Янцзы, по пути присоединяя к себе всё новые толпы восставших. Спустя 80 лет точно так же придётся действовать китайским коммунистам – потерпев неудачу в штурме крупных городских центров, их «советские районы» долгие годы будут кочевать по пространствам сельского Китая, прорывая блокады правительственных войск, постоянно теряя в боях старых и с тем же постоянством собирая по пути новых повстанцев, которых массами рождала нищая китайская деревня.

Традиционное для всех тайных обществ подчинение авторитетам помогло тайпинам в самом начале движения сформировать отличный военный костяк с железной дисциплиной, храбростью и преданностью,

основанными на религиозном (а по сути, политическом) фанатизме. Среди лидеров тайпинов было немало образованных людей, знакомых с древнекитайскими военными трактатами, в то же время они не были скованны присущей цинским военным чиновникам косностью и стереотипами.

Вот как описывал свои «университеты» седьмой отец-основатель движения, Хун Дацюань, лидер одного из ответвлений более традиционной «Триады», не уверовавший во Христа, но с самого начала ставший союзником тайпинов и погибший в первых боях: «С малых лет я читал книги и писал сочинения, несколько раз держал экзамены на учёную степень, но чиновники-экзаменаторы, не вникнув в мои сочинения, не признавали моих талантов, и тогда я стал монахом. Вернувшись в мир, я ещё раз держал экзамены, но опять не получил степени, тогда я страшно разгневался, но затем увлёкся книгами по военному делу, желая совершить великие дела. Все военные законы и стратегия с древнейших времён привлекали моё внимание. Вся карта Китая была у меня в голове как на ладони...»

Подробное изложение истории тайпинов, сути их учения и хода 15-летней гражданской войны очень сложно из-за обилия китайских имён, терминов и географических названий, трудных для русскоязычного читателя. Поэтому дальнейшее повествование будет лишь общим и фрагментарным описанием войны тайпинского «Царства Небесного» против Поднебесной империи.

Триумф в долине Янцзы

В период острого военного кризиса, когда повстанцам «Царства Небесного» пришлось с боями отступать к долине реки Янцзы, фактическим руководителем восстания стал Восточный государь тайпинов – «Дун-Ван», он же Ян Сюцин, разорившийся торговец хворостом. Возглавив армию, он приказал мобилизовать у местного населения тысячи лодок и использовать для движения многочисленные притоки Янцзы. Благодаря этому тайпины 13 декабря 1852 года стремительным броском заняли город Йочжоу на берегу великой китайской реки, где в их руки целёхонькими попали большие арсеналы вооружения, созданные ещё два века назад для своей личной армии одним из китайских князей, вассальных маньчжурской династии.

С учётом технического и тактического уровня цинских войск этого оружия XVII века было вполне достаточно для развёртывания в несколько дней большой армии и начала генерального наступления. В добавление к уже имеющимся лодкам Ян Сюцин без промедления мобилизовал на Янцзы ещё более 5000 судов – от крупных джонок до мелких деревянных яликов, посадил на них свои войска, создав несколько флотилий, и неудержимым потоком двинулся вниз по Янцзы на восток.

В густонаселённой богатейшей долине Янцзы отдельные маньчжурские гарнизоны и провинциальные части войск «зелёного знамени» не могли противостоять многочисленной, дисциплинированной и, по китайским меркам, неплохо вооружённой армии, столь быстро маневрировавшей по великой реке и её многочисленным притокам и озёрам. Успехам повстанцев способствовали и действия в городах тайных обществ из семейства «триад».

12 января 1853 года тайпины заняли богатейшее трёхградье на Янцзы, Ухань – три города-спутника: Учан, Ханькоу и Ханьян (цинские войска смогли удержать только цитадель Учана). Народ поддерживал тайпинов или был нейтрален, цинские офицеры и чиновники разбежались, а правительство в Пекине лишало их за это чинов и званий.

Численность восставших достигла полумиллиона, а флот насчитывал 10 000 джонок. Последовательно захватывая города на Янцзы, тайпины за неполных три месяца прошли почти тысячу километров вниз по реке, достигли численности в миллион человек и 5 марта 1853 года вышли на подступы к древней столице Китая – Нанкину (в переводе: «Южная столица»). Маньчжурский император издал указ об аресте и смертной казни высокопоставленных чиновников, не сумевших остановить продвижение «красноголовых».

9 марта повстанцы начали обстрел южных ворот Нанкина из пушек и катапульта, через три дня они замкнули кольцо окружения города и

приступили к рытью подкопов. Нанкин был одним из крупнейших городов Китая с населением свыше миллиона человек. Его 40-километровые городские стены по праву считались самыми длинными городскими стенами в мире. Их высота достигала 15–20 метров, ширина – 30 метров.

19 марта 1853 года, на рассвете, подорвав эту грозную стену, тайпины начали генеральный штурм. Нескольким сотням тайпинского «спецназа» удалось прорваться через образовавшийся 7-метровый пролом. Не задерживаясь, они стремительно проникли в центр города и, соединившись с заранее подготовленной агентурой, неожиданно атаковали ставку маньчжурского командующего. Хотя маньчжурским солдатам удалось заблокировать первый пролом в стене, гибель командующего и разгром штаба парализовали их оборону, а новый взрыв открыл путь в Нанкин основным силам тайпинов.

Два дня шли бои и резня на улицах города, тайпины перебили 20 000 маньчжуров с семьями. В воззвании к жителям южной столицы Китая они писали: «Все люди должны знать, кто есть Отец Небесный, и повиноваться Небесному государю. Надо всем вместе овладеть страной и сообща пользоваться счастьем».

Армейская структура тайпинов

Нанкин на долгие годы стал центром нового государства, тайпины переименовали «Южную столицу» в «Небесную». Именно здесь они смогли приступить к реорганизации своей армии и социальным реформам, чтобы устроить справедливость и всеобщее счастье, как они его представляли.

Вскоре после закрепления в Нанкине была опубликована «Земельная система Небесной династии» – Конституция, политическая программа и одновременно военный устав тайпинов.

Низшей организационной ячейкой армии был «у» (пятёрка, отделение) – четверо рядовых-«цзу» и их командир-«учжан». Каждый рядовой солдат в пятёрке носил особое звание, применявшееся в качестве номера: «чжунфан» (атакующий), «бо-ди» (поражающий врага), «цзицин» (разящий) и «шенли» (победитель). Каждый «у» также носил специальные названия вместо номеров: «сильный», «храбрый», «героический», «стойкий» и «воинственный».

Пять отделений-«у» составляли взвод-«лян» во главе с командиром-«сыма». Взводы носили названия по сторонам света: северный, южный, западный и восточный. Четыре взвода составляли сотню, или роту-«цзу», в которой было 100 рядовых и 5 офицеров. Пять рот формировали полк-«люй»: 500 солдат и 26 командиров, включая командира полка – «люйшуай». Полки носили названия: левофланговый, авангардный, центральный, правофланговый и арьергардный. Пять полков составляли дивизию-«ши», которую возглавлял дивизионный командир-«шишуай».

В состав каждой дивизии, кроме пехоты, входила небольшая кавалерийская часть. Пять дивизий составляли корпус-«цзюнь»: 13 166 бойцов по штату во главе с командующим-«цзюньшуай». «Шуай» – буквально вождь или предводитель. Здесь тайпинские «люйшуай», «шишуай» и «цзюньшуай» сходны с ээсовскими «штанартенфюрер», «бригадефюрер», «группенфюрер»...

Несколько повстанческих корпусов под командованием обычно одного из тайпинских государей-«ванов» составляли отдельную армию. Количество корпусов не было определённым и в годы наибольшего успеха тайпинов доходило до 95.

Современники считали, что тайпины воспроизводили военную систему легендарной древнекитайской империи Чжоу, созданную императором и полководцем У-ваном за тысячу лет до нашей эры. Интересно, что европейские наблюдатели, современники тех событий, применяли в описании армии тайпинов древнеримскую военную терминологию: центурии, когорты, легионы...

*Тайпины, воины «Царства Небесного Величайшего Счастья».
Европейская гравюра XIX века*

Кроме полевых частей, в армии тайпинов были созданы технические части: два корпуса сапёров по 12 500 человек в каждом, шесть корпусов кузнецов и плотников, имелись и другие вспомогательные войска. Речной флот тайпинов, в годы их наивысшего успеха, включал около 112 тысяч человек и делился на девять корпусов. В армии тайпинов действовали отдельные женские отряды, были и женщины на командных постах до дивизии включительно.

*Офицеры армии тайпинов.
Европейский рисунок XIX века*

Из письменных источников тайпинов дошла даже точная цифра общего количества их войск – 3 085 021 человек, в их числе около 100 тысяч женщин-солдат. Цифра явно преувеличена, по-видимому, это списочный состав всех, кто побывал в рядах «регулярной» армии и кого смогла учесть новорождённая тайпинская бюрократия.

Крестьянская суть Китая определяла и основу военной организации. Взвод объединял не только 25 солдат, но и 25 их семей, которые совместно обрабатывали землю и совместно пользовались имуществом, продуктами, деньгами и трофеями. Эти семьи вместе работали и молились, вместе кормили своих солдат, нетрудоспособных, детей и сирот. Таким образом, взвод-«лянь» составлял основу и армии и общества. Командир взвода «сыма» был одновременно воинским начальником, священником (политкомиссаром) и председателем колхоза. Командир корпуса на своей территории был одновременно главой гражданской власти и судьёй.

Помимо высших государственных чинов, государей-«ванов», число которых со временем значительно увеличилось, в тайпинском государстве-армии существовала развитая система воинских должностей и званий. Ниже «ванов» стояли «тяньхоу» – небесные князья. За ними шли должности «цзунчжи» и «чэнсяна» – по сути, начальника штаба и штабных офицеров при «ване» или «тяньхоу». Далее следовали должности армейских ревизоров и инспекторов – «цзяньдянь», командующих группами корпусов – «чжихой».

Была и должность, по сути, начальника Генерального штаба – «цзюньши», в обязанности которого входили доклады об обстановке в армии и на фронтах непосредственно Царю Небесному.

Золотой век британских торговцев оружием

Первоначально армия тайпинов формировалась из добровольцев и сторонников их учения, но достаточно скоро они перешли к принудительным рекрутским наборам. На первом этапе гражданской войны командиры всех рангов избирались и лишь высшие утверждались руководителями движения.

Солдаты и командиры армии тайпинов, в отличие от «восьмизнаменных» маньчжурских гвардейцев и войск «зелёного знамени», как правило, не получали денежного содержания, только продовольственный паёк. Раса давали поровну, а количество мяса зависело от воинского звания. В первые годы тайпинской революции никому, от Небесного государя до рядового, не разрешалось обзаводиться личным имуществом – одежда, питание и прочее снабжение шли из общего котла. Практически ту же аскетическую систему советские военные советники с некоторым удивлением обнаружат в середине XX века у китайских коммунистов – в НОАК, Народно-освободительной армии Китая...

Подобно всем повстанцам, тайпины начали войну с минимальным вооружением, но в дальнейшем сумели наладить даже собственное производство. Как писал в 1930 году один из первых советских исследователей армии тайпинов бригадный комиссар Андрей Скорпилёв: «Горнорабочие сыграли в тайпинской армии примерно такую же роль, как уральские рабочие в Пугачёвском восстании. На примитивных медных и чугунных заводах Юго-Западного Китая горнорабочие отливали для тайпинов пушки, они же дали для армии кадры хороших артиллеристов. Кроме того, из горнорабочих же главным образом были организованы сапёрно-подрывные отряды, производившие подкопы и взрывы осаждаемых тайпинами городов. Кузнецы и плотники мастерили для тайпинов луки и мечи».

Войдя с захватом Янцзы в соприкосновение с иностранцами, тайпины стали приобретать оружие и у них. Иностранцы (в первую очередь англичане) были не против гражданской войны и раскола Китая на два государства, первоначально они придерживались нейтралитета и даже направили в Нанкин к тайпинам своих официальных дипломатических представителей. Тайпины, будучи изначально благожелательно настроены к «братьям-варварам», не возражали против свободной торговли и соглашались с потенциальной возможностью строительства железных дорог и телеграфа. Безоговорочно запрещали они только торговлю опиумом.

Англичане же с удовольствием сбывали старое стрелковое вооружение обеим сторонам. Причём первыми здесь успели маньчжуры:

они обратились к европейским представителям с просьбой о покупке оружия и судов, когда тайпины ещё только двигались по Янцзы, и даже успели использовать в речных боях с ними португальские галеры, спешно купленные в Макао, – повстанцы разгромили эту флотилию у Чжэньцзяна (города, который за десять лет до того брали штурмом британцы в ходе первой «опиумной» войны).

Тайпинское восстание стало золотым веком для английских торговцев оружием. В Европе тогда полным ходом шло перевооружение армий на нарезные винтовки, и, покупая на распродажах старые кремнёвые ружья, они сбывали их сторонам конфликта с наценкой в 1000–1200%.

Армия «Царства Небесного»

Захватив весной 1853 года крупнейший город Китая, Нанкин, восставшие против конфуцианских властей и маньчжурской династии «младшие братья Христа» сумели создать своё государство и регулярную армию.

Хотя за годы гражданской войны тайпины заметно повысили свою оснащённость стрелковым вооружением, тем не менее их армия всегда оставалась преимущественно с холодным оружием. Кремнёвыми и фитильными ружьями вооружали только наиболее надежные старые части. «Новобранцы», как правило, получали пики и короткие мечи. Конница вооружалась длинными мечами или саблями, луками или пистолетами.

Тактика тайпинской армии была обусловлена её вооружением и, по сути, не отличалась от неизменной со Средних веков тактики маньчжур, сходной с европейской тактикой середины XVII века. Обычно за линией пикинёров, с длиной пик от 2,5 до 4 метров, выстраивались стрелки из ружей и лучники. Стрелки с кремнёвыми ружьями располагались за стрелками, вооружёнными фитильными. Бой начинался стрельбой из пушек, «гингальсов», луков и ружей. При сближении с противником в ход шло холодное оружие – все пехотинцы имели мечи. Конница обычно размещалась на флангах и в тылу, в случае успеха атаки она преследовала противника, при неудаче прикрывала отступление своей пехоты.

При боях в окружении и при угрозе атак с разных направлений тайпины применяли кольцевой боевой порядок или порядок в форме сложного креста – дивизии, а в их составе и полки, размещались крестообразно в соответствии со своими наименованиями: левофланговый, авангардный, центральный, правофланговый и арьергардный.

В каждом полку имелись трубачи, барабанщики, музыканты с флейтами, рожками и горнами. Условными сигналами этих инструментов передавались команды на поле боя. В управлении войсками применялись и флаги, каждая часть имела свой флаг соответствующей формы, цвета и размера.

Военные уставы тайпинов

Иностранцы, побывавшие в Нанкине в годы войны, вывезли оттуда ряд брошюр и книг тайпинов, среди которых «Свод военных законов», «Основы военной тактики», «Устройство армии», «Правила военных лагерей» и другие. Положения этих своеобразных уставов формулировались коротко, по типу христианских заповедей, понятных и доходчивых даже для неграмотных, и обычно состояли из десяти пунктов-«заповедей». Например, в «Правилах для походной жизни» первая заповедь гласила: «Каждый солдат старше 16 лет должен сам носить на себе оружие, пищу и посуду, необходимую для её приготовления»; девятая заповедь обладала особой китайской спецификой: «Никому не разрешается несправедливо убивать кули, даже если он слишком стар и слаб, чтобы нести груз».

Кули – буквально «горький труд», это грузчики и носильщики. В перенаселённом Центральном и Южном Китае все сухопутные перемещения грузов осуществлялись не гужевым транспортом, а носильщиками. Их труд был дешевле работы лошадей, а на едва проходимых узких тропах, составлявших большую часть китайских «дорог», ещё и удобнее конного транспорта. Огромное количество носильщиков-кули было неотъемлемой частью всех китайских армий до середины XX века. Кули давали китайским воинским частям возможность уверенно передвигаться по очень плохим дорогам или вообще без дорог.

Третья заповедь из тайпинских «Правил для военных лагерей» предписывала: «Чтобы закалить душу и тело, не курить и не пить вино. Будь справедлив и кроток. Не допускай злоупотреблений. Не потворствуй дурным наклонностям. Не потакай низшим, не вводи в заблуждение старших». Другие пункты содержали требования, общие для армий всех времён и народов: знать наизусть все ночные и дневные сигналы, без особой надобности не перемещаться по части, знать чины и обращение к офицерам, содержать оружие в немедленной готовности к применению.

Пятый пункт этого своеобразного устава «гарнизонной и караульной службы» строго запрещал общение мужчин и женщин в военных лагерях, а заключительный десятый пункт гласил: «Не следует зря болтать о наших законах и о распоряжениях нашего начальства. Передавай без искажений военные сигналы и приказы».

Один из первых приказов по тайпинской армии гласил: «Каждый батальон должен выстраиваться, ровно и по ранжиру, в линию отрядных колонн. Всем быть единым сердцем, всем быть единой силой. Между собой соответственно держать связь. Голова колонны и её хвост поддерживают взаимную связь. Всеми силами усердно защищать старых и малых, женщин, больных и раненых. Каждый оберегает друг друга...

Всем солдатам и командирам обнаруживать общественный дух и не быть себялюбивыми».

Годы долгой гражданской войны превратили восставших крестьян, люмпенов, торговцев и чиновников Китая в профессиональных вояк, живших исключительно военным делом. С годами стаж армейской службы стал играть у тайпинов всё большую роль. Основу командных кадров составляли старые партизаны, начинавшие ещё в гуансийском подполье. Прослужившие в армии не менее 6 лет составляли гвардию, их официально именовали – «старые друзья». Это был строевой костяк, в известной мере находившийся в привилегированном положении: они были лучше вооружены, именно их преимущественно снабжали огнестрельным оружием, с годами требования обычной дисциплины применялись к «старым друзьям» значительно менее строго, чем к новобранцам. Отряды таких ветеранов имелись в каждой дивизии. Во время боя они располагались за рядами других солдат и играли роль последнего резерва и заградительного отряда.

Помимо «старых друзей» в тайпинской армии существовала самая настоящая гвардия – «шивей», телохранители «Царя Небесного» «Тяньвана», составлявшие «стражу государевой рощи» в Нанкине. По сути, они были аналогом маньчжурских «воинов, несущихся в тучах», «восьмизнамённых» гвардейцев, расквартированных в парке Запретного города в Пекине.

Вслед за «старыми друзьями» тайпинов шли так называемые «собратья», солдаты, прослужившие в рядах тайпинской армии не менее трёх лет. Прослужившие меньше трёх лет составляли основную массу вооружённых сил «Царства Небесного Величайшего Счастья», они были вооружены только холодным оружием и несли на себе основные тяготы походной и гарнизонной службы.

Эта структура напоминала европейским современникам систему древнеримского легиона, с его аналогичным делением бойцов по опыту, вооружению и месту в боевом порядке (гастаты, принципы и триарии); не случайно они применяли к тайпинам римскую военную терминологию.

«Их отряды казались горами тюльпанов...»

Тайпины ввели и свою систему государственных экзаменов на гражданские и военные должности. В 1859 году была, по сути, законодательно оформлена развитая система офицерских званий, отдельная от системы воинских должностей, о которой говорилось выше. Очень интересно и показательно наименование данного указа «Царя Небесного»: «Приведение степеней героических личностей в соответствие с их истинными заслугами».

Звание «вэйши» (грозный) трёх степеней давалось по итогам столичных экзаменов и соответствовало уровню высшего генералитета, не ниже командира корпуса. Звание «мэнши» (отважный), получаемое на экзаменах в провинциях, соответствовало уровню командиров дивизий. «Инши» (герой) – уровень командира полка. «Сяньши» (умный) и «нэнши» (способный) – уровень ротных командиров. «Синши» (верный) и «иши» (мастер) – уровень младших командиров, сержантов и ефрейторов.

Когда революционное государство тайпинов постепенно превратилось в иерархическую теократию, первоначальный аскетизм и эгалитаризм сменились развитой системой служебных привилегий, которые были закреплены законодательно. Например, в 1861 году «Царь Небесный» издал указ, разрешавший высшим руководителям-«ванам» иметь 11 жён, генеральскому составу армии – трёх жён, командирам среднего ранга – двух, младшим офицерам, рядовым и прочим гражданам – одну жену.

По возрасту большинство тайпинской армии, даже среди «старых друзей», составляла молодёжь. «Армия повстанцев, – писал английский очевидец, – как нам показалось, в своей большей части состоит из молодёжи. Многие из них совсем ещё мальчишки». Впрочем, и все руководители тайпинов в первые годы войны были младше 40 лет, кроме одного бывшего атамана гуансийских разбойников старика Ло Дагана.

Первоначально тайпины, как и восставшие всех времён и народов, не имели никакой военной формы. Впоследствии для их регулярной армии была введена особая одежда для солдат и офицеров. Солдаты носили короткую куртку и штаны, цвет которых в каждой из армий был различен: синий, чёрный, красный, зелёный, иных оттенков. На голове носили обычную шапку или соломенную панаму китайских крестьян. На куртках рисовали или вышивали иероглифы, указывавшие дивизию, полк и роту, в которых состоял солдат. Головной убор украшали четыре иероглифа – «тай пин тянь го» («Царство Небесное Величайшего Счастья»).

Цвет одежды офицеров варьировался в зависимости от их служебного ранга. Младшие офицеры носили красные куртку, штаны и шапку. Более высокие чины – желтую куртку и красные брюки, высшие командиры, «ваны», – желтые шапку, кафтан и брюки. До этого только Цинский император мог носить желтый цвет – цвет правящей династии, означавший величие, благородство и честь.

Иностранцы, наблюдавшие движение регулярной армии тайпинов по Янцзы, были поражены красочным зрелищем. «Их отряды, плывшие по реке на плоских судах, казались мне горами тюльпанов», – писал европейский очевидец.

Дисциплина и военная пропаганда тайпинов

Все современники, исследователи и даже враги тайпинского восстания отмечают крепкую и суровую дисциплину в их армии, «куда строже, чем у пуритан», как писали английские миссионеры. Отставание от походной колонны, симулирование болезни, чтобы уклониться от боя, отступление без приказа, самовольное вторжение в дома мирных жителей или насилие над женщинами карались смертью. Трусов и изменников карали особо жестоко – их сжигали заживо или разрывали конями. Мелкие нарушения дисциплины наказывались палочными ударами или выставлением к позорному столбу.

За подвиги и отличную службу награждали продвижением на более высокие посты. По закону тайпинов любой солдат имел право выдвинуть на командные должности любое лицо по своему выбору. Выдвинувший хорошую кандидатуру награждался, тот, кто представил к назначению человека, впоследствии оказавшегося негодным, должен был понести наказание. Продвижение у тайпинов способных людей из рядовых на высшие командные должности не было редкостью или исключением.

Сурово карались самочинные грабежи и мародёрство. За конфискованное продовольствие и ценности командиры тайпинов выдавали особые расписки, обещавшие вернуть долг после победы. Все конфискации производились централизованно в «Священные кладовые», безусловному изъятию подлежала собственность маньчжуров и их пособников. В первые годы тайпины широко практиковали раздачу конфискованного продовольствия беднейшему населению.

Погибший в самом начале движения лидер «триад» Хун Дацюань замечал, что «волшебствами и чудесами никогда ещё не совершались великие дела». И религиозные тайпины, унёсшиеся мыслями в небесное царство, в земной войне оставались весьма практичными людьми. Их мистическая вера служила действенным идеологическим оружием. Их пропаганда, облечённая в форму страстной религиозной проповеди, даже в переводе спустя полтора века производит впечатление – можно представить, сколь сильно она захватывала современников.

«Если бы все бамбуковые стебли обратились в кисти, а вода океанов в тушь, то этих кистей и этой туши не хватило бы для того, чтобы описать все злодеяния маньчжур. Но время их истекло, они должны быть сметены с лица земли!»

«В Китае был свой китайский облик, а теперь маньчжуры всем приказали брить волосы, отпуская косу, и этим заставили превратиться китайцев в животных. В Китае была своя китайская одежда, а теперь маньчжуры установили варварские одежды и обезьяньи шапки. В Китае были свои китайские отношения между людьми, теперь же маньчжурские

демоны выбирают себе прекраснейших женщин Китая и делают из них своих рабынь и наложниц... Молвишь это, и глубокая скорбь поражает сердце, заговоришь об этом – и обесчестишь свой язык. В Китае был свой китайский порядок, теперь же маньчжуры создали свой закон. В Китае была своя речь, а ныне маньчжуры создали пекинское произношение, подменили китайские звуки... В своём помыкании Китаем и презрении к нему они во всём достигли крайнего предела».

«Наши кладовые – это дома богатеев всего Китая, а наши амбары – амбары тех, кто спекулирует хлебом...»

«Если есть земля, её обрабатывают совместно; если есть пища, её совместно едят; есть деньги – их совместно расходуют. Повсюду должно быть равенство и не должно быть человека, который не был бы сыт и в тепле».

Тайпины обращали свою пропаганду и к китайским солдатам из «зелёнознамённых» войск: «Вы, храбрецы из отрядов маньчжурского правительства! Оберните свои лица против своих врагов! Принявшие заблуждение от демона-искусителя, вы не думаете о том, что вы были бы добрыми солдатами Китая, что вы, в сущности, принадлежите к честному народу...»

Кстати, практика мобилизации военнопленных в свои ряды будет распространена у тайпинов, а в последующие годы её переймут и их противники.

«Военный коммунизм» тайпинов

Заняв Нанкин и вырезав в нём маньчжуров, тайпины приступили к своим социальным преобразованиям. Они провели перепись населения, национализировали всё имущество, отменили частную торговлю и деньги и завели своеобразные коммуны. Причём первоначально они разделили мужчин и женщин на отдельные общежития и трудовые лагеря, строго запретив не только проституцию, но и прочий «разврат», так как активисты движения приняли решение до окончательной победы над маньчжурами отказаться от радостей плотской любви. Но поскольку война затянулась, этот эксперимент даже наиболее фанатичным тайпинам показался слишком радикальным, и разделение полов через полтора года было отменено.

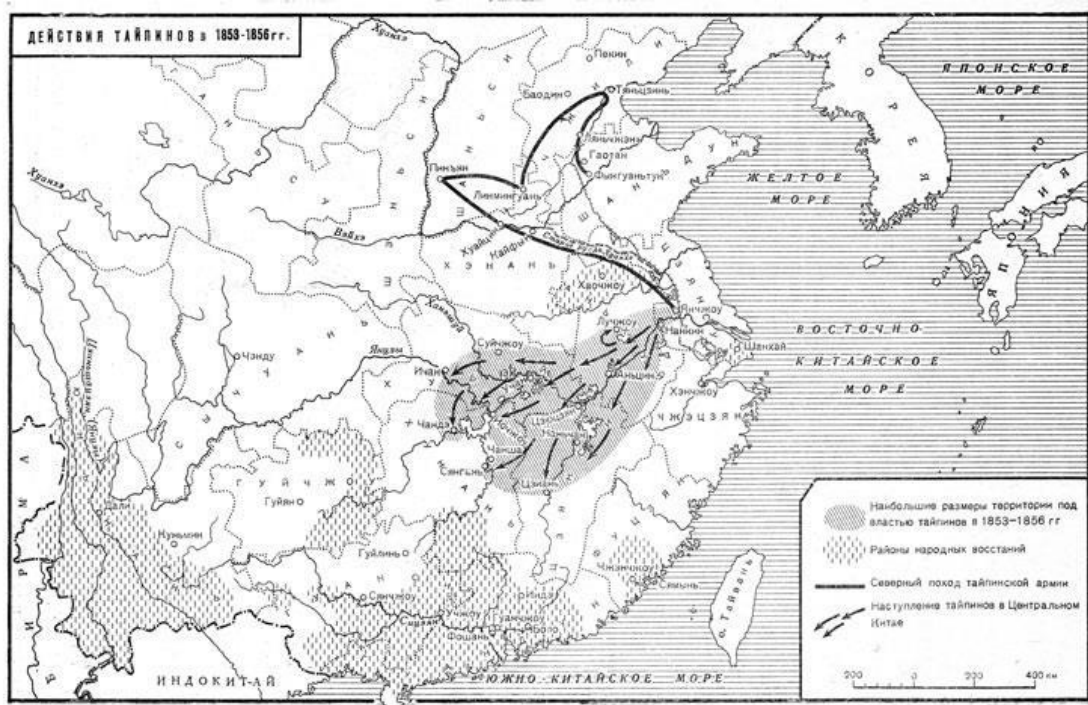
Иностранные наблюдатели не раз отмечали заметную эмансипацию нанкинских женщин, державших себя на равных с мужчинами, даже европейцами, что разительно отличало их от забитых соотечественниц в других городах и сёлах Китая. Указывая на отсутствие частной торговли, иностранцы в первые годы отмечали и вполне благополучный, сытый, хотя и лишённый излишеств, облик граждан «коммунистического» Нанкина.

Термин «коммунизм» применён здесь не случайно, он не раз употреблялся европейскими наблюдателями в отношении тайпинов. Например, в 1858 году в петербургском журнале «Современник» были опубликованы отрывки из проповедей и документов тайпинов, и русский комментатор, живший ещё в крепостной России, прямо сказал про Хун Сюцюаня, что «китайский реформатор поместил в догматы своей веры коммунизм...».

За пределами Нанкина тайпины были менее радикальны, даже либеральны – они существенно снизили основные налоги для земледельцев, оживили торговлю, уменьшив внутренние пошлины, отменили пытки и ввели гласный суд. Они обещали после окончательного изгнания маньчжур на три года отменить все налоги в Китае. Эти меры, а также справедливое и толковое управление не успевших коррумпироваться чиновников-тайпинов примирило с «длинноволосыми» многих из тех, кто первоначально был недоволен повстанцами из-за их радикализма в деле уничтожения конфуцианских храмов и памятников.

Конфуцианские кумирни, кстати, разрушали с настоящим остервенением, зачастую могли истолочь в пыль даже их кирпичи – столь глубокую ненависть вызывала у восставших та идеология, которой их до отвращения перекормил абсолютно несправедливый к ним мир. Этот прежний мир они стремились разрушить до основанья, а затем...

Впрочем, главной заботой тайпинов всегда оставалась не борьба с Конфуцием, а земная война с «восьмизнамёнными» и «зелёнознамёнными» армиями цинского императора.

Северный и Западный походы тайпинов и территория их государства в 1853–1856 годах

Неудержимо катясь вниз по Янцзы, восставшие не пытались да и не могли закрепить за собой всё тысячекилометровое пространство от Йочжоу до Нанкина. И уже в самом начале 1853 года цинские войска и чиновники восстановили свой контроль над городами среднего течения Янцзы. В апреле 1853 года 30-тысячная маньчжурская армия подошла с юго-запада к Нанкину и создала в 12 километрах от города сильно укрепленный югобережный лагерь, а другая 18-тысячная армия маньчжур (под командованием Ци Шаня, у которого 12 лет назад конфисковали 600 тонн серебра за провал в войне с англичанами) образовала на северном берегу Янцзы ещё один укрепленный лагерь. Эти войска не могли штурмовать столицу тайпинов, но приковывали их силы к Нанкину и ослабляли операции повстанцев в других районах Китая, прежде всего на пекинском направлении.

Началась долгая – 12 лет – регулярная война. Базируясь на Нанкин, настоящий мегаполис того времени, тайпины предприняли ряд больших походов. Для уничтожения маньчжурской династии был необходим поход на север, к Пекину, для упрочения положения Нанкина – поход на запад, в долину Янцзы, в Ухань, а для того чтобы окончательно отрезать

маньчжур от их источников снабжения – поход на восток, к морскому побережью, к Шанхаю.

Многие исследователи упрекают тайпинов, что они совершили стратегическую ошибку, сразу после взятия Нанкина не бросившись всем скопом на Пекин. Но был ли вообще возможен тысячекилометровый пеший поход ещё плохо организованной армии в районы Северного Китая, отличающиеся всем, включая климат и язык, от провинций юга? Руководители тайпинов избрали более осторожную и основательную стратегию – они начали Северный поход, по сути, большой диверсионный рейд к Пекину, но основными силами приступили к закреплению в долине Янцзы, попутно превращая повстанцев в регулярную армию, а большую религиозно-политическую секту – в полноценное государство.

Рейд на Пекин

Вскоре после успешного штурма Нанкина отряды тайпинов заняли город Чжэньцзян, где 10 лет назад шли упорные бои с англичанами, и перерезали Императорский канал. Именно эти войска получили приказ высших руководителей тайпинов: «Двигаться прямо на Пекин, не задерживаясь по пути для взятия других городов».

Чжэньцзян брали три тайпинских генерала, и перспектива далёкого похода на север вызвала среди них большие споры. Генерал Ло Даган, старый атаман гуансийских разбойников, самый пожилой из всех командиров тайпинской армии, отказался от рискованного рейда, высказавшись так: «Прежде чем думать о севере, нужно утвердиться в провинции Хэнань, только после этого армия могла бы перейти Хуанхэ; рисковать углубляться в чужие земли с изолированной армией, лишённой поддержки, – такой приказ я не осмелюсь принять».

Два других генерала, молодые крестьяне, но старые участники тайпинского общества Линь Фынсян и Ли Кайфан, подчинились приказу. Они получили новые звания «хоу» (князей, на ступеньку ниже государей-«ванов») и уже в мае 1853 года двинули свои войска на север. Так начался героический и трагический Северный поход тайпинов.

В начале этого рейда у них было 10 тысяч бойцов, но повстанческие корпуса быстро присоединили к себе ещё столько же восставших. Уже в июне они ненадолго блокировали Кайфын, столицу провинции Хэнань, расположенной между Янцзы и второй великой рекой Китая – Северной Хуанхэ. Не имея возможности переправиться через Хуанхэ в её нижнем течении, войска Северного похода, лавируя между маньчжурскими отрядами и гарнизонами, далеко отклонились на запад.

С 27 июня по 5 июля они на немногочисленных угольных баржах переправлялись через Хуанхэ, при этом четверть войск не успела переправиться и осталась партизанить на южном берегу. Потеряв август в безуспешной осаде города Хуайцина, повстанцы через горы двинулись в провинцию Шэньси и через неё – в столичную провинцию Чжили, в которую вошли 29 сентября 1853 года, приближаясь к Пекину с юго-запада.

Появление тайпинов на подступах к Пекину привело маньчжурское правительство в состояние замешательства и лихорадочной активности. Были отстранены от должностей и преданы суду чиновники и военачальники, не сумевшие остановить повстанческий рейд.

11 октября была создана особая военная группировка для обороны столицы, её возглавил один из принцев крови, а начальником штаба – и фактическим руководителем – стал принц 2-го ранга, «знамённый» монгол Цэнгэринчи (Сэнгэ Ринчен из рода Борджигин, потомок

Чингисхана). В его распоряжение были переданы войска Чахарской ставки, т. е. «восьмизнамённые» монголы, и монгольское конное ополчение. Комендантом пекинского гарнизона стал принц крови Гун (в близком будущем фактический правитель Китая и фаворит одиозной императрицы Цыси), он сразу объявил в городе военное положение и выселил из Пекина 30 тысяч подозрительных бедняков.

Мобилизация «восьмизнамённых» войск в Пекине вскрыла чудовищную халатность и коррупцию в маньчжурской гвардии. Константин Скачков, учёный-китаевед, проживший годы Тайпинской войны в российской миссии в Пекине, так описывал те дни: «В складах пекинских не было оружия, всё оно было расхищено и продано. На руки же войскам, даже восьмизнамённым, оружия никакого не выдавалось из опасения вооружённого бунта. Когда с приближением повстанцев к Пекину императору захотелось сделать смотр своим войскам, все оттягивали возможность этого смотра, а когда наконец он состоялся, то значительная часть солдат явилась на смотр с саблями из листового железа, наскоро вырезанного из русского материала, купленного в Калгане. Копья не имели железных остриёв, а имели деревянные, окрашенные серою краской под железо. Многие кавалеристы не имели лошадей, хотя казна и отпускала для них постоянно фураж. Значительное число ратников вовсе не явилось на смотр, потому что они и не существовали никогда, хотя значились в списках для получения пайков».

Конечно, не все маньчжурские солдаты были в столь анекдотичном состоянии при жестяных саблях, не все предавались гомерической коррупции – тот же «знамённый» монгол Сэнгэ Ринчен показал себя толковым и настойчивым военачальником. Но показательно, что относительно небольшие и оторванные от своих баз отряды тайпинов стали крайне опасным противником для главных сил маньчжурской гвардии.

Бои в столичной провинции

Весь октябрь 1853 года шла манёвренная война в столичной провинции Чжили. 30 октября тайпины предприняли попытку штурма Тяньцзиня, города на берегу Жёлтого моря. На удержание этого пункта маньчжуры двинули все резервы, разрушили дамбы на реках и затопили подступы к городу. 11 ноября в пригороде Тяньцзиня они сумели отбросить тайпинов, при этом в бою погиб даже один из личных телохранителей императора Сяньфэна.

Весь декабрь и январь противники снова провели в боях и маневрах по столичной провинции. Тайпины в нескольких успешных сражениях убили одного из монгольских военачальников и начальника Тяньцзинского уезда, уничтожили половину маньчжурской артиллерии. Но войска тайпинов к тому времени уже выдохлись в непрерывных боях и походах. Они – выходцы с юга – страдали от непривычно суровой зимы, от нехватки продовольствия и непривычной пищи. Южане практически не понимали язык жителей северных провинций. Крестьяне севера Китая, даже бунтовавшие против маньчжур, не были готовы примкнуть к «богопоклонникам», как они именовали тайпинов-«христиан».

Цинские войска постоянно получали подкрепления, их маньчжуро-монгольская кавалерия на равнинах Северного Китая имела преимущества перед пехотой и конными частями тайпинов. В итоге 6 февраля 1854 года бойцы Северного похода оставили свои позиции южнее Тяньцзиня и начали медленное отступление на юг, отражая наседавшую со всех сторон вражескую кавалерию. Во время отхода по заснеженным, обледенелым дорогам тайпины понесли значительные потери.

Получив от руководителей Северного похода письмо с просьбой о помощи, вожди «Царства Небесного Величайшего Счастья» в январе 1854 года отправили им на помощь четыре корпуса, объединённых в отдельную 30-тысячную армию. К марту эти войска вошли в провинцию Шаньдун, лежащую к югу от столичной провинции Чжили, и здесь завязли на два месяца в затяжных упорных боях, шедших с переменным успехом.

26 апреля часть руководителей вспомогательного похода заявили, что не собираются пробиваться дальше, и ушли со своими частями на юг. Все попытки тайпинских офицеров, желавших продолжения прорыва на помощь северной экспедиции, остановить дезертиров не увенчались успехом. Командир одного из корпусов, Цзэн Личан, видя явный провал вспомогательного похода, от отчаяния даже покончил с собой. А отступившие на юг отряды вскоре были разгромлены, их эгоистичные руководители попали в плен и были казнены.

Тем временем войска Северного похода всю весну отбивались от конницы монгола Цэнгэринчи в районе города Ляньчжэнь на границе провинций Чжили и Шаньдун. В конце мая 1854 года силы тайпинов разделились – кавалерия во главе с Ли Кайфэном ушла в прорыв на юг, где в июне смогла объединиться с одним из шедших на помощь корпусов, а пехота Линь Фынсяна осталась в осаде. Здесь началась длительная и героическая агония Северного похода – тайпины удерживали Ляньчжэнь ещё 10 месяцев, и только в марте 1855 года, когда осаждённые вконец ослабели от голода, войска имперского монгола Цэнгэринчи штурмом взяли город. Никто из тайпинов не просил пощады, все погибли.

Маньчжуры бросили освободившиеся силы против последних частей Северного похода – остатки кавалерии Ли Кайфэна к тому времени были окружены в городе Гаотане на севере провинции Шаньдун. Тайпины сумели вновь прорваться из города на юг, но Цэнгэринчи отдал приказ разрушить плотины Императорского канала и тем сумел задержать отступавших повстанцев. Окружённый Ли Кайфэн, истощённый до предела двухлетними непрерывными боями, в мае 1855 года капитулировал и был четвертован в Пекине.

Продолжавшийся ровно два года героический Северный поход закончился. Его руководители и солдаты проявили незаурядные тактические способности, мужество и почти сверхчеловеческое упорство в ходе двух лет непрерывных сражений.

Тем временем в долине Янцзы

Два года держалось шаткое стратегическое равновесие, когда обе стороны умудрились связать главные силы друг друга возле своих столиц – Северной и Южной (Пекин и Нанкин так и переводятся – буквально «Северная столица» и «Южная столица» соответственно). Бросив одну из армий в самоубийственный поход на север и надолго приковав к пекинскому направлению основные резервы маньчжуров, тайпины решили вернуть контроль над средним течением Янцзы. Для этого они в том же мае 1853 года начали большой Западный поход. Теперь их армия в тысячу с лишним речных кораблей двигалась вверх по Янцзы, заново в обратном направлении повторяя путь, пройденный повстанцами зимой 1852–53 года.

10 июня 1853 года войска Западного похода заняли город Аньцин, в 250 километрах от Нанкина. Аньцин был хорошо укреплен, его крепостные стены с трёх сторон окружала вода Янцзы, пять городских ворот защищали башни и рвы. В стену Аньцина у Янцзы было вделано два ритуальных якоря, и древнее поверье запрещало городу принимать начальником уезда человека по фамилии Пэн (парус) или Цзян (весло): тогда город может отчалить...

К концу июня тайпины достигли большого озера Поянху, чьё 120-километровое пространство соединяется протокой с Янцзы. Здесь повстанцы попытались овладеть столицей провинции Цзянси городом Наньчаном, недалеко от озера на реке Ганьцзян, которая течёт с юга на север и впадает через озеро Поянху в Янцзы. На безуспешную осаду Наньчана тайпины потратили два месяца – к обеим сторонам постоянно прибывали подкрепления и произошло несколько крупных сражений, в которых обе стороны понесли большие потери.

24 августа тайпины сняли осаду Наньчана и, вернувшись в долину Янцзы, снова двинулись вверх по реке. По пути они методично уничтожали цинскую администрацию – если приверженные старым традициям маньчжуры рубили пленникам головы или четвертовали их, то шагавшие в ногу со временем тайпины стали практиковать публичные расстрелы чиновников из ружей.

К концу октября 1853 года, пройдя с жестокими боями 200 километров вверх по Янцзы, передовые отряды тайпинов достигли «трёхградья» Ухань, но были отброшены контрударом цинских войск. И только в январе следующего года командир передовых частей 40-тысячного тайпинского войска Цзэн Таньян, прозванный за стремительные маневры «летающим генералом», опять вышел к Ухани. Двумя из трёх городов Уханьского «трёхградья» – Ханьяном и Ханькоу на

северном берегу Янцзы – тайпины овладели 16 февраля, а хорошо укреплённый Учан плотно взяли в осаду.

К апрелю 1854 года, поднявшись ещё на две сотни километров вверх по Янцзы, тайпины подходят к городу Йочжоу, где некогда им достались старинные арсеналы. Здесь воины «Царства Небесного Величайшего Счастья» вступают в схватку с армией, не менее их убеждённой в своей правде...

Поэт на защите империи

Бросив часть армии в смертельный рейд на Пекин, тайпины получили возможность укрепить своё положение в долине Янцзы, т. е. в самых населённых провинциях Китая. Но здесь «младшим братьям Христа» пришлось столкнуться с новым противником – не с коррумпированными бюрократами и разложившимися провинциальными гарнизонами «зелёного знамени», а с теми, кто готов был драться против сектантов-революционеров не столько за далёкого императора в Пекине, сколько за сохранение прежних конфуцианских устоев и традиций.

Поэт и полевой командир Цзэн Гофань, лидер китайских лоялистов

С 1852 года поэт, отставной чиновник и философ Цзэн Гофань формировал в своей родной провинции Хунань, через которую тайпины пронеслись в самом начале восстания, вооружённые отряды из китайцев, готовых воевать со своими радикальными соотечественниками. Поэт оказался хорошим организатором, периодически он направлял созданные отряды добровольцев на помощь сражающимся «зелёнознамённым»

войскам, а сам с чрезвычайной энергией и энтузиазмом строил речной флот, хорошо оснащённый артиллерией и стрелковым оружием.

Именно эти войска Цзэн Гофаня в ходе жестокой и долгой войны превратятся из обычного ополчения и отрядов местной самообороны в самостоятельную регулярную армию – «юн-ин», армия храбрых, армия храбрецов, – которая станет третьей частью вооружённых сил Цинской империи наряду с «восьмизнамёнными» и «зелёнознамёнными» войсками. И во второй половине XIX века это будет лучшая, наиболее боеспособная часть цинских войск, откуда выйдут лучшие офицеры и генералы маньчжурского Китая.

Чтобы российскому читателю стала понятней обстановка в Китае тех лет, нарисуем такую смелую метафору. Представьте, что повстанцы Пугачёва сумели захватить Москву, создали там «вольное» государство и даже потревожили своими авангардами окрестности Петербурга. А главным противником пугачёвцев стали добровольческие отряды, сформированные Гавриилом Романовичем Державиным, поэтом и тамбовским губернатором...

Основой для армии Цзэн Гофаня послужили «туаньянь», частные охранные дружины китайских чиновников и землевладельцев. Солдаты набирались из добровольцев, за которых ручались их односельчане, конфуцианские старейшины и чиновники. Цзэн Гофань сумел добиться более строгой дисциплины, а главное, сумел обеспечить для своих бойцов куда более высокое жалованье и довольствие, чем у обычных войск «зелёного знамени». Зона влияния Цзэн Гофаня – провинции Хунань и Хубэй – были житницей Китая, их рис и пшеница в условиях гражданской войны стали своего рода «стратегическим сырьём» в руках делового поэта.

Войска Цзэн Гофаня прозвали Хунаньской армией, а её бойцов – «хунаньскими молодцами». Позднее офицеры из «хунаньских молодцов» сформировали целый ряд аналогичных добровольческих армий в других провинциях Центрального и Южного Китая. Самостоятельные, хорошо организованные китайские войска Цзэн Гофаня и его генералов будут вызывать у маньчжурского императора и пекинского правительства немалое беспокойство, но они уже не смогут ни выступить против «хунаньских добровольцев», ни выжить без них...

«Хунаньские молодцы» из личной армии Цзэн Гофаня. Фотография середины XIX века

В организационном плане эти войска делились на роты-«шао» по 100 бойцов. Эти сотни сводились либо в пехотный «ин»-батальон, по пять «шао», либо в меньшую пехотную единицу «ци»-знамя, по три «шао». Конница Цзэн Гофаня состояла из полусотен кавалерийских «шао», которые по пять сводились в кавалерийский «ин» в 250 сабель. Речные части, составлявшие главную ударную силу «добровольцев» в долине Янцзы, делились на речные «ины» по 388 человек на 8 вооружённых артиллерией лодках-сампанах в каждом. Все эти единицы сводились в более крупные самостоятельные отряды самой разной численности и структуры.

Кроме тщательной военной подготовки Цзэн Гофань повёл против тайпинов действенную контрпропаганду, опираясь на конфуцианские традиции и умело используя настоящие и мнимые преступления революционеров. В частности, он обнародовал специальный «Приказ о мобилизации для покарания гуандунских бандитов», где писал, что тайпины «совершенно отменили существующие в Китае испокон веков обряды, семейный уклад, канонические книги и писания», сожгли памятники «верным витязям народа» – монастыри и храмы, а к народу относятся «хуже, чем к собакам, свиньям, коровам и лошадям».

25 февраля 1854 года Цзэн Гофань во главе армии из более чем 17 тысяч «хунаньских молодцов» двинулся против достигших Йочжоу тайпинов. Однако отстоять этот город, расположенный между южным берегом Янцзы и гигантским озером Дунтин (одним из крупнейших в Евразии), «хунаньским молодцам» не удалось. Сильный ураган на Янцзы потрепал флотилию Цзэн Гофана, и по разветвлённым притокам озера Дунтин она отошла к югу, прикрыв от тайпинов город Чанша, центр провинции Хунань. Сам Цзэн Гофань написал послание к маньчжурскому императору с просьбой наказать его за потерю Йочжоу.

Через месяц (пока гонцы достигли Пекина) император лишил командира «хунаньских молодцов» чиновного звания и предложил ему искупить вину личными заслугами. Это была распространённая практика в ходе Тайпинской войны – маньчжурский монарх в случае неудач лишал своих чиновников и военачальников почётных званий, столь значимых в сословном и традиционном мире цинского Китая, оставляя при этом провинившихся на занимаемых должностях, и они готовы были умереть, но победить, чтобы вернуть «потерянное лицо».

Цзэн Гофань не умер, но свой город Чанша от тайпинов опять отстоял, – действуя совместно пехотой и речными кораблями, нанёс им 26 апреля 1854 года крупное поражение. Правда, уже через два дня, лично возглавив отряд в 40 кораблей, Цзэн Гофань в свою очередь потерпел поражение, потеряв треть кораблей утонувшими. С горя он сам дважды пытался утопиться, но был спасён своими офицерами – судя по этим поступкам, экзальтированные вожди тайпинов имели столь же перевозбуждённого противника...

Контрнаступление «И-вана»

В мае и июне 1854 года шли бои в окрестностях озера Дунтин. 26 июня после долгой осады тайпины взяли Учан, а через месяц под ударами отрядов Цзэн Гофаня потеряли Йочжоу. Тайпины четырежды контратаковали противника у Йочжоу, пытаясь отбить город, четвёртой атакой они вернули его. Стороны несли большие потери в солдатах и офицерах. В одном из многочисленных встречных боёв «летающий генерал» тайпинов Цзэн Таньян лично схватился в рукопашной с губернатором Хунани, ударом меча убил под ним коня, но сам был зарублен одним из губернаторских телохранителей.

В конце лета Цзэн Гофань снова отбил Йочжоу и с сентября 1854 года повёл генеральное наступление вниз по Янцзы к стратегическому трёхградью Ухань. Умело используя свой речной флот, его манёвренность и артиллерию, он сжёг сотни кораблей противника, многие неожиданной атакой у причалов, и 14 октября вторично отбил у тайпинов многострадальную Ухань. 9 ноября «хунаньские молодцы» овладели Аньцином, всего в 200 км от столицы тайпинов Нанкина. В боях с 24 ноября по 3 декабря 1854 года Цзэн Гофань сжёг более 3000 джонок тайпинов и уже собирался наступать на Нанкин, как попал под контрудар новых армий «Царства Небесного Величайшего Счастья».

Территория тайпинов опять сократилась до столичного Нанкина и ближайших уездов, но прошедшее время они не теряли даром, а формировали и готовили новые дивизии и корпуса. Эти войска под командованием Ши Дакая – юноши из богатой семьи, вступившего в секту тайпинов, начитавшись героических книг, – перешли в генеральное наступление. Молодой книголюб, уверовавший в китайского Христа («Мы восстали, чтобы спасти мир», – говорил он) и носивший у тайпинов титул «И-вана», Вспомогательного государя, оказался полководцем не худшим, чем зрелый конфуцианский поэт.

В конце января 1855 года, пока шли упорные встречные бои сухопутных частей, «И-ван» воспользовался тем, что основные силы вражеской флотилии сосредоточились в озере Поянху, быстро выстроил заграждения и береговые батареи в протоках между озером и рекой Янцзы, тем самым разделив силы противника на изолированные части. В ночь на 11 февраля более сотни лёгких джонок под личным руководством «И-вана» стремительно атаковали стоянку кораблей Цзэн Гофаня на берегу Янцзы. Лагерь «хунаньских молодцов» был уничтожен, большинство кораблей сожжено, тайпины захватили всю документацию противника, много пленных и даже личный корабль Цзэн Гофаня.

Сам Цзэн Гофань бросился в холодную воду и едва не повторил судьбу Чапаева, но всё же выбрался на берег Янцзы и достиг лагеря своих

сухопутных войск. Там он впал в депрессию и, решив покончить с собой, написал пространное завещание в тысячу с лишним иероглифов. Но приближённые, для которых Цзэн Гофань оставался последней надеждой и авторитетом, отговорили его, и он согласился ещё немного пожить, чтобы бороться со столь противными его сердцу ниспровергателями Конфуция.

Развивая успех, войска «И-вана» 23 февраля 1855 года прорвали оборону цинской армии по всему фронту и после месячной осады 3 апреля снова заняли Учан. Это было уже третьим по счёту захватом Учана тайпинами.

Когда Хуанхэ тоже восстаёт против императора

Цзэн Гофань сумел сохранить свою армию, но был отброшен далеко от Нанкина и блокирован тайпинами в городе Наньчане, увязнув в позиционных боях и надолго потеряв способность к стратегическому наступлению. Тайпины отрезали его от прямых сообщений с маньчжурской столицей, и Цзэн Гофаню пришлось налаживать связь с императорской Ставкой при помощи лазутчиков, используя в качестве шифра восковые шарики с мельчайшими иероглифами.

16 мая 1855 года он таким секретным донесением докладывал императору о состоянии кадровых «зелёнознамённых» войск в долине Янцзы: «Дальнейшее использование солдат невозможно. За последние три года армия из-за понесённых поражений пять раз разбежалась полностью; сосчитать же, сколько раз солдаты разбежались в результате мелких поражений, не представляется возможным».

Для души же Цзэн Гофань в те дни писал такие стихи: «Закрыты все пути, напрасно я взываю о помощи; по ночам от мыслей трепещет душа...»

Императорское правительство решило направить к Янцзы маньчжурские и монгольские части, только что завершившие уничтожение войск Северного похода тайпинов. Но в перипетии гражданской войны вмешались силы природы – летом 1855 года в результате многодневных проливных дождей река Хуанхэ, до этого тёкшая на юго-восток, прорвала дамбы и потекла на северо-восток, проложив выход к морю на 400 километров севернее прежнего устья.

Это единственный за многие века случай, когда одна из великих рек мира так резко изменила своё течение (как если бы Волга вдруг потекла не в Каспийское, а в Азовское море...). Гигантская катастрофа в итоге погубила 7 000 000 человек, разрушила всю оросительную систему Северного Китая, вызвав ещё больший всплеск крестьянских мятежей и бунтов на контролируемой маньчжурами территории. Казалось, «небесный мандат» пекинского императора оспорило само Небо.

Вообще, надо помнить, что в результате первых побед тайпинов вся территория Цинской империи в эти годы была охвачена многочисленными восстаниями, в которых буквально взяли маньчжурские войска. Большинство таких повстанцев и тайных обществ действовали независимо от тайпинов, многие даже были их идейными противниками.

Порой на протяжении нескольких лет в провинциях существовали мятежные «республики» и «государства», некоторые провозглашали восстановление династии Мин, а кто-то умудрялся даже основывать собственные «династии». Восстали и национальные меньшинства Китая,

в том числе мусульмане Синьцзяна. Из всех частей империи только глубоко погрязшие в Средневековье и малонаселённые Тибет, Монголия, и, собственно, «священная родина» Маньчжурия сохраняли относительное спокойствие.

Положение на фронтах тайпино-цинской войны стабилизировалось в неустойчивом равновесии до начала 1856 года.

«Триады» идеально захватывают Шанхай

Занятые Северным и Западным походами и скованные двумя лагерями противника у Нанкина, тайпины долго не имели сил заняться восточным направлением – богатейшими провинциями Чжэцзян и Цзянсу, лежавшими между столицей повстанцев и морем. Между тем в самом развитом городе этих земель Шанхае, ставшем уже главным центром иностранной торговли, тоже вспыхнуло антиманьчжурское восстание.

Три тайных общества – «Общество кинжалов» («Сяодаохуй») переводят ещё и как «Общество малых мечей»), «Партия зелёных тюрбанов» и ещё одно, о котором известно, что его символом служили расположенные определённым образом монеты, – провели 7 сентября 1853 года идеальный переворот: за время восстания был убит только один из охранников правителя города.

Кстати, этот правитель – даотай У Цзяньчжан – в отличие от лидера тайпинов был безграмотен, но все чиновничьи экзамены успешно сдал за взятки, он даже с трудом понимал изысканную речь столичных цинских чиновников и при этом бегло болтал на плохом английском, что для нового Шанхая было куда важнее. Основной доход ловкого бюрократа составляло посредничество в коммерческих операциях британских опиумоторговцев из и поныне существующей фирмы «Джардин». Именно У Цзяньчжан первым из китайских чиновников ещё в апреле 1853 года стал закупать европейское оружие и корабли для цинских войск, противостоящих тайпинам. Повстанцы свергнутого мэра не казнили, а вскоре ему при помощи взяток и европейских контрагентов удалось бежать из-под стражи.

Ещё когда тайпины заняли Нанкин, многие современники предполагали, что очередным объектом их атаки станет Шанхай. Английский консул уже сформировал отряды для охраны «сеттльмента», экстерриториального владения европейцев в Шанхае, а цинские чиновники обратились к иностранным державам с просьбой вмешаться и защитить город. Тогда иностранцы предпочли сохранить нейтралитет.

Повстанцы в Шанхае не разделяли религиозных воззрений тайпинов и выступали за восстановление национальной династии Мин, но они намеревались заключить союз с тайпинами и провозгласили создание «Великого Минского Тайпинского государства». Они также пытались сохранить мирные и торговые отношения с европейцами.

Осада Шанхая, длившаяся полтора года, проходила на глазах обитателей европейских «сеттльментов» и потому оставила после себя немало свидетельств, позволяющих детализировать особенности оружия и тактики китайских повстанцев, характерные не только для осады

Шанхая, но и для всей гражданской войны, охватившей Китай в середине XIX века.

Стены Шанхая

Территория города, обнесённая стеной, т. е. собственно китайский город (Шанхайская цитадель), в отличие от большинства китайских городов, имевших квадратную планировку, представляла собой в плане овал, вытянувшийся с севера на юг и прилегающий своей восточной границей непосредственно к реке Хуанпу, впадающей в устье Янцзы. С севера у городских стен располагалась французская концессия, близость которой к городу определялась прежде всего меркантильными интересами. Далее на огромной площади располагалась английская концессия с богатыми по тому времени домами, отелями, магазинами, крупными складами. Ещё севернее находилась американская концессия. Французская и американская концессии сильно уступали по комфортабельности и роскоши английской.

Стена китайской части Шанхая была сложена из кирпича. Высота её достигала 10 метров. Сзади стену подпирала толстая земляная насыпь, поднимавшаяся на две трети её высоты. Верхняя часть насыпи образовывала дорогу вокруг всего города. Через определённые интервалы в стене были сделаны бастионы, с которых можно было вести фланкирующий огонь вдоль стен. С внешней стороны стены находился широкий ров, заполненный водой и сообщавшийся с рекой Хуанпу.

За исключением пригородов, состоявших преимущественно из китайских лачуг, местность вокруг Шанхая насколько хватало глаз была бесконечной равниной. Только многочисленные могильные холмики нарушали эту нескончаемую монотонность. Земля здесь лишь немного поднимается над уровнем моря и всего в нескольких десятках сантиметров от поверхности уже появляется вода.

Такое расположение Шанхая само по себе облегчало его оборону. Но повстанцы, предвидя наступление цинских войск, предприняли ряд дополнительных мер, укреплявших их позиции. Внутри города на каждом перекрёстке были устроены баррикады, заграждения и установлены переносные пушки. Вокруг домов, занятых под штабы или жилища повстанцев, также были расставлены орудия. Большинство городских ворот были закрыты и завалены камнями, но северные ворота, ближайšie к иностранным концессиям, иностранцы не разрешили закупорить завалами.

Укрепляя оборону города, повстанцы внутри городской стены соорудили вторую земляную насыпь и вырыли внутренний ров. Вокруг стен города и перед другими оборонительными сооружениями были подготовлены волчьи ямы, некоторые очень большие со множеством острых бамбуковых кольев на дне. Эти ямы, если принять во внимание матерчатую или плетёную обувь сражавшихся, представляли грозную

опасность для тех, кто попадал в них. Самыми же коварными и опасными были небольшие ямы, примерно 30 см в диаметре, в которых бамбуковые колья были вбиты в стенки и направлены остриями наискось ко дну ямы, так что любой, кто ступал ногой в такую яму, неизбежно попадал в ловушку. (По сути, эти ловушки абсолютно идентичны ловушкам, спустя век успешно применявшимся вьетнамскими партизанами против американских оккупантов, – сохранилось немало фотографий этого крайне «дешёвого и сердитого» оружия.)

Весьма хитроумным образом использовались дома, находившиеся на внутренней линии оборонительных сооружений, за крепостной оградой. В их побелённых снаружи стенах были проделаны бойницы, прикрытые листами белой бумаги с таким расчётом, чтобы, приподняв такой лист, можно было просунуть мушкет и выстрелить. Когда же оружие убиралось внутрь, бумага вновь прикрывала бойницы, делая их незаметными с большого расстояния для внешнего наблюдателя.

«Мятежники Шанхая покупают у иностранцев капсюли и ружья...»

Укрепление обороны, оснащение воинов оружием и боеприпасами, снабжение продовольствием и т. п. – всё это требовало от повстанцев значительных материальных и денежных затрат, источники которых в условиях осады были очень ограниченными. Поэтому усилия руководителей восстания были направлены на изыскание денег в самом городе. Помимо довольно крупных сумм серебра, захваченных в хранилище и управлении даотая (цинского главы города), были изъяты значительные суммы, принадлежавшие шанхайским банкам. С каждого ломбарда, которых в торговом Шанхае было немало, повстанцы ввели заём по 300–400 серебряных долларов.

Лидеры восстания попытались получить денежные средства и у иностранцев. Они просили их пожертвовать в пользу восстания или хотя бы дать займы один миллион долларов! Но настойчивая просьба осталась без ответа, ибо новая власть в Шанхае иностранцами официально не признавалась.

Как и в других занятых повстанцами городах, в Шанхае на нужды восстания взимались налоги с богатых домов. Когда повстанцам стало известно, что сумевшие сбежать из города богачи в надежде на скорое возвращение припрятали свои богатства, начались обыски и поиски спрятанных ценностей, увенчавшиеся успехом.

Во время Шанхайского восстания непосредственная близость к городу иностранного селтльмента создавала благоприятную возможность для пополнения арсенала восставших иностранным оружием и различным снаряжением. Торговлей оружием и боеприпасами не брезговал никто – от высокопоставленных иностранных дипломатов до свергнутого «малыми мечами» шанхайского мэра-даотая. Последний вообще дошёл до того, что продавал оружие обеим воюющим сторонам, в чем ему успешно следовали столь же оборотистые иностранцы.

Например, 14 ноября 1853 года цинские солдаты были посланы с оружием на территорию английской концессии, чтобы предотвратить передачу английской фирмой трех крупных орудий восставшим. В связи с этим последовало строгое предупреждение британского консула, который был вынужден предостеречь английских купцов от подобных сделок. Но такие запрещения почти не возымели действия и торговля продолжалась. Закупку большей части иностранного оружия и снаряжения повстанцы осуществляли через примкнувших к ним иностранцев – несколько десятков авантюристов или дезертиров с европейских военных судов,

которых было немало в Шанхае, пошли на службу к шанхайским атаманам.

В своём докладе императору в Пекин генерал-губернатор приморских провинций И Лян сообщал: *«Злодеи и мятежники Шанхая покупают у иностранцев медные пороховые капсулы и ружья, которые могут быть использованы даже несмотря на сильный дождь. Такие ружья действительно являются наиболее сильным оружием и особенно выгодны при дожде и ветре».*

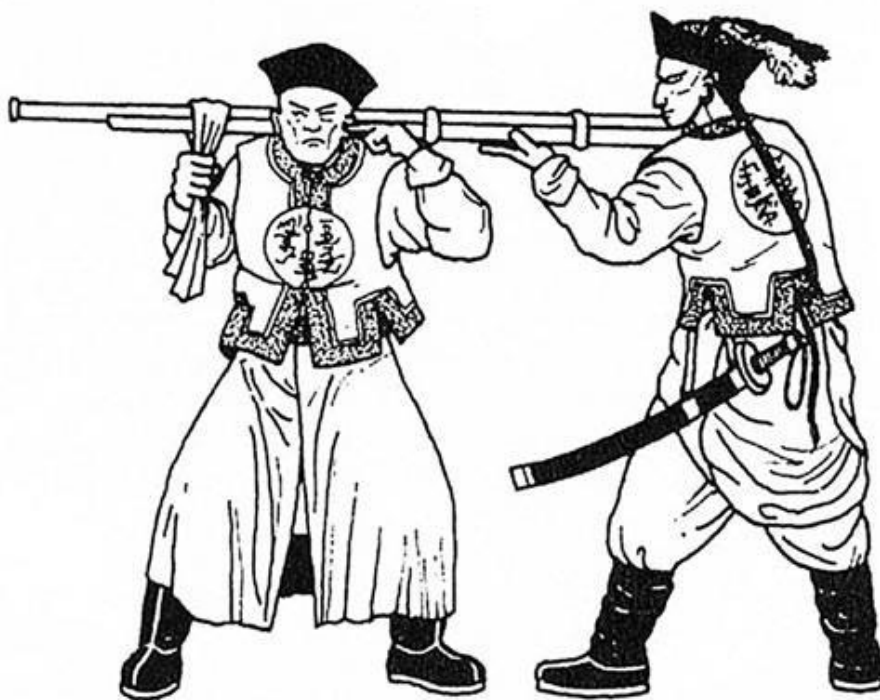
Далее генерал-губернатор просил у императора соизволения организовать закупку таких ружей у европейцев для цинских войск.

Шанхайские повстанцы в свою очередь не жалели денег для приобретения у иностранцев различных судов, пушек и снаряжения к ним. Однако первые несколько орудий были не куплены, а захвачены повстанцами в резиденции даотая. Это были пушки, недавно закупленные у иностранных купцов и предназначавшиеся для борьбы с армией тайпинов. Через американских коммерсантов к восставшим Шанхая попало даже несколько образцов такого суперсовременного по тем временам оружия, как револьверы Кольта. Видимо, это было первое появление данного оружия в руках китайцев.

Бомбы и крупнокалиберные ружья Шанхая

Но даже при максимальных расходах повстанцам трудно было обеспечить все потребности в боеприпасах. Поэтому многое им приходилось производить самим. Так, артиллерийские бомбы они научились делать у одного канонира, дезертировавшего с британского военного судна. Эти бомбы калибром в 4 и 5 дюймов имели неправильную форму, их стенки были разной толщины. Но латунные взрыватели, которыми они снаряжались, по свидетельствам иностранцев, были сделаны довольно хорошо. Дистанция полёта таких бомб составляла 800–1200 м.

Научились повстанцы изготавливать и ядра, которые представляли собой отливки из железа или латуни весом 18–20 фунтов, грубо обработанные ковкой до шарообразной формы. Для изготовления 20-фунтового ядра сбитую в ком латунь помещали в форму для отливки, которую затем заливали свинцом или оловянным сплавом. Иногда в качестве сердцевин ядра использовался простой ком глины или камень, вокруг которого в форму заливали расплавленное олово или свинец. Маленькие четырёх- и шестифунтовые ядра делались из литого свинца. Когда оказывалось, что ядра слишком малы и не соответствуют калибру пушки, их просто обёртывали в какое-либо тряпьё.

*Китайский крупнокалиберный мушкет-«тайфур».
Современный рисунок на основе китайских изображений XIX века*

После европейских кремнёвых и капсюльных ружей самым эффективным стрелковым оружием в боях за Шанхай считался длинный мушкет, стрелявший 50-граммовыми пулями или, чаще всего, кусками железных прутьев, а то и просто мелким железным ломом. В русских документах XIX века этот девайс именуется «тайфур» – термин пришёл в Россию из Синьцзяна, где в государстве местных мусульманских повстанцев русские военспецы изучили и описали специальный отряд из тысячи «тайфурчи» (стрелков из «тайфура», пленных китайцев, принявших ислам).

Данное тяжёлое фитильное ружьё калибром 20–25 мм и длиной около 2 метров было принято на вооружение цинской армии в XVIII веке. Это тот самый некогда распространённый в Туркестане «карамальтук», чьё название в XX веке в русском языке стало насмешливым синонимом безнадёжно устаревшего и нелепого стрелкового оружия. Но для гражданской войны в Китае тех лет длинный мушкет-«тайфур» оказался вполне действенным оружием.

При стрельбе «тайфур» обслуживался двумя бойцами. Один клал ствол ружья на своё плечо и плотно притягивал его при помощи жгута материи, другой стрелял. Более тяжёлые и длинные экземпляры «тайфура» обслуживались даже не парой – расчёт такого «тайфура» составляли 4 человека: один с фитилём, пулями и пороховыми зарядами в деревянных «патронах», другой с длинным шомполом и двое для переноски тяжёлого «карамультака». Двое последних составляли и живой «станок» при стрельбе из тайфура: один клал конец ствола на плечо, плотно притягивая его к себе жгутом материи, второй обеими руками прижимал сверху к плечу шейку приклада. Перед выстрелом эти двое несколько сгибали спины и выставляли вперёд правые ноги. В это время третий боец должен был прицелиться и при помощи тлеющего фитиля в руке произвести выстрел.

Из-за примитивности запального устройства и большого количества применяемого при стрельбе из тайфура некачественного пороха, по свидетельству очевидцев, лица многих стрелков-«тайфурчи» носили следы пороховых ожогов и многие из них при выстреле отворачивали лица. Понятно, что меткость такой стрельбы оставляла желать лучшего (впрочем, встречаются отдельные свидетельства и о весьма искусной стрельбе из таких ружей). Иногда при выстреле отдача сбивала живой «станок» с ног.

При попадании 50-граммовая пуля тайфура имела впечатляющее действие, но ко второй половине XIX века, в эпоху нарезных казнозарядных винтовок, тяжёлый «карамультак» был уже явным анахронизмом. Тем не менее это оружие было широко распространено в Поднебесной империи и числилось на вооружении цинских войск едва ли

не до конца XIX века. Китайцы применяли его против англичан и французов в ходе «опиумных» войн, их огонь испытали на себе и русские войска при завоевании Средней Азии. Последние свидетельства об использовании в боях тайфуров относятся к началу XX века в Монголии и Тибете, а также к экзотически вооружённым (точнее, почти невооружённым) китайским партизанам периода японской оккупации 1937–1945 годов...

Русский воин о повстанцах Шанхая

Воин Андреевич Римский-Корсаков, старший брат великого композитора, в 1852 году принял командование шхуной «Восток», сопровождавшей фрегат «Паллада», прославленный в литературном произведении Ивана Гончарова. Именно Воин Андреевич оставил нам любопытные воспоминания о пребывании маленькой русской эскадры в восставшем Шанхае:

«Итак, мы застали Шанхай в осадном положении. Инсургенты, запершись в стенах его, никого не пускали в город, кроме самых известных им лиц из европейцев. Так, например, однажды нужно было побывать в городе английскому консулу, и для него ворота отперли. Этим случаем воспользовался адмирал наш (вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин, рассказ о котором будет ещё впереди. – Прим. авт.) и вместе с консулом прошёлся по городу... По рассказам адмирала, все лавки и дома заперты, всюду караулы и обходы, так что ни о чём нельзя составить себе понятия, кроме только о наружности улиц и домов.

Я со своей стороны пытался однажды попроситься в город, но караул у ворот решительно мне отказал, и даже не согласился никто доложить обо мне караульному начальнику. Я должен был удовольствоваться тем, что поглазел на разноцветные наряды и разнокалиберное оружие мятежного воинства. Многие из караульных были вооружены европейскими ружьями и пистолетами, но большая часть довольствовалась грубо сделанными копьями, ножами, бердышами и тому подобным ручным оружием. Главное отступление их от общенародного китайского наряда состоит в том, что они не бреют голов и не носят кос; волосы отпущены во всю длину, обвиты вокруг лба и маковки и поддерживаются повязкою вроде чалмы из куса красной или синей ткани... Физиономии их показались мне довольно бойкими. И в самом деле, эти инсургенты в сравнении с императорскими войсками молодцы. Несмотря на то что их наполовину меньше, они вот уже четвёртый месяц держатся против семи тысяч войска и пяти судов, очень порядочно вооружённых, да штук двадцати нанятых пиратских джонок, тоже вооружённых пушками, и даже почасту делают весьма удачные вылазки».

Бамбуковый огнемёт

Захват «триадами» Шанхая обернулся его долгой осадой правительственными войсками. Бои за стены ведущего торгового города Китая длились полтора года и проходили на глазах обитателей европейских «сеттльментов» (экстерриториальных пригородов) и потому оставили после себя немало свидетельств, позволяющих детализировать особенности оружия и тактики китайских повстанцев, характерные не только для осады Шанхая, но и для всей гражданской войны, охватившей Китай в середине XIX века.

У крупнокалиберных ружей-«тайфуров», которые с успехом применяли шанхайские мятежники, был и более тяжёлый родственник – «худаньпао». Именно такой «худаньпао» англичане именовали «гингальсом», познакомившись с его довольно эффективным огнём ещё в первую «опиумную» войну. Это было уже не тяжёлое ружьё, а, скорее, очень лёгкое орудие калибром от 25 до 100 мм и весом до 30 килограммов на деревянном ложе с сошками у среза ствола. Сошки втыкали в грунт, казённая часть упиралась в землю. Стреляла такая лёгкая пушка небольшими ядрами и картечью на расстояние до 300 метров, применялась как в полевых боях, так и против лёгких укреплений. Главным достоинством такого орудия была лёгкость его вьючной или пешей транспортировки.

При осаде Шанхая обе стороны с большой ловкостью и эффективностью применяли самодельные зажигательные бомбы. Они представляли собой мешочки, начинённые грубым порохом с фитилём. Подожжённые бомбы бросали в строй врага или на палубу судна. Таким же образом применялись небольшого размера зажигательные горшки, наполненные порохом. С наблюдательных постов на мачтах атакующих судов и джонок ими забрасывали палубы вражеских кораблей с целью вызвать пожар или едким серным дымом отогнать артиллерийскую прислугу от орудий.

Порох, которым начиняли горшки, был настолько груб и плохо перемешан, что порой загорался лишь частично. У иностранцев эти бомбы получили прозвище «вонючих горшков». (Таковыми бомбами китайские пираты забрасывали палубы иностранных военных судов, которые направлялись на борьбу с ними.) Обычно против метателей зажигательных горшков на военных кораблях использовались меткие стрелки, которые выстрелами с марсов снимали их, прежде чем те успевали пустить в ход своё оружие.

В боях у стен Шанхая и повстанцы, и цинские солдаты применяли также своеобразные ручные огнемёты – «огненные трубы». Это были куски стволов бамбука диаметром 5–8 см и длиной 150–180 см. В таком

стволе уничтожались перегородки и один конец заделывался толстой глиняной пробкой. Трубу для прочности оборачивали листьями пальмы-ротанга и туго набивали мелким порохом. Во время рукопашных боёв открытый конец поджигался и навстречу атакующим выбрасывался сноп огня. Иногда цинским солдатам удавалось, подорвав стены города, ворваться в него, но всякий раз их отбрасывали назад огненные струи из бамбуковых труб.

Применялся и более «крупнокалиберный» вариант данного оружия, для которого использовался бамбук самого большого диаметра – 12–13 см. Кусок ствола длиной в 3 метра с лишним укреплялся уже не только растительными плетёнками, но и железными обручами. Внутри туго набивалась горючая смесь из серы, пороха, канифоли и масла. Смесь предварительно высушивалась, в «трубу» её закладывали из расчёта примерно по 2 литра на бамбуковое колено-отсек. К открытому концу приделывался фитиль. С таким огнёмом управлялись уже 2–3 воина, направлявших его в гущу наступавшего противника. Обе стороны широко применяли и стрелы для лука с пороховыми трубками.

Значительную часть пороха, необходимого для изготовления боеприпасов, шанхайцы покупали у иностранцев. Однако продолжавшаяся осада вынуждала изготавливать и свой порох, для чего прежде всего требовалась селитра. Её научились получать, извлекая из старых кирпичей, – этот способ был передан шанхайцам одним из воинов армии тайпинов. Иногда удавалось пополнить запасы пороха при успешных налётах на лагерь цинских войск.

Порох добывался также из крупных мин, которыми осаждающие постоянно пытались взорвать городские стены. В одной из таких мин содержалось более 600 килограммов пороха. Узнав об этом, повстанцы осуществили вылазку и, отогнав цинских солдат, захватили весь заряд. Однако с каждым днём блокады нехватка пороха ощущалась всё острее.

Шанхайские повстанцы освоили и поточное изготовление ружейных пуль. Для этого были сделаны оригинальные отливочные формы: у каждого из двух кирпичей отполировывали по одной стороне, затем на отполированных сторонах вырезали по несколько полушарий, соединённых между собой каналом для заливки расплавленного металла. Один человек, точно и плотно соединив оба кирпича, крепко держал их, пока другой заливал в них металл. Таким способом быстро изготавливалось сразу несколько пуль.

За время длительной осады повстанцы также научились использовать вражеские неразорвавшиеся бомбы и ядра. Каждому принёсшему их выдавалось небольшое вознаграждение, поэтому первоначальный страх сменился интересом и даже соперничеством в добывании боеприпасов. Особенно много таких бомб и ядер было

собрано, когда для разгрома восстания пустил в ход свои вооружённые силы французский адмирал Лягер.

Первые попытки штурма Шанхая

Боеприпасы и военное снаряжение повстанцев были сосредоточены при резиденции главнокомандующего, при главном военном управлении и в других местах, где находились лидеры восстания. В донесениях цинской разведки в октябре 1853 года сообщается, что «внутри города боеприпасов и военного снаряжения очень много, всё это хранится в храме Тяньшэн, в храме бога-спасителя города, в уездном управлении, в библиотеке...». Согласно распорядку, установленному руководителями Шанхайского восстания, «при главном управлении ежедневно в 8 часов утра проходила переключка, распределялись работа, продовольствие, оружие и боеприпасы».

В Шанхае, где восставшим удалось захватить значительные денежные средства, была организована выплата денежного довольствия солдатам повстанческой армии – рядовой за несение гарнизонной службы, караулов и дозоров получал 120 медных монет-чохов в день, а за участие в боевых действиях и вылазках полагались «боевые» – 300 чохов в день.

Шанхайские повстанцы в европейской униформе.

Фотография XIX века

Как уже отмечалось, большую роль в войсках повстанцев играла молодёжь, подростки, иногда почти мальчики, которых в рядах бойцов было немало. В силу возраста и нелёгкой жизни они дрались с особым отчаянием, часто действуя в авангарде. В Шанхае повстанцы создали для них особое военное училище. «хайбин-цзюнь», в котором обучались подростки чуть старше 10 лет. Они получали улучшенное питание, а владению оружием и боевым действиям их обучали сами военные руководители восстания.

В октябре 1853 года 30-тысячное войско маньчжура Гирканы обложило Шанхай и приступило к штурму, открыв артиллерийский огонь и ведя подкоп под городские стены. Осаждённые активно контратаковали, немало «зелёнознамённых» солдат перешло на их сторону.

Цинское командование, столкнувшись с невозможностью немедленно овладеть Шанхаем, наметило обширный план подготовки к штурму города. С этой целью в лагерях цинских войск были сооружены огромные наклонные помосты, верх которых, по расчётам, должен был достигать края городских стен. Предполагалось, что эти громоздкие сооружения можно будет скрытно придвинуть к стенам и, пустив по ним войска, ворваться в город, чтобы «изничтожить зловонную шайку» (как писалось в цинских приказах и прокламациях). Однако этим планам не суждено было осуществиться, и каждодневные тренировки цинских солдат в подъёме бегом по этим помостам ничего не дали, поскольку к стенам они так и не были передвинуты.

Затем вместо помостов цинские войска стали применять лестницы, но, убедившись в ходе множества безуспешных атак и в их малой эффективности, осаждающие стали сооружать огромные, высотой с городские стены, земляные насыпи, чтобы с помощью поставленных на них орудий подавить огонь защитников города. Часто батареи устанавливались на насыпях, которые даже превышали высоту стен и находились всего в 50 метрах от них.

Обычно такие насыпи воздвигались недалеко от ворот, дабы через них прорваться в город. Но до ворот надо было ещё преодолеть некоторое расстояние под огнём повстанцев: достаточно было одного или нескольких выстрелов из орудий со стен, чтобы рассеять атакующих. Не помогала и более чем двухчасовая интенсивная артиллерийская подготовка, как это было, например, при штурме 6 декабря 1853 года. Оборонявшиеся держались уверенно, заставив противника отступить. Затем около 400 повстанцев стрелковыми цепями быстро атаковали отступавших и нанесли им дополнительные потери.

Цинские войска смелели лишь тогда, когда к ним подходили очередные подкрепления. Они тут же появлялись у стен города, угрозами

пытаясь не столько запугать его защитников, сколько подбодрить самих себя. Но такой храбрости хватало лишь до первых раненых или убитых, тем более что в начале осады цинские солдаты были большей частью вооружены только копьями, а некоторые не имели оружия вообще и «для поддержания боевого духа» размахивали штандартами. Те же, кто был вооружён ружьями, были слабо обучены, по свидетельствам европейских очевидцев, стреляя поспешно, как попало, даже не прикладывая ружей к плечу.

Однако в ходе длительной осады цинское командование тоже многому научилось и стало менять тактику и методы штурма. Первоначально осаждавшие установили батарею напротив северо-западной стороны Шанхая, в каких-нибудь 100 шагах от городской стены, и расходовали огромное количество пороха. Не добившись желаемых результатов, цинские войска стали применять иной метод – рыть подкопы и подрывать городские стены порохowymi минами, чтобы таким путём проникнуть внутрь города. Но и этот метод оказался малоэффективным, хотя осаждавшие, особенно с учётом сложной борьбы с грунтовыми водами, проявили немалое искусство и упорство в этой минной войне.

Вообще, искусная минная и траншейная война стала спутником всех осад долгого «тайпинского восстания». В ходе более чем 15-летнего вооружённого противоборства, по мере роста военного профессионализма, солдаты обеих сторон с ружьями в длинных траншеях стали куда более характерной картиной, чем толпы с холодным оружием в чистом поле...

Февральский штурм глазами англичан

Цинские войска под Шанхаем, где грунтовые воды появлялись на глубине уже менее полуметра, всё же смогли проложить туннели под руслом окружавшего Шанхай рва, наполненного водой. Эти работы, сопряжённые с огромными трудностями, производили наёмные рабочие и солдаты. Многие из них умирали от перенапряжения под землёй.

Вначале надо было откапывать глубокие колодцы для отвода воды из шахт. Воду из колодцев непрерывно откачивали с помощью ручных помп. В шахтах приходилось работать на четвереньках, прокладывая узкий туннель путём проталкивания вперёд своего рода бочки с выбитыми днищами. Пришлось сделать целую серию таких шахт и подкопов, так как повстанцы часто обнаруживали их и немедленно принимали контрмеры – пускали в ход свои помпы и, направляя потоки воды, затопляли ею почву над предполагаемыми шахтами, а в ряде случаев применяли контрподкопы и контрмины.

Всё же цинским войскам удалось взорвать немало мин и проделать ряд брешей в стенах. Но ворваться внутрь города оказалось не легче: оборонявшиеся стойко защищали проломы. Когда же цинским солдатам удавалось прорываться внутрь стен, они жестоко расплачивались за это. На тех участках стены, где она была наиболее сильно подкопана противником, как, например, в районе южных ворот Шанхая, важное значение для обороны города имела воздвигнутая повстанцами внутренняя стена. Как только цинские солдаты врываются через проделанную в стене брешь, на них обрушивался град выстрелов. Отбив атаки, осажденные быстро восстанавливали пробоины в городских стенах.

Неграмотность цинских офицеров иногда приводила к трагическим для них случаям. Так, при закладке двух больших мин в подкопах расчёты были сделаны неточно, и один взрыв произошёл как раз под цинским отрядом, изготовившимся к атаке. И хотя часть стены была всё же успешно проломлена, но часть готовых к атаке цинских солдат погибли, а остальные бросились врассыпную. Воспользовавшись замешательством, повстанцы через образовавшийся пролом провели успешную вылазку.

В другом случае из-за неточных расчётов отряд, который должен был предпринять прорыв в город после взрыва очень крупной мины, оказался слишком далеко и просто не успел занять пролом раньше повстанцев. Шанхайские атаманы сумели подтянуть к месту взрыва резервы, разбили атаковавшего противника и на его плечах ворвались в один из лагерей осаждавших, из которого возвратились с большими трофеями и пленными.

В качестве примера можно описать ещё одно из столкновений, происшедшее 6 февраля 1854 года. Его во всех подробностях наблюдал англичанин Ятс из своего дома, находившегося всего в 200 ярдах от места взрыва цинскими войсками городской стены в районе северных ворот. Он и оставил потомкам описание этого боя, одного из множества в ходе полуторогодовой осады.

В 6 часов утра более 2 тысяч цинских солдат под командой генерала Лю Цуньхоу бросились к месту образовавшейся после взрыва брешы. Повстанцы же стремительно стали забрасывать саму брешь и рухнувшие развалины стены зажигательными и горючими материалами, образовавшими здесь сплошную завесу огня.

Цинские солдаты сбились в кучу у пролома. А защитники стен проявляли необычайную активность и забрасывали сверху неприятеля дождём камней и кирпичей, зажигательных мешочков, банок и сосудов, наполненных порохом и горючим маслом. Применили и огнемётные трубы, выбрасывавшие во врага струи пламени. Цинские солдаты словно вступали в море огня, одежда на них полыхала. В этот критический момент, когда после взрыва стены прошло около 20 минут, в проломе неожиданно появились повстанцы с мечами и щитами в руках. Произошла рукопашная схватка. Цинские солдаты стали отступать и были отогнаны к форту у моста Саньмаогэ.

Таким образом, по свидетельству английского наблюдателя, всего около 200 повстанцев не только защитили пролом в стене шириной 15–16 м, но и отогнали большее по численности войско, захватив его позиции, 12 орудий и другое снаряжение. Когда к цинским солдатам подошло подкрепление, они, ударив во фланг наступавших шанхайцев, сделали попытку вновь вернуть свои позиции и форт.

Но под руководством своих вождей Линь Афу и Пань Циляна повстанцы быстро остановили продвижение врага и вслед за тем активно принялись заделывать пролом в стене. Подтянув дополнительные орудия, они уничтожили на цинских позициях ещё уцелевшие строения и стены. Через 4 с половиной часа бой затих. Цинские войска потеряли свыше сотни человек убитыми и несколько сот ранеными. Со стороны шанхайцев в бою участвовали только отряды обороны атакованного участка и группы, размещённые вблизи от места атаки, потерявшие всего до 40 человек убитыми.

Одновременно с боем на этом участке, когда цинские отряды уже были потеснены, из малых восточных ворот выбежали несколько сот шанхайцев и напали на южный лагерь цинских войск. Последние в панике разбежались. Повстанцы, не имея убитых, захватили трофеи и спокойно отступили обратно в город.

Война при помощи скрипки и европейской одежды

Ещё более успешными были для шанхайцев бои с цинскими войсками 3–10 марта 1854 года, в которых цинская сторона потеряла несколько сотен человек убитыми и ещё большее число ранеными. Повстанцами были выведены из строя или захвачены десятки орудий, много иного снаряжения и боеприпасов. Опасаясь наступательных действий шанхайцев, цинские солдаты немедленно бросались в бегство, как только слышали звуки боевой музыки приближавшихся из города отрядов. В итоге этих боёв маньчжурское командование вынуждено было отвести войска из предместий Шанхая.

Успехи повстанцев в сражениях с цинскими войсками, когда уничтожались их форты и лагеря, определялись прежде всего высоким боевым духом рядовых бойцов и личной отвагой вождей восстания, особенно в первые месяцы обороны. Победам шанхайцев способствовала и умелая тактика ведения боёв. Хотя в налётах и вылазках редко участвовали отряды численностью более 200–300 бойцов, они обычно успешно вели бой против нескольких тысяч цинских солдат. Когда же к цинам подходили подкрепления, повстанцы быстро отступали, скрываясь за стенами.

Европейские наблюдатели описывают один из излюбленных приёмов наступления шанхайских повстанцев. Во время боя у повстанцев на флангах постоянно находились две группы бойцов: одна, одетая во все красное, на правом фланге цепи, другая, во всём синем, – на левом фланге. Задача этих «цветных» бойцов состояла в том, чтобы непрерывно перемещаться на флангах и быть в поле зрения противника, отвлекая таким образом его внимание от основных боевых цепей, одетых неярко и невзрачно. В это время воины в центре цепи стрелков вели огонь по противнику, используя все возможные укрытия и ориентируясь на действия фланговых групп. Цинские солдаты направляли основной огонь против воинов в яркой форме на флангах, которые, размахивая флагами, время от времени появлялись где-либо на передовой позиции. Часто они делали это всего в 20 шагах от противника и затем быстро отступали. В это время основные силы атакующих повстанцев наносили неожиданный быстрый удар.

Кстати, повстанцы Шанхая пытались купить в европейских сеттльментах и большое количество европейской одежды – они предполагали одеть в неё некоторые отряды, прекрасно понимая, что ряды солдат в европейской форме после недавней «опиумной» войны деморализующе действуют на цинские войска.

Длительные боевые действия гражданской войны вызывали моральное утомление и отупление войск, из-за чего периодически

случались весьма колоритные и характерные события. Так, 8 октября 1854 года повстанцы специально открыли восточные ворота в тот момент, когда на стене, на хорошо видимом месте, появился музыкант, игравший на «юэцинь» (китайской скрипке). Музыка привлекла внимание ближайших цинских солдат и побудила их подойти к воротам. Музыкант обратился к солдатам: «Заходите смелее внутрь города, оттуда все сбежали». Цинские солдаты немалой толпой бросились в город, а повстанцы, пропустив их, немедленно заперли ворота, выкатили пушку и открыли жестокий огонь по солдатам, бежавшим вдоль улиц. Спасаясь от огня, солдаты стремились укрыться в пустых домах или в узких переулках, но здесь их ждали повстанцы. Вся группа ворвавшихся в город была уничтожена. Такую хитрость повстанцы применяли неоднократно, рассчитывая на наивность крестьян, насильно мобилизованных в цинские войска.

Однако и цинская сторона не пренебрегала подобными приёмами. Например, в пригороде Шанхая одна пожилая женщина открыла курильню. Поскольку в городе опиума достать было невозможно, она без труда заманила в один из домов за пределами города, поблизости от своей курильни, несколько десятков повстанцев. Когда те опьянели от выкуренного опиума, в дом ворвались хорошо вооружённые цинские солдаты и перебили всех повстанцев.

Чтобы улучшить руководство войсками, цинское командование решило расчистить территорию на подступах к городским стенам с восточной стороны и таким путём лишить возможности солдат прятаться за различные строения и отсиживаться во время штурмов. Подобная мера также делала более уязвимым и отступление повстанцев после их вылазок и рейдов в предместья. Чтобы высаживать с речных судов свои войска, новому командующему осаждающей армией У Цзяньчжану потребовалась свободная территория в районе пристаней у малых восточных ворот города. Здесь было сожжено несколько тысяч домов, лачуг и лавок торговцев. Огонь полыхал несколько дней подряд. На участке от малых южных ворот до больших восточных ворот все было уничтожено пожаром, который к тому же сопровождался грабежами. Среди оставшихся без крова жителей было немало жертв. Огнём уничтожались жилища и в других близлежащих к Шанхаю районах, если на их обитателей падало хоть малейшее подозрение в помощи шанхайцам.

Цинские командиры устраивали и демонстративные ночные атаки на город. Сосредоточившись в каком-либо месте поблизости от городских стен, солдаты по сигналу начинали атаку, поднимая страшную стрельбу – больше для преодоления собственного страха, ночью ещё сильнее сковывавшего их. Не достигнув успеха, войско откатывалось обратно. Такие ночные набеги всегда сопровождалась интенсивной, но малорезультативной перестрелкой.

В борьбу за Шанхай вступают европейцы

Первоначально европейцы соблюдали строгий нейтралитет, т. е. наживались на продаже оружия и продовольствия обеим сторонам, а повстанцы и цинские войска избегали действий против европейцев и их поселений. Весной 1854 года даже произошло вооружённое столкновение англо-американского ополчения европейских концессий с цинскими войсками. Предлогом было сооружение цинских укреплений на территории концессий, но реальной причиной был делёж доходов с шанхайских таможен, приносивших огромный доход даже во время (особенно во время!) гражданской войны.

4 апреля 1854 года несколько сотен англо-американцев при поддержке 46 орудий трёх стоявших на рейде военных кораблей атаковали ближайшие цинские укрепления. Последовала двухчасовая ружейно-артиллерийская перестрелка, после которой китайские солдаты отступили из спорных лагерей, которые были заняты и скрыты европейцами. Потери англо-американцев составили 4 убитых и 13 раненых, цинские части потеряли несколько десятков убитыми и более сотни ранеными. Эта стычка на размытой весенними дождями почве получила в европейской прессе наименование «боя на грязевой равнине».

Больше вооружённых столкновений цинов и европейцев в районе Шанхая не было. Но европейские военные суда на рейде внимательно наблюдали за дальнейшим развитием событий.

Менее чем через год политическая ситуация круто изменилась. Засуетились французы Наполеона III, их военному представителю – адмиралу Лягеру – не терпелось стяжать лавры успешного колониального полководца. К тому же французских католических миссионеров очень раздражало тайпинское «христианство». В это время уже все европейцы фактически помогали цинам в осаде Шанхая – территория европейских концессий, примыкавшая к городским стенам и не занятая маньчжурскими войсками, долгое время была единственной связью восставшего Шанхая с внешним миром, но власти французской концессии, ближайшей к городской стене, при согласии англичан и американцев в конце 1854 года соорудили стену и укрепления, намертво блокировав город.

Вскоре французы открывали стрельбу по любому, кто осмеливался направиться в сторону городских стен. Жертвами становились в основном мирные жители. Европейский очевидец описывает, как французские караульные методично стреляли по уже раненной ими и лежавшей в пыли старой китайке. Вина её состояла лишь в том, что она пыталась поднести к стене корзину с провизией для родных, находившихся в городе.

Французы договорились вместе с цинскими войсками провести решительный штурм Шанхая. К этому времени цинских войск вокруг Шанхая насчитывалось более 20 тысяч, повстанцев в городе – менее 5 тысяч.

Адмирал Лягер, дождавшись флагмана французской эскадры – фрегата «Жанна д'Арк», назначил штурм на 6 января 1855 года. Повстанцам, имевшим надежные связи в европейских сеттльментах, было хорошо известно о намерениях Лягера. Однако, желая предотвратить кровопролитие, лидеры шанхайцев направили адмиралу письмо. Оно было написано французским матросом, полгода назад сбежавшим с одного из военных кораблей и присоединившимся к повстанцам. В письме от имени восставших просили командующего французскими войсками не предпринимать атак на город. В нём говорилось также, что «Союз малых мечей» захватил Шанхай, чтобы передать его христианскому «тайпин-вану», но если всё же французы предпримут наступление на город, то и шанхайцы в целях самообороны будут вынуждены всеми силами, до последнего человека, сопротивляться.

Французское фиаско по-шанхайски

Французский адмирал на послание не ответил. Наступление началось по плану: в субботу 6 января 1855 года в 6 часов утра. Штурм начали сильным огнем по городу с кораблей и из двух французских сухопутных орудий по участку северной стены, чтобы проделать в ней брешь. Для действий на суше с кораблей французской эскадры было снято 400 человек. Из 250 человек были образованы две ударные колонны, по четыре взвода каждая. Во время артиллерийского обстрела они были собраны для атаки под защитой полевых укреплений у стен. Одновременно к атаке готовились и цинские войска.

Через час орудийным огнём в северной стене была проделана годная для прорыва брешь. Сразу же в неё бросились французские моряки, тащившие с собой две гаубицы. Но, пройдя через пролом и с помощью лестниц проникнув внутрь города, французы неожиданно столкнулись с сильным сопротивлением оборонявшихся. Атаковавшие оказались у здания большого городского ломбарда, превращённого в хорошо укрепленный опорный пункт обороны. Французы попали под сильный огонь ружей и малых пушек из многочисленных бойниц в крыше и стенах здания. Два французских офицера и три солдата были убиты на месте, многие были ранены. Это замедлило продвижение первой штурмовой колонны.

Второй группе наступающих удалось захватить северные ворота, открыть их и, оттеснив повстанцев, обеспечить проход цинским войскам, которые бросили в этот бой несколько тысяч человек. Но цинские солдаты боялись продвигаться от ворот в глубь города. Большинство из них к тому же были вооружены только мечами и копьями, а многие лишь... флагами. Только полторы тысячи из них имели хоть какое-то подобие военной формы и опознавательные синие кушаки.

Несмотря на сильный встречный огонь, французам с помощью одной оставшейся у них гаубицы и при поддержке непрерывного огня с кораблей удалось оттеснить оборонявшихся и захватить участок стены от пролома до северных ворот. Дальнейшее продвижение было задержано многочисленными частоколами, рогатками, железными ежами и сильным огнём повстанцев, засевших за домами и в узких переулках. Цинские войска продолжали входить в город через северные ворота, но встречный поток раненых приостановил их движение.

Проникшие внутрь города цинские солдаты немедленно стали грабить и поголовно убивать попадавших на их пути мирных жителей. Поскольку за каждую отрубленную голову выдавалось вознаграждение, они бросились отрезать головы и у повстанцев, убитых французами, что

вызвало крайнее возмущение французских моряков, и они, чтобы сохранить свой заработок, открыли стрельбу по цинским солдатам.

Расчёт адмирала Лягера на быстрый успех не оправдался. Бой длился уже четыре часа, а повстанцы и не думали капитулировать. Они отбили атаку цинских войск у западной части стены, и вскоре жёлтые флаги восстания появились у северных ворот. Натиск шанхайцев вызвал смтение среди цинских солдат, для которых огонь наступавших оказался «слишком горяч», а северные ворота слишком тесны для бегства. В панике они бросились перелезть через городскую стену. Вниз полетели люди, оружие, флаги. Падавшие калечились, разбивались насмерть, натываясь в суматохе на оружие своих же соратников. Французы пытались остановить бежавших, но те, обезумев, открыли по ним огонь. В итоге французы, уже израсходовав все боеприпасы (по 60 зарядов на каждого моряка) и не полагаясь более на своих сомнительных союзников, вынуждены были отступить из города.

Французы потеряли в этом бою двоих офицеров и 13 солдат, ещё 4 офицера и 32 рядовых были ранены. Потери цинов были более значительны. В городе они оставили 1200 убитых, за его пределы из боя было вынесено не менее 1000 раненых. Повстанцы стащили в один из храмов всех убитых и раненых цинских солдат, загнав туда же более 60 пойманных в городе пленных. Затем, мстя за штурм города, они завалили храм обломками разрушенных домов и сожгли до основания.

В течение всего боя против французско-цинских войск оборонявшиеся держались преимущественно в укрытиях – в забаррикадированных домах с окнами, заложенными мешками с землёй, передвигались скрытыми ходами сообщения между домами, активно использовали пушки и фитильные ружья. Поэтому их потери оказались незначительными.

Город по-прежнему оставался в руках восставших. Не меньшим был и моральный урон – престижу западного оружия в Китае был нанесён первый чувствительный удар.

Несмотря на горький урок, полученный французами не без участия их цинских союзников, отношения французской и маньчжурской администрации в шанхайском сэттльменте стали почти дружественными. Императорский наместник Гиркана лил слезы и расточал соболезнования по поводу потерь, понесённых французами, а в официальных цинских документах отныне французы перестали именоваться варварами...

Город штурмует голод

Боевые успехи повстанцев, однако, не устранили главную угрозу – в осаждённом уже второй год и намертво заблокированном Шанхае свирепствовал страшный голод. Наблюдатели из европейских концессий сообщают, что осаждённые даже ели трупы убитых цинских солдат.

Впрочем, сообщения о каннибализме отличаются фантастическими и страшными подробностями:

«Однажды в городе появился человек, родом из Нинбо, который принёс для продажи масло по 36 вэнэй за цзинь. Жители наперебой раскупали его. Оно было прозрачным, в лампах горело особенно ярко, но иногда сильно трещало. Пища из трав, приготовленная на нём, казалась особенно вкусной. Предполагали, что это собачий жир, но впоследствии выяснилось, что это был вытопленный человеческий жир».

Когда из более чем 200-тысячного населения Шанхая в городе осталось не более 20 тысяч жителей, атаманы повстанцев приняли решения выйти за стены и попытаться прорваться. В ночь на 18 февраля 1855 года город был подождён, в ночном бою большинство повстанцев погибли, меньшей части из них удалось прорвать окружение цинских войск и уйти на соединение с тайпинами.

Заняв покинутый инсургентами Шанхай, правительственные войска устроили немногим оставшимся и пленным резню. Повстанцы и жители Шанхая, пытавшиеся скрыться на территории европейских концессий, методично выдавались маньчжурам на расправу. Европейские консулы лишь потребовали не выставлять отрубленные головы на городской стене. Среди пленных после жестоких пыток была казнена Чжоу Сюин, женщина в чине «цзянцюня»-генерала, командовавшая отдельным отрядом повстанцев.

Один из основных военных лидеров шанхайцев Лю Личуань сумел выйти из окружения, переодевшись... буддийской монахиней. Будучи человеком небедным и главой тайного общества из «триад», он ушёл в подполье, скрывшись в многочисленных южных провинциях Китая и отказавшись от дальнейшей вооружённой борьбы.

Однако по всему Китаю продолжали полыхать многочисленные восстания, а в самом центре страны многочисленные армии тайпинов вели новые бои и походы.

Революция пожирает своих детей, или Резня среди «младших братьев Христа»

Освободившаяся после взятия Шанхая маньчжурская армия осадила Чжэньцзян. Этот стратегически важный узел соединения Янцзы и Императорского канала тайпины удерживали с весны 1853 года. С учетом того что укрепленные лагеря цинских войск на обоих берегах Янцзы к востоку от Нанкина до сих пор угрожали непосредственным подступам к тайпинской столице, для «Тай-Пин Тянь-Го» («Царства Небесного Величайшего Счастья») сложилась опасная ситуация, грозившая началом большого маньчжурского наступления.

Чтобы отобрать здесь инициативу у противника, тайпины к началу 1856 года подготовили Восточный поход; наступление на восток к морскому побережью страны началось 1 февраля. К середине марта воины «Царства Небесного» отбросили противника от Чжэньцзяна, а в боях с 3 по 5 апреля разгромили цинский лагерь на северном берегу Янцзы, уничтожив комплекс из более чем 120 укрепленных пунктов.

Здесь тайпины впервые действовали в союзе с партизанскими отрядами «няньцзюней» (дословно – факельщиков), крестьянскими повстанцами из северных провинций Центрального Китая, которые, выступая против власти маньчжуров, одновременно не признавали и власть нанкинского «Царства Небесного». Об этих китайских «махновцах» ещё придётся рассказать подробнее чуть позднее.

В весенних боях 1856 года за обеспечение безопасности Нанкина особенно отличился молодой тайпинский командир Ли Сючен. За три года он прошёл путь от рядового до командующего корпусом и скоро, наряду с «И-ваном» (Вспомогательным государем) Ши Дакаем, станет лучшим полководцем тайпинов.

Сам же командарм Ши Дакай в мае возвратился в Нанкин из Западного похода для усиления Восточного. Предварительно он, чтобы обеспечить спокойный тыл на западе, ещё раз разгромил под Наньчаном войска «хунаньских молодцов» Цзэн Гофаня: разведя огни на стоянках в горных долинах и тем обманув вражеских наблюдателей, Ши Дакай с небольшим отрядом ночью неожиданно ворвался в лагерь превосходящего по численности противника и обратил его в бегство. Цинские солдаты в панике укрылись за стенами Наньчана, немало передавив и покалечив друг друга в свалке у городских ворот.

В июне 1856 года объединённые войска Западного похода тайпинов окружили и уничтожили состоявший из более чем 70 полевых укреплений и фортов лагерь цинской армии на южном берегу Янцзы. К концу лета они отбросили цинские части далеко от своей столицы.

И в этот момент, когда тайпины, владея стратегической инициативой, наступали по всем фронтам, в Нанкине произошли события, навсегда лишившие их шанса на победу и ставшие началом агонии тайпинской революции.

Лидеры «Тай-Пин Тянь-Го», как и все революционеры, люди пассионарные, бесстрашные и решительные, одержав удивительные победы – в буквальном смысле слова взлетев «из грязи в князи», не смогли остаться в одной упряжке. Здесь сказалось всё: разница в социальном и географическом происхождении, различия во взглядах на управление созданным государством, борьба честолюбий и просто бешеная воля к власти...

Изначально у актива тайпинов сложилось несколько землячеств и «фракций» вокруг их первых вождей. Эти лидеры и их ближайшие соратники, как только после первых побед отступила самая непосредственная опасность и схлынула горячка боёв, довольно быстро вошли в непримиримые личные и идейные противоречия. А на войне противоречия решаются, как на войне – бесповоротным устранением того, что мешает, и тех, кто мешает достижению цели.

К середине 50-х годов XIX века в лагере тайпинов уже было напряжение между «старыми братьями», первыми повстанцами, выходцами из южных провинций Гуанси и Гуандун, и «новыми братьями», уроженцами центральных провинций. «Старые братья» в свою очередь раздирались ещё более жёсткой враждой между гуансийцами и гуандунцами.

Надо помнить, что все они в прямом смысле слова разговаривали на разных языках, слабо понимая друг друга, ведь провинциальные диалекты различались очень сильно. Лидером гуансийцев был «главком» Ян Сюцин, оттеснивший от реальной власти основателя секты тайпинов «Царя Небесного» Хун Сюцюаня, фактического лидера гуандунцев. Но и внутри правящей группы гуансийцев образовались две враждующие фракции – «партия Яна» вокруг Ян Сюцина и «партия Вэя» вокруг «Северного государя» Вэй Чанхоя. Эти двое, бывший бродяга и бывший землевладелец, уже просто не переносили друг друга.

Характерно, что первые годы после занятия повстанцами Нанкина маньчжурские власти, основываясь на донесениях лазутчиков, были уверены, что никакого основателя секты, «Царя Небесного» Хун Сюцюаня, уже нет – он то ли убит, то ли умер в начале восстания, и всем правит «Восточный государь» Ян Сюцин. Хун Сюцюань действительно удалился от текущих дел, два года не выходя из огромного нанкинского дворца. Все реальные рычаги власти сосредоточил Ян Сюцин, оказавшийся не только талантливым, но и весьма деспотичным и высокомерным человеком. Он явно намеревался стать и формальным

главой «Тай-Пин Тянь-Го», чем окончательно восстановил против себя всех государей-«ванов».

Когда в конце лета 1856 года успешные военные операции тайпинов отбросили цинские войска далеко от Нанкина, Ян Сюцин на торжествах по случаю победы вынудил Хун Сюцюаня отслужить в честь себя молебен. Тайпины регулярно исполняли переработанные христианские обряды. Но пропетые отцом-основателем «Многая лета!» в честь первого среди равных переполнили чашу терпения «ванов».

С молчаливого согласия «Небесного государя» лидер заговорщиков Вэй Чанхой 2 сентября 1856 года лично убил Ян Сюцина. Первоначально планировалось устранить только «Восточного государя» и двоих его братьев, но маховик репрессий и резни от накопившихся противоречий стал раскручиваться с ужасающей скоростью. В течение короткого времени было убито до 30 тысяч сторонников Ян Сюцина и членов их семей.

В конце сентября в Нанкин экстренно прибыл лучший тайпинский полководец «И-ван» Ши Дакай. Он обвинил Вэй Чанхоя в излишних «необоснованных репрессиях» и в ответ сам едва не стал их жертвой. Ему удалось бежать из столицы к своим войскам, а сторонники Вэй Чанхоя в отместку уничтожили всю его семью. Разъярённый Ши Дакай повёл тайпинские полевые войска, давно уже возмущённые столичными безобразиями, на Нанкин.

Приближение крупных воинских сил снова изменило баланс в правящей верхушке – оставшиеся государи и князья, «ваны» и «хоу» тайпинов, опять с молчаливого согласия «Царя Небесного» Хун Сюцюаня, убили Вэй Чанхоя и его приближённых, на что потребовалось два дня уличных боёв. Отрезанную голову виновника массовых репрессий прислали от имени «Царя Небесного» в подарок Ши Дакаю. Тот вернул войска на фронт и прибыл в столицу с небольшим отрядом. Здесь номинальная и реальная власть уже окончательно сосредоточилась в руках основателя секты Хун Сюцюаня, который, при всей своей внешней отрешённости от мирских забот, никогда не собирался становиться символической игрушкой.

Именно он – затворившийся в своём дворце, погружённый в религиозно-философские размышления «Тянь-ван», «Царь Небесный» – оказался главным кукловодом междуусобной резни. После гибели в самом начале восстания ряда основателей движения он, ловко использовав смертельное соперничество последних соправителей, остался единственным высшим вождём, полубогом тайпинов.

От крестьянской революции к феодальной теократии

Хун Сюцюань использовал военный талант Ши Дакая в борьбе с цинскими войсками. «Добровольческая армия» Цзэн Гофаня, которую буквально спасла тайпинская междоусобица, в это время перешла в контрнаступление и в декабре 1856 года отбила у тайпинов трёхградье Уханя. Ши Дакай лишь к лету следующего года остановил наступление Цзэн Гофаня и стабилизировал положение в долине Янцзы.

Но к тому времени «И-ван» был уже фактически чужим человеком в Нанкине. Не желая вступать в борьбу за рычаги власти с окружением «Царя Небесного» и в то же время не без оснований опасаясь за свою жизнь, он в июне 1857 года тайно покинул столицу тайпинов, уведя своё 100-тысячное войско в западные провинции Китая. Там он будет самостоятельно воевать с маньчжурской властью ещё 6 лет, собирая до 250 тысяч повстанцев, но в Нанкин уже никогда не вернётся...

Продолжавшаяся всю осень 1856 года нанкинская резня была покруче первого человекоубийства, ведь здесь не Адамов сын Каин убил брата Авеля, а, если верить тайпинской теологии, второй сын Бога-отца и брат Иисуса организовал убийство третьего сына Божьего и младшего брата Христа. Эти «библейские» события обескровили и деморализовали лучшие военные и административные кадры тайпинов. Но куда губительнее для революции оказался установившийся в результате резни и репрессий политический режим.

Массы рядовых и младших командиров тайпинов обладали способностями и быстро восстановили военный потенциал движения. Два лучших полководца этого нового этапа восстания, молодые крестьяне Чэнь Юйчэн и Ли Сючэн, были не меньшими военными талантами, чем лучшие из первых полководцев-«ванов», но они никогда уже и не думали претендовать на высшую государственную власть. Лишь самый талантливый и любимый тайпинскими массами Ли Сючэн осмеливался иногда критиковать власть в Нанкине за наиболее вопиющие злоупотребления, терпя за это периодические опалы, но даже в мыслях не посягая на Божественный авторитет «Царя Небесного».

А критиковать его было за что. Хун Сюцюань, обладавший уникальным даром влияния на людей и столь же большим талантом в сфере политических интриг, оказался органически неспособным к разумному управлению государством. Он снова погрузился в религиозную тишину своего роскошного дворца, предоставив руководство текущими делами своим родственникам и фаворитам, прежде всего двоим родным и двум двоюродным братьям. Лишённые

заметных талантов, они под подозрительным оком своего божественного родича не претендовали на верховную власть, но всей своей деятельностью и образом жизни способствовали стремительному превращению революционного государства в банальное царство бюрократов и феодалов.

Из всей этой родственной камарильи Хун Сюцюаня только один из его двоюродных братьев, Хун Жэньган, проявлял бескорыстный идеализм: в условиях средневековой гражданской войны он носился с европейскими идеями строительства железных дорог и проектами организации в будущем представительной демократии и свободы слова...

Некоторое время режим в Нанкине спасало лишь то, что власть в Пекине находилась в ещё более жалком состоянии: Англия и Франция начали вторую «опиумную» войну против маньчжурского императора, а далеко на севере по водам Амура, где прежде безраздельно господствовала маньчжурская власть, поплыл первый русских пароход. Самое удивительное, что пароход во главе каравана русских судов спешил к амурскому устью, чтобы защитить эти формально ещё чужие, «китайские» земли... от англичан.

Глава 7

Как Амур не стал границей между Россией и Англией. Крымская война на амурских берегах

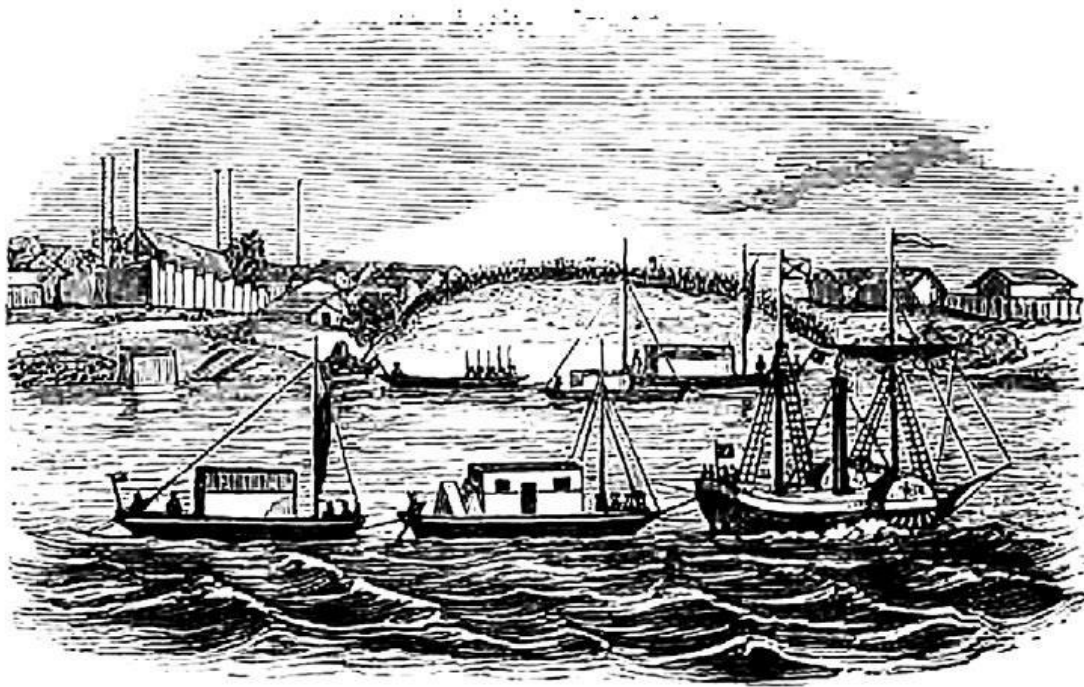
«Намерен пройти на устье Амура во что бы то ни стало...»

Вот мы и вернулись в лето 1854 года, когда оставили первый амурский пароход генерал-губернатора Николая Муравьёва в том месте, где вскоре возникнет город Хабаровск. Речной караван под началом генерал-губернатора Муравьёва вёз солдат и военные припасы, чтобы усилить оборону дальневосточных границ России на Камчатке и берегах Охотского моря.

После начала Крымской войны, когда могущественные флоты Англии и Франции перекрыли все морские пути, Амур остался единственной удобной «дорогой» для доставки подкрепления и грузов на российский Дальний Восток. Но берега реки всё ещё формально считались территорией маньчжуро-китайской империи Цин...

Двигаясь по Амуру, отряд генерала Муравьёва не знал, придётся ли ему пробиваться с боем или удастся мирно договориться с китайскими властями. 10 июня 1854 года маньчжурские власти в городке Айгуне, тогда единственном крупном поселении на берегах Амура, вынуждены были согласиться на свободный проход русских кораблей. Особую роль в успешном исходе переговоров сыграл первый пароход «Аргунь» – изумлённые китайские чиновники назвали его «Огненной лодкой».

Никто из участников тех переговоров не оставил мемуаров. Но прапорщик Алексей Баранов, командир одной из плывших с караваном рот, позднее так рассказывал о них со слов очевидцев: «Генерал Муравьёв объяснил китайским властям, что он идёт защищать русские владения от англичан, с которыми в это время и китайцы были не в ладах, и что появление наше на устье Амура будет полезно и китайскому правительству, лишив англичан возможности напасть на Китай с этой стороны. Китайский губернатор ответил так: если он пропустит или не пропустит русских, может одинаково подвергнуться ответственности, смотря по тому, как взглянет на это его правительство. На это генерал Муравьёв заметил, что он намерен пройти на устье Амура во что бы то ни стало и для этого не остановился бы даже перед необходимостью сжечь город Айгун, но желал бы очень, по дружественным отношениям государств русского и китайского, чтобы плавание совершилось без всяких недоразумений...»

Корабли Муравьёва идут по Амуру мимо маньчжурского города Айгунь. Английский рисунок середины XIX века, опубликован в книге E.G.Ravenstein «The Russians on the Amur», Лондон, 1861 год

На следующий день, 11 июня 1854 года, русский пароход во главе почти сотни лодок и барж двинулся далее вниз по Амуру, к его устью. Был создан первый прецедент свободного плавания наших кораблей по главной реке Дальнего Востока.

Прапорщик Алексей Баранов так описывает настроения русских офицеров в тот день: «Не подлежит сомнению, что, если бы местные китайские власти усматривали какую-либо возможность забрать нас всех до последнего и отрубить нам головы, т. е. если бы нас было десять-двадцать человек, то этим они лучше всего угодили бы своему правительству. Так поступили они несколько лет ранее с производившим исследование приамурских стран офицером...»

Здесь Алексей Баранов и его соратники по первому амурскому каравану вспомнили судьбу Василия Ваганова, погибшего ординарца генерал-губернатора Муравьёва. Военный топограф Ваганов ещё в 1844 году вместе с экспедицией Александра Миддендорфа проводил первые исследования приамурской тайги, а в 1847 году по поручению губернатора Муравьёва арестовывал английского разведчика Остена, пытавшегося собирать сведения об Амуре. В 1850 году 30-летний Василий Ваганов был убит в тайге во время очередной конной экспедиции к берегам великой дальневосточной реки – китайские пограничные чиновники уверяли, что его якобы застрелил некий

«тунгус» с целью ограбления. В штабе генерал-губернатора Муравьёва этим словам китайских властей не поверили...

Но в июне 1854 года русские корабли прошли по Амуру без единого выстрела – в этом была и доля заслуг погибшего разведчика Василия Ваганова. Удаляясь от города Айгунь, солдаты и офицеры маленькой армии Муравьёва вздохнули с облегчением. «Итак, главное препятствие было устранено, путь был открыт и всё обещало благополучное окончание трудного дела. Оставалась только борьба с могучей рекой...» – вспоминал те минуты подпоручик (младший лейтенант) Николай фон Глен, командир одной из четырёх рот русского отряда.

Река действительно оставалась непростой задачей. Баржам и лодкам во главе с колёсным пароходом предстояло пройти до устья Амура ещё почти две тысячи вёрст между совершенно неизведанными берегами.

Встреча двух экспедиций

12 июня 1854 года русские корабли достигли устья реки Буряя, одного из крупнейших амурских притоков, текущих с севера. Сегодня именно там располагается село Скобельцыно, названное в честь казачьего сотника Гавриила Скобельцына, служившего у губернатора Муравьёва проводником в первом плавании по Амуру.

Спустя пять суток флотилия подошла к месту будущего города Хабаровска, где в Амур с юга впадает большая река Уссури, которая ныне отделяет российское Приморье от территории Китая. Водная гладь здесь делится многочисленными островами на несколько протоков, и русский отряд, впервые двигаясь по Амуру и не имея точных карт, заблудился среди разлившихся после весеннего половодья рек. Корабли по ошибке свернули в русло Уссури и лишь на следующий день вернулись в основное устье Амура.

Как вспоминает подпоручик Николай фон Глен: «При выходе из Уссури в Амур Муравьёву прежде всего бросился в глаза высокий правый берег реки, густо поросший вековым лесом. «Вот где будет город», – сказал он, указывая рукою на отдельную, выступившую из общего очертания берега, скалу».

Точно предсказав место будущего Хабаровска, генерал Муравьёв в самых смелых мечтах не мог и представить, что спустя всего 35 лет именно на этой скале благодарные потомки поставят памятник лично ему. Пятиметровая бронзовая скульптура Николая Муравьёва работы выдающегося скульптора Александра Опекушина сегодня знакома всем – именно она украшает самую крупную денежную купюру Российской Федерации в 5000 рублей.

Но в июне 1854 года генералу Муравьёву было совсем не до памятников – едва миновав место будущего Хабаровска, русская флотилия попала в жестокий речной шторм. Сильный ветер вызвал на Амуре высокие волны, пароход «Аргунь» благополучно перенёс бурю, но деревянные баржи и лодки стало захлёстывать водой, когда они пристали на привал к левому берегу реки.

Как вспоминал прапорщик Алексей Баранов: «Образовалось настолько большое волнение, что лодки стало заливать и некоторые наполнились водой, было подмочено много разного хлеба. Мешки с мукой, крупой и сухарями с большим трудом были вытащены из лодок и разложены на берегу для просушки. К счастью, около этого берега было неглубоко, так что солдаты могли входить в воду, чтобы ловить всплывшие мешки с хлебом. От потопления уцелело немного лодок, даже генеральская была затоплена, причем подмочило все вещи Муравьёва, в том числе и гардероб».

Два дня флотилия потратила на приведение в порядок залитых волнами лодок и попытки спасти промокшие запасы сухарей. С последней задачей справиться не удалось – солдатам, которые останутся на службу в устье Амура, в ближайшие месяцы придётся грызть заплесневевший хлеб, подмоченный амурской водой.

Благополучно справившийся с бурей пароход «Аргунь» по приказу генерала Муравьёва двинулся вперёд, не дожидаясь всего каравана. Без точных топографических карт проводники и командование экспедиции допустили ошибку – посчитали, что флотилия уже достигла района озера Кизи, которое лежит между Амуром и морским берегом Татарского пролива. В реальности речные корабли всё ещё находились недалеко от современного города Комсомольска-на-Амуре, более чем в 300 километрах от этого озера.

Ошибка в топографических расчётах вскоре выяснилась, когда ушедший вперёд пароход «Аргунь» вечером 22 июня 1854 года неожиданно встретил лодку с русским офицером. Григорий Данилович Разградский, 24-летний мичман, служил в экспедиции капитана Невельского, которая уже несколько лет на морских кораблях исследовала устье Амура. Зная о планах губернатора Муравьёва пройти речным путём из Забайкалья к морю, капитан Невельской отправил мичмана Разградского на байдарке местных аборигенов, «гиляков»-нивхов, вверх по Амуру – встречать русскую речную экспедицию.

«Эти избы как бы свидетельствовали, что земля эта русская...»

Встреча двух экспедиций стала для флотилии Муравьёва концом плавания в неизвестность. Оставшиеся 400 с лишним вёрст до устья Амура речные корабли шли по местности, изученной моряками Невельского.

Аборигены нижнего течения Амура – «гиляки» и «гольды», как тогда называли нивхов и нанайцев, – уже познакомились с русскими и не боялись их. Капитан парохода «Аргунь» Александр Сгибнев вспоминал, что нивхи, подобно маньчжурам города Айгунь, были поражены дымящей трубой и называли его корабль «Тур-Му» – огненное судно. Сгибнев даже прокатил на пароходе нескольких наиболее смелых нивхов, а во время одной из ночных стоянок устроил для них настоящий фейерверк, выпустив в воздух осветительные ракеты. «Это невиданное гиляками явление доставило им большое удовольствие», – вспоминал позднее капитан первого амурского парохода.

Когда вслед за пароходом подтянулись остальные суда отряда Муравьёва, прямо посреди Амура началась оживлённая торговля. «Вскоре стали нам попадаться гольды, – рассказывает один из участников экспедиции. – Они подплывали к нам на утлых лодочках, предлагая живую рыбу, осетровую икру, свежую и сушёную, и собольи меха. Покупка этих предметов совершалась обменом на какие-нибудь вещицы, чаще всего на самые ничтожные безделушки. Так, за солдатскую оловянную пуговицу давали по соболю, за пригоршню махорки – тоже соболя, за медное колечко давали по два соболя...»

24 июня пароход «Аргунь» достиг небольшого «Мариинского поста» – лагеря, основанного в прошлом году морской экспедицией капитана Невельского. В наши дни здесь располагается село Мариинское, начинавшееся полтора века назад с нескольких изб, построенных военными моряками, – отсюда до устья Амура остаётся чуть более 200 километров.

Через три дня к посту подошли все суда речного каравана. Даже спустя десятилетия Николай фон Глен не смог удержаться от пафоса, вспоминая те минуты, когда он, будучи юным подпоручиком из маленькой «армии» Муравьёва, причаливал к первому русскому поселению на Амуре: «Итак, отряды Муравьёва и Невельского соединились. Тысячи верст были пройдены. Ни огромная незнакомая река, ни бури, ни отсутствие хороших проводников, ни страшный физический труд, ничто не остановило этих героев. На дрянных лодках, на неуклюжих плотках, под опасением если не утонуть, то, по крайней

мере, утопить весь провиант и умереть голодной смертью среди дикой тайги, в тысячах вёрст от цивилизованного мира, они всё-таки настойчиво шли и достигли желанного. При громком «ура» всего отряда лодки и плоты экспедиции пристали к берегу. Несколько домиков белели на чёрном фоне леса, окружавшего пост. Это были не фанзы манджур или юрты и шалаши бродячих инородцев, попадавшиеся по пути отряду, а русские избы. Чем-то далёким, родным пахло на всех! Эти избы как бы свидетельствовали, что земля эта русская, что отряд вступил на родную почву!»

Амурскую экспедицию генерал-губернатора Муравьёва можно было считать успешно завершённой – впервые со времён первопроходцев Ерофея Хабарова русские проплыли по всему Амуру, заставив власти Китая беспрепятственно пропустить наши корабли. Но для участников речного «сплава» пройденные по реке две с половиной тысячи вёрст были только началом большой и страшной работы.

Часть отряда Муравьёва должна была плыть дальше – им предстояло пересечь Охотское море, чтобы усилить гарнизон Петропавловска-Камчатского и защитить далёкий полуостров от англо-французского флота. Не имели времени для отдыха и те, кто оставался в устье Амура, – здесь тоже надо было готовиться к возможной атаке с моря.

«Забытая, а всё-таки земля...»

Из тысячи солдат, проплывших вместе с губернатором Муравьевым весь Амур, ровно треть – 333 бойца под командованием капитана Александра Арбузова – тут же отправилась на Камчатку. Только 27 июня они приплыли к Мариинскому посту и, едва переночевав, вновь погрузились на лодки, чтобы пересечь соединённое с Амуром большое озеро Кизи, лежащее между рекой и морским берегом Татарского пролива. Всего дюжина вёрст дикой тайги отделяла восточный берег озера от удобной бухты, в которой отряд Арбузова уже ждал транспортный корабль «Двина».

Уже 29 июня отряд вместе с военными грузами погрузился на корабль и через воды Охотского моря и Тихого океана отправился в нелёгкое плавание к берегам Камчатки. В бухте Петропавловска-Камчатского отряд высадился лишь 5 августа 1854 года – безостановочный путь из Забайкалья на Камчатку занял ровно 71 сутки!

Генерал-губернатор Муравьев спешил не зря – подкрепление для камчатской обороны опередило вражескую эскадру всего на три недели. Присланный от устья Амура русский отряд сыграл решающую роль в ходе героической битвы за Петропавловск-Камчатский, когда в августе и сентябре 1854 года эскадра английских и французских кораблей безуспешно пыталась захватить город.

Оборона Камчатки во время Крымской войны достаточно хорошо известна – о ней написано немало книг, исторических работ и даже стихов, включая знаменитые строки Константина Симонова:

Но всё-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?
Он горсточку земли растёр рукою:
Забытая, а всё-таки земля...

Тем же, кто в 1854 году остался посреди глухой тайги в устье Амура, известности и славы в русской истории досталось куда меньше. Хотя им тоже пришлось с боем защищать свой берег – правда, этой земле, где амурских тигров жило больше, чем людей, только предстояло стать частью России.

Но первым врагом солдат, оставшихся в устье Амура, были не вражеские штыки и пушки, а дикая природа неосвоенного края. В глухой тайге с нуля предстояло готовить позиции для обороны – рубить просеки, строить артиллерийские батареи и землянки.

Как вспоминал прапорщик Алексей Баранов: «Нас невыносимо мучили комары и мошки, которых приходилось отгонять дымом... Лес был девственный; деревья были большие, иногда в несколько обхватов, поросшие мхом, спускавшимся с ветвей длинными белыми прядями, иногда до самой земли...» Ему вторит подпоручик Николай фон Глен: «Приходилось рубить и оттаскивать руками огромные столетние деревья, выкорчевывать пни, а также делать гати и строить мосты через речки, часто пересекавшие путь. Люди изнемогали. Бич сибирской тайги гнус, мучая их днём, не давал сомкнуть глаз и ночью. Хуже всего приходилось в серые туманные и дождливые дни, когда гнус кусает сильнее. Костры из гнилого дерева и сырых листьев, называемые по-сибирски дымокурором и разводимые для выкуривания назойливых насекомых, мало помогали...»

Почти сразу пришлось столкнуться и с самой неожиданной проблемой, которую породила буйная растительность дальневосточной тайги. «Вскоре наши люди начали заболеть на работе, – вспоминает прапорщик Баранов, – появлялась головная боль, дурнота и слабость, скоро проходившие, как только больной выходил из леса. Причиной болезни, как мы потом догадались, был кустарник, называемый в Сибири «богульник», росший в низменностях по всему лесу, занимая иногда большие, в несколько сот сажен, пространства. Он имеет розоватые цветочки с приятным запахом, но отравляющего свойства...»

То, что Алексей Баранов полтора века назад назвал «богульником», современная наука именует «Рододендрон даурским» – растение действительно содержит токсичные соединения. Несколько часов, проведённых в густых зарослях такого рододендрона, способны вызвать отравление.

В мемуарах прапорщик Баранов вспоминает и другую природную «напасть» – огромных китов-белух, с которыми ему пришлось встретиться во время ночёвки на морской косе у залива Счастья (ныне Николаевский район Хабаровского края). «Устроившись на ночлег, я не мог однако же долго заснуть, – пишет Баранов, – потому что вокруг баркасов ходили огромные белухи и своими вздохами при выпуске воды не давали покоя. Их фосфорический след в воде был виден возле самых баркасов... Днём белухи так близко не подходили».

Вскоре ко всем трудностям дикой природы добавилась нехватка продовольствия. Привезённые запасы продуктов пострадали от воды ещё во время амурского похода, когда баржи и лодки залила поднявшаяся на реке буря. Всё лучше сохранившееся отправили на Камчатку – оставшимся в устье Амура пришлось жить впроголодь.

«Сухари испортились, зазеленели, – вспоминает прапорщик Баранов, – и в таком виде выдавались солдатам. Солонина тоже была плохая, в ней завелись черви, которых мы изгоняли, подвешивая солонину над дымом и вымачивая потом в ручье. Конечно, такая

солонина не могла быть здоровой пищей, но сухари с плесенью были безусловно вредны... Пришлось голодать, питаясь жиденькой, вроде супа, похлёбкой из гречневой крупы, которой тоже было мало и следовало беречь».

Подпоручик Николай фон Глен вспоминает, что пищу пришлось добывать в тайге: «Люди питались морошкой, кореньями и тетеревами. Последние, очевидно, до тех пор никогда людей не видали, так как подпускали к себе так близко, что их не стреляли, а просто били палками. Но как ни глупы были тетерева, как ни много росло морошки, а отряду все-таки приходилось совсем плохо. Люди буквально пухли с голода, но работу не прекращали и не роптали».

Второй амурский «сплав»

Не прекращал работу и генерал-губернатор Муравьёв. Как вспоминал Александр Сгибнев, капитан первого на Амуре парохода: «Николай Николаевич Муравьёв, по окончании Амурской экспедиции, поспешил через Аян и Якутск в Петербург с новыми представлениями о действиях на Амуре. Блистательное отражение в августе месяце англо-французской эскадры от нападения на Петропавловский порт, который получил подкрепление по Амуру, изменило несколько взгляд правительства на Амурское дело в пользу его».

Для середины XIX века такое путешествие – всего за несколько месяцев проплыть весь Амур и пересечь целиком Евразийский континент от Охотского моря до Балтики – само по себе было выдающимся достижением. Генерал Муравьёв спешил, чтобы подготовить новый «сплав» по Амуру и наконец заставить бюрократов Петербурга согласиться с «Амурским делом» – его амбициозными планами по освоению новых земель. На этот раз из Забайкалья к дальневосточным берегам должны были плыть не только войска, но и крестьяне-переселенцы, чтобы в дальнейшем снабжать продовольствием первые русские селения на Амуре.

К весне следующего, 1855 года на берегах реки Шилки был готов новый огромный караван – сотня деревянных барж и второй построенный для Амура пароход. За зиму сюда через тысячи вёрст с Урала привезли тяжёлые пушки и снаряды общим весом в 20 тысяч пудов. Помимо трёх тысяч солдат на баржи погрузили почти 100 тысяч пудов продовольствия и 481 крестьянскую «душу» вместе с коровами, лошадьми и всем домашним скарбом.

Новый амурский «сплав» под началом генерала Муравьёва начался в ночь на 11 мая 1855 года. «Сплав» прошёл успешно, лишь второму в истории амурскому пароходу не повезло – он сел на мель возле устья реки Кутоманды (ныне Сквородинский район Амурской области). На этот раз китайские власти даже не пытались препятствовать плаванию русских кораблей по Амуру – мимо городка Айгунь речной караван Муравьёва прошёл, не останавливаясь.

Благодаря второму амурскому «сплаву» летом 1855 года в низовьях великой дальневосточной реки помимо чисто военных постов и укреплений было основано восемь первых русских селений. В том же году нашим войскам на Амуре впервые пришлось и вступить в бой с неприятелем.

«Появились они с недобрыми намерениями...»

Впервые возле устья Амура и в Татарском проливе вражеские корабли появились в марте 1855 года. Положение русских войск осложнялось тем, что для защиты всего побережья пришлось разбросать наши посты почти на 250 вёрст – от залива Де-Кастри до залива Счастья. В марте прибрежная тайга была ещё покрыта густым снегом, и солдатам пришлось бессильно наблюдать, как английские пароходы делали замеры глубин у побережья. Попытка проташить сквозь заснеженную тайгу две пушки и обстрелять флот врага закончилась неудачей – за целый день, выбиваясь из сил, артиллеристы и казаки смогли передвинуть два орудия лишь на четыре версты.

В мае шесть английских фрегатов и пароходов, пришедших из Гонконга, вновь подходили к заливу Де-Кастри, но не решились войти в него, встретив здесь три русских корабля. Всё лето 1855 года сильная британская эскадра крейсировала в Охотском море и Татарском проливе – англичане искали русские суда и пытались исследовать дальневосточные берега. Всего 13 лет назад Британия подобным образом захватила китайский Гонконг – в итоге этим островом англичане владели до самого конца XX века. Не будь усилий губернатора Муравьёва, подобный «трофей» мог появиться у британской короны и в устье Амура...

Разбросанные по таёжному побережью русские посты ждали неприятеля и готовились к бою. «Местность, на которой мы расположились, представляла косогор с чахлым лиственным и пихтовым лесом. Ветви корявых деревьев гнулись под тяжестью зеленоватого мха. Такой же мох сплошь покрывал землю, и нога уходила в мякоть выше лодыжки... Время от времени до слуха нашего доносился какой-то отдалённый гул, похожий на рокот волн. Как после выяснилось, шум этот производился приливом и отливом моря, так как Татарский пролив находился совсем рядом от нас. С первого же дня и почти вплоть до августа моросил мелкий дождь, и в воздухе плавала какая-то мгла, что угнетающим образом влияло на отряд...» – так вспоминал тревожное лето 1855 года военный фельдшер Марк Демидов, прибывший на дальневосточное побережье вместе со вторым амурским «сплавом» генерала Муравьёва.

В настоящий бой самому отдалённому гарнизону Российской империи пришлось вступить только в середине осени. «Все были ошеломлены, – вспоминает Марк Демидов, – когда с рассветом, словно по какому волшебству, появились без флагов два военных парохода и фрегат, с бортов которых грозно выглядывали жерла пушек. На палубах не видно было ни одной живой души, и морская тишина нарушалась только плеском прибоя, отскакивающего от каменного берега дождем

седых брызг. Наши моряки, пристально всматриваясь в конструкцию судов, затруднялись определить, какой нации они принадлежат. Чувствовалось определённо лишь то, что новопришельцы – наши неприятели и появились они с недобрыми намерениями...»

Появившиеся у залива Де-Кастри в 8 часов утра 15 октября 1855 года корабли принадлежали британскому флоту – 40-пушечный парусный фрегат «Сибилла» и новейшие военные пароходы «Хорнет» и «Энкаунтер» пришли для высадки десанта на дальневосточный берег. Место возможной высадки в тот день прикрывали небольшие силы русских – 120 забайкальских казаков под командованием есаула Помпея Пузино и 19 артиллеристов с двумя пушками-«единорогами» под командованием мичмана Николая Ельчанинова.

Благодаря сохранившимся английским и русским документам тот бой известен нам едва ли не по минутам, сохранились и многие имена его участников.

Первый георгиевский кавалер на Амуре

Несколько часов британские фрегат и пароходы осматривали таёжный берег – русские, спрятавшиеся за деревьями, ничем не выдавали своего присутствия. В 12 часов 15 минут от британских кораблей двинулись семь больших баркасов, вражеский десант насчитывал почти 400 «штыков». Есаул Пузино и мичман Ельчанинов решили подпустить противника к линии прибоа и здесь встретить его огнём двух пушек и ружей. К счастью, казаки имели 40 новейших винтовок-«штуцеров», стрелявших в три раза дальше старых гладкоствольных ружей.

Участник боя, фельдшер Марк Демидов, так вспоминал те минуты: «Казаки залегли с штуцерами полукругом вблизи берега, разместившись в засадах по двое. Пузино, Федоровский и я, зарядив штуцера, засели скрытно под деревом впереди засад и зорко наблюдали за пароходами и фрегатом». Флотский капитан Михаил Федоровский годом ранее отличился при обороне Петропавловска-Камчатского, теперь в его задачу входило наблюдение и анализ действий вражеской эскадры.

В 12 часов 40 минут британские лодки с десантом, двигаясь двумя колоннами, достигли кромки прибоа, там, где в воды залива Де-Кастри впадает маленькая речушка Нелли, – сегодня здесь располагаются жилые дома и порт посёлка Де-Кастри. «Неприятельские гребцы сильно работали веслами, – вспоминает Марк Демидов. – Вот первый ряд уже совсем приблизился, два баркаса коснулись обнаженного отливом берега. В этот момент мы пустили в незваных гостей три своих пули, одновременно грянула и пушка, угодив ядром у самого носа баркаса. Казаки тоже пустили залп. Моментально англичане в баркасах вскочили на ноги и открыли огонь...»

В первом же залпе отличился казачий урядник Пётр Таскин – он поразил английского офицера, командовавшего десантом. В следующем году именно за этот меткий выстрел урядника наградят Георгиевский крестом, он станет первым кавалером этой высокой награды на Амуре.

Вторым отличившимся в том бою оказался «фейерверкер» (артиллерийский сержант) Ченский, наводивший оба русских орудия. Выстрел из первого угодил в песок у носа британской лодки, английская пуля раздробила нашему артиллеристу предплечье правой руки, но он сумел сделать удачный выстрел из второй пушки. Как вспоминал Марк Демидов: «Ченский, не обращая внимания на серьёзную рану, выпалил из другого орудия и на этот раз столь удачно, что ядро попало в один из баркасов. Произошло смятение, на английском фрегате заиграли отступление. Когда баркасы повернули назад, то наши казаки, воодушевлённые удачей, выбежали из разных углов с криком «ура» и провожали отступавших непрерывною пальбой. Англичане не

оставались в долгу и, удаляясь от нас, градом сыпали пули, которые перелетали через наши головы».

Потерпев неудачу с высадкой десанта, британские пароходы подошли на 500 метров к берегу и в течение четырёх часов обстреливали русские позиции из тяжелых орудий. «Град бомб, ядер и шрапнели сыпался у нас по лесу, иногда вырывая деревья с корнем. Залп за залпом следовал почти непрерывно...» – вспоминает Марк Демидов.

Обстрел продолжался трое суток, но на новую высадку противник так и не решился. Скрытые в тайге русские позиции почти не пострадали – за всё время обстрела наши потеряли лишь двух убитыми и троих ранеными. Единственным успехом англичан стала сожжённая хижина аборигенов-нивхов на южном берегу бухты. В начале ноября 1855 года британские пароходы бесславно ушли прочь.

В сравнении с другими сражениями Крымской войны этот бой был всего лишь маленькой стычкой, но для истории Приморья и Приамурья он стал решающим. Россия успешно защитила свои права на новые земли. Не случайно это отметил даже такой посторонний наблюдатель, как Фридрих Энгельс, вскоре опубликовавший на страницах американской газеты «New-York Daily Tribune» такие строки: «Россия оказалась в выигрыше по итогам этой неудачной для неё войны. Она увеличила свои владения на территорию, равную площади всей Европы, и из снежной Сибири спустилась в умеренный пояс. В непродолжительном времени долины Амура будут заселены русскими колонистами».

Казачий есаул Помпей Поликарпович Пузино не догадывался про эти слова «классика марксизма». Но спустя три года после успешного боя в заливе Де-Кастри именно он основывал на берегу Амура станицу Михайло-Семёновскую – ныне райцентр в Еврейской автономной области Дальневосточного федерального округа.

Что такое «полицейская» война?

Но прежде чем продолжить историю русско-китайского взаимодействия на берегах Амура, попробуем рассмотреть некоторые особенности геополитического положения России и Китая и их взаимоотношений с «цивилизованным» Западом. В наши дни мир с интересом и тревогой наблюдает, как страны Запада пытаются надавить на Россию президента Путина. С не меньшим вниманием мир смотрит на непростые отношения США и стран Евросоюза с большим Китаем. РФ уже находится в состоянии новой «холодной войны» с Западом, а про возможность «горячей» войны США с Китаем не писал только самый ленивый футуролог.

Но мало кто помнит, что всё это уже было полтора века назад – когда западная коалиция с поправкой на нравы XIX столетия с очень похожими целями одновременно «давила» и на Россию и на Китай. Прошедшие следом друг за другом в 1854–1860 годах боевые операции сильнейших в то время мировых капиталистических держав Запада против феодальных Китая и России были именно полицейскими «войнами». В отличие от обычной войны, направленной на тотальный разгром, а то и полное завоевание неприятеля, «полицейская» война преследует более узкие цели.

В XIX столетии Англия и Франция во время «опиумных войн» с Пекином или Крымской войны с Петербургом вовсе не пытались завоевать ни Россию, ни Китай, они «всего лишь» стремились поставить на место обе империи – заставить феодальный Китай, самодостаточный и надменный, раскрыться для экономической экспансии их капитала, а феодальную Россию, столь же надменную и самоуверенную, отвести от вмешательства в их европейские и мировые дела.

Удивительная шутка история – спустя полтора столетия, в начале XXI века, проблемы Запада в изменившемся мире всё те же: слишком самостоятельная экономика большого Китая и вмешательство России в европейскую и мировую политику. В XIX столетии ведущие страны Запада решили эти проблемы «полицейскими» войнами, когда почти одновременно проследовала серия «опиумных» войн против Китая и Крымская война против России.

В итоге этих «полицейских» войн Китай, ранее самоуверенно игнорировавший «западных варваров», вынужден был поставить свою богатую экономику под фактический контроль Запада, а Россия, ранее активно действовавшая то в Турции, то в Венгрии, то на землях Польши, получила показательный щелчок по носу в виде разгромленного Севастополя и ликвидированного Черноморского флота.

Эти «полицейские» войны стали возможны только благодаря явному экономическому, научно-техническому и, как следствие, военному превосходству Запада над Российской и Цинской (Китайской) империями. И если суть и ход Крымской войны 1853–1856 годов российскому читателю понятны, то прошедшие одновременно «опиумные» войны Запада с Китаем известны куда меньше и требуют пояснений.

Дальние родственники в Петербурге и Пекине

Маньчжурская династия Цин, правившая в Китае три столетия до самого начала XX века, была исторической ровесницей династии Романовых в России. Оба монаршьих рода начали своё восхождение в XVII веке, достигли расцвета в XVIII столетии и почти одновременно пали в начале XX. И как это ни покажется странным русскому читателю, но внешнее и внутреннее положение обеих раскинувшихся по соседству огромных континентальных империй, при всём культурном и даже расовом различии, имело немало общего.

Обе страны до начала XX века – аграрные феодальные государства с патриархальными и традиционными крестьянскими общинами. Причём Китай, где основная масса крестьянского населения была формально свободной, в этом плане долгое время выглядел даже более развитым, чем Россия, значительная часть населения которой в середине XIX столетия всё ещё оставалась крепостной. К тому же Китай был куда богаче и многолюднее – в эпоху Александра Сергеевича Пушкина бюджет китайских императоров в серебре в три-четыре раза превосходил бюджет петербургских царей, равно как и население Поднебесной тогда было в четыре раза больше населения России.

Правда, аграрное перенаселение сыграло с Китаем злую шутку – обе империи были беременны страшным крестьянским бунтом, аграрной революцией, но в Китае по указанной выше причине эти социальные катаклизмы разбушевались на полвека раньше, вылившись в грандиозную крестьянскую войну «тайпинов» в 50–60-е годы XIX века, которая станет историческим предшественником крестьянской войны коммунистов Мао Цзэдуна.

В России похожую крестьянскую войну в те же годы на полвека отсрочит отмена крепостного права. И если в романовской империи накануне революций XX столетия были бывшие крепостные и помещики, бывшие их владельцы, безземельные крестьяне и «кулаки», то в цинском Китае безземельные крестьяне противостояли в основном мелким землевладельцам из сельской интеллигенции, порождённой тысячелетиями «азиатского способа производства».

Было в Китае и ещё одно противостояние, где главной движущей силой были «хакка» («кэцзя», буквально – «гости»), потомки древних переселенцев, которых издавна презирали и притесняли коренные кланы. Кстати, будущий отец китайских реформ Дэн Сяопин был именно «хакка».

До начала XX века обе страны – Китай и Россия – абсолютные монархии, где далёкие от подвластных народов династии правят, опираясь на военно-бюрократическое сословие, и даже разговаривают на

ином языке, чем их подданные. Здесь онемеченные и европеизированные Романовы были, по сути, столь же инородны русским крестьянам, как и маньчжурские богдыханы ханьскому народу Китая.

Кстати, Романовы считались номинальными родственниками Ивана Грозного, который по материнской линии, через князей Глинских, был потомком разбитого на Куликовом поле темника Мамай, происходившего из правящего рода племени чжурчжэней, некогда продавших в рабство будущего Чингисхана. Но к ханам чжурчжэней возводил своё происхождение и род Айсинь Гиоро, семейство цинских императоров. Так что правящие династии Санкт-Петербурга и Пекина могли бы при желании считать друг друга дальними родственниками. Но они такого желания не имели – императорский двор в Пекине искренне считал европейцев дикими и опасными варварами, а императорский Петербург вполне «по-европейски» презирал каких-то там азиатов...

И если уж проводить параллели дальше, то русские тайные общества – от декабристов до «Народной воли» – будут во многом похожи на тайные общества Китая, готовившие антицинские заговоры и восстания в XIX веке. А совершавшие в начале XX столетия теракты против маньчжурской аристократии революционеры Сунь Ятсена будут аналогичны в практике и идеологии русским эсерам, социалистам-революционерам. Нарождавшаяся буржуазия обеих империй так же будет одинаково слаба перед экспансией внешнего капитала и столь же похожим образом враждебна своим правящим династиям.

Главное отличие и преимущество романовской России перед цинским Китаем заключалось в одном – Российская империя в наследство от реформ Петра I получила соответствовавший требованиям нового времени военный и дипломатический аппарат. Русские регулярные вооружённые силы, их устройство, включая военную промышленность и военное образование, техника и тактика соответствовали развитому европейскому уровню, а европеизированная элита страны не была так наглухо закрыта для изучения передовых достижений и новшеств, как это до конца XIX столетия было в цинском Китае.

Именно поэтому в Китае иностранный капитал будет беззастенчиво «опиумными» и «полицейскими» войнами отбирать себе привилегии, включая экстерриториальные сеттльменты, а в России он будет, за исключением Крымской войны, действовать более «цивилизованными» экономическими методами. Впрочем, в итоге промышленность обеих стран будет фатально зависеть от иностранцев.

Нарезная винтовка против фитильной аркебузы

Социально-экономическая отсталость России на фоне европейской промышленной революции стала явно сказываться в военном деле лишь к середине XIX столетия, когда империя Романовых стала объектом «полицейской» Крымской войны со стороны Англии и Франции. Именно техническое отставание России – отсутствие железных дорог, парового флота и массового нарезного оружия – позволило англо-французам в 1854–1855 годах атаковать на выбор все морские окраины империи.

Ровно то же в 1840–1842 и 1856–1860 годах случилось в Китае. Но, в отличие от Китая, заметная техническая отсталость России не превращалась в пропасть, подобную той, что лежала между средневековой фитильной аркебузой китайского солдата и находившейся в руках британского морского пехотинца капсульной нарезной винтовкой Минье – Притчетта, созданной и массово внедрённой в 40-е годы XIX века... Поэтому англо-французы решились наступать на Пекин в 1860 году и захватили его, но не решились атаковать Петербург несколькими годами ранее. Грозный британский флот свободно оперировал у берегов обеих империй, в Чёрном и Жёлтом морях, но десантные операции в России требовали от войск Запада на порядок большего напряжения и потерь.

Благодаря географии России в военном смысле повезло близко соседствовать с Западной Европой – необходимость воевать с самыми развитыми странами Запада (от шведов Карла XII до Наполеона) заставляла российскую правящую элиту, несмотря на социально-экономическую отсталость страны, поддерживать свою военную машину на европейском уровне. Военная судьба Китая благодаря всё той же географии сложилась иначе.

Племена маньчжуров подчинили себе Китай в годы, когда в России царствовал отец будущего императора-реформатора Петра I. Незадолго до взятия «северными варварами» Пекина грандиозное крестьянское восстание свергло последнего императора из китайской династии Мин. Напуганная крестьянской войной знать Китая предпочла договориться с маньчжурами.

Именно тогда сложилась военная система маньчжурской династии Цин, просуществовавшая почти без изменений до начала XX века. Свою военную реформу объединитель маньчжурских племён хан Нурхаци начал в 1601 году, когда возникли первые «знамёна»-корпуса маньчжурской армии. В ходе завоевания Китая окончательно оформилась система этих корпусов, превратившихся в «восьмизнамённую» армию, включавшую восемь маньчжурских, восемь монгольских и восемь китайских дивизий, сведённых в восемь корпусов, каждый со своим

цветным знаменем. Кстати, в 1685 году в состав «Жёлтого с красной каймой знамени», самого старшего в иерархии «восьмизнамённой армии», вошло и несколько сотен русских казаков, взятых маньчжурами в плен после долгой осады Албазина (маньчжуры называли его Якса).

Численность этнических маньчжур составляла немногим более 3% от числа населения новообразованной Цинской империи, однако костяк сухопутной армии составляли именно маньчжурские части и родственные им племена солонов и тибо. Вторую ступень в имперской иерархии занимали монголы, за ними шли китайские коллаборационисты-«ханьцзюнь», служившие в «восьмизнамённой армии», и лишь затем остальные китайцы. Помимо ударной армии «восьми знамён» были созданы и местные гарнизонные и охранные войска из китайцев, не входившие в привилегированную систему «восьми знамён» и называвшиеся «войсками зелёного знамени».

В XVII веке военная организация маньчжур была пусть и не передовой, но вполне соответствующей современному ей европейскому уровню. Но вскоре империя Цин достигла своих «естественных» границ – «Срединное государство» и вассальные ей более слабые «варварские племена» со всех сторон окружали почти безлюдные и труднопроходимые просторы Мирового океана, северной тайги, южных тропиков и высочайших в мире гор – Гималаев.

Полтора века маньчжурский Китай не сталкивался с противником, обладающим развитой военной организацией и техникой. Европейские державы были отделены далёкими морями и до начала эпохи парового флота просто не имели возможности перебросить достаточные силы к границам Поднебесной. Российская же империя никогда и не имела на своих дальних восточных границах современных и многочисленных войск. Такое положение изменилось только в ходе Крымской войны, которую Россия проиграла на берегах Чёрного моря, но неожиданно выиграла на берегах Амура.

Глава 8

Вторая «опиумная» война. Как британский учёный обманул маньчжурского наместника

Сомнительный *casus belli* для «полицейской» войны

Чтобы понять дальнейшую политику Пекина в отношении Амура, перенесёмся с северных таёжных границ империи Цин в южные тропики, туда, где китайский Кантон граничил с уже британским Гонконгом.

После победы в первой «опиумной» войне и заключения Нанкинского договора, открывшего для иностранной торговли ряд портовых городов Цинской империи, английские коммерсанты проявили необычайный энтузиазм в отношении китайского рынка. Одна известная в Лондоне фирма, видимо прослышав о том, как китайцы «мучаются» с их палочками, ввезла в Китай большую партию столовых ножей и вилок, громко объявив о своём намерении снабдить этими предметами всё население Поднебесной. Другая крупная фирма отправила в Китай большую партию роялей. Деньги, вырученные от реализации этих товаров, не покрыли даже расходов по перевозке...

Главный барыш на китайском рынке приходился по-прежнему на долю опиумоторговцев (только в 1855 году в Китай везли свыше 5 000 тонн опиума). Поэтому, освободив свои военные силы после Крымской войны и пользуясь трудностями цинской династии в борьбе с тайпинами, английская промышленная буржуазия поспешила на дальнейшее завоевание богатств Китая.

«Иностранное лекарство» – британская торговля опиумом в Китае. Французская карикатура середины XIX века

Новая война, хотя она по традиции и именуется очередной «опиумной», в полном смысле таковой уже не являлась. Иногда её называют торговой. Это действительно была торговая по сути и «полицейская» по форме война. Война не за номинальное обладание землями и народами, а война за фактический контроль над их рынками и экономикой. Война не на уничтожение врагов и их армий, а война для ослабления и принуждения противника к желаемому для победителя образу жизни (главным образом, экономической, но, по сути, и всей жизни).

Торговые войны ведутся и равными по военному уровню противниками (вроде классических торговых англо-голландских войн XVII века), если же такая война происходит между сторонами, заведомо не равными в военно-техническом отношении, то она выливается в форму «полицейской» войны. Как определяет наш современник Р. Светлов в послесловии к переизданию книги подполковника Бутакова и капитана Тизенгаузена «Обзор войн европейцев против Китая» (издание 1884 г., переиздание 2002 г.): «Под «полицейскими операциями», или «полицейскими войнами», понимается тип военных конфликтов, когда

целью, по крайней мере внешней, является не уничтожение или прямое подчинение какой-либо страны (или её части), а показательное возмездие её руководству за ущерб, нанесённый «образцовым государствам», смена неугодного правительства, расправа с некими «агентами мирового зла» и т. п. Подобные войны имеют особую идеологическую специфику, а также особенные стратегические и оперативные приемы, при помощи которых достигается успех...»

Не надо забывать, что и в середине XIX века Китай, со всеми его смутами, кризисами и гражданскими войнами, оставался крупнейшей по населению и богатейшей страной мира, чья экономика производила в изобилии дефицитные и пользовавшиеся безальтернативным спросом в остальном мире товары. Замкнутая в себе Цинская монархия высокомерно и наивно полагала, что, подписав Нанкинский договор, она «одним ловким ходом навсегда избавилась от забот» (из указа императора Даогуана о ратификации Нанкинского договора). Как показала дальнейшая жизнь – заботы только начинались...

Предлог для новой войны был столь же формальным и надуманным, как и для всех иных «полицейских» войн прошлого, настоящего и будущего. 8 октября 1856 года китайские власти в поисках пиратов и контрабандистов арестовали на Жемчужной реке возле Кантона 12 китайских матросов на лорче «Эрроу».

Лорча – судно с европейским корпусом, но с китайской оснасткой и экипажем, – некогда получила от властей Гонконга, новоиспечённой английской колонии, право ходить под британским флагом, но срок разрешения давно истёк. Тем не менее губернатор Гонконга Джон Бауринг (кстати, ещё и авторитетный учёный-экономист), имевший соответствующие инструкции из Лондона, объявил об оскорблении британского флага и потребовал в 24 часа освободить судно и принести извинения Англии. Британцы прекрасно понимали даже свою формальную неправоту – особенности парламентской демократии и свободной британской прессы донесли до нас признание Бауринга: «Судно не находилось под нашей охраной, но китайцы об этом не знают. Бога ради не говорите им об этом».

Впрочем, если бы кто-то и сказал, то у Е Минчэня, императорского наместника Гуандуна и Гуанси, всё равно оставались заботы куда важнее.

Заботы императорского наместника

С июня 1854 года весь Лянгуан (имперское наместничество, объединявшее обе провинции, Гуандун и Гуанси, с населением в два раза больше, чем на Британских островах) охватило огромное восстание, начатое одним из тайных обществ семейства «триад». Восставшие обвязали головы красными повязками, за что власти прозвали их «красноголовыми бандитами» или «красными мятежниками» – хунтоу или хунцзинь.

В середине июля 1854 года восставшие даже попытались осадить Кантон, но среди этих подражателей тайпинам не было единства – одни из них прямо провозглашали себя сторонниками «Царства Небесного Величайшего Счастья», другие ратовали за возрождения национальной китайской династии Мин, а один из вождей повстанцев вообще провозгласил себя основателем новой династии «Да Нин» («Великое спокойствие»).

Спокойствия не получилось, а великие раздоры среди восставших позволили наместнику Е Минчэню, не без помощи европейского оружия, закупленного в португальском Макао и английском Гонконге, перейти в наступление. В мае 1855 года восставшие были вынуждены снять осаду Кантона и летом отступить на север, в провинцию Хунань, где их к концу года основательно потрепала Сянская армия Цзэн Гофаня. Е Минчэнь же во главе гарнизонов войск «зелёного знамени» и добровольческих отрядов традиционалистов приступил к массовой зачистке неблагонадёжного элемента.

Первый в мировой истории китайский студент, обучавшийся в США, Жун Хун, проживавший в 1855 году в Кантоне, спустя многие годы оставил свои воспоминания об этих событиях в столице Гуандуна: «Наместник с самого начала восстания подавлял его крайне жестоко, стремясь уничтожить малейшие ростки неповиновения. Подсчитано, что за это лето было казнено более 75 тысяч (всего было убито свыше 100 тысяч человек); насколько мне известно, бóльшая половина из них погибла безвинно.

Однажды мне пришла в голову идея отправиться на место казней и поглядеть, что там происходит. Но когда я пришёл, я увидел на месте казней только ручьи крови и обезглавленные трупы, валявшиеся повсюду вдоль дороги под лучами палящего солнца. На расстоянии двух тысяч ярдов от места казней воздух был невыносим. Пропитанная кровью земля приняла красный цвет, оставшаяся же на поверхности кровь стеклась в большие лужи. Позднее я слышал, что в глухом месте на западной окраине отыскивали большой ров, куда и сваливали трупы как попало, пока они не заполнили ров. Не нужно было даже стараться прикрыть их, так

как кроваво-красные личинки мух с избытком заменяли красную почву, совершенно покрыв собою трупы. Это зрелище не только вызывало ужас у очевидцев и доводило их до истерик, но и поныне воспоминание об этом вызывает тошноту...

Мне сказали, что некоторые из убитых не имели никакого отношения к восстанию, просто они отказались подчиняться требованиям этих слуг тигра и волка, за что те оклеветали их и обрекли на смерть. Е Минчэнь убивал людей без следствия, как скот на бойне... Возвратясь с места казни домой, пал духом, грудь сжималась тоской и болью, не мог проглотить куска. Лишился сна; охваченный гневом и печалью, возненавидел маньчжур за их бесчеловечность и оправдал действия Тайпинского государства...»

Занятый таким ответственным делом маньчжурский наместник Е Минчэнь, конечно же, не обратил должного внимания на «варварское» письмо по поводу какой-то старой посуды и дюжины арестованных, даже не казнённых, китайских простолюдинов. Это, кстати, в дальнейшем весьма печально сказалось на его личной судьбе, впрочем, куда менее печальной, чем судьбы уничтоженных им многих тысяч людей.

Начало «полицейской» войны

Через 13 дней после арестов на «Эрроу» британский губернатор Гонконга сосредоточил свои корабли у китайских фортов в устье Жемчужной реки. Власти Кантона тут же освободили 12 арестованных китайцев, но так как англичанам требовался повод к войне, они сочли таковым отсутствие китайских извинений. Контр-адмирал Сеймур двинул свой флот – 80-пушечный линейный корабль «Калькутта» с шестью паровыми фрегатами и корветами – вверх по Жемчужной реке к Кантону.

Все британские корабли имели паровые машины, а большинство уже и винты вместо уязвимых гребных колёс. Британская пехота сравнительно недавно была перевооружена нарезными винтовками системы Минье – Притчетта, а в артиллерии появились первые нарезные орудия. Англичане обладали богатым боевым опытом только что проведённой и удачной для них Крымской войны. Всё это давало их пехоте и флоту ещё больше преимуществ перед китайскими войсками, чем в предыдущую «опиумную» войну.

Первым вверх по Жемчужной реке пошёл пароход «Кромандель» с двумя канонерками и десантными отрядами. Сопrotивление китайских фортов, как и в прошлую войну, опять было слабым, за прошедшие 15 лет их вооружение, укрепление и система огня ничуть не улучшились. Два первых из занятых англичанами фортов были вооружены 150 разнокалиберными орудиями старого образца, они достались британскому десанту практически без боя, китайский гарнизон отступил, потеряв всего 5 убитых. За трое суток британский флот и морская пехота, заклепав пушки и разрушив брустверы китайских укреплений, обеспечили свободный проход от Гонконга до Кантона.

25 октября 1856 года англичане овладели китайским фортом в 50 пушек на острове возле южного предместья Кантона, с которого можно было вести артиллерийский огонь по городской стене и дворцу императорского наместника в центре города. На третий день английские орудия, установленные на острове, открыли огонь по китайскому мегаполису. К 11 утра следующего дня, попутно спалив тысячи хижин в предместьях, англичане пробили брешь в крепостной стене, достаточную, чтобы сквозь неё в город проник десантный отряд.

Десантники, возглавляемые самим адмиралом Сеймуром, с двумя полевыми пушками к обеду ворвались в Кантон, потеряв всего троих убитых и десятков раненых. Но у англичан не было достаточно пехоты, чтобы штурмовать и контролировать такой большой город. К вечеру они отступили на суда и в течение трёх дней продолжали бомбардировку Кантона, спалив практически все городские предместья.

3 ноября англичане уничтожили 23 китайские военные джонки, но 8 ноября сами едва не потеряли одну из канонерок после атаки спущенных по реке брандеров. Началась затяжная речная война – англичане добивали на Жемчужной реке китайские форты и суда, отражая внезапные налеты китайцев на свои корабли и береговые партии. Ни одна из сторон не имела сил для решительного удара – китайцам были не по зубам британские пароходы, а у британцев было слишком мало пехоты.

«Полицейская» война становится интернациональной

Наместник Е Минчэнь созвал в Кантон ополчения из окрестных районов, которые год назад отбросили от города последователей тайпинов. Также он объявил крупную денежную награду за голову каждого англичанина, что вызвало настоящую трагикомедию – за английские сошли любые некитайские головы, и в середине декабря ополченцы атаковали, сожгли и разрушили все торговые фактории других европейцев в Кантоне, три сотни их гарнизона чудом удержались в церкви и казарме.

Разрушение торговых фирм возмутило городские верхи Кантона, которые при всей нелюбви к «варварам» были совсем не против огромных доходов от иностранной торговли. Под их давлением Е Минчэнь был вынужден вывести разбушевавшихся ополченцев из города, и те возненавидели не только англичан, но и городских богачей вместе с маньчжурскими верхами.

У англичан положение было не лучше – на них повсюду нападали китайские партизаны, а китайские рабочие и слуги покинули Гонконг, который стал испытывать затруднения с поставками продовольствия. Партизанские нападения и диверсии нарастали, приобретая всё более организованную и опасную форму. В конце года китайцы захватили британское почтовое судно, 11 англичан лишились голов, унесённых жаждавшими наместничьей премии китайскими диверсантами.

Вскоре подвергся ночному нападению даже адмиральский пароход «Кромандель». Контр-адмирал Сеймур сберёг свою голову от премии Е Минчэня, но в ответ начал сжигать китайские деревни. Это ему не помогло, и 14 января 1857 года он был вынужден принять решение об эвакуации британских отрядов с позиций возле Кантона и начать отступление к Гонконгу, оставив за собой лишь контроль над захваченными фортами у самого устья Жемчужной реки.

Губернатор Гонконга обратился в Лондон и к вице-королю Британской Индии с просьбой о присылке подкреплений в числе не менее 5000 штыков, одновременно англичане сделали предложение о совместной операции против китайцев Франции и США. Ещё ранее несколько французских судов адмирала Гэрена и корвет США «Портсмут» оказывали англичанам содействия в преследовании китайцев на Жемчужной реке и у Гонконга.

Франция имела в то время минимальные торговые интересы в Китае, открытые китайские порты ежегодно посещало менее десятка её торговых кораблей. Однако император Наполеон III слишком желал

походить на своего великого родственника, ввязываясь в «имперские» авантюры по всему свету – от Мексики до Крыма, от Марокко до Китая. К тому же католические миссионеры, соперничая с протестантами, хотя и не смогли «обратить» в свою веру Китай, но заразили верхи Франции модой на католическое мессианство среди китайских «варваров».

Франция стала требовать от Цинской империи легализации миссионерской деятельности во внутренних районах Китая. В 1856 году китайские власти одного из уездов Гуанси казнили французского патера Шапделена и двоих его китайских последователей – их, скорее всего, просто спутали с «христианскими мятежниками»-тайпинами. Этого «наполеоновской» Франции было достаточно для начала боевых действий против Китая в апреле 1857 года.

Неспешное начало войны

Неожиданно вспыхнувшее в Индии грандиозное восстание туземных солдат-сипаев заставило англичан вернуть почти все свои пехотные части в Калькутту. Тем не менее к лету 1857 года британские морские силы составляли 40 вымпелов – 24 корабля, от линейных до корветов, и 16 канонерских лодок с мелкой осадкой для действий на реках Китая. Французская эскадра, собравшаяся 15 июля у Гонконга, состояла из шести боевых судов, двух транспортов и четырёх винтовых канонерских лодок.

Англичанами командовал адмирал Майкл Сеймур, два года назад раненный на Балтике взрывом русской мины. Французов возглавлял ветеран осады Севастополя адмирал Риго де Женуйльи. Но по-прежнему у союзников отсутствовала в достаточном количестве пехота, что обрекло англо-французскую эскадру на полугодовое бездействие.

Е Минчэнь, наместник южных провинций империи Цин, расценив эту паузу как неспособность «варваров» вести далее войну, не стал восстанавливать гуандунскую флотилию и впятеро сократил части добровольцев. Отрезанный от императора в Пекине государством тайпинов и европейской эскадрой, Е Минчэнь был местным полубогом и, по-видимому, искренне считал себя выдающимся государственным деятелем, победителем и мятежников, и англичан.

К концу 1857 года британцы получили долгожданные пехотные подкрепления, и представители Франции и Англии тут же предъявили Е Минчэню, а в его лице и всей Цинской империи, целый букет требований – допуск иностранцев в Кантон, «возмещение убытков» и, главное, пересмотр договоров 1842 года. Встретив фактический отказ, союзники приступили к полномасштабным боевым действиям.

Прежний план «полицейской» войны с блокированием Императорского канала, как это происходило в 1842 году, был невозможен – канал и так был блокирован тайпинами, и в том районе действовали крупные армии, как повстанцев, так и Маньчжурской империи. Поэтому англо-французы первоначально попытались воздействовать на цинский Китай путём захвата и установления полного контроля над районом Кантона.

15 декабря 1857 года эскадра союзников, спокойно миновав разрушенные прежде форты, подошла к крупнейшему мегаполису китайского юга. Пехотный десант расположился в укрепленном лагере на большом острове Хэнань напротив города. Два дня союзники проводили разведку и рекогносцировку позиций и местности вокруг Кантона.

Повторить план атаки, произведенной в мае 1841 года, не представлялось возможным – помня о прошлой войне, китайцы

блокировали прежнее удобное место высадки десанта затопленными джонками, усилили береговыми батареями и тщательно охраняли. Французский командующий Риго де Женуйльи по-прежнему считал пехотные силы союзников недостаточными для штурма города с миллионным населением, но согласился с осторожным планом атаки (без полного окружения города), который позволял в случае неудачи быстро отступить на корабли и представить в Европе всю операцию как большую разведку боем.

На 15-километровой крепостной стене Кантона высотой 8–9 метров с четырёхугольными башнями к моменту атаки города располагались 574 железных и бронзовых орудия. Эти пушки были абсолютно средневековыми – заряжались одновременно несколькими чугунными ядрами разного калибра, располагались между зубцами стены на низких деревянных лафетах и были лишены приспособлений для прицеливания. Шесть кирпичных фортов за пределами города были вооружены от 10 до 16 аналогичных пушек каждый. Другие форты на реке были уже разрушены во время предыдущих боёв.

Кроме того, стены Кантона оснащали ещё «гингальсы», мелкокалиберные пушки на бамбуковых подставках. В черте городской стены у северных ворот находилась двугорбая высота, господствующая над всем городом. На ней стояла пятиэтажная пагода и были устроены дополнительные артиллерийские батареи.

В городе находился значительный гарнизон под командованием маньчжурского генерала Мукэдэна, состоявший из 2000 маньчжурских «восьмизнамённых» и 6000 китайских «зелёнознамённых» войск, а также 3000 ополченцев из окрестностей города. Как писали русские военные специалисты тех лет (А. Бутаков и А. Тизенгаузен «Обзор войн европейцев против Китая», 1884 г.): «Часть этих войск уже в продолжение целого года участвовала в стычках с английскими войсками, приобретя в результате некоторый боевой опыт, заставлявший союзников относиться к ним с осмотрительностью».

Очередной штурм Кантона

Атака Кантона была спланирована следующим образом: в ночь на 28 декабря 1857 года передовые части и сапёры занимали пункт высадки к востоку от города, затем с рассвета 28-го и до вечера 29 декабря решено было производить бомбардировку города флотом с южной стороны (112 корабельных орудий, многие из которых простреливали всё городское пространство и даже форты на противоположной стороне); на рассвете 28-го высаживались основные силы союзников – правый фланг занимали французы, в центре и на левом фланге располагались английские войска.

Во время атаки центром и правым флангом самого передового восточного укрепления, форта Линь, левому флангу следовало удерживать китайцев от контрудара со стороны восточных ворот города. После взятия форта Линь войска на ночь занимали бивуаки под прикрытием сильных пикетов. На рассвете 29 декабря должна была быть произведена, при содействии полевых орудий, общая атака северной стены Кантона. После захвата стены войска, закрепив за собой восточные городские ворота, овладеют господствующей над городом высотой, лежащей в черте городских стен у северных ворот, откуда откроют артиллерийский огонь по наружным фортам.

Штурм прошёл без отклонений от плана, лишь неожиданная посадка на мель английских канонерок с десантом на несколько часов задержала захват форта Линь. Высадке англо-французских сил китайские войска не препятствовали. Солдаты империи Цин, рассыпанные в густую стрелковую цепь, отступили за городскую стену без боя, оказав некоторое сопротивление лишь в двух пригородных деревнях.

В 7 часов утра 29 декабря 1857 года началась атака городских стен. Английская и французская батареи полевых орудий пробили две бреши на расстоянии 800 метров друг от друга. Сапёры сделали проходы через заполненный водой ров, а рассыпавшиеся в цепь англо-французские стрелки огнём нарезных ружей сбили китайских аркебузирова и лучников со стен. Заняв таким образом северный участок стены, союзники без паузы повели атаку на господствующую над Кантоном высоту с двумя китайскими артбатареями.

Атакам европейской пехоты очень помогал меткий и организованный огонь тяжелых пушек эскадры, практически парализовавший китайскую оборону. Маньчжурские и китайские войска оказывали слабое сопротивление и отступали, нигде не приняв штыкового удара противника, предпочитая почти бесполезную стрельбу с дальних расстояний из фитильных ружей и луков.

Китайская средневековая артиллерия не причинила союзникам практически никакого вреда. 11 тысяч китайских солдат и ополченцев,

весьма средней боеспособности даже для средневековой китайской армии, не имели никаких шансов против 6 тысяч штыков лучшей на тот момент европейской пехоты, поддержанной наиболее современной для тех лет артиллерией самого боеспособного в мире флота.

К 2 часам дня всё было кончено – англо-французы контролировали господствующую над Кантоном высоту, все городские ворота, близлежащие форты и ключевые пункты внутри города. При захвате одного из крупнейших населённых пунктов мира союзники потеряли убитыми и ранеными 110 человек, потери китайских войск тоже не были колоссальными, превышая европейские приблизительно в пять раз. Потери мирного населения от артиллерийской бомбардировки никто не считал.

Арест вражеского полководца

Падение Кантона не сделало наместника Е Минчэня более сговорчивым. Высокомерно игнорируя суровую действительность, он заперся в своём дворце, не вступая ни в какие переговоры с представителями «варваров». Тогда союзники просто арестовали Е Минчэня и, подобно многим другим будущим антигероям «полицейских» войн, вывезли его в индийскую Калькутту.

Тогда ещё не было придумано никаких «международных трибуналов», иначе бы Е Минчэню устроили показательный процесс где-нибудь в Париже или Лондоне. В то время его просто посадили под арест, и знатный пленник, как и все цинские чиновники не чуждый высокому искусству, писал в заточении лирические стихи, без ложной скромности именуя себя в них «Су У за морем».

*Китайские коллаборационисты в Кантоне, 1858 год.
Европейская гравюра XIX века*

Су У – легендарный государственный деятель и патриот Китая, в I веке до н. э. он был направлен с дипломатической миссией к хану гуннов в Южную Сибирь. За несговорчивость гунны задержали его у себя на 19 лет, но так и не смогли склонить на свою сторону, и пасущий овец в заснеженной Сибири мудрец и дипломат Су У стал в Китае символом преданности Родине перед лицом могущественных варваров.

Сомнительный «новый Су У» в виде арестованного Е Минчэня всего через год умер в калькуттской ссылке. Тем временем европейские оккупанты в духе «полицейских» войн передали управление Кантоном и всей провинцией Гуандун в руки гражданского губернатора Бо Гуя и разбитого генерала Мукэдэна, поставив их под наблюдение англо-французской комиссии и даже придав им в поддержку четыре сотни английских солдат. Высокопоставленные коллаборационисты тут же приступили к разоружению ополченцев, заявив, что так они «оберегают народ».

Европейцы полагали, что занятие Кантона сделает пекинский двор более сговорчивым. Они предложили цинскому императору направить своих уполномоченных для переговоров в Шанхай, угрожая в противном случае возобновить боевые действия в другом районе Китая. Пекинский двор «варварам» ничего не ответил, зато официально сместил со своего поста уже отконвоированного в Калькутту наместника Е Минчэня. «Полицейская» война продолжилась.

Англо-французы ищут путь на Пекин

К концу апреля 1858 года англо-французская эскадра, выйдя на север из находившегося под европейским контролем порта Шанхая, достигла Бохайского залива, крейсируя у берегов столичной провинции Чжили. Отсюда, через форты Дагу в устье реки Пейхо (Байхэ) и расположенный выше по реке город Тяньцзинь, пролегал наиболее короткий и удобный путь к Пекину.

Союзники надеялись, что вид грозной эскадры сделает маньчжурского императора куда более сговорчивым и дело обойдётся без большой войны. За англо-французами наблюдали посланник США, снабжённый двумя военными фрегатами, и русский дипломат граф Евфимий Путятин с парового корвета «Америка». Обе страны, сохраняя нейтралитет, старались не упустить свои интересы в Китае.

Невнятные переговоры англо-французской эскадры с пекинскими чиновниками продлились месяц. Кстати, помимо непомерных экономических требований европейцев, камнем преткновения служил и дипломатический церемониал. И эта, казалось бы, сугубо формальная проблема была едва ли не важнее прочих меркантильных и практических вопросов.

Господствовавшая над Китаем небольшая народность маньчжуров, опираясь на традиции схоластического конфуцианства, использовала абсолютно непререкаемый церемониал как важнейшее орудие идеологического господства над миллионами китайцев. Маньчжурский император, богдыхан, был не просто монархом Китая – он был священным властелином всего человеческого мира. Любые иные народы и государства считались его варварскими вассалами. Их посланники обязаны были многократно падать ниц и, «затаив дыхание, ожидать повеления» не только перед самим императором, но и перед его уполномоченными и заместителями (эта процедура называлась «коу-тоу» и считалась репетицией возможной аудиенции у повелителя мира).

Европейские представители, в свою очередь, считая Цинскую империю отсталой варварской страной, соглашались лишь преклонить колено пред императором как монархом самостоятельного государства, напрочь отказываясь соблюдать и понимать «варварские» ритуалы «коу-тоу». Но для Маньчжурской империи это было не просто ритуалом – отказ допустить иностранцев и их дипломатов в Кантон и Пекин был вызван главным образом опасением, что они не будут соблюдать извечный церемониал, а это, с точки зрения цинского правительства, таило в себе прямую опасность для престижа императорской власти и, как следствие, опасность для маньчжурского владычества в Китае.

Такое несовпадение мировоззрений делало продолжение «полицейской» войны неизбежным.

Канонерки штурмуют форты

Не добившись уступок от китайского императора даже после захвата Кантона, англичане и французы решили испытать прочность обороны столичной провинции империи Цин. Европейский флот вошёл в Бохайский залив между Шаньдунским и Квантунским (Ляодунским) полуостровами, приблизившись к берегам провинции Чжили и оказавшись таким образом всего лишь в нескольких десятках миль от Пекина. Союзники намеревались создать наглядную угрозу столице империи Цин и тем вынудить её к очередным уступкам.

19 мая 1858 года в 6 часов вечера, пользуясь приливом, шесть малых канонерских лодок англо-французской эскадры не без труда проникли в устье реки Байхэ и встали на якорь несколько ниже китайских фортов. Канонерки были разделены на два равных отряда; англо-французский десант, 1188 солдат, расположился на канонерках и буксируемых ими шлюпках. На марсах канонерских лодок находились лучшие стрелки для действия против оружейной прислуги фортов – здесь впрямую сказывался недавний опыт Крымской войны, когда нарезные ружья англо-французов впервые превзошли по дальности гладкоствольную артиллерию.

Рано утром 20 мая китайцам направили ультиматум с требованием сдачи фортов до 10 часов утра. По замыслу обоих командующих экспедицией (после Крымской войны англичане и французы имели хороший опыт взаимодействия, в этой операции их главкомы расположились вместе на канонерке «Слэйни») канонерские лодки должны были одновременно открыть огонь по укреплениям обоих берегов, чтобы лишить китайские форты возможности поддерживать друг друга перекрёстным огнем.

По плану англо-французский десант первыми атаковал левобережные форты, после их взятия здесь оставляли небольшую часть десанта с батареей горных орудий, чтобы отразить возможные контратаки, а все остальные артиллерийские и десантные силы сосредотачивали против правого берега. Овладев укреплениями обоих берегов реки, десантные отряды должны были сосредоточиться в фортах правобережья, преимущественно в северном господствующем форте, так как остальные форты обоих берегов десантники занять не могли по причине своей малочисленности. По овладении всеми укреплениями отряду канонерских лодок была поставлена задача не допускать обратного занятия их китайцами сосредоточенным артогнём.

Выполнение намеченного плана началось в половине девятого утра 20 мая 1858 года. Как только канонерки начали движение к фортам, с обоих берегов был открыт сильный артиллерийский и ружейный огонь, причинивший англо-французским судам значительный вред, так как им

пришлось маневрировать на ближнем расстоянии у фортов правого берега – от 80 до 400 метров перед фортами.

На этот огонь англичане не отвечали ни одним выстрелом, чтобы дымом не затруднить маневрирования на узком и извилистом фарватере реки. Десант и матросы получили приказание лечь на палубы, и только офицеры, управлявшие движением, стояли на своих местах. Когда эскадра расположилась согласно диспозиции, было отдано приказание открыть беглый огонь. Действие артиллерии союзников практически в упор было весьма эффективным, к тому же ружейный огонь с марсов быстро выбил оружейную прислугу фортов.

Спущенные китайцами по течению реки брандеры не причинили никакого вреда канонерским лодкам, так как они с помощью шлюпок были отведены в сторону и посажены на мель. Когда к 11 часам все орудия в укреплениях левого берега замолкли, был высажен десант, снабжённый штурмовыми лестницами. Он овладел фортами без сопротивления, гарнизон бежал при одном приближении союзников.

Пятнадцать минут спустя замолчали и форты правого берега, десантный отряд высаживался свободно. Движение от уреза воды к фортам чрезвычайно затруднялось илистым берегом, на котором англо-французская пехота увязала по колено. Едва штурмовая колонна выбралась из прибрежной топи, как её попытался контратаковать китайский отряд в 400 человек пехоты и несколько сотен маньчжуро-монгольской конницы. Цинские войска смогли приблизиться к союзникам на триста метров, но были отброшены меткими залпами нарезных ружей.

Форты правого берега так же были оставлены при одном появлении англо-французской пехоты, лишь отдельные группы маньчжурских солдат вступали в рукопашную, решаясь скрестить свои мечи со штыками европейской пехоты. К полудню все укрепления на обоих берегах были в руках европейцев.

«Достаточно было двух часов, чтобы овладеть укреплениями, вооружёнными 284 орудиями (в том числе 180 большого калибра), действовавшими по канонерским лодкам с самых близких расстояний. В течение всего боя китайские войска проявляли похвальную стойкость под огнём, но от рукопашной схватки уклонялись, бросая свои укрепления при одном виде англо-французов. Потери союзников были, по-видимому, незначительны, точной цифры нигде не приведено...» – сообщают русские военные специалисты тех лет Бутаков и Тизенгаузен.

По реке к Пекину

По окончании штурма на северном форте правого берега произошёл взрыв порохового погреба, причинивший интервентам значительный урон. Это, однако, не помогло китайским войскам, поспешно отступавшим. Канонерские лодки двинулись вверх по течению мимо поселения Дагу, вытянувшегося вдоль обоих берегов реки Байхэ.

Здесь англо-французские корабли встретили плавучее заграждение, состоявшее из джонок, связанных между собой цепями, и прикрытое 15 пушками береговой батареи. Впрочем, китайские артиллеристы разбежались ещё до появления европейцев. Английский и французский адмиралы решили не разрушать заграждение, оно могло предохранить их суда от спускаемых по течению брандеров. Оборона заграждения была поручена четырём канонерским лодкам, между тем как остальная эскадра стала на якорь несколько выше разбитых фортов. По полученным союзной разведкой сведениям, китайские войска отступали к городу Тяньцзиню.

На третий день после занятия фортов Дагу, проведя предварительную разведку малыми канонерками, англо-французская эскадра из шести крупных канонерских лодок двинулась вверх по реке, к Тяньцзиню и Пекину. На всех судах находился значительный десант, а на буксире – большое число шлюпок и спасательных лодок. Впереди шла разведка из двух малых канонерок.

Извилистый фарватер и большое число мелей препятствовали движению куда больше, чем цинские войска, ограничивавшиеся наблюдением за европейской эскадрой разъездами маньчжуро-монгольской конницы. Используя морские приливы, англо-французы упорно шли вверх по реке, отгоняя конных лучников неприятеля шрапнелью из корабельных орудий.

Через четыре дня, 26 мая 1858 года, в 8 часов вечера эскадра достигла Тяньцзиня. Шесть больших канонерских лодок с десантом пристали прямо к городской набережной в месте соединения Байхэ с Императорским каналом, а две малые канонерки прошли вперёд и бросили якорь в одной миле выше, там, где начиналось шоссе на Пекин.

Китайские власти не укрепляли город Тяньцзинь, считая невозможным взятие фортов Дагу и абсолютно невозможным продвижение кораблей вверх по реке, не столько из-за мощи укреплений, сколько из-за сложности речной навигации. Действительно, гребные и парусные суда не смогли бы и приступить к такому предприятию, даже проникнуть через намытый течением песчаный бар в устье Байхэ. Но возможности винтовых пароходов с опытными экипажами оказались выше фантазии чиновников Цинской империи...

«Всеобщее изобилие» и «иностранное лекарство»

Тяньцзинь был окружён средневековой крепостной стеной, копией стен Кантона. В амбразурах между зубцами стены могли помещаться орудия, в каждом из зубцов были сделано по две бойницы для дальней ружейной стрельбы и третья, направленная вниз для обстрела подошвы стены. К моменту появления англо-французской эскадры укрепления Тяньцзиня, где всего четыре года назад отгремели жестокие бои Северного похода тайпинов, представляли собой жалкое зрелище: в одном месте имелась большая незаделанная брешь, на всём протяжении встречались оползни, позволявшие свободно взойти на стены. Пекин лежал в трёх днях пути от беззащитного Тяньцзиня, и император Сяньфэн («Всеобщее Изобилие») принял все требования англичан и французов, действительно приблизив их коммерсантов и промышленников к всеобщему изобилию.

26 июня 1858 года цинский Китай впервые был вынужден признать европейских «варваров» не вассалами, а равной стороной. Причём эта европейская сторона была уже «равнее» самого Китая: англичанам и французам открывались все крупные морские порты и доступ во внутренние провинции, снижались таможенные пошлины, их торговые и военные корабли получали право плавания по всей Янцзы (ещё контролируемой тайпинами, и здесь не обошлось без умысла) и другие привилегии, включая 222 тонны серебра в качестве контрибуции. Вновь подтверждалась законность торговли опиумом, ласково поименованным «иностранным лекарством».

Подсуетились и США с Российской империей, их дипломаты не упустили благоприятный момент тут же заключить свои, не менее выгодные договора с потрясённым внутренним и внешним врагом – цинским Китаем. Так, благодаря английским пароходам, ещё недавно бомбардировавшим и русские берега, Российская империя окончательно закрепила за собой левый берег Амура и заявила права на Приморье.

Война, называемая второй «опиумной», закончилась. И почти сразу началось то, что обычно именуют третьей «опиумной» войной.

Стороны конфликта договорились обменяться ратифицированными текстами договоров в течение года, и 8 июля 1858 года англо-французские войска покинули Тяньцзинь, а затем устье Байхэ и Чжилийский залив, вернувшись на юг, в Шанхай и Кантон. Уходя, они взорвали форты Дагу.

Но правительство Цинской империи не собиралось мириться с неравноправными договорами. С досады даже казнили сановника Ци Ина, некогда заключившего с англичанами Нанкинский договор, но не сумевшего справиться с переговорами в Дагу и Тяньцзине. Император Сяньфэн перехитрил самого себя – не планируя полностью отвергать

соглашения в Тяньцзине, он намеревался за год подготовиться в военном плане и навязать послам англичан и французов новые переговоры, на которых намеревался смягчить условия мира в свою пользу. Ничего хорошего для Сяньфэна и его империи из этого не вышло, зато получилась новая «полицейская» война невиданного ранее размаха – третья «опиумная» война.

Глава 9

**«Амур сделался достоянием России!». Как
потерять бриллиантовую звезду, но обрести
амурский берег**

«Для определения восточных границ двух великих империй...»

Пока Пекин был озабочен войной с англо-французской коалицией, на северных границах империи Цин назревали новые изменения. В годы недавней Крымской войны русские солдаты и забайкальские казаки, приплывшие по Амуру вместе с генерал-губернатором Муравьёвым, защитили устье великой дальневосточной реки от десантов британского флота. К 1856 году на амурских берегах, покинутых Россией почти два века назад по Нерчинскому трактату, вновь возникли первые русские поселения.

Но мало было защитить эти земли и начать их освоение – предстояло ещё убедить соседний огромный Китай признать левый берег Амура русской территорией. Это оказалось непростой задачей, тем более что противники освоения нашей страной приамурских земель находились не только в Пекине – в те годы их хватало даже в Петербурге.

Ещё весной 1854 года, отправляясь в первый «сплав» по Амуру, генерал-губернатор Николай Муравьёв предупредил Пекин о своём намерении. Отправленное в столицу «Дайцынской империи», как издавна русские называли Китай, послание было предельно вежливым, повосточному витиеватым и полным всяческих намёков для дипломатов «Его Богдыханова Величества», как традиционно на Руси именовали маньчжурского императора.

В письме Муравьёв пугал Пекин намерениями англичан захватить новые колонии на берегах Охотского или Японского моря, подобно тому как они это совсем недавно сделали с китайским Гонконгом. «Всемилоостивейший наш Государь, – писал Муравьёв китайским властям, – заметив лживые поступки некоторых иностранных держав, питающих враждебные замыслы на наши приморские владения, повелел мне, генерал-губернатору Восточной Сибири, избрав кратчайший и удобнейший путь, лично и немедленно отправиться к берегам Тихого океана и сделать все нужные распоряжения, необходимые для предупреждения враждебных замыслов, могущих простираться на восточные наши острова и владения».

Далее в письме генерал-губернатор Муравьёв предупреждал о плавании его войск по Амуру и прозрачно намекал Пекину на необходимость пересмотреть старые представления о русско-китайской границе: «С благоговением исполняя волю моего Государя и вполне уверенный, по долговременной дружбе, в искреннем доброжелательстве повелителя великой Дайцынской империи нашему Государю, питающему эти же чувства своего благорасположения к Его Богдыханову Величеству,

я спешаю отправиться к берегам Тихого океана с приличным числом чиновников и войска, на судах, по реке Сахальянь-Ула и Сунгари-Ула, известных у нас под общим названием Амура. О чём нужным считаю известить сим листом для разъяснения могущих произойти недоразумений по настоящей моей поездке, равно и для узнания: к какому времени и куда именно будут посланы уполномоченные сановники Дайцынского государства для определения восточных границ двух великих империй, доселе остающихся неразграниченными...»

В Пекине с конца XVII столетия находилась Русская православная миссия, группа священников, фактически выполнявших функции российского консульства. Глава миссии, знаток китайского языка и древней истории Китая архимандрит Палладий, успел сообщить губернатору Муравьёву, что власти «Дайцынской империи» имеют очень смутные знания об устье Амура и поручат вести переговоры о границе маньчжурскому наместнику в Монголии. По мнению пекинских бюрократов, монгольский «амбань»-наместник, располагаясь ближе всего к России, и должен был вести с нею переговоры о границе. Костные чиновники маньчжурского Китая даже не задумались о том, что степи Монголии довольно далеки от тайги Приамурья.

Встречаться с монгольским наместником губернатор Муравьёв не стал, зато в следующем, 1855 году сумел напугать Пекин новым письмом о действиях английского флота: «Продолжающиеся военные действия наши с Англией обнаружили их замысел завладеть приморскими восточными местами и островами, а также, прорвавшись через устье, совершенно проникнуть в Амур. Для достижения сего своего намерения они, летом минувшего года, уже напали на нашу Камчатку, но были отражены и прогнаны. Великий наш Государь, не только пекущийся о своих владениях и своём народе, но и желающий сохранить выгоды соседней Дайцынской державы, более двухсот лет с нами в дружбе состоящей, повелел мне, генерал-губернатору Восточной Сибири, отправиться к морю и истребить коварных и своекорыстных англичан».

По этой причине Муравьёв предлагал вести переговоры о новой границе прямо в устье Амура – там, где наличие войск, морских кораблей и первого речного парохода давало ему неоспоримые преимущества. «Я очень буду рад там заняться этим важным делом о восточных землях, доселе остающихся неразграниченными», – сообщал русский генерал в Пекин.

«За 200 лет политические обстоятельства совершенно изменились...»

Китайским властям пришлось смириться и отправить посланников на речных лодках к устью Амура. Первые переговоры о новой границе начались 21 сентября 1855 года в недавно основанном русскими моряками Мариинском посту (ныне село Мариинское в Ульчском районе Хабаровского края). По поручению Муравьёва военный губернатор Камчатки контр-адмирал Василий Степанович Завойко изложил китайским дипломатам позицию России.

В прошлом году именно Завойко сумел отразить первую атаку кораблей Англии и Франции на Петропавловск-Камчатский. Осенью же 1855 года умелый адмирал проявил себя и как талантливый дипломат. Камчатский губернатор сообщил китайским посланцам, что, заключая в конце XVII века Нерчинский трактат, русские и китайцы «нисколько не думали об иностранных державах, находившихся в то время в великом отдалении от здешних морей, а потому ни Китай, ни Россия не могли ожидать вторжения их с этой стороны». Однако, продолжал контр-адмирал Завойко, «за 200 лет политические обстоятельства совершенно изменились», так как «быстрые завоевания Англии в разных частях света приблизили сюда это государство, которое, владея сильным флотом, распространило свои замыслы и на здешние земли».

Именно поэтому, утверждал адмирал Завойко, и пришлось сосредоточить русские войска для обороны устья Амура и ближайших морских берегов, ведь «без принятых Россией мер неприятельские паровые суда безнаказанно поднимались бы уже вверх по реке и проникли бы до внутренних областей ваших и наших». Здесь русские дипломаты в погонах прямо намекали китайцам на недавние события, когда всего 13 лет назад, в 1842 году, во время первой «опиумной» войны Британии против Китая, английские вооружённые пароходы свободно плавали по реке Янцзы, громя далёкие от моря китайские города. Поэтому для послов империи Цин такие доводы русских звучали очень убедительно.

Руководитель обороны Петропавловска-Камчатского и участник пограничных переговоров с Китаем контр-адмирал Василий Степанович Завойко

Далее адмирал Завойко перешёл к главному: «Защита Амура, деятельно и с огромными издержками предпринятая Россией, не может быть временной мерой». Поэтому русские предлагали китайцам согласиться с двумя условиями:

«1. Все места, для этой цели занятые нами на устьях Амура, должны окончательно остаться во владении России.

2. Для необходимого и непрерывного летом и зимою сообщения войск и крепостей наших, на устье Амура находящихся, с внутренними областями нашими – так как передвижение горами, по всем исследованиям, решительно невозможно ни зимою, ни летом – нам необходимо иметь свои поселения на всём левом берегу реки Амур, который представляет самую естественную и бесспорную границу».

«Сомнительно, чтобы китайцы уступили берег Амура без войны...»

В далёком от Амура столичном Петербурге отнюдь не все поддерживали решительные требования Муравьёва. Российский министр иностранных дел граф Нессельроде прямо пугал царя словами: «Сомнительно, чтобы китайцы уступили левый берег Амура без войны...»

Максимум, на что надеялся министр, – это «выпросить у китайцев право плавания по Амуру». При этом Нессельроде потрясал полученным из Китая письмом, в котором чиновники маньчжурского императора жаловались: «Вы завладеваете насильно территориями Срединного государства и, как кажется, вовсе не для отражения англичан...» Кроме того, в письме китайцы просили русского царя «вразумить Муравьёва», который «вовсе на заботится о поддержании двухсотлетнего дружественного согласия».

Дальнейшие события, казалось, лишь подтвердили самый худший прогноз осторожного министра Нессельроде – в 1856 году китайский император издал грозный указ о запрете плавания русским кораблям по Амуру. Генерал-губернатору Муравьёву пришлось вновь пересечь весь континент – от берегов Охотского моря до Балтики, чтобы в Петербурге лично объяснить с новым царём Александром II и убедить его в возможности приобретения берегов Амура.

«Китайцы должны исполнять справедливые наши требования, и если не захотят, т. е. войска и мы можем их заставить», – напомнил Муравьёв новому императору слова его отца, покойного царя Николая I. Губернатор указал, что китайцы так и не предприняли никаких реальных действий против русских сил на спорных территориях: «Очевидно, что китайское правительство уже молчаливо признало за нами право владения и обязанность защиты устьев реки Амур и острова Сахалина... Что же касается заключения нового пограничного договора с Китаем, то весьма естественно, что китайское правительство, не препятствуя нам занимать левый берег Амура, не желает заключать по этому поводу нового трактата, опасаясь гласности перед собственными подданными».

Царь внял этим доводам, и в Петербурге приняли решение, не дожидаясь китайского согласия, продолжить заселение берегов Амура, а в Пекин направить русского посла. В обмен на признание новой границы Россия была готова предоставить Китаю новейшее оружие, пушки и нарезные ружья, чтобы Пекин мог защищаться от очередных претензий колониальной Британской империи.

Англичане действительно осенью 1856 года начали новую войну против империи Цин, когда китайские чиновники попытались ограничить британскую торговлю опиумом. Защищая свои гигантские прибыли, получаемые от наркоторговли, английские пароходы атаковали Кантон (ныне Гуанчжоу), крупнейший город на юге Китая. «Неожиданные события в Кантоне чрезвычайно упрощают наше амурское дело», – писал в начале 1857 года губернатор Муравьёв канцлеру Горчакову, сменившему чрезмерно осторожного Нессельроде на посту министра иностранных дел.

Осуществилось то, о чём более полувека назад сделал предсказание граф Юрий Головкин, российский посол, которого китайцы в 1805 году так и не пустили в Пекин: «Наша помощь либо даже посредничество дали бы нам право выставлять требования и добиться, чтоб вместо прямой линии к востоку нам был уступлен левый берег Амура». Сбылось и недавнее паническое предсказание отставного министра иностранных дел Нессельроде – действительно, вопрос об уступке Китаем земель по Амуру не обошёлся без войны... Только это оказалась не война России с китайцами, а новый вооружённый конфликт между Пекином и Лондоном.

«Россия готова помочь Китаю...»

В декабре 1857 года маньчжурский император в Пекине издал указ о подготовке к войне «для отражения вторжения русских в Амурский край». Но через несколько дней в Пекине получили известие, что английский десант неожиданным штурмом захватил город Кантон, – властям империи Цин сразу стало не до конфликтов с русскими. Англичане были вооружены новейшими винтовками, тогда как оружие китайской армии в то время оставалось всё ещё абсолютно средневековым.

В начале следующего года стало известно, что Британия и присоединившаяся к ней Франция планируют высадить большой десант на побережье Жёлтого моря, на подступах к Пекину, чтобы угрожать непосредственно столице Китая. Английские и французские пароходы появились у берегов Жёлтого моря в апреле 1858 года. На несколько дней опередив европейскую эскадру, туда же на паровом корвете «Америка» из устья Амура приплыл русский дипломат граф Евфимий Васильевич Путятин.

Русский дипломат передал напуганным пекинским чиновникам следующее послание: «Из-за теперешних неприязненных действий европейцев китайское правительство должно видеть, что войско его с употребляемым ныне старым оружием не в состоянии противиться военным силам западных держав и что ему необходимо изменить всё своё военное устройство, если не хочет, чтобы Китай подпал совершенному влиянию иностранцев. Россия готова для этого помочь Китаю приобрести разные нужные ему военные материалы...»

Граф Евфимий Васильевич Путятин, посол России в Пекине в 1858 году

Евфимий Путятин объяснил китайцам, что Россия готова помочь в обмен на уступки возле Амура. Зная нравы китайского чиновничества, по совету Муравьёва русский дипломат помимо предложений помощи вёз с собой и 5 миллионов рублей серебряными монетами. Для далёкого Петербурга необходимость столь большой суммы объяснили откровенно – «на взятку, чтобы посольство имело полный успех».

Угроза со стороны вражеских пароходов и 90 тонн серебра (ровно столько весили 5 миллионов рублей) сделали своё дело. Пекин наконец согласился начать официальные переговоры о новой русско-китайской границе. И генерал-губернатор Муравьёв отправился в очередное плавание по Амуру к уже хорошо знакомому городку Айгунь, где на 22 мая 1858 года назначили начало переговоров.

По пути в Айгунь корабль Муравьёва остановился на левом берегу Амура, в устье реки Зеи, где 21 мая 1858 года генерал-губернатор заложил православную церковь для только что основанного здесь казачьего поселения. Храм назвали в честь праздника Благовещения Богородицы. В тот день ещё никто не знал, что тем самым получил имя будущий русский город, который скоро вырастет из маленького казачьего поста – Благовещенск.

Со стороны Китая на переговоры в Айгунь отправился «князь императорской крови» И Шань. Он занимал пост главнокомандующего всеми землями Хейлунцзяна («Хей-лун-цзян» – дословно «река чёрного дракона» – так китайцы называют Амур) и был праправнуком 14-го сына

маньчжурского императора Сюанье, того самого, который в XVII веке требовал от русских «вернуться в Якутск» и почти на два столетия отодвинул нашу страну от Амура.

«Сегодня будем пировать, а все дела отложим до завтра...»

Подплывая к городку Айгунь, генерал-губернатор Муравьёв мог чувствовать себя уверенно – для закрепления России на новой границе было сделано уже немало. К 1858 году по Амуру и его притокам, от Татарского пролива до Читы, ходили уже девять речных пароходов – «Амур», «Аргунь», «Газимур», «Лена», «Селенга», «Сунгари», «Сунгача», «Чита» и «Шилка». В Приамурье уже было основано 17 казачьих станиц, в которых проживало 450 семей, почти две тысячи человек. На 1858 год запланировали поселить на левом берегу Амура ещё три тысячи человек и создать дюжину новых сёл и казачьих станиц.

В полдень 22 мая 1858 года генерал-губернатор Муравьёв пересёк 900 метров амурского русла, разделяющего будущий Благовещенск и китайский городок Айгунь. Катер губернатора сопровождали две канонерские лодки – вооружённые пушками речные баржи. Стороны переговоров заранее договорились приветствовать друг друга пушечными залпами, но маньчжурские войска имели на Амуре только старые средневековые пушчонки, их выстрелы русские очевидцы описали как «слабый треск». В ответ грянули орудия русских канонерских лодок – гулкое эхо прокатилось по Амуру и напугало князя И Шаня. В прошлом князю довелось безуспешно повоевать против англичан, и с тех пор он откровенно побаивался европейского оружия...

С российской стороны в переговорах участвовали сам генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьёв, специализировавшийся в Министерстве иностранных дел по вопросам Азии статский советник Пётр Николаевич Перовский, подполковник Генерального штаба и специалист по картографии Константин Фаддеевич Будогосский, «заведующий путевой губернаторской канцелярией» Василий Дмитриевич Карпов и переводчик с монгольского, маньчжурского и китайского языков Яков Парфентьевич Шишмарёв. Именно этим людям Россия обязана окончательным обретением левого берега Амура.

Переговоры начались с торжественного обеда – четыре часа ели китайскими палочками разнообразные блюда и пили тёплую рисовую водку. Напиток всем подавали в фарфоровых чашечках, и только губернатору Муравьёву – в серебряной. «Обед прошёл весьма весело, говорили любезности, сообщали друг другу новости, но о главном деле не упоминали ни слова», – вспоминал позднее Василий Карпов. Когда князь И Шань наконец предложил Муравьёву поговорить о делах, генерал-губернатор отказался: «Сегодня будем пировать, а все дела отложим до завтра...» Так Николай Муравьёв продемонстрировал

китайскому представителю, что он никуда не спешит и не волнуется об исходе переговоров.

Дипломатические баталии начались на следующий день в 10 часов утра. Губернатор Муравьев поразил китайских представителей тем, что сразу развернул самую подробную на тот момент карту Приморья и Приамурья. У китайцев таких точных карт ещё не было, а на русской карте уже была отмечена новая пограничная черта по Амуру и реке Уссури – та самая линия, которая и сегодня составляет дальневосточную границу Российской Федерации.

Как и полтора с лишним века назад, во время заключения Нерчинского трактата 1689 года, переговоры с дипломатами Китая велись не на китайском, а на маньчжурском языке – официальном языке правящей династии. На этом настояли русские дипломаты, а китайские подданные маньчжурского императора не могли им в этом отказать. Выбор маньчжурского языка оказался ловким ходом команды Муравьева, ведь глава китайской делегации «князь императорской крови» И Шань хотя и был этническим маньчжуром, но, полностью китаизировавшись, язык своих маньчжурских предков знал плохо и в ходе переговоров периодически путался.

Тем не менее переговоры шли сложно – не имея сил вновь отодвинуть Россию от Амура, представители империи Цин категорически не соглашались официально признавать фактически изменившуюся границу. Как вспоминал позднее один из русских очевидцев: «Трудно передать все хитрости, все уловки китайских чиновников, предпринятые с целью продемонстрировать их силу и неоспоримое превосходство над другими народами. Но трудно им было выдержать постоянно эту роль и скрыть собственное сознание о своём бессилии, о шатком положении дел в их государстве, о страхе, чтобы мы не действовали против них вместе с англичанами, которых они столько же не любили, сколь боялись».

«Особенно неприятно отразился на лицах маньчжуров...»

Генерал-губернатор Муравьёв оказался хорошим психологом и ловким дипломатом – сохраняя безупречную вежливость, он умело давил на китайских представителей. Когда князь И Шань стал утверждать, что Китай сам может защитить Приамурье от англичан, русский генерал учтиво напомнил ему о том, что князь уже как-то пытался защитить от них город Кантон... Действительно, в 1841 году И Шань, во время первой «опиумной» войны Китая с Британией, потерпел под Кантоном позорное поражение от английских пушек. «Отзыв генерала Муравьёва о Кантоне особенно неприятно отразился на лицах маньчжуров», – вспоминал русский очевидец.

Когда же китайцы стали указывать, что переговоры о границе следует вести без всякого давления, а Муравьёв пытается давить на них, используя то угрозу в виде «рыжих варваров» (англичан), то собственные войска и пароходы, русский генерал-губернатор и здесь нашёл удачный контрдовод. Николай Муравьёв просто напомнил И Шаню обстоятельства пограничных переговоров в Нерчинске 1689 года, когда к русскому послу Головину, приехавшему с малой свитой, пришли маньчжурские послы во главе 15-тысячной армии...

Впрочем, генерал Муравьёв чередовал давление с радушной любезностью. Через день он дал в честь князя И Шаня ответный торжественный обед на противоположном берегу Амура, там, где русские уже строили первые избы будущего города Благовещенска. Под непрерывную музыку, исполняемую оркестром трубачей Иркутского конного полка, русский губернатор и маньчжурский князь весь день пили водку с шампанским. Захмелевший князь И Шань, скинув «курму» (парадную куртку), пытался танцевать под музыку трубачей и даже предлагал Муравьёву раскурить трубку с опиумом, которую за князем всегда носил специальный слуга. От этого предложения губернатор Муравьёв вежливо отказался, а на следующий день статский советник Перовский зачитал похмельному князю И Шаню проект договора.

Китайский дипломат был уже почти согласен, но лишь просил, чтобы в документе о новой границе не употреблялся сам термин «граница». Упёрся он и на слове «слава» – в начале договора планировалось написать, что он заключён «ради большей пользы и славы обоих государств». «Наше Срединное государство и без того так славно, что большего желать уже нельзя», – возразил князь И Шань, видимо, сожалея о вчерашнем шампанском с водкой.

Генерал Муравьев заметил, что они с князем должны отдохнуть после вчерашнего, а детали текста будущего договора могут обсудить без них помощники и переводчики. Обсуждение началось вечером на русском речном корабле. При этом в соседней каюте за тонкой стенкой расположился сам Муравьев, внимательно слушая происходящее. По его приказу рядом время от времени громко перекрикивались матросы: когда Муравьев хотел что-то подсказать своим помощникам за стенкой, он шептал нужные фразы матросу, и тот выкрикивал их, вплетая в громкий разговор как будто с соседней баржей. Китайские представители в ходе напряжённых переговоров и какофонии криков за стенами каюты просто не поняли, что якобы уехавший отдыхать Муравьев фактически из соседней каюты диктует своим помощникам нужные формулировки.

Впрочем, и китайская сторона по-своему пыталась давить на оппонентов – здесь особенно отличился маньчжур Айжиндай, официальный переводчик князя И Шаня. В ходе особенно острого спора о формулировках он заплакал и порывался утопиться, грозя выпрыгнуть с борта русского корабля прямо в Амур.

«Левый берег реки Амура да будет владением Российского государства...»

Отчаявшись дипломатически переиграть русских, китайцы просто стали затягивать переговоры дотошным обсуждением мелких и второстепенных формулировок. В ответ 26 мая 1858 года, вновь находясь на правом берегу Амура в китайском Айгуне, генерал-губернатор Муравьёв разыграл целое представление. Во время долгого и нудного обсуждения очередной формулировки он вдруг вскочил и заорал переводчику Шишмарёву: «Переведи им – так переговариваться нельзя! Я им всё сказал, даю им срок на согласие до завтра...»

В демонстративном гневе, не дожидаясь, когда переводчик скажет на маньчжурском языке его фразу, Муравьёв выбежал из зала переговоров, вскочил на коня и, нахлёстывая его плёткой, полетел через весь городок Айгунь к берегу Амура. Вслед за губернатором бросились и члены русской делегации. За ними, не выдержав, побежали и китайские дипломаты.

Маньчжурский переводчик Айжиндай нагнал свиту Муравьёва только возле берега реки, но на все его вопросы русские демонстративно не проронили ни слова. Дождавшись лодки, Николай Муравьёв швырнул на китайский берег плётку и молча уплыл. Следующим утром на русский берег Амура китайцы привезли согласие подписать договор...

Картина «Айгунский договор». Художник В. Е. Романов, 1947 год

Триумф генерал-губернатора не омрачила даже досадная потеря – он обнаружил, что в ходе вчерашней бешеной скачки к берегу Амура потерял драгоценный знак ордена Александра Невского. Этим высшим и очень редким орденом Муравьев был награжден два года назад за успешную защиту от британского флота дальневосточных границ России. С тех пор он всегда носил на парадном мундире знак этого ордена – усыпанную бриллиантами восьмиконечную звезду. Теперь бриллиантовая звезда осталась где-то в пыли на улочках маньчжурского городка Айгунь – узнав о потере, китайские власти вели её поиски, но так и не нашли.

«Ради большей вечной взаимной дружбы двух государств левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства...» При этом земли между впадающей в Амур-рекой Уссури и морем – будущее Приморье – объявлялись общим владением Китая и России «впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами».

Подполковник Константин Будогосский забрал со стола перо, которым Муравьёв подписал исторический трактат, – его он будет хранить как драгоценную реликвию до самой смерти. Сам Николай Муравьёв в тот день ещё не знал, что вскоре получит почётную приставку к своей фамилии, навсегда войдя в отечественную историю как Муравьёв-Амурский. Но он прекрасно понимал всё эпохальное значение этих минут – наскоро обняв князя И Шаня, генерал-губернатор поспешил на левый, уже официально русский, берег Амура. Там он подписал приказ находящимся в его подчинении войскам: «Товарищи, поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России!»

Глава 10

Деревянные пушки Китая. Третья «опиумная» война, или Как европейцы разграбили Пекин

«Знамённый» монгол против британского адмирала

Тем временем на подступах к Пекину разворачивались события, которые в конечном итоге полностью отдадут России территории между морем и рекой Уссури, пока ещё остававшиеся в общем русско-китайском владении согласно недавно подписанному в Айгуне договору. Но в те дни никто ещё не предполагал, что именно непомерные аппетиты англичан и французов в отношении Китая подарят нашей стране будущее Приморье...

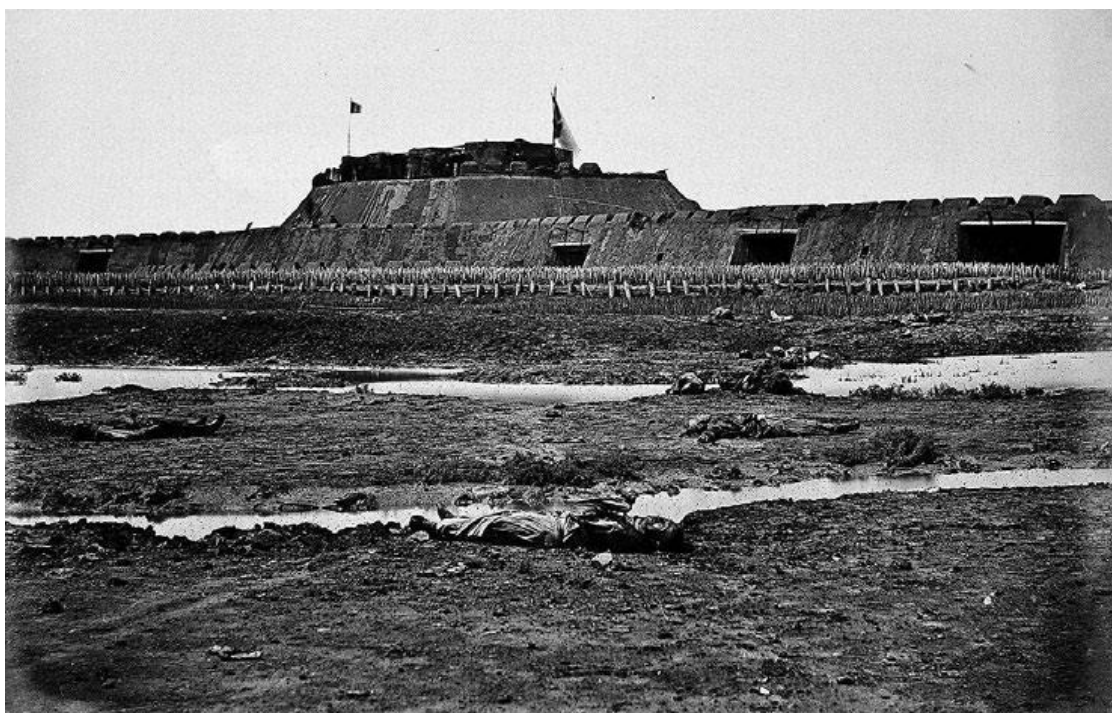
Спустя год после завершения второй «опиумной» войны, 16 июня 1859 года, английский и французский посланники с военной эскадрой вновь появились на рейде Дагу. Китайцы предлагали европейским дипломатам высадиться на берег в городке Бэйтане, в нескольких милях к северу от Дагу, и двигаться в Пекин по суше в сопровождении небольшой свиты. Но европейские послы, предвидя новые дипломатические сложности, намеревались явиться в столицу Китая как победители, в сопровождении немалого военного эскорта.

Европейцы требовали снова пропустить их вверх по реке Байхэ к Тяньцзиню. У английского посла в свите было восемь кораблей (фрегатов, корветов и транспортов), две большие и девять малых канонерских лодок; французского посланника сопровождали фрегат и вестовой пароход. Это было несколько меньше, чем год назад, но явно слишком много для дипломатической миссии.

Китайцы расположили в неукреплённом Бэйтане лишь несколько десятков солдат и чиновников для встречи послов. Но за прошедший год они восстановили и усилили укрепления Дагу – руководил этим ответственным делом победитель Северного похода тайпинов «восьмизнамённый» генерал монгольский князь Цэнгэринчи (Сэнгэ Ринчен).

Реку Байхэ в зоне фортов преграждали три ряда сильных заграждений: железные рогатки, вбитые в дно сваи, связанные цепями бобы из огромных брёвен. Китайские представители отвечали европейским посланцам, что заграждения устроены против тайпинов и ни под каким видом разобраны быть не могут.

В итоге 23 июня 1859 года англо-французы приняли решение силой проложить путь, на котором настаивали их дипломаты. Задуманный план очередного штурма фортов Дагу фактически повторял операцию годичной давности. Общее командование эскадрой осуществлял британский адмирал Хоуп. Для десанта сформировали отряд в 600 морских пехотинцев и 600 взятых с кораблей матросов – это было даже на 12 человек больше, чем участвовало в прошлогоднем штурме.

*Вид на один из китайских фортов Дагу в устье реки Байхэ.
Фотография 1860 года*

Утром 24 июня две английские большие канонерские лодки, французский пароход и девять малых канонерок сосредоточились в устье Байхэ вне сферы огня китайских фортов. За ними на шлюпках и китайских джонках располагался десант. В ночь на 25 июня английские гребные суда попытались сделать проходы в первом ряду речных заграждений, но после восхода луны были обращены в бегство неожиданно меткими выстрелами китайских пушек.

Рано утром 25-го числа канонерки начали маневры, чтобы занять позиции для стрельбы по фортам, но из-за сложности течения и фарватера провозились до обеда. Произошло даже несколько столкновений судов и посадок на мель. Китайские форты обоих берегов молчали, на их валах не были видно ни одного человека.

Наблюдатели с кораблей заметили, что по сравнению с прошлым годом начертания укреплений и сектора их возможного огня изменились к лучшему, а обращённые в сторону устья амбразуры, которых насчитали не менее 60, прикрывались тростниковыми заслонками, скрывавшими их артиллерийское вооружение. За минувший год «знамённый» монгол Цэнгэринчи либо его помощники явно хорошо учли и особенности маневрирования европейских кораблей в фарватере Байхэ, и губительность для пушкарей огня европейских винтовок.

Канонерки в полном молчании с трудом сумели преодолеть первую линию заграждений, но едва они остановились у второй, как внезапно

попали под сосредоточенный огонь китайских пушек. Русские военные специалисты Бутаков и Тизенгаузен вскоре опишут ситуацию так:

«Выстрелы китайцев отличались замечательной меткостью, которой вовсе нельзя было ожидать от них, и за небольшой промежуток времени палубы на обеих передних канонерских лодках покрылись убитыми и ранеными. Адмирал Хоуп, остававшийся неподвижно на своем месте, был ранен одним из первых выстрелов, но, несмотря на это, не покидал своего места. Между тем как огонь, открытый по фортам с канонерских лодок, не производил никакого видимого действия, при орудиях на канонерских лодках сменилось в короткое время два комплекта прислуги. Якорная цепь лодки «Плове» была перебита ядром, судно оказалось принесено вниз по течению, и адмирал переехал на оставшуюся во главе ордера лодку «Опоссум». Весь огонь китайских фортов сосредоточился теперь на этой канонерке, причём адмирал получил новую рану в грудь. Вскоре якорная цепь на «Опоссуме» тоже была перебита, и вторая лодка оказалась отнесена вниз по течению. Адмирал пересел на третье судно, оставшееся во главе флотилии...»

К 6 часам вечера изрядно потрёпанной эскадре удалось сбить на фортах всего несколько орудий, и англо-французы решили прибегнуть к последнему средству, которым ещё можно было решительно переломить ход сражения в свою пользу, – под так и неподавленным огнём китайских пушек шлюпочный десант союзников храбро двинулся к отмели напротив северного форта правого берега. К половине восьмого десант находился по колено в иле перед прикрытым двумя рвами фортом. Картечь, ядра, пули и тучи китайских стрел изрядно проредили и смешали строй европейской пехоты.

До наступления темноты стен форта достигла лишь полусотня десантников под командованием французского капитана. О штурме не могло быть и речи, и европейцы начали отступление. Китайцы не прекращали плотного огня, освещая местность светящимися снарядами. К тому же начался прилив, ещё более осложнивший положение разгромленного десанта, многие раненые утонули.

Всего англичане и французы, по их данным, потеряли 478 человек убитыми и ранеными, включая множество офицеров. Из 11 английских канонерских лодок пять затонуло, три из них оказались потеряны безвозвратно, а две были подняты после боя. Это был полный разгром. Побитая эскадра ушла в Шанхай.

«Мы должны попытаться атаковать Пекин...»

Одержанная победа взбудрила маньчжурского императора, и он занялся фантазиями на тему новых выгодных условий договоров с «варварами». Куда большее значение известие о победе имело для окрестностей оккупированного Кантона, где второй год шла малая война местных патриотов против англо-французов. Отряды гуандунских ополченцев за это время провели несколько крупных налётов на Кантон, их вместе отражали маньчжурский и англо-французский гарнизоны (китайский гарнизон войск «зелёного знамени» был распущен коллаборационистскими властями города как ненадёжный).

Акты диверсий, весьма характерные именно для слабейшей стороны в ходе всех «полицейских» войн, происходили в Кантоне и окрестностях ежедневно. Европейский журнал XIX века «Китай и Запад» даёт их примеры:

«Гуандунские ополченцы каждую ночь из предместий обстреливают город горящими стрелами. В самом городе есть люди, которые прячут оружие и тайно расставляют западни. Иностранцы не осмеливаются выезжать в места, не охраняемые солдатами...»

«В районе Вампу англичане водрузили свой флаг; жители Вампу перерезали ночью шнур – и флаг упал».

«Ординарец-индус английского офицера шёл по дороге. Вдруг на него кто-то напал и отсёк ему мечом голову. Шедшие следом два солдата-индуса никого не успели заметить, так поразительно быстро всё было сделано».

Англичане и французы были вынуждены в 1858–1859 годах провести несколько крупных, до 1000 штыков, контрпартизанских рейдов в окрестностях Кантона, окончившихся безрезультатно, причём потери от солнечных ударов заметно превышали боевые. Несмотря на сотрудничество с оккупантами многих цинских чиновников и кантонских купцов-компрадоров, Гуандун так и не успокоился, антииностранные выступления здесь продолжались всю войну и долгие годы после неё...

Неожиданное известие о поражении в далёком и «диком» Китае оказалось весьма обидным для европейского сознания. Возмущались даже в совсем посторонней для дел Поднебесной и ещё раздробленной Германии. А уж как негодовали в бойкой «наполеоновской» Франции! С геополитической основательностью гневалась Британия – газета «Дейли телеграф» проповедовала:

«Так или иначе нужно действовать террором, довольно поблажек!.. Китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны стать их господами... Мы должны попытаться по меньшей мере атаковать Пекин, а если держаться более смелой политики, то за этим

должен последовать захват навсегда Кантона. Мы могли бы удержать его за собою, так же как мы владеем Калькуттой, превратить его в центр нашей дальневосточной торговли, компенсировать себя за приобретённое Россией влияние на татарской границе империи и заложить основы новой колонии».

Впрочем, политики в Лондоне понимали всю опасность превращения «полицейской» войны в народную, опасность прежде всего для слишком выгодной торговли. Поэтому они удержались в рамках, как сейчас бы лицемерно назвали, «миротворческой операции». В ходе войны они постоянно заявляли, что воюют не с Китаем, а исключительно с его центральным правительством, ограничив крупные боевые действия только столичной провинцией Чжили и в итоге воздержавшись от прямых территориальных захватов.

Подготовка броска на Пекин

Но готовилась новая «полицейская» операция с поистине планетарным размахом. На базах в районе Гонконга, Макао и Шанхая концентрировались войска, припасы и снаряжение, доставленные из Европы и Индии. Уголь для пароходов везли из Австралии, муку для армейских сухарей закупали в США, а мясо на Филиппинах и в самом Китае, лошадей приобрели в Южной Африке и Японии.

Приготовления в основном закончили к февралю 1860 года. К этому времени обе эскадры, английская и французская, сосредоточились у Гонконга. К маю завершили и переброску пехотных частей.

Морские силы англичан насчитывали свыше 60 вымпелов, преимущественно новых винтовых кораблей и канонерских лодок, порядка 630 тяжёлых и средних корабельных пушек. Их сопровождало свыше 150 вспомогательных судов – транспортов, плавучих магазинов, госпиталей и цистерн. Французская эскадра состояла из 60 вымпелов, включая винтовые, колесные и парусные корабли, нёсшие до 400 пушек, их сопровождало около 80 вспомогательных судов.

Среди французских боевых кораблей выделялись девять разборных железных канонерских лодок. Такие лодки состояли из 15 металлических частей, образующих три водонепроницаемых отсека, в местах соединения использовались каучуковые прокладки. У каждой лодки имелось одно нарезное орудие большого калибра, 16 лошадиных сил паровой установки и 23 человека экипажа. Это был первый в мире боевой дебют цельнометаллических кораблей, который окажется весьма и весьма удачным.

Всего же в союзной эскадре насчитывалось 21 боевое судно (канлодка или пароход), способное действовать на сложнейшем фарватере в устье реки Байхэ, этих морских ворот Пекина.

Сухопутные силы англичан насчитывали одну кавалерийскую бригаду и две пехотные дивизии с сапёрами и артиллерией – свыше 12 000 штыков и сабель. Кавбригада состояла из 400 английских драгун в двух эскадронах и 900 сабель двух полков сикхской конницы. Дивизии включали по две бригады из трёх полков (двух английских и одного индийского). Все были вооружены нарезными винтовками и карабинами.

Полевая артиллерия англичан, помимо обычных батарей (в каждой четыре пушки и две гаубицы для картечного, гранатного и шрапнельного боя), включала одну осадную батарею и две батареи новых нарезных орудий Армстронга, чья дальноточность достигала 3000 м, а точность огня превышала гладкоствольную в пять раз.

Французские полевые силы состояли из двух пехотных бригад, около 8 000 штыков при 30 орудиях. Нарезные ружья были лишь у пеших

«шассеров» (егерей), предназначенных для боя в рассыпном строю.

В экспедиционной армии на каждую пехотную винтовку имелось по 400 патронов, на орудие – 600 зарядов, вооружение дополняли ещё 2000 боевых ракет. При эскадре было собрано большое количество десантных шлюпок, способных одновременно вместить 2400 человек. Были заготовлены материалы для устройства полутора километров причалов на необорудованном берегу. С учётом жаркого климата войска снабдили палатками и дополнительными флягами для воды. Наняли значительное количество обозных рабочих и носильщиков.

В общем, логистическое обеспечение операции было на самом высоком уровне. Столь же качественным был и командный состав.

Английский флот возглавил всё тот же контр-адмирал Хоуп, оправившийся от ран, полученных в прошлом году под Дагу, – в Британии мудро сочли, что полученный опыт важнее понесённого поражения...

Англичане занимают будущий Порт-Артур

Англичане и французы деятельно готовились к реваншу за обидное поражение у фортов Дагу в июне 1859 года. Командный состав и значительная часть солдат Англии и Франции имели боевой опыт нескончаемых колониальных войн в Индии и Алжире, недавних войн в России, а также в Иране и Италии. Всё вместе это давало подавляющее качественное и техническое превосходство сил союзников над китайскими войсками.

К тому же разорённая восемью годами непрекращающейся гражданской войны, контролируя едва ли половину прежних владений, Цинская империя не могла создать и значительное численное превосходство на избранном союзниками театре боевых действий. Лучшие на тот момент бойцы Китая – «небесные» армии тайпинов и «добровольцы» Цзэн Гофаня – уничтожали друг друга далеко к югу, на фронтах гражданской войны в долине Янцзы.

Император приказал «знамённому» монголу Цэнгэринчи дополнительно мобилизовать конницу в Маньчжурии и Монголии. По слухам, на китайскую службу были тайно наняты европейские инженеры-фортификаторы. Но в целом, как это ни покажется странным, столице 400-миллионной империи просто не хватало ни войск, ни оружия, чтобы полностью прикрыть направление, на которое нацелилась англо-французская эскадра, – морской берег столичной провинции Чжили между Шаньдунским и Квантунским полуостровами. Имевшиеся в наличии войска концентрировались исключительно в районе Дагу и Тяньцзиня, т. е. между Пекином и морем.

Не хватало и решимости вести настоящую войну – император Сяньфэн сохранял иллюзии о склонности англо-французов к переговорам. Поэтому он приказал Цэнгэринчи укреплять Дагу и одновременно убрать гарнизон из ближайшей гавани Бэйтана, всё ещё предназначенной для мирной встречи европейских дипломатов. Но английский и французский посланники намеревались вести переговоры исключительно в сопровождении своих армий в уже «наказанном» Пекине.

Предназначенные для броска на Пекин сухопутные силы англичан возглавил 52-летний генерал-майор Джеймс Грант, всю жизнь провоевавший в британских колониях. В чине майора он уже побывал в Китае, участвуя в первой «опиумной» войне 20 лет назад. Затем успешно командовал полком в Индии во время затяжных войн с сикхами. Буквально накануне третьей «опиумной» войны он особо отличился при подавлении сипайского восстания, получив генеральский чин и командуя кавбригадой, штурмовал Дели, а затем возглавлял всю британскую

кавалерию в Индии, громя многократно превосходящие армии повстанцев.

В начале лета 1860 года, дождавшись попутного направления прибрежных муссонов, англо-французская эскадра двинулась вдоль китайского берега на север. Ещё в апреле, как и в ходе первой «опиумной» войны, интервенты заняли острова Чжоушань. На этот раз местные гражданские и военные чиновники Цинской империи сдали им архипелаг без боя. Китайский гарнизон состоял из семи батальонов-«инов» войск «зелёного знамени», в каждом из которых не насчитывалось и половины от положенных по штату 500 солдат. Острова послужили удобной транзитной базой и угольным складом для европейской эскадры.

В Чжилийском заливе интервенты создали две операционных базы. Французы избрали южную часть залива, бухту Чифу на побережье полуострова и одноимённой провинции Шаньдун. Англичане – северный берег залива, бухты в Дальяньхуане на Ляодунском (Квантунском) полуострове. Через три десятка лет эта местность станет известна в России как порт Дальний и военная база Порт-Артур.

Цинские войска не оказали ни малейшего сопротивления союзникам в местах высадки, даже на Квантунском полуострове, который был частью Маньчжурии, «священной родины» господствующего этноса империи Цин. Это позволило европейцам спокойно в течение месяца исследовать китайское побережье в районе Дагу и обстоятельно подготовить десантную операцию.

Английские и французские офицеры провели несколько ночных разведывательных высадок на берег к югу и северу от устья Байхэ, исследовали особенности береговой полосы и даже захватили «языков» из местных рыбаков. Залив не имел бухт, подход к берегу больших морских судов затруднялся множеством отмелей, а илистое дно делало невозможным высадку артиллерии и кавалерийских частей с моря. Результаты разведки заставили союзников отказаться от первоначального плана высадки сразу с обоих берегов Байхэ и перенести высадку сухопутных частей в единственно удобное место в десятке миль к северу от Дагу – в устье речушки Бэйтанхе у посёлка Бэйтан.

Система обороны устья Байхэ включала на каждом берегу по большому форту, обстреливавшему море и устье, за ними лежало по другому форту, защищавшему реку перекрёстным огнём. Все четыре форта прикрывали огнём друг друга. Для их защиты со стороны суши на каждом берегу китайцы возвели по укрепленному лагерю, расположенному на границе между илистым побережьем и твердой землёй. Вход в реку Бэйтанхэ, куда нацелились союзники, защищали два небольших форта с 13 и 9 орудиями. Всего в районе Дагу находилось около 25 000 маньчжурских войск.

Деревянные пушки Китая

Утром 1 августа 1860 года 38 канонерских лодок доставили в устье Бэйтанхэ шлюпки с десантом. Неспешно высадившись на южном берегу, союзники к ночи заняли деревню Бэйтан (по европейским меркам, это был город с 30 тысячами населения) и близлежащий форт. Никакого сопротивления они, к удивлению, не встретили – посёлок и форт были не заняты китайскими частями. Лишь две сотни маньчжурской кавалерии издалека наблюдали за действиями десанта.

В Бэйтане большинство населения бежало, в некоторых домах интервенты обнаружили трупы женщин и детей, зарезанных своими мужьями и отцами, чтобы они не достались захватчикам. В покинутом форте выяснилось, что все установленные там пушки сделаны из дерева: выдолбленные деревянные колоды скреплены обручами из железа и кожи. Англо-французы сочли их за муляжи орудий, не догадываясь, что и из таких «пушек» можно произвести несколько выстрелов – китайские партизаны будут использовать подобные орудия против японских оккупантов даже в годы Второй мировой войны. А в середине XIX века цины применяли деревянные пушки из-за острой нехватки железных и бронзовых орудий. Стоявшие ранее на фортах Бэйтана металлические пушки год назад перевезли для усиления обороны фортов Дагу.

Форты с деревянными пушками оказались заминированы, пороховые заряды обнаружили европейские сапёры. В занятом без боя Бэйтане союзники накапливали войска и перевозимые с кораблей запасы в течение 12 дней. Боёв не было, за это время в ходе разведок и мелких стычек с разъездами маньчжуро-монгольской конницы они потеряли лишь несколько десятков человек.

На рассвете 12 августа союзники двинули свои части на юг, к реке Байхэ и фортам Дагу. На марше их атаковала рассыпавшаяся лавой монгольская конница, поддержанная редким огнём мушкетов и гингальсов маньчжур. Атаку отбили драгуны и кавалеристы-сикхи, от которых «знамённые» монголы на более выносливых лошадях ушли без больших потерь.

Вскоре англо-французы при поддержке полевой артиллерии атаковали защищённый земляным валом лагерь маньчжурских войск у деревни Синьхэ. Маньчжуры отвечали быстрым, но не метким огнём гингальсов и фитильных ружей и вскоре, не приняв рукопашного боя, оставили лагерь и отошли к укрепленному поселку Тангу на берегу Байхэ, в нескольких верстах выше по течению фортов Дагу.

Кстати, в захваченном лагере у Синьхэ союзники обнаружили и фрагменты переписки командовавшего цинскими войсками Цэнгэринчи с пекинским двором, из анализа которой сделали вывод, что штаб

маньчжурского главнокомандующего по переводам европейских газет изучал прения в британском парламенте по поводу планов и перспектив войны...

Посёлок Тангу окружал вал с 16 бронзовыми орудиями и два рва. Следующие сутки, 13 августа, союзники проводили разведку местности на северном, левом, берегу Байхэ. В 4 утра 14 августа 1860 года англо-французы начали наступление на Тангу. Английские части, двигавшиеся вдоль берега Байхэ, подверглись артиллерийскому обстрелу с противоположного берега, но два нарезных орудия Армстронга быстро подавили этот огонь.

Союзники с 400 метров повели обстрел валов Тангу из полевых орудий и винтовок. Китайцы некоторое время отвечали пушками, гингальсами, фитильными ружьями и даже выпустили по противнику несколько пороховых ракет. Вскоре под убийственным огнём англо-французских войск они оставили Тангу и отступили к фортам Дагу. За валами союзники нашли много трупов китайских солдат, обезображенных разрывными снарядами.

Штурм Дагу

Командующий французским десантом генерал Монтобан предлагал с ходу переправиться на южный берег Байхэ и штурмовать наиболее крупный форт Дагу, господствующий над остальными фортами. Осторожный генерал Грант отклонил это смелое и почти авантюрное предложение.

Несколько дней англо-французы вели разведку и подтягивали тылы. 18 августа 1860 года генерал Монтобан, не послушав своего британского союзника, переправил французских егерей, сапёров и матросов на правый, южный, берег Байхэ. Генерал Грант был вынужден поддержать союзника, и англо-французы, используя захваченные китайские джонки, начали строить наплавной мост через Байхэ. Однако от быстрого штурма фортов на южном берегу союзники после долгих споров отказались.

На 21 августа была назначена атака фортов левого, северного, берега – пехота атаковала прикрытый двумя рвами и заграждениями из деревянных кольев форт, расположенный выше по течению, а канонерки одновременно должны были вести обстрел второго форта возле устья. Все англо-французские канонерские лодки, способные действовать на реке Байхэ, были сведены в один отряд под единым командованием.

В 6 утра 21 августа 1860 года 23 полевые пушки союзников с полутора километров начали огонь по атакуемому форту. Китайцам пришлось накануне снимать часть орудий, предназначенных для обстрела реки, и приспособлять их для сухопутной обороны форта. Среди этих пушек было и два крупнокалиберных орудия, поднятых с затонувших британских канонерок год назад. По англо-французам вели сильный огонь и пушки с противоположного берега реки. Через час артиллерийского противоборства в фортах стали взрываться пороховые погреба. Китайцы после нескольких минут замешательства смогли возобновить огонь. Европейцы стали перемещать полевую артиллерию на позиции в 500 метрах от валов форта.

Вскоре под прикрытием стрелковых цепей густые колонны англичан и французов со штурмовыми лестницами пошли в атаку. Их с 50–70 метров встретил плотный и действенный с такого расстояния по такой цели огонь китайских фитильных ружей. Несмотря на потери, европейская пехота переправилась через рвы и полезла на вал.

Китайцы, прекратив ружейный огонь, начали действовать пороховыми гранатами, стрелами, камнями и сыпать на головы атакующих известь. Некоторое время им удавалось сбрасывать все штурмовые лестницы. Генералу Коллино, командующему одной из двух французских бригад экспедиционной армии, пришлось лично повести в

атаку резервы. Европейская пехота несла потери у валов, а внутри фортов китайцев косили разрывные снаряды европейских пушек.

Вопреки ожиданиям англо-французов, солдаты Цинской империи в этот раз приняли рукопашный бой на укреплениях и внутри форта, когда атакующим всё же удалось с двух сторон взобраться на валы. Европейцы объясняли эту неожиданную стойкость тем, что командовавшие обороной форта высшие маньчжурские офицеры предпочли отступлению смерть – генерал Чэнь И пал в рукопашной схватке, а генерал Ша Чуньюань, видя неизбежное падение форта, со знаменем в руке перерезал себе горло.

Новые переговоры и путь на Пекин

Из-за понесённых потерь и утомления войск английский и французский командующий первоначально колебались – продолжать ли штурм обстреливаемого канонерками второго форта или отложить его на следующий день. Их колебания разрешил белый флаг и парламентёры, прибывшие от чжилийского наместника, который предлагал союзникам прекратить военные действия в обмен на разрешение плавания по реке Байхэ. Союзные генералы потребовали безоговорочной сдачи всех фортов и оружия.

Не дожидаясь ответа, англо-французы двинулись к последнему форту левого берега и беспрепятственно заняли его, разоружив в нём 2–3 тысячи китайских солдат. В ходе дальнейших переговоров китайцы некоторое время отказывались сдать форты правого берега, но к вечеру чжилийский наместник Хэн Фу лично согласился сдать все укрепления с вооружением и запасами и направить к союзникам маньчжурских офицеров, чтобы показать места закладки мин в фортах и подводные заграждения на реке.

В итоге англо-французам достались все форты Дагу с 518 орудиями и свободный доступ в реку Байхэ, важнейшую коммуникацию на Тяньцзинь и далее к Пекину. В ходе штурма форта 21 августа цинские войска потеряли до 2000 убитыми и ранеными, англо-французы – около 400.

Осмотрев форты устья Байхэ, союзники пришли к убеждению, что занятие их со стороны моря было бы делом невозможным. Особо прочными были и шесть рядов заграждений на реке: деревянные сваи, бонны и металлические кольца, чьи острия показывались над водой лишь во время отлива. Все форты были прикрыты рвами с заграждениями из кольев. Обращённые к морю валы фортов, сложенные из земли и тростниковых фашин, достигали высоты 10 метров.

*Один из фортвов Дагу после обстрела европейской артиллерией.
Фотография 1860 года*

Спустя сутки, 23 августа 1860 года, адмирал Хоуп на шести канонерских лодках достиг Тяньцзиня, чего он не смог сделать годом ранее. Китайские войска уходили по направлению к Пекину. 25 августа передовые части английской и французской пехоты, прибыв на канонерках, высадились в Тяньцзине. Остальные кавалерийские и пехотные соединения союзников двигались берегом вдоль Байхэ. Оккупанты не удержались в богатом городе от грабежей.

До 7 сентября англичане и французы вели в Тяньцзине переговоры с представителями императора Сяньфэна. Император соглашался на все экономические требования союзников, но отказывался платить контрибуцию и принимать европейских посланников, опасаясь, что они таки не падут перед ним ниц (что тут же вызовет у китайских подданных обоснованное сомнение в его «божественном мандате»).

Внутренняя часть одного из фортов Дагу после обстрела европейской артиллерией

Не добившись от цинских сановников подписания требуемых соглашений, европейские генералы и дипломаты сочли, что китайцы затягивают переговоры, чтобы подготовить оборону своей столицы, и приняли решение двигаться от Тяньцзиня вдоль Императорского канала к городку Тун (Тунчжао). Этот населённый пункт располагался всего лишь в дневном переходе от столицы Китая.

«Коровьи рога» против европейцев

Успешно высадившись на берегах столичной провинции и заняв мощные форты Дагу, англо-французская армия 9 сентября 1860 года выступила в поход на столицу империи Цин.

Набранные в Тяньцзине гужевые повозки, их возницы и погонщики при первой возможности разбежались, и союзному командованию пришлось организовывать движение обоза на захваченных джонках по Императорскому каналу. Войска же двигались по грунтовой дороге вдоль правого берега канала.

Всё это время европейцы не прекращали переговоров с китайскими представителями, пока утром 18 сентября в одном дневном переходе от Пекина их передовые части не обнаружили развёрнутые в поле войска Маньчжурской империи.

Европейцы решили, что вероломные китайцы хотят их неожиданно атаковать. Хотя командовавший «восьмизнамёнными» войсками монгольский князь Цэнгэринчи лишь пытался развёрнутой армией без боя остановить движение англо-французов по дороге к Пекину на время переговоров. Он расположил свои части – от 20 до 30 тысяч преимущественно маньчжуро-монгольской кавалерии – подковой, вытянутой почти на 5 километров на подступах к городку Тунчжао у деревни Чжанцзявань. По фронту развернулись семь батарей на 84 орудия, ещё одна 18-орудийная батарея располагалась на возвышенности позади строя кавалерии. Пехота играл вспомогательную роль, занимая деревни.

По сути, Цэнгэринчи следовал традиционному для маньчжуров построению войск, которое ещё в 1853 году описал российских дипломат и разведчик Егор Ковалевский: «Любимый способ построения войск и атаки известен под именем «коровьих рогов». Китайские полководцы стараются обойти неприятеля с двух флангов и занять все окрестные высоты, на которых устраивают батареи, но при этом принимают столько разных предосторожностей, что разве какой-нибудь татарин-неприятель не заметит их намерений...»

Окрестные поля были покрыты зарослями сорго (гаоляна) в человеческий рост, что затрудняло обзор будущего поля боя. Цэнгэринчи не ждал, что европейцы с ходу ринутся в наступление, пока их посланники ведут переговоры в тылу китайских войск. Поэтому развёртывание походных колонн союзников в боевые порядки происходило беспрепятственно. К 10 часам утра 18 сентября 1860 года союзная армия построилась для боя, англичане занимали левый фланг, французы – правый. Фланги европейцев прикрывала кавалерия: английские драгуны, сикхи и французские спаги. Вперед под прикрытием

стрелковых цепей на удобные высоты и позиции выдвинули артиллерийские батареи.

Цэнгэринчи, видя приближение развёрнутой европейской армии, приказал арестовать европейских переговорщиков и бросил в атаку часть своей кавалерии. Англичане отбили атаку маньчжурской конницы на фланге и сами перешли в наступление, одновременно китайские позиции атаковали французы. Маньчжурские войска имели в лучшем случае лишь двойное превосходство в численности, но их средневековое вооружение и тактика не позволили выдержать огонь и отразить атаки лучших европейских армий. Огонь полевой артиллерии китайцев оказался совсем неэффективным, в то время как европейские орудия, в особенности нарезные, громили китайский строй.

В течение нескольких часов англо-французы выбили «восьмизнамённые» войска с занимаемых позиций, захватили их батареи и вынудили поспешно отступать к переправе через Императорский канал. Здесь маньчжуры при помощи пушек ещё раз попытались сдержать европейское наступление, но были опрокинуты совместной атакой англичан и французов. Части маньчжуро-монгольской кавалерии удалось обойти союзников и атаковать их обоз, но союзный арьергард достаточно быстро отбил нападение огнём винтовок.

К двум часам дня сражение у Чжанцзяваня было окончено. Отступавшие маньчжуры без боя оставили городок Тунчжао. Союзники, потеряв несколько десятков человек, захватили 80 китайских пушек, убили и ранили до 1500 цинских солдат. Саму деревню европейцы предали огню и разграблению, якобы за то, что местные жители отказались доставить им требуемое количество припасов.

Но войска империи Цин не были окончательно сломлены, у Чжанцзяваня потери понесла в основном маньчжурская пехота, конница сохранила свою мощь – Цэнгэринчи так и не бросил в бой её главные силы. Однако непосредственно под стенами Пекина «знамённый» монгол уже не мог уклоняться от боя. Решающего сражения искали и англо-французы.

И уже на третий день после боя у Чжанцзяваня, 21 сентября 1860 года, началась битва за Пекин. Противники сошлись у деревни Балицяо, рядом с которой располагался одноимённый каменный мост через Императорский канал – один из нескольких старинных мостов в окрестностях Пекина, украшенных мраморными фигурами львов.

Битва на мосту с мраморными львами

По европейским, сильно завышенным, оценкам у Цэнгэринчи было около 50–60 тысяч войск, в том числе до 30 тысяч конницы. Маньчжурская кавалерия вновь выстроила «коровьи рога» длиной до 5 километров по фронту. В промежутках конных полков располагались артиллерия и пехота, пехотные части находились и позади кавалерии.

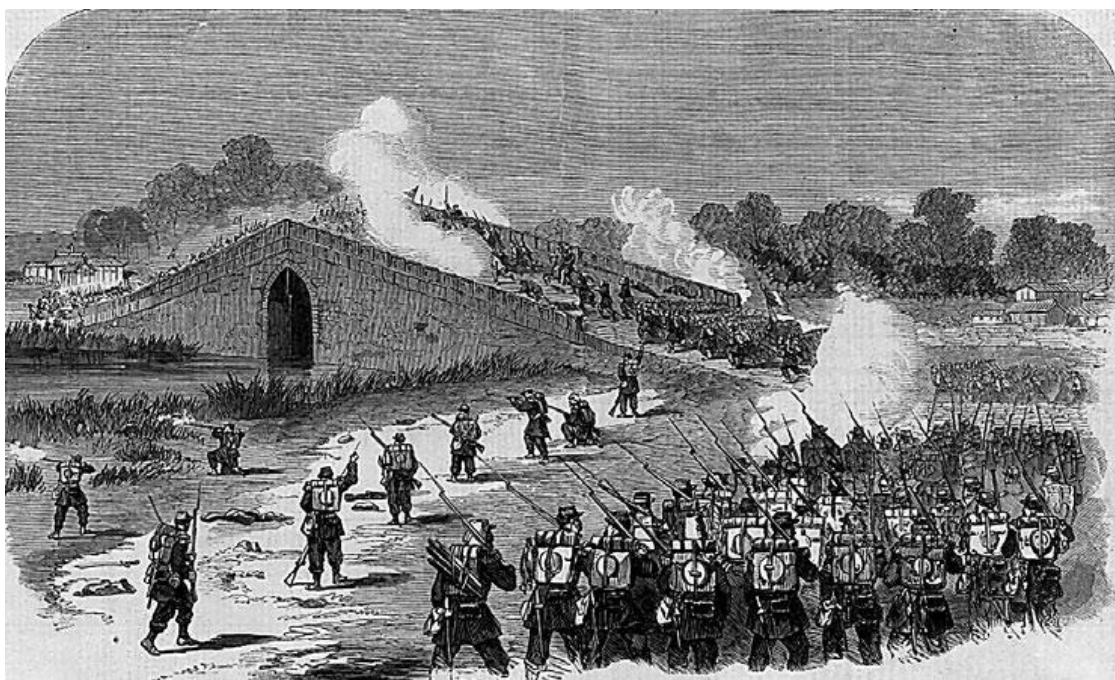
Союзники начали сражение в 6 утра: французы повели наступление к мосту Балицяо, а англичане – несколько левее, к небольшому пешеходному мосту через канал у деревни Бусыцяо. Генерал Джеймс Грант планировал решительной атакой в направлении мостов заставить маньчжурские войска отступить к ним и там, пользуясь скученностью массы войск противника, нанести ему огнём большие потери и наголову разгромить.

Техническое и тактическое превосходство позволило полностью реализовать этот план. Решительная атака массы маньчжурской конницы в плотном строю была отражена огнём винтовок и артиллерии. Маньчжурам удалось обойти фланги французских частей, в ряде случаев европейской пехоте пришлось строиться в каре, а выехавшего на рекогносцировку генерала Гранта в зарослях гаоляна едва не захватили в плен маньчжурские всадники.

Но во всех случаях европейские, артиллеристы и пехотинцы хладнокровно встретили атаки тысяч конных латников убийственным огнём почти в упор, не дав им и шанса приблизиться к себе. Понесшую большие потери маньчжурскую конницу преследовали драгуны, сикхи и огонь нарезных пушек.

Отразив кавалерийскую атаку англо-французы сами атаковали позиции китайской пехоты. Полевая артиллерия империи Цин опять не смогла причинить наступающим заметных потерь, её ядра пролетали над головами европейских пехотных колонн. Угрожая штыками, а местами переходя в рукопашную, англо-французы отбросили китайскую пехоту к мосту Балицяо.

Здесь монгол Цэнгэринчи лично остановил отступавших и организовал упорную оборону, используя сохранившиеся пушки. Англо-французы подтянули свою артиллерию, и некоторое время шла упорная огневая дуэль, в которой техническое превосходство вновь обеспечило победу европейцев.

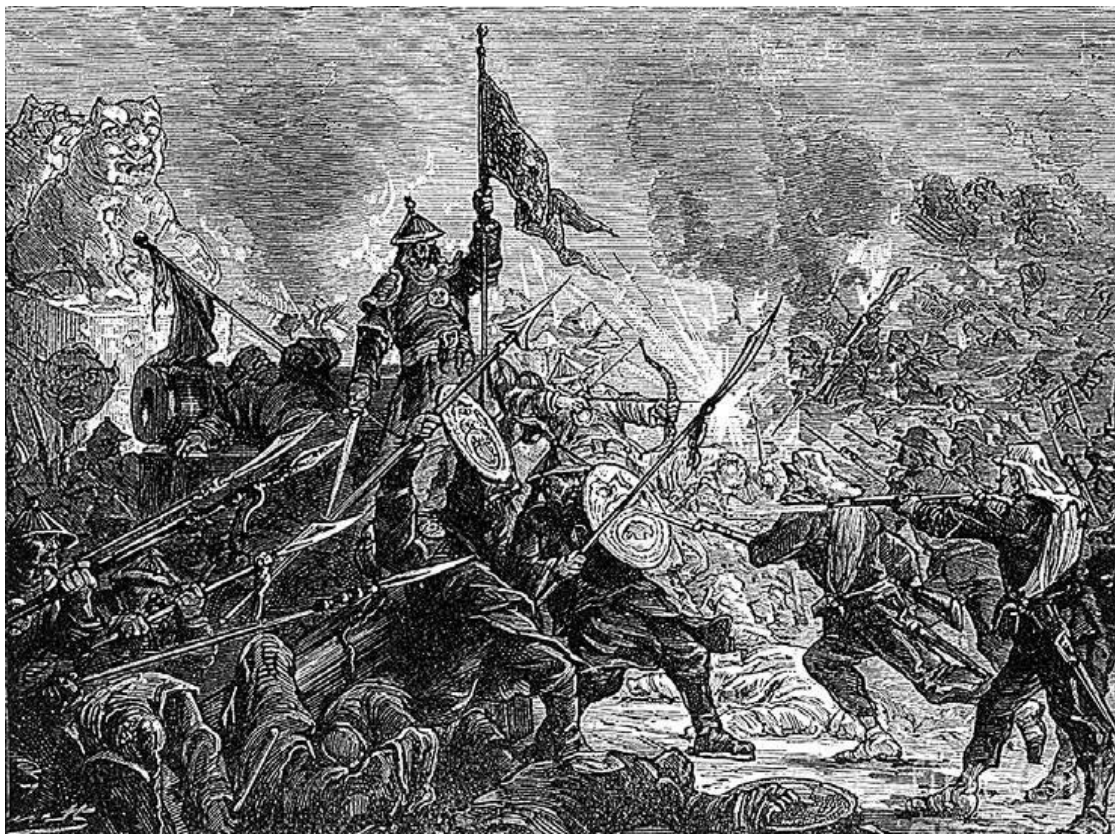
*Французская пехота атакует мост Балицяо.
Европейская гравюра XIX века*

Но как отмечают русские военные специалисты тех лет Бутаков и Тизенгаузен: «Китайские начальники в течение всего боя показывали своим подчинённым пример храбрости, появляясь на мосту среди сильного перекрёстного огня, опустошавшего ряды защитников и перебившего почти всю прислугу при орудиях».

После огневой подготовки французская пехота штыковой атакой заняла баррикаду на мосту Балицяо, созданную маньчжурскими солдатами из разбитых орудий, и перешла на другой берег канала, преследуя отступавшие части противника. Одновременно англичане вышли к деревянному мосту через канал, не решаясь переходить по нему на другой берег. Таким образом, оба моста были в руках европейцев. Потерявшие путь к отступлению цинские солдаты несли большие потери, пытаясь переправляться через канал под огнём неприятеля.

Подполковник Бутаков и капитан Тизенгаузен так резюмируют исход битвы за столицу Китая: «После полудня 21 сентября сражение у Балицяо было окончательно выиграно, непобедимой маньчжурской коннице был нанесён жестокий удар, и дорога на Пекин была открыта союзникам... Китайцы потеряли в сражении приблизительно до 3000 человек, тогда как потери союзников были в сравнении ничтожны: французы – 3 человека убитых и 17 раненых, англичане – 2 убитых и 29 раненых. Такая значительная разница в потерях произошла вследствие того, что сражение у Балицяо представляло собой бой иррегулярной кавалерии с пехотой и артиллерией, в котором кавалерия, не успевшая уничтожить неприятеля, терпит значительный урон от ближнего огня, в свою очередь не нанося

никакого вреда пехоте. Китайская артиллерия нисколько не поддержала своей конницы, так как ни один снаряд не попал в войска союзников. 27 бронзовых орудий было оставлено на поле сражения вместе с массой ручного оружия, брошенного китайцами во время бегства».

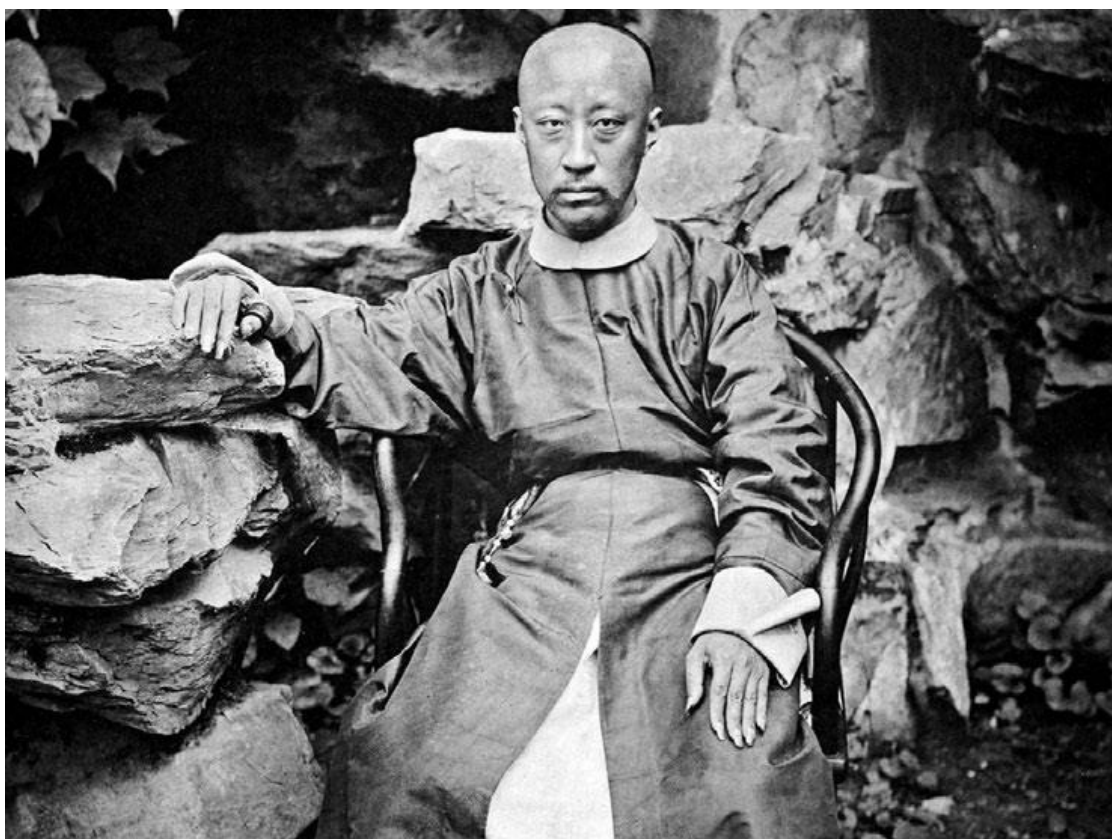
Рукопашный бой маньчжурской гвардии и французской пехоты на мосту Балицяо.

Европейская гравюра XIX века

После сражения у моста Балицяо англо-французские авангарды оказались в половине дневного перехода к востоку от стен Пекина. Император Сяньфэн эвакуировался на северо-запад, в старую маньчжурскую ставку Жэхэ, предварительно повелев считать своё бегство «непосредственным участием императора в военном походе». Глава Военной палаты «Бин-бу» (европейцы называли его на свой манер – военным министром) генерал Му был отстранён от должности, не столько за военное поражение, сколько за провал мирных переговоров с европейцами.

Походные чайники «принца» Гуна

В этих условиях фактическим правителем империи Цин оказался младший брат императора принц Гун (И Синь, Исинь). В сложной системе чинов высшей маньчжурской аристократии он занимал её высшую ступеньку, сразу после императора, – его титул звучал как «Хошо Циньван», князь императорской крови первой степени родства. Англо-французы именовали его на европейский лад – «принц Гун».

Князь Гун. Фотография XIX века.

Обратите внимание на длинные ногти, характерные для маньчжурских сановников

Принцу Гуну в соответствии с его высоким званием полагался целый набор особых отличий – пурпурный шарик и трёхточковое павлинье перо на головной убор, пурпурные поводья и кисти на конской сбруе, особые походные чайники и т. п. Именно принц Гун во время Северного похода тайпинов был военным комендантом Пекина. Но вот защитить столицу империи от англо-французских войск «особые походные чайники» не помогли...

Уже на следующий день после сражения у Балицяо союзники получили послание из столицы Китая, в котором принц Гун сообщал об

увольнении военного министра и о своём назначении главным переговорщиком о мире. Маньчжурский «князь императорской крови» просил европейцев прекратить военные действия.

Действительно, европейцы две недели оставались на месте у городка Тунчжао, но лишь по причине приведения в порядок обозов и ожидания подкрепления. В двух прошедших сражениях войска почти расстреляли патроны и снаряды, требовалось пополнить их запасы. К началу октября 1860 года англо-французская экспедиционная армия насчитывала 8 000 обеспеченных всем необходимым штыков и сабель.

5 октября в 6 утра интервенты двинулись к Пекину, шли сосредоточенно, опасаясь удара маньчжурской кавалерии. Ранним утром следующего дня вооружённые европейцы впервые в мировой истории достигли северо-восточного угла крепостной стены Пекина.

Город представлял собой в плане вытянутый с юга на север четырёхугольник: южная часть – китайский город, северная – маньчжурский «Нэй-чэн» (внутренний город), включавший в свою очередь «запретный город», дворцовый комплекс императора. Пекин окружал широкий ров и крепостная стена до 14 метров высотой, причём высота стен маньчжурского города превышала высоту стен китайского на 3 метра. Общая длина наружной крепостной стены составляла около 30 километров.

Сложенные из кирпича стены были внутри заполнены хорошо утрамбованной землёй и камнями. Наверху стены шли трёхметровой ширины зубцы, между которыми могли быть поставлены орудия. В зубцах были проделаны четырёхугольные бойницы для гингальсов. По оценкам европейских офицеров, зубцы могли быть легко уничтожены артиллерией, но пробитие в стене бреши было делом весьма трудным и требовало значительного расхода снарядов.

Через каждые 300 шагов из ограды выступали четырёхугольные полубашни. Тринадцать наружных городских ворот с поля прикрывали полукруглые рavelины. Их стены были аналогичной конструкции, но менее широкие, чем городские. Ворота в рavelин находились сбоку слева, вследствие чего штурмующие не могли бы прикрываться щитами от огня и стрел с городской стены, а заняв ворота рavelина, нельзя было разрушить выстрелами главные ворота.

В передней части рavelина находилась четырёхугольная башня, возвышавшаяся над стенами на 15 метров. Башня имела четыре этажа, каждый с 20 амбразурами, по 12 на фронте и по 4 на каждом фланге, т. е. башня могла вместить до 80 орудий. На четырёх углах городской стены Пекина также находились аналогичные башни. Стены и все фортификационные постройки Пекина были сложены из серого необожжённого кирпича высокой твёрдости.

Амбразуры башен, расположенных у ворот и на углах городской ограды, закрывались деревянными щитами, на которых были нарисованы дула орудий, ибо сами башни в это время оставались практически невооружёнными и служили казармами для солдат. Пушек на стенах Пекина в действительности было весьма немного.

Основная масса китайских войск занимала северо-западную часть города, прикрывая дорогу на Жэхэ, куда «ушёл в поход» император, и летний императорский дворец Юаньминъюань в десятке километров от Пекина. Союзники решили, не увязая в огромном городе, двинуться к этому летнему дворцу – передовые части французов достигли его поздним вечером 6 октября.

Гребёж императорских жемчужин

Огромный дворцово-парковый комплекс был оставлен цинскими войсками, и лишь во внутреннем дворе французские разведчики вступили в схватку с несколькими десятками маньчжурских гвардейцев. Вооружённые мечами и луками, они ранили французского офицера, но были расстреляны европейскими ружьями.

Дворец Юаньминъюань был настоящей сокровищницей, в которой за два века маньчжурские богдыханы собрали ценности и произведения искусства всех императорских династий Китая. Англо-французы тут же сочли дворец своим военным трофеем и начали его грабёж, сначала централизованный, чтобы разделить ценности поровну между Англией и Францией, но потом, не удержавшись, европейские солдаты и офицеры бросились грабить индивидуально. Объём и стоимость похищенных ценностей не поддаются учёту. Например, разграбили ожерелья с самыми большими в мире жемчужинами, потом их продавали в Гонконге по 3000 лянов (111 кг серебра) каждую, а одному из британских солдат посчастливилось положить в походный ранец миниатюрную статуэтку Будды, одну из древнейших на планете, которую потом в Лондоне оценили в фантастическую по тем временам сумму – свыше тысячи фунтов стерлингов.

Неудивительно, что на следующий день в великолепном Юаньминъюане начались пожары. Естественно, англо-французы винили во всём неких китайских поджигателей. Вообще, судьба дворца очень напоминает произошедшее полувеком ранее разграбление и разорение французскими интервентами Московского Кремля.

Принц Гун вернул союзникам их парламентёров, арестованных Цэнгэринчи, когда европейцы начали атаку у Чжанцзяваня, правда, живыми лишь половину – остальных успели убить, посчитав европейское наступление вероломным нарушением мирных переговоров. Следует помнить, что и европейцы, в свою очередь, считали коварным нарушением переговоров само построение армии Цэнгэринчи на их пути к Пекину. Обе стороны абсолютно не доверяли и не понимали друг друга...

Англо-французы потребовали у принца Гуна до полудня 13 октября передать их войскам ворота Аньтин (Аньдинмынь) в северной стене Пекина. Союзники начали установку батареи осадных и нарезных орудий в 750 шагах от ворот.

«Китайские солдаты смотрели с любопытством со своих стен на постройку батарей и вовсе не препятствовали производству работ», – с каким-то даже унынием от этой безблагодатности цинского оружия пишут Бутаков и Тизенгаузен. Вскоре осадная батарея была готова к

открытию огня, и лишь за несколько минут до истечения срока ультиматума маньчжурские власти открыли ворота для европейских солдат.

Принц Гун не решался начать переговоры, опасаясь за свою личную безопасность после убийства маньчжурскими солдатами части европейских парламентариев. А интервенты опасались зимовать в районе Пекина, до них доходили слухи о большой армии, собираемой к западу от китайской столицы. Чтобы поторопить маньчжурского принца, европейцы окончательно сожгли и разрушили дворцовый комплекс Юаньминъюань и пригрозили сжечь императорский дворец в самом городе. Глава британской дипломатической миссии лорд Элджин даже пригрозил свергнуть династию Цин и заменить её «Царём Небесным» тайпинов, с которым и подписать мирный договор...

Российский посланник генерал-майор Николай Игнатьев, находившийся в Пекине и пользовавшийся всеми выгодами нейтралитета, гарантировал личную безопасность принца Гуна, и тот 24 и 25 октября наконец подписал мирные договоры с Англией и Францией. Недоверие было настолько велико, что европейские посланники являлись в Пекин на церемонию заключения мира в сопровождении 500 солдат каждый, в случае тревоги – трёх выстрелов – европейские части должны были рваться в город на выручку дипломатов.

Цинский Китай удовлетворил все экономические требования Англии и Франции, открыл свои порты и внутренние провинции для их коммерсантов. Британия получила дополнительную территорию в районе Гонконга. Контрибуция, которую Китай обязался выплатить интервентам, увеличилась почти в три раза по сравнению с соглашением 1858 года и составила 618 тонн серебра. Французский переводчик – священник Делямар – от себя добавил в текст договора пункт, разрешавший христианским миссионерам покупать землю и возводить храмы во всех провинциях Китая – принц Гун подмахнул и это требование.

9 ноября 1860 года последние части интервентов покинули окрестности Пекина. Часть войск до выплаты контрибуции оставалась гарнизонами в Тяньцзине и Дагу, другие морем вернулись в Шанхай и Гонконг.

Третья «опиумная» война завершилась. Но Китаю это не принесло мира – по всей стране полыхали крестьянские бунты, а в долине Янцзы продолжалась многолетняя война с тайпинами.

Глава 11

Россия и Китай: первая попытка военного союза. Как русские гвардейцы пытались учить «восьмизнаменных» солдат

«Россия готова помочь Китаю приобрести военные материалы...»

Наибольшую выгоду из второй и третьей «опиумных» войн 1856–1860 годов извлечёт соблюдавшая формальный нейтралитет Российская империя. Отношения России и Китая в это десятилетие будут настолько запутанными, что здесь найдётся место и негласному военному союзу, и жёсткому политическому противостоянию, и открытой пограничной войне.

Россия, потрясённая и униженная оконченной в 1856 году «полицейской» Крымской войной, крайне опасалась усиления английского или французского влияния в соседнем Китае. Поэтому, как только русский военно-морской атташе в Лондоне и Париже граф Евфимий Васильевич Путятин в 1856 году узнал о планах военной экспедиции англичан против Китая, он был тут же назначен посланником к маньчжурскому императору. Благо вице-адмирал Путятин уже имел опыт работы на Дальнем Востоке, возглавляя в 1852–1855 годах миссию по установлению дипломатических и торговых отношений с Японией, а его графский титул соответствовал в Цинской империи титулу «Бо», третьему из девяти рангов маньчжурской аристократии.

В начале 1857 года Путятин через Сибирь достиг границ Монголии, где на несколько месяцев был остановлен цинскими чиновниками, которые искренне не понимали, зачем их великой империи варварские посланники... Военный моряк Путятин не растерялся, на пароходе «Америка» спустился вниз по Амуру и, обогнув Корейский полуостров, т. е. пройдя через территории, всё ещё формально входившие в состав Цинской империи, – достиг берегов столичной провинции Чжили, на год опередив англо-французскую эскадру. Этот год Путятин потратил в бесплодных попытках установить дипломатические контакты с пекинскими бюрократами.

Вообще особенности традиционной цинской «дипломатии» несколько напоминали дипломатию допетровской Московской Руси, где также доминировала идея мировой исключительности в виде православного «Третьего Рима», порождавшая особо трепетное отношение к церемониалу, титулу самодержца и прочим условностям, зачастую препятствовавшим решению реальных дипломатических задач. Но у цинского двора это извращение «дипломатии» в угоду внутренней идеологии достигло апогея.

Тем не менее адмирал и граф Путятин предложил цинскому Китаю помощь в реорганизации вооружённых сил для отпора англо-французским притязаниям. В официальном письме в Пекин от 28 апреля

1858 года, когда эскадры Англии и Франции уже подходили из Шанхая к фортам Дагу, Путятин сообщал маньчжурскому императору Сяньфэну следующее: «Китайское правительство должно видеть из теперешних неприязненных действий с европейцами, что войско его с употребляемым ныне оружием не в состоянии противиться военным силам западных держав и что ему необходимо изменить всё своё военное устройство, если не хочет, чтобы Китай подпал совершенному влиянию иностранцев. Россия готова для этого помочь Китаю приобрести разные нужные ему военные материалы, и если бы Пекинский кабинет понял важность этого предложения, то наше правительство могло бы оказать ему большую услугу, прислав нескольких хорошо знающих военное искусство офицеров, которые бы научили китайцев всем новым усовершенствованиям в военном деле и тем предохранили бы Китай от непрерывных новых на него нападений иностранных народов».

Накануне штурма фортов Дагу это предложение не могло изменить ход дел, да его и не стремились принять цинские чиновники, справедливо опасавшиеся соседней России не меньше, чем Англии или Франции.

Вскоре Путятин становится посредником в переговорах представителей императора Сяньфэна и европейских послов. В июне 1858 года, когда англо-французские солдаты уже месяц хозяйничают в Тяньцзине на полпути к Пекину, Путятин предлагает безвозмездно предоставить в распоряжение цинского императора в следующем, 1859 году российских военных инструкторов «для устройства войска и всей военной части» и крупную партию русского оружия: 50 пушек и 10 тысяч нарезных штуцеров. Предлагается послать в Китай 10 русских офицеров, «умеющих устраивать войска, воздвигать укрепления, делать порох, открывать и разрабатывать рудники, которые запущены и приносят мало дохода Китаю». Цинские представители соглашаются принять оружие, но от инструкторов отказываются.

1 июля 1858 года Путятин делает Цинской империи развёрнутое предложение с целой программой военных реформ: обучить под руководством русских офицеров 20 молодых людей, детей маньчжурских сановников, и тысячу солдат в возрасте 18–25 лет. В дальнейшем на базе этого учебного отряда предлагалось сформировать десятитысячный корпус, вооружённый современным оружием русского производства, – «образцовое войско под руководством наших офицеров».

Путятин доказывает маньчурам, что даже современное «улучшенное оружие будет отнято англичанами, как случилось на этот раз в Дагу, без подготовленных и обученных по-европейски солдат, устройства арсеналов и прочего». Российский посланник предлагает при помощи русских военных специалистов перестроить укрепления Дагу – «теперь англичане и французы с 10 маленькими судами и 2 тысячами

войск ворвались в Тяньцзинь, тогда же они не в состоянии будут этого сделать с тройным числом судов и 20-тысячным войском».

В дополнение Путятин настаивает на скорейшем появлении в Пекине русского посольства, которое сможет «указать и объяснить китайскому правительству, что должно ему делать для отклонения новых требований англичан». Ведший с Путятиным переговоры командующий латной кавалерией голубого окаймлённого знамени маньчжур Хуа Шан «похвалил посланника за хорошую мысль» и даже согласился принять в будущем инструкторов, но от русского посла в Пекине категорически отказался.

«Трудное и щекотливое дело»

Тем временем в далёком Петербурге по рекомендации адмирала Евфимия Путятина и директора Азиатского департамента российского МИДа Егора Ковалевского канцлер Горчаков представил императору Александру II кандидатуру будущего посланника и начальника русских военных инструкторов в Китае – Николая Павловича Игнатьева. Он был только что произведён в генерал-майоры за успешное выполнение дипломатических миссий в абсолютно средневековых Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. Это было немаловажно для, как выразился Александр II, «трудного и щекотливого дела» в Китае.

Глава военно-дипломатической миссии в Китае генерал-майор Николай Павлович Игнатъев.

Фотография 60-х годов XIX века

Принимая во внимание всю сложность задачи по реорганизации китайской армии, решением военного министерства в состав военно-дипломатической миссии Игнатъева включили гвардейских офицеров всех родов войск: штабс-капитана Семёновского полка Зейфорта, поручика лейб-гвардии сапёрного батальона Зейме, капитана гвардии конной артиллерии Баллюзека, поручика Лишина и топографа Шимковича. Им в помощь придали 7 низших чинов – опытных оружейных мастеров, сапёров и одного строевого унтер-офицера.

5 марта 1859 года офицеры, командидуемые в Китай, были лично приняты царём в Зимнем дворце. На следующий день миссия генерала Игнатъева покинула Петербург и через Москву, Пермь и Иркутск отправилась к границам «Дайцинского государства».

За ними от Ижевского завода следовал обоз в 380 подвод с нарезными ружьями – их отправили не морем, а трудоёмким в то время сухопутным путём, чтобы сохранить секретность. В целях той же секретности инструкторы следовали отдельно от обоза с оружием. Пушек требуемых калибров на уральских заводах не оказалось, поэтому их запланировали отправить в течение весны из Петербурга на морских судах.

Однако в конце апреля Игнатъев получил известия, что цинские власти отказались ратифицировать Айгунский договор 1858 года, по которому России отходил северный берег Амура, а Приморье передавалось в совместное ведение соседних государств. Ещё 23 января 1859 года из Пекина в российский Сенат ушло письмо с официальным отказом принять российских офицеров – это решение мотивировалось тем, что после ухода иностранных судов из Тяньцзиня маньчжурам удалось собственными силами восстановить береговые укрепления, разрушенные англо-французскими войсками. Что касается ружей и пушек, то цинское правительство просило отправить их через пограничный город Кяхта в монгольскую Ургу и сдать там местному правителю-«амбаню».

Находившийся в это время в Пекине российский представитель, сотрудник пекинской духовной миссии Пётр Перовский указал цинским чиновникам на связь ратификации Айгунского договора с поставками оружия. В итоге Пекин отказался менять старые земли на новые ружья и пушки. Правда, по китайской традиции этот отказ не был прямым – в ответ на вопрос, в какой порт доставить пушки, цинские представители ответили, что с этим делом следует подождать два-три года, пока не будут решены проблемы с англичанами.

В итоге привезённые Игнатъевым капсульные штуцера остались в России и пошли на замену кремнёвых гладкоствольных ружей сибирских линейных батальонов, а 500 тысяч рублей, выданных Петербургом на «устройство военной части Китая», передали в Иркутское казначейство. В июне 1859 года Игнатъев прибыл в Пекин уже как «чистый» дипломат, а не глава миссии военных инструкторов. В столице цинского Китая в напряжённых переговорах он проведёт более двух лет.

Через десять дней после прибытия в столицу Маньчжурской империи русского генерала китайские войска у фортов Дагу разгромят британские канонерки. И в Англии появятся перерастающие в уверенность слухи, что именно русские управляли китайской обороной. Сведения о потенциальном военном сотрудничестве России и Китая

будут нервировать Лондон, а в одной из шанхайских газет появится статья, утверждавшая, что с британских канонерок видели русских на батареях, слышали возгласы на русском языке и что многие англичане были ранены пулями от русских штуцеров. Видимо, кому-то из английских военных форты Дагу напомнили бастионы Севастополя...

«России легче нанести Китаю удар...»

Одержанные в июне 1859 года военные успехи Цинов вовсе не поспособствовали дипломатической миссии генерал-майора Игнатьева. На гребне победы маньчжурские представители выразили недоумение самим фактом прибытия русского генерала в Пекин и категорически отказались даже обсуждать добровольную уступку земель на Амуре и в Приморье.

Фактический глава цинского правительства, двоюродный брат императора Сушунь заявил Игнатьеву, что хотя, по всей видимости, его империя в ближайшем будущем неизбежно потеряет владения в Приморье, но «мы не видим причины, по которой должны уступить их России, а не какой-либо другой державе – например, Англии».

Сушунь был лидером придворной партии ультраконсерваторов, а его патриотизм и убеждённая ксенофобия органично сочетались с беззастенчивым казнокрадством и взяточничеством. Генерал Игнатьев, хорошо понимая слабость цинского Китая перед регулярной европейской армией, в ответ на высокомерие маньчжурского сановника резко ужесточил тон переговоров: «Граница с Китаем на протяжении 7 тысяч вёрст, России легче, чем всякой иной морской державе, нанести Китаю сильный и чувствительный удар когда угодно и куда угодно».

Сушунь, раздражённый настырностью русского посланника, добился распоряжения императора Сяньфэна о высылке Игнатьева из Пекина в Монголию. Но генерал ослушался цинского самодержца и рискнул с пятью казаками отбыть в противоположном направлении, к берегам Чжилийского залива, где стал свидетелем дальнейших действий англо-французской эскадры и десанта, с борта русского фрегата наблюдая штурм фортов Дагу.

Именно военные победы европейцев в третьей «опиумной» войне обеспечат успех дипломатии Игнатьева. Он снова вернётся в Пекин, опередив наступление интервентов. Там, оказавшись между воюющими сторонами представителем нейтральной, но влиятельной державы, Игнатьев до конца использует все выгоды от занятой им роли посредника и миротворца.

Когда английский посланник предъявит ему претензии по вопросу поставок российского оружия в Китай, бывший военный атташе в Лондоне невозмутимо скажет, что его предшественник граф Путятин действительно собирался передать китайцам несколько тысяч ружей, но российское правительство «отказалось от этой идеи, как только узнало, что оружие будет направлено против союзных европейских держав».

В одном из частных писем из Пекина дипломат Игнатьев оставит свидетельства о поведении европейских оккупантов: «Если бы мне не

удалось вмешаться в дело и остановить военные действия, то Пекин был бы теперь грудой развалин, не осталось бы камня на камне... Вообще, англичане и французы, в особенности первые, не представили образцы гуманности и образованности в глазах китайцев в настоящую войну... В Хэсиву, Матоу, Чжанцзяване и снова перед Пекином остались надолго следы грабежа, насилия и разрушения. Вся дорога от Тяньцзиня до столицы опустошена...»

Младший брат императора, принц Гун, будет благодарен Игнатьеву за посредничество в переговорах и гарантии личной безопасности. Поэтому за неделю до ухода англо-французских оккупантов из окрестностей Пекина, 2 ноября 1860 года, Игнатьев и Гун подпишут новый договор, по которому в безраздельное владение Российской империи отойдет не только северный берег Амура, но и восточный берег Уссури, т. е. всё Приморье. Этими результатами «опиумных» войн Россия пользуется до сих пор.

«При всем старании нельзя ожидать должного успеха...»

Уже 28 ноября 1860 года принц Гун направил Игнатьеву письмо с официальной просьбой прислать в Китай русское оружие, инструкторов и оружейников. Гун попросил у русского дипломата и помощь в борьбе с тайпинами: по словам Игнатьева – «об отправлении русской эскадры в Янцзыцзян, о придаче к китайским войскам части русских войск и даже назначении главнокомандующим маньчжурским русского офицера».

Принц Гун в это время в союзе с матерью императорского наследника, будущей императрицей Цыси, начал стремительно продвигаться к власти в Китае. Ультраконсерватора Сушуня вскоре после смерти императора Сяньфэна казнят. А императорский брат Гун Исинь и императорская наложница Цыси, дочь некогда бежавшего в Пекин от тайпинов мелкого маньчжурского чиновника, сумеют собрать вокруг себя все традиционалистские силы конфуцианского Китая, спасти Цинскую монархию и даже попытаться начать модернизацию Поднебесной, прежде всего военную. И тут им было не обойтись без европейского опыта и обучения.

От участия в китайской гражданской войне Российская империя откажется, видимо, памятуя по итогам Крымской войны неблагоприятную роль подавителя венгерского восстания в то же соседней Австрийской империи. Россия будет возражать и против участия в борьбе с тайпинами англичан и французов, опасаясь роста их влияния на Цинов. Но по этой же причине вопрос с отправкой оружия и инструкторов решится крайне оперативно – уже к осени 1861 года русские инструкторы и первая партия оружия, 2000 нарезных ружей и 6 полевых орудий, прибыли в городок Кяхту, который находился прямо на границе с Монголией, бывшей тогда частью империи Цин.

Здесь гвардейские офицеры Иван Зейфорт и Иван Филиппенко в октябре 1861 года начали занятия с присланными на обучение 60 солдатами и 6 офицерами из «восьмизнаменных» войск. В силу особенностей цинской военной и бюрократической системы выбор «курсантов» был, мягко говоря, странным. Ставший в Пекине первым постоянным послом, гвардейский полковник Лев Фёдорович Баллюзек (кстати, участник «венгерского похода» и обороны Севастополя) доводил до сведения пекинского правительства: «Офицеры, занимающиеся обучением солдат в Кяхте, доносят мне, что ваши офицеры и солдаты вообще показывают большое рвение и весьма стараются, но выбор людей сделан неудачно. Так, например, офицеры все стары: младшему из них 54

года, а из солдат десять по старости совершенно не способны, и при всём старании их нельзя ожидать должного успеха».

Обучение в пограничной Кяхте происходило с октября 1861 года по январь 1862-го. Внимание инструкторов было обращено в первую очередь на изучение материальной части и правил обращения с оружием. Маньчжурских «курсантов» учили изготовлению пуль для нарезных ружей, основам передвижения пехоты и артиллерии в походе и на поле боя. Практические стрельбы, которые требовали пребывания людей в поле, из-за суровых морозов предполагалось провести лишь весной или летом.

Маньчжурский «амбань»-наместник Сектунга, на подведомственной территории которого шли учения, никак не мог понять сути происходящего обучения, так отличавшегося от традиционных китайских канонов. В своём докладе цинскому двору он сообщал, что «солдаты после прибытия в Кяхту ежедневно занимаются только хождением в строю, двигаясь то вперёд, то назад».

Указывая, что занятия с русскими инструкторами якобы не приносят никакой пользы, этот сановник предлагал отозвать солдат из Кяхты под тем предлогом, что они не могут перенести холодного климата. Действительно, местная администрация не позаботилась о том, чтобы занятия проходили в нормальных условиях: помещение, первоначально отведённое для этого, было очень тесным, а прибывших «восьмизнамённых» «курсантов» поздней осенью разместили в неотопливаемых казармах. Через месяц русским инструкторам удалось подыскать для занятий большой и тёплый дом. Чтобы не прекращать практические занятия из-за наступивших холодов, была специально изготовлена деревянная модель пушки, и китайские солдаты обучались современному артиллерийскому ремеслу в помещении.

Общий надзор за ходом учений «амбань» Сектунга поручил своему секретарю, гражданскому чиновнику Си Лину. Когда русские офицеры попытались научить китайских солдат ремонту оружия в полевых условиях, то перепуганный бюрократ заявил, что «не предписано обучать солдат исправлению оружия».

«Китайцы не ожидали, что им дадут такое превосходное оружие...»

20 января 1862 года цинское правительство дало указание прекратить подготовку и вернуть солдат и офицеров в Пекин. Но главную роль в быстром свёртывании деятельности русских инструкторов сыграла не косность цинских бюрократов, а неожиданные проблемы на русско-китайской границе в Синьцзяне и настойчивое давление англичан, чей оккупационный гарнизон в Тяньцзине придавал особый вес словам их дипломатов.

Англичане сразу по окончании третьей «опиумной» войны неоднократно предлагали цинскому двору своих инструкторов, но всякий раз получали либо отказ, либо уклончивый ответ. Когда же стало известно о том, что русские обучают китайцев в Кяхте и снабжают их оружием, они усилили давление на цинское правительство.

Воспользовавшись известием об очередных военных успехах тайпинов на юге Китая, английский посланник в начале января 1862 года при встрече с принцем Гуном (о которой донесла в Петербург русская дипломатическая разведка) заявил, что следующей весной Англия намерена вывести свои войска из Тяньцзиня, и предложил поспешить с принятием английских инструкторов для обучения китайских войск по европейскому образцу. Поддавшись панике в связи с новыми победами тайпинов и усилением активности повстанцев-«няньцзюней», отдельные отряды которых в то время угрожали даже окрестностям Тяньцзиня, цинские правители, видя в помощи англичан единственное спасение от мятежников, приняли все предложения британского дипломата и тотчас же написали в Кяхту о возвращении солдат, обучающихся у русских инструкторов.

Несмотря на плохие условия для занятий, неудачный подбор состава и короткий срок обучения, немногим более 80 дней, китайские солдаты под руководством русских офицеров и оружейных мастеров добились некоторых успехов. Консул Боборыкин, присутствовавший на смотре в Пекине, отмечал, что при стрельбе из ружья в мишень высотой в человеческий рост на расстоянии 250 шагов более трети пуль попало в цель, хотя в Кяхте солдат обучали только прицеливанию.

Что касается русского оружия, то в течение 1861–1862 годов цинскому правительству было передано 10 000 штуцеров, батарея полевых орудий с запасом снарядов по 50 штук на каждую пушку, 500 боевых ракет с двумя станками и более 70 ящиков с запасными частями. Караван с оружием в труднопроходимых местах был буквально перенесён китайцами на руках. Первая партия прибыла в Пекин в апреле 1862 года.

Полковник Лев Баллюзек в рапорте военному министру Милютину докладывал: «Китайцы были весьма обрадованы этим подарком, тем более что англичане и французы, которым они показывали оружие, отозвались о нем с большой похвалой, а китайцы никак не ожидали, что им дадут такое превосходное оружие. И действительно, как ружья, так и вся принадлежность очень хороши и сданы нашими офицерами в прекрасном виде».

Из числа полученных винтовок 500 были сразу же отправлены в Тяньцзинь для вооружения обучающихся у англичан китайских солдат, остальным оружием маньчжурское командование намеревалось вооружить тех солдат пекинского гарнизона, которые впоследствии будут учиться у своих товарищей, подготовленных англичанами в Тяньцзине.

Деятельность русских военных инструкторов в Китае была прекращена. Как в августе 1862 года сообщал министру Милютину всё тот же полковник Баллюзек: «Нет сомнения в том, что наши офицеры произвели обучение китайских солдат гораздо добросовестнее, чем это делают теперь англичане в Дагу. И мне кажется, что этого отчасти боялись союзники; по крайней мере, представитель Англии говорил мне, что мы напрасно дали китайцам нарезное оружие и что он для китайского правительства, обратившегося к нему с просьбой о покупке оружия в Англии, выписал из военных складов гладкоствольные ружья, а не нарезные. Обучение же китайских солдат в Дагу идёт очень вяло и ограничивается до сего времени маршировкой и ружейными приёмами...»

«Были съедены и тела казнённых...»

Практически одновременно с направленными против англичан поставками русского оружия в Пекин на русско-китайской границе в районе Синьцзяна произошло несколько вооружённых столкновений между русскими и маньчжурскими пограничными частями. Это политическое «раздвоение личности» станет первым, но далеко не последним в сложных русско-китайских взаимоотношениях.

Стычки на границе в глухом углу Средней Азии, где спустя ровно век произойдут аналогичные столкновения коммунистов из КНР и СССР, начались после перехода в российское подданство племён Южного Казахстана и Киргизии, что привело к непосредственному соприкосновению в данном регионе границ двух огромных империй.

Маньчжуры, некогда завоевавшие Восточный Туркестан в тяжелейшей борьбе с джунгарами, крайне трепетно относились к своему влиянию на размытых границах Синьцзяна. И даже жестокая гражданская война с тайпинами и явная военная слабость не удержали их от попыток силовой демонстрации против новоявленного русского соседа.

14 июня 1863 года произошёл первый вооружённый конфликт на речке Борохудзир – притоке реки Или, на территории современного Восточного Казахстана, не так далеко от современной Алма-Аты. Цинские пограничники атаковали казачий отряд капитана Александра Голубева, производившего топографические измерения на новой границе.

В этот день русский капитан получил от командира цинского пикета приглашение приехать в гости. Однако, как только русские офицеры и конвой оказались возле цинского поста, по ним была открыта стрельба.

Возглавлявший русскую делегацию поручик Антонов был смертельно ранен, но, согласно донесению, «пробился к своему отряду, где умер на следующий день». Четверо человек из русского отряда были убиты и несколько ранены, трое казаков попали в плен. На другой день, 15 июня, нападению цинских войск подверглись уже основные силы отряда, и капитан Голубев, опасаясь окружения, вынужден был отступить, сдерживая атаки противника сильным ружейным огнем.

Ожесточённые стычки продолжались несколько дней. Подтянув подкрепления, в том числе ополчение местных казахских родов (которых Цины всё ещё считали своими подданными), русские части отбросили цинскую стражу за пограничную реку Борохудзир.

Причиной столкновения стал страх военных поселенцев Синьцзяна перед русской экспансией, особенно усилившийся после начала пограничных переговоров в Чугучаке (ныне китайский город Тхачэн на самой границе с Казахстаном). Эти маньчжурские поселенцы были

аналогом русского казачества – ещё в XVIII веке для контроля над завоеванным, но непокорённым Синьцзяном пекинские императоры переселили с берегов Амура в центр Азии родственные маньчжурам племена «сибо» и «солонгов» (эвенков), которых русские скопом именовали «тунгусами». Помимо «тунгусов» военными поселенцами империи Цин здесь служили западные монголы-ойраты, родственные поволжским калмыкам России.

В 1863 году власти Синьцзяна распространили среди военных поселенцев слух, что русские хотят отнять их земли. Непосредственным поводом к столкновению послужило нарушение границы цинских пикетов казачьими разъездами. Некоторые китайские офицеры попытались предотвратить кровопролитие, но их части вышли из повиновения.

Маньчжурские военные поселенцы в Синьцзяне

Попавшие в плен русские солдаты и казаки, по донесениям российских военных в Санкт-Петербург, были «казнены самым варварским образом, причём были съедены и тела казнённых». Действительно, у маньчжурского аналога казачества, переселённого с Амура в Синьцзян, сохранялся древний обычай поедания вражеской печени.

Территориальные изменения по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам

Всё это делало ситуацию крайне запутанной и чреватой настоящей пограничной войной России и Китая в сердце Азии, при том, что на побережье Тихого океана обе страны пытались сотрудничать против англо-французского влияния. И только вспыхнувшее в 1864 году небывало мощное антикитайское восстание мусульманских народов Синьцзяна вынудило маньчжурские власти подписать окончательный протокол разграничения в Средней Азии, уступив России юг современного Казахстана и часть современной Киргизии.

Глава 12

«Уйти на него за подкреплениями». Как империи Цин всё же удалось победить «христиан»-тайпинов

Заложники для верности «Верного царя»

Пока на севере Китая «восьмизнамённые» войска империи Цин безуспешно пытались защищать Пекин от атаки англичан и французов, а ещё севернее маньчжурские чиновники уступали России левый берег Амура, в центре огромной страны, на берегах реки Янцзы, продолжалась ожесточённая гражданская война. Междоусобная резня в Нанкине, столице «христианских» мятежников-тайпинов, и уход опытных войск Ши Дакая не могли не осложнить обстановку на фронтах Тай-Пин Тянь-Го, «Царства Небесного Величайшего Счастья».

В январе 1858 года цинские войска опять вышли к столице «Царства Небесного» – Нанкину. 8 января они даже прорвались к одним из городских ворот, известных под именем Гаоцяомынь, но были отброшены в жестоком бою. К концу марта, захватив после 20-дневных боёв ряд укреплений в окрестностях города, императорские отряды усилили блокаду Нанкина. Впрочем, непроницаемо окружить и тем более штурмовать 40-километровый периметр городских стен цинским войскам пока было не под силу.

В июне 1858 года, как раз когда в 800 километрах к северу на подступах к Пекину завершилась вторая «опиумная» война, чувствительное поражение понесли войска Ли Сючена, на тот момент лучшего генерала тайпинов. Чтобы усилить координацию всё более распадавшихся на удельные армии повстанцев, Ли Сючен в августе того года провёл совещание с наиболее крупными полевыми командирами тайпинов, где они принесли друг другу клятву верности и наметили план операций по снятию блокады Нанкина. Уже в конце сентября 1858 года отряды тайпинов, перейдя в наступление, в ряде боёв нанесли поражение цинским войскам и восстановили связь столицы «Царства Небесного» с районами севернее Янцзы.

15 ноября 1858 года лучшие молодые полководцы тайпинов Ли Сючен и Чэнь Юйчен в провинции Аньхой к востоку от Нанкина в упорных боях у хорошо укрепленного пункта Саньхэ окружили и разгромили одну из армий Цзэн Гофаня. Его войска понесли тяжёлые потери – свыше 6 тысяч убитыми, в том числе четыре сотни офицеров.

Но конфуцианский поэт был крепким орешком, и уже через несколько месяцев, 27 апреля 1859 года, успешно наступавшие отряды Ли Сючена и Чэнь Юйчена были контратакованы и разгромлены. К этому времени первоначальный запал и революционный задор в среде тайпинов всё более сменяются расслоением и разбродом. К тому же продолжают сказываться трагические последствия «политических репрессий» в Нанкине.

22 октября 1859 года в провинции Аньхой командующие войсками «правого фланга» тайпинов Вэй Цзюнь и Вэй Цинь капитулировали перед командующим речной флотилией Хунаньской армии адмиралом Ян Дайфу. Вэй Цзюнь был младшим братом, а Вэй Цинь племянником казненного в ходе нанкинских распрей «вана» Вэй Чанхоя. После этой казни они, по словам современника, «находились в удрученном состоянии» и все эти годы не предпринимали активных действий, а убедившись, что трудности у тайпинского государства растут, без боя капитулировали.

*Ли Сючен, один из лучших тайпинских полководцев.
Английский рисунок XIX века, основанный на описаниях очевидцев*

В ноябре 1859 года оправившиеся от весеннего поражения отряды Ли Сючена и Чэнь Юйчена вновь частично снимают блокаду Нанкина. Но к тому времени значительно вырос главный враг тайпинского государства – Хунаньская армия. Она вела свой «Восточный поход» против тайпинов, наступая по нескольким направлениям. На Аньцин, ключевой пункт в среднем течении Янцзы на пути к Нанкину, наступали части под командованием самого Цзэн Гофаня.

Войска тайпинов были потрёпаны и утомлены. Отборные опытные части «И-вана» Ши Дакая оперировали в это время далеко на юге, в

провинции Гуанси, не имея связи с Нанкином. Армии тайпинских полководцев – Ли Сючена, Чэнь Юйчэна, Ли Шисаня, Ян Фуцина и других – действовали разрозненно и несогласованно. Сложности и раздраз в стане тайпинов хорошо передают записи самого Ли Сючена:

«Обстановка на Янцзы западнее Нанкина изменилась для нас к худшему. Потребовалась немедленная помощь, которая была оказана командующим авангардными войсками Чэнь Юйчэном, перебросившим свои силы на угрожаемое направление. Я же не смог сделать этого, поскольку должен был оборонять Пукоу (городок-спутник Нанкина, расположен напротив «Южной столицы» на северном берегу Янцзы. – *Прим. А.В.*). Оборона Пукоу затянулась. Весь провиант у меня вышел, я перестал получать помощь извне. Владыка (то есть «Царь Небесный» Хун Сюцюань – *Прим. А.В.*) никакими государственными делами не интересовался. Он только и умел полагаться на силу неба и никакого внимания военным и политическим делам не уделял. Никакой реальной силы при дворе у меня не было, поэтому мне ничего не оставалось, как продолжать удерживать Пукоу наличными силами. Вскоре меня заподозрили в намерении капитулировать перед цинским двором...»

Действительно, один из сдавшийся ранее цинским войскам тайпинских атаманов Ли Чжаошоу направил Ли Сючэну письмо, в котором настойчиво убеждал его капитулировать перед маньчжурским императором. Хотя повстанческий генерал Ли всегда оставался верен идеалам «Царства Небесного», но подозрительный полубог тайпинов Хун Сюцюань всё же стал подозревать его в потенциальной измене.

Как позднее вспоминал сам Ли Сючен: «В Небесной столице (Нанкине) взяли в качестве заложников мою мать и жену и увезли на тот берег Янцзы, а моим войскам не разрешили возвращаться в столицу...» Однако тайпинский «Царь Небесный» был опытным манипулятором, умело работая не только кнутом, но и пряником, – он тут же наградил Ли Сючена титулом «Чжун-вана» («Верного царя»), одним из высших в придуманной тайпинами иерархии.

Спасение «Небесной столицы»

В середине декабря 1859 года «Верный царь» Ли Сючен с отрядом лёгкой конницы прорвался в столицу тайпинов, чтобы разработать план операций по ликвидации её осады. Хун Жэньгань, находившийся в это время в Нанкине единственный приличный родственник «Царя Небесного», выдвинул следующий план: «Теперь прорвать осаду Нанкина в лоб трудно. Если отвлечь внимание противника на второстепенное направление, в частности на район Уху и Ханчжоу, и оттуда атаковать его с тыла, то он непременно должен будет перебросить туда свои войска. Как только он отведёт свои войска на достаточно далекое расстояние, мы повернем знамена в сторону своей столицы и обязательно одержим победу».

Это был разумный план перенесения тяжести военных действий в богатейшие и ещё не разоренные войной приморские провинции Китая. Обсудив 28 января 1860 года на совещании с Хун Жэньганем все военные вопросы, Ли Сючэн настойчиво просил «Царя Небесного», чтобы ему было поручено осуществление плана снятия осады. Хун Сюцюань санкционировал этот план, и Ли Сючэн, передав свой участок фронта другим тайпинским командирам, ушел со своими войсками из Пукоу в направлении на юго-восток к морскому побережью. Пока же, 31 января и 1 февраля, цинские войска, разгромив ряд тайпинских укрепленных лагерей, ещё плотнее стянули кольцо блокады вокруг Нанкина.

Тем временем вышедшие на оперативный простор войска Ли Сючена стремительным броском, громя по пути отдельные отряды противника, вышли в провинцию Чжэцзян и после 6-дневного штурма 17 марта 1860 года овладели её столицей городом Ханчжоу, считавшимся одним из красивейших и богатейших мегаполисов Китая. В результате этого стремительного наступления тайпинами было убито множество крупных цинских чиновников, включая губернатора провинции, а также не вовремя прибывшего в собственные поместья вице-председателя совета «Бин-Бу» (военного министерства Цинской империи) Дай Си.

Монгольская кавалерия империи Цин, 60-е годы XIX века

Маньчжурское правительство немедленно распорядилось перебросить половину войск, осаждавших Нанкин, к Ханчжоу. Воспользовавшись разделением основных сил противника, Ли Сючэн в апреле 1860 года несколькими отрядами двинулся обратно к столице тайпинов и во взаимодействии с другими отрядами повстанцев перерезал линии снабжения блокировавшей Нанкин 100-тысячной группировки цинских войск.

По сути, Ли Сючэн втянул цинские войска в лихорадочные манёвры по разным направлениям и переиграл их. И уже 6 мая он решительным ударом с нескольких направлений после ожесточенного 5-дневного сражения разгромил Цзяннаньский лагерь маньчжуров на южном берегу Янцзы. Разгрому способствовали и мятежи цинских солдат. Блокада Нанкина была снята в очередной раз.

Не давая противнику опомниться, Ли Сючэн безостановочно преследовал отступавших цинов, громя их по частям. В бою 19 мая императорские войска только убитыми потеряли 10 тысяч, среди них троих крупных генералов. Были разгромлены и цинские части, спешно возвращавшиеся от Ханчжоу. К началу июня 1860 года в результате этих ударов на сторону тайпинов перешло 50–60 тысяч капитулировавших цинских солдат.

Эти победы не только обеспечили безопасность Нанкина, «Небесной столицы», но и открыли тайпинам свободный путь к богатому морскому

побережью провинций Цзянсу и Чжэцзян. И именно здесь китайским «христианам»-повстанцам предстояло скрестить оружие с их «западными братьями по истинной вере»...

«Шанхайский иностранный полк»

В июне 1860 года маньчжурский губернатор провинции Цзянсу поручил американцу Фредерику Уорду сформировать из европейских наёмников «Шанхайский иностранный полк» для борьбы с тайпинами. Первоначально европейцев в полку было не более 250 человек, со временем число их значительно выросло. Среди наёмников были англичане, французы, немцы, североамериканцы, итальянцы и даже греки. Любопытно, что тайпины именовали США, родину Уорда, «страной пёстрога флага» – явно за обилие полос и звёздочек на их знамени.

Сама личность командира «Шанхайского иностранного полка» заслуживает особого внимания – даже для авантюрного XIX столетия это был удивительный «сорвиголова». Свою бурную карьеру Фредерик Таунсенд Уорд начал в 1847 году, в возрасте 16 лет бросив школу и устроившись по протекции отца вторым помощником капитана на торговый клипер. Здесь наглый юнец умудрился так затюкать свою команду, что его выбросили за борт. В 1849 году он поступил в «Американскую академию литературы, науки и военного дела», где выдержал аж несколько месяцев, после чего стал первым помощником капитана на судне своего отца. С 1850 по 1853 год Уорд сменил три корабля, пока не встретил ещё одного выдающегося американского авантюриста XIX века Уильяма Уокера, под командой которого участвовал в попытке отделения от Мексики одного из штатов (так называемой «республики Сонора»). Среди других участников этой авантюры Уорд прослыл амбициозным и крайне жестоким.

В 1854 году Уорд покидает Мексику, устраивается вновь первым помощником на судно отца, но позже вступает во французскую армию и участвует в Крымской войне. Однако вскоре дезертирует и в 1857 году встречается матросом на борту очередного корабля, на этот раз у берегов Китая. В 1858 году он уже в Мексике, среди наёмников президента-индейца Хуареса участвует в местной гражданской войне. Год спустя Уорд возвращается в Нью-Йорк и работает клерком в компании отца, а в 1860 году вместе с братом отправляется в Шанхай. Брат занимается в Китае торговлей, а сам Уорд устраивается на «Конфуций», корабль китайской службы по борьбе с пиратами. Храбрость, инициатива и лидерские способности вкупе с армейским опытом и наконец обрётённым умением ладить с людьми выделяют его среди прочих европейских кондотьеров...

«Шанхайский иностранный полк» не без успеха зачищал район Шанхая от передовых отрядов тайпинов, хотя и потерял в боях пятую часть своего состава, а сам Уорд был в первый раз ранен. Но вскоре близ

городка Цинпу «Иностраннный полк» столкнулся с основными силами Ли Сючэна и был разгромлен – Уорд потерял половину своего отряда и сам был вновь ранен. Тайпины захватили много оружия, если верить самому Ли Сючэну, «600–700 дьяволов было убито, захвачено две с лишним тысячи заморских ружей, более 10 пушек, свыше 300 заморских сабель, несколько сот лодок...».

Однако первый разгром не остановил ни Уорда, ни его маньчжурских нанимателей – в страхе перед тайпинами они были готовы платить европейским военным большие деньги. Оправившись от ран, американец, взамен разбежавшегося, начал формировать в Шанхае новый отряд. Он нанял массу дезертиров с британского флота, но главное – начал нанимать и обучать европейской тактике китайцев, уделяя большое внимание дисциплине и муштре.

Уорд начал платить своим китайским наёмникам много и регулярно, чего никогда не было в цинских войсках. К тому же американец, по примеру тайпинов, с самого начала стал умело использовать для передвижения своих солдат лодки и развитую систему каналов и рек. Всё это быстро позволило сформировать ему весьма боеспособное, по меркам китайской гражданской войны, войско. Впрочем, все успехи и неудачи Фредерика Уорда были ещё впереди...

Борьба за Янцзы

В критический для маньчжуров момент разгрома их войск у Нанкина, 8 июня 1860 года, пекинское правительство официально назначает Цзэн Гофаня наместником сразу четырёх провинций, где идут основные бои с тайпинами. Заместителем Цзэн Гофаня по военным делам был назначен старший секретарь военного министерства Цзо Цзунтан, которому также предстоит сыграть одну из решающих ролей в спасении Цинской империи. По сути, маньчжуры передают всё руководство гражданской войной в руки самих китайцев.

Уже в июле 1860 года войска Цзэн Гофаня переходят в контрнаступление на реке Янцзы к востоку от Нанкина, вновь атакуя город Аньцин – важнейший стратегический пункт, базу тайпинов, господствовавшую в среднем течении самой великой реки Поднебесной. Отсюда тайпины контролировали перевозки по Янцзы, организовывали продовольственное снабжение и держали связь с «наньцзюнями» – многочисленными крестьянскими повстанцами в Северном Китае.

Вторая половина 1860 года и весь 1861-й пройдут в упорной борьбе за Аньцин. Окрестности города будут четыре раза переходить из рук в руки. Но в итоге «добровольческая армия» Цзэн Гофаня ценой больших потерь и напряжений всех сил отразит все ожесточённые контрудары тайпинов, и 6 сентября 1861 года после сильного артиллерийского обстрела захватит Аньцин. Лишь одному из тайпинских командиров удастся вырваться из города на речной джонке, общие потери повстанцев составили до 60 тысяч человек. Через несколько дней в город прибыл сам Цзэн Гофань, учинив местному населению кровавую расправу.

Войска командующего восточным «фронтом» тайпинов Чэнь Юйчена были окружены северо-западнее Аньцина, они наткнулись на замаскированные позиции цинской артиллерии и стрелков, но сумели вырваться из окружения, форсировав непроходимый горный хребет.

Аньцин стал базой Цзэн Гофаня для очередного наступления на Нанкин. Однако общему наступлению на столицу тайпинов мешали успехи армии Ли Сючена в приморских провинциях. Там 9 декабря 1861 года тайпины заняли крупный и богатый город Нинбо. По свидетельству очевидцев, английские и французские войска, всё ещё стоявшие в Нинбо после «опиумной» войны, «старались опередить друг друга в продаже тайпинам боеприпасов и продовольствия».

29 декабря 1861 года «Верный царь» Ли Сючэн снова занял ранее оставленный тайпинами Ханчжоу, цинские солдаты разбежались, и тайпины вошли в город одновременно через несколько ворот. Множество цинских чиновников было убито или покончило жизнь самоубийством. Сопrotивление оказали лишь маньчжуры в городской цитадели –

длившийся сутки штурм унес жизни 3 тысяч повстанцев и свыше 10 тысяч маньчжурских солдат и их семей. Через несколько дней, в январе 1862 года, Ли Сючэн вновь двинулся в район Шанхая.

Адмиралы, бравшие Пекин, защищают Шанхай

13 февраля 1862 года в Шанхае состоялось совещание английского и французского командования. Недавно бравшие Пекин адмиралы Хоуп и Протэ приняли план обороны Шанхая от повстанцев. Через два дня передовые отряды тайпинов, гоня перед собой цинские части, вышли к предместьям Шанхая. 21 февраля произошло первое большое столкновение регулярной армии «Царства Небесного Великого Счастья» с регулярными европейскими войсками – англо-французские части при поддержке военных судов отбросили тайпинов от стен Шанхая. В боях принял активное участие и «отряд иностранного оружия» из наёмников Фредерика Уорда и его заместителя Генри Барджевайна.

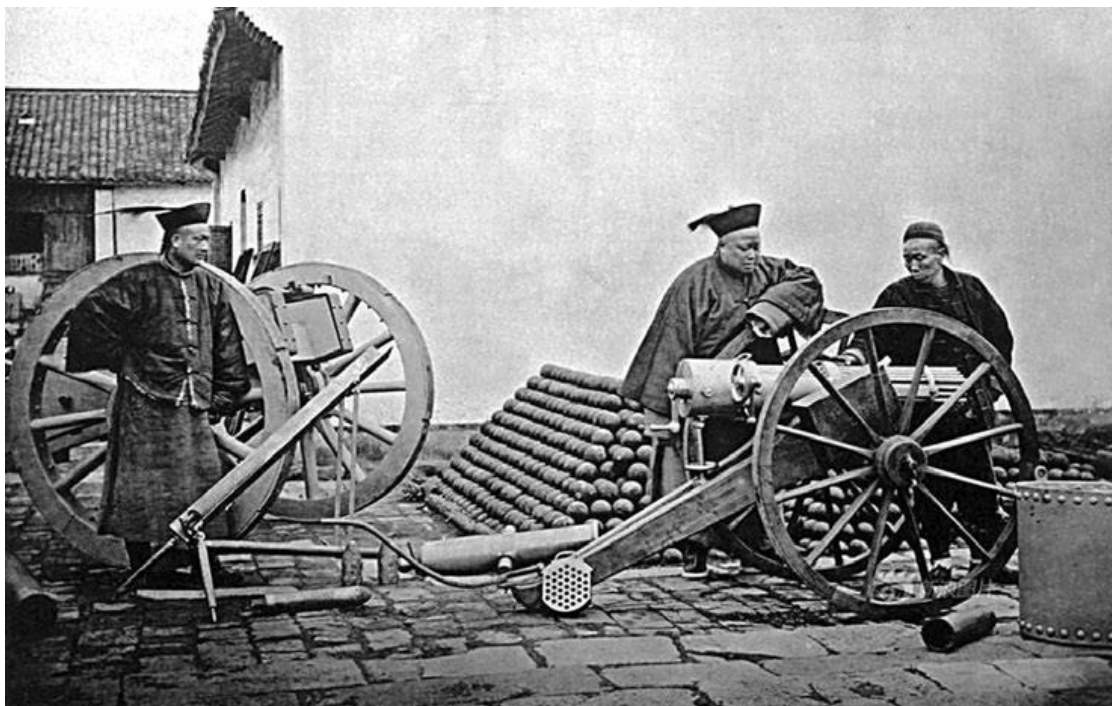
В марте–апреле продолжались многочисленные бои и стычки в районе Шанхая, не всегда успешные для европейцев – 4 апреля тайпинами был даже ранен британский главнокомандующий адмирал Хоуп. Это была его вторая рана в Китае после неудачного штурма фортов Дагу в 1859 году.

В апреле 1862 года Цзэн Гофань начал подготовку генерального наступления на Нанкин. С запада, от Аньцина, должны были наступать его основные силы. С востока и юга должны были атаковать армии под командованием питомцев Цзэн Гофаня – китайских генералов Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана (оба через два десятилетия станут фактическими хозяевами всего Китая). По плану Ли Хунчжан должен был наступать на тайпинов из провинции Цзянсу, от Шанхая, а Цзо Цзунтан – с территории приморской провинции Чжэцзян. Впрочем, эти войска только ещё предстояло перебросить в приморские провинции, пока же тайпины из армии Ли Сючэна контролировали большую часть территории Чжэцзян и Цзянсу.

В апреле 1862 года первые части армии Ли Хунчжана двинулись в район Шанхая. Для их быстрой переброски по Янцзы использовались европейские пароходы. Цзэн Гофань действовал настойчиво и методично. Он всё плотнее стягивал блокаду вокруг Нанкина, в то время как крупнейшая тайпинская армия Ли Сючэна завязла в боях с цинскими и европейскими отрядами в приморских провинциях, а отряды второго наиболее способного тайпинского командира, Чэнь Юйчэна, отступали к северу от Янцзы.

Среди повстанцев-«христиан» всё более росла деморализация. Многим повстанческим командирам, превратившимся в профессиональных кондотьеров, было уже без разницы, на чьей стороне вести кормящую их войну. 15 мая 1862 года перешедшие на сторону маньчжурского генерала Долунги тайпинские командиры заманили в

засаду и убили Чэнь Юйчэна. Вместе с ним погибло несколько десятков высших тайпинских офицеров.

*Империя Цин осваивает современное европейское оружие.
Фотография Шанхайского арсенала, 60-е годы XIX века*

В мае 1862 года английские и французские части, а также наёмники Уорда и части «Хуайской армии» Ли Хунчжана начали общее наступление против войск Ли Сючэна. Тайпины активно сопротивлялись, в одном из боёв 17 мая осколком снаряда был ранен и вскоре умер французский контр-адмирал Огюст Леопольд Протэ. Но с этого момента начался общий перелом в войне.

В июне цинские войска окончательно блокировали Нанкин. «Царь Небесный» Хун Сюцюань нервничал и звал на выручку Ли Сючэна, угрожая ему в случае неявки всеми земными и небесными карами. Ли Сючен начал переброску основных сил к Нанкину, а атаки в районе Шанхая и в приморских провинциях продолжал уже без надежды на успех, лишь с целью отвлечения цинских войск и иностранных интервентов.

Всю вторую половину 1862 года и начало 1863-го две армии, Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана, совместно с англо-французскими частями и наёмными «отрядами иностранного оружия» очищали приморские провинции от тайпинов. Англо-французский десант помогал цинским войскам в осаде города Нинбо.

«Отряды иностранного оружия»

В то время как базировавшийся в Шанхае Ли Хунчжан опирался на отряд наёмников Уорда, где преобладали британские офицеры и британское влияние, французы сформировали для Цзо Цзунтана свой «отряд иностранного оружия». Наёмные китайские солдаты с европейским оружием и под командованием европейских офицеров стали играть всё бóльшую роль в войне с тайпинами.

*Китайские солдаты «Всегда побеждающей армии».
Фотография XIX века*

Отряд под командованием Фредерика Уорда вырос до 5000 китайских солдат под командованием 150 иностранных офицеров. За успехи в боях с тайпинами Уорд получил чин маньчжурского чиновника 3-го класса, крупнейший шанхайский компратор Ян Фан послал ему свою дочь в качестве наложницы, а его отряду присвоили пышное наименование «Всегда побеждающей армии». Тем не менее «Всегда побеждающая армия» не раз терпела поражения от войск Ли Сючэна.

21 сентября 1862 года, во время очередного кровопролитного штурма города Нинбо, Фредерик Уорд, одним из первых забравшийся на стену, был ранен в живот. Через день он скончался, и по его предсмертной воле

был похоронен в форме китайского генерала. Пока его соотечественники вели свою гражданскую войну на Североамериканском континенте, американец Уорд за время боёв в Китае получил 14 ранений...

После смерти Уорда командование над «Всегда побеждающей армией» принял его заместитель и тоже гражданин США Генри Барджевайн. Уже Уорд имел проблемы с цинскими чиновниками, опасавшимися роста его военной силы, и с британскими представителями, стремившимися утвердить своё безраздельное влияние в рядах «Всегда побеждающей армии». У его преемника Барджевайна ещё более обострились отношения с англичанами, и он даже умудрился на некоторое время перейти к тайпинам, прихватив с собой 40 тысяч лян серебра (1480 кг).

Американский кондотьер стал военным советником у Ли Сючэна, который через него пытался организовать приобретение европейского оружия. Позднее авантюрист Барджевайн несколько раз перебежал на сторону правительственных войск и обратно (что, впрочем, было характерно для этой затяжной гражданской войны). Ли Хунчжан хотел казнить перебежчика, но встретил решительный протест американского консула. В итоге Барджевайн, в очередной раз перебежав на сторону тайпинов, в 1865 году погибнет в одном из боёв, пытаясь вплавь уйти из окружения.

В феврале 1863 года «Всегда побеждающую армию» возглавил англичанин Чарльз Гордон, раненный при осаде Севастополя ветеран Крымской войны, наконец утвердивший среди наёмников на китайской службе беспорное британское влияние. Для усиления Гордон получил от соотечественников 52 английские пушки. В дальнейшем наёмное войско Гордона действовало совместно с армией Ли Хунчжана, зачастую выступая её основной ударной силой.

С армией Цзо Цзунтана, другого цинского военачальника из группировки Цзэн Гофаня, взаимодействовали «войска иностранного оружия», снабжаемые французами, – несколько тысяч обученных по-европейски китайских солдат под командованием французского полковника Ле Бретона. В январе Ле Бретон, уже бригадный генерал, получил смертельное ранение, и его сменил французский подполковник Тардиф де Муадре.

«Двойной дракон» для европейского наёмника

Не случайно именно в 1863 году в Цинской империи была впервые учреждена награда европейского образца, она и предназначалась для награждения исключительно европейских военных специалистов, участвовавших в боях с тайпинами. Награду учредили по ходатайству маньчжура Чун Хоу – главы наместничества Лянцзян, куда входили провинции Цзянсу, Цзянси и Аньхой, на землях которых и сражались все «войска иностранного оружия».

Данный наградной знак получил название «Драгоценная звезда двух драконов», его украшали изображения пары драконов, символов цинского императора, и иероглифы «Императорское пожалование». Позднее данный знак трансформировался в цинский «Орден двойного дракона». По примеру лянцзянского наместника вскоре подобные ордена для европейцев появились и в других наместничествах.

Но главной наградой для европейских наёмников безусловно были денежные средства. Например, после взятия города Ханчжоу благодарный Цзо Цзунтан выдал французскому подполковнику-артиллеристу д'Эгбелю и его солдатам 20 тысяч лян (740 кг) серебра.

Впрочем, отнюдь не все иностранцы воевали на стороне Цинов. Тот же Цзо Цзунтан сообщал в одном из докладов императору: «После смерти от раны в прошлом году Ле Бретона французский подполковник Тардиф де Муадре, назначенный полковником китайской службы, приехал в Нинбо, чтобы принять командование регулярными и нерегулярными войсками. Английский генерал Родерик Дью лично доставил артиллерию для атаки мятежников в области Шаосин. Дью и Муадрэ во главе иностранных войск, отрядов ополчения и пушек на повозках ударили на Сягомынь. Неожиданно 50–60 чернокожих помогли мятежникам стрелять из заморских ружей, и Муадрэ был убит пулей, поразившей его в левую часть головы...»

Наличие негров в войсках тайпинов можно списать на фантазии Цзо Цзунтана – этот заслуженный генерал империи Цин, видимо не без влияния опиума, вообще был склонен к сказочным донесениям, в которых порой фигурировали даже летающие драконы! Однако среди тайпинов действительно не раз встречались иностранные бойцы. Помимо упомянутого выше Генри Барджевайна наиболее известным из них стал англичанин Август Фредерик Линдли (Augustus Frederick Lindley), дезертир британского флота, по заказу Ли Сючэна угнавший для тайпинов из Шанхая пароход «Светлячок» («Firefly»).

Сохранился даже мандат, выданный Ли Сючэном «западному брату» Линдли (китайцы именовали его Лин-Ли) с большой красной печатью тайпинского «вана». За угнанный пароход повстанцы заплатили

«западному брату» огромную по тем временам сумму в 20 тысяч лян (740 кг) серебра. Ровно столько, сколько цинские командующие платили своим европейским наёмникам за взятие городов. Позднее Линдли напишет о своих приключениях в Китае двухтомную «Историю Тайпинской революции», наполненную массой как реальных, так и выдуманных сведений.

«Няньцзюни» – китайские махновцы

Со второй половины 1862 года блокированный цинскими войсками Нанкин снова становится основным районом приложения военных усилий тайпинов. 6 августа Ли Сючен созывает в городе Сучжоу (80 км к западу от Шанхая) общее совещание генералитета тайпинской армии для обсуждения вопросов по обороне столицы «Царства Небесного».

Лучшему полководцу тайпинов удаётся временно погасить разброд и шатание в среде тайпинских полевых командиров. 14 сентября 1862 года их соединённые войска численностью до 100 тысяч под общим командованием Ли Сючена начали покидать приморские провинции и выдвигаться на запад к Нанкину, частью по суше, частью на судах по рекам и озёрам. В середине октября они атакуют войска Цзэн Гофаня, которыми непосредственно под Нанкином командовал его брат Цзэн Гоцюань. Окружавшие столицу мятежников цинские части попали в весьма сложное положение, к тому же в это время в их рядах свирепствовала эпидемия холеры.

Три месяца у столицы «Царства Небесного» с переменным успехом шли жестокие бои. 27 октября войска империи Цин контрударом разгромили несколько тайпинских полевых лагерей. Но уже 3 ноября отряды под личным командованием Ли Сючена атаковали сильные полевые укрепления противника на окраинах Нанкина. Атаке предшествовал взрыв фугасов в подкопах под цинскими укреплениями. Тем не менее ни одна из сторон не достигла решающего успеха, и операции под Нанкином приняли форму затяжных, почти позиционных боёв. Весь декабрь 1862 года Ли Сючен, пользуясь снегопадами и непогодой, пытался рейдами отдельных крупных отрядов по тылам цинской армии отрезать её основные части от тыловых баз снабжения.

Цзэн Гофань несколько раз рассматривал вопрос о снятии осады с Нанкина и отводе войск. Пекинское правительство не присылало ему подкреплений, но категорически запрещало отводить войска от столицы тайпинов. В феврале 1863 года Цзэн Гофань лично прибыл в действующую армию. Он справедливо отметил, что не имеет сил для штурма Нанкина, но и тайпины уже не способны снять осаду своей «Небесной столицы».

Тем временем армии Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана при поддержке англичан и французов практически очистили от тайпинов богатые приморские провинции. Резко ухудшилось положение и на периферии Тайпинского государства, где полыхали отдельные восстания и мятежи. В марте 1863 года на северном берегу Янцзы, в провинции Аньхой, в сотне километров к северо-западу от Нанкина, у городка Чжихэцзи монгольский князь Цэнгэринчи, недавно разбитый англо-французами под

Пекином, разгромил самую крупную армию повстанцев-«няньцзюней», истребив более 20 тысяч мятежных крестьян. Командир этой повстанческой армии Чжан Лосин попал в плен и был казнён.

Здесь надо сказать несколько слов о восстании «няньцзюней» и напомнить читателю, что в годы тайпинской войны весь Китай был охвачен восстаниями и мятежами, зачастую совершенно независимыми от тайпинов. Восстание «няньцзюней» в Северном Китае в 1851–1864 годах стало самым продолжительным по времени и самым широким по размаху восстанием после тайпинского. Оно охватило 10 провинций Китая, расположенных к северу от Янцзы.

Происхождение термина «Няньдан» (дословно: «союз нянь» или «партия нянь») связано со старинным религиозным обрядом, при котором крестьяне в дни празднования Нового года повсеместно зажигали факелы с целью изгнания злых духов. Впоследствии эти сборища крестьян стали выливаться в антицинские демонстрации, а обычай зажигать факелы был заимствован организаторами тайных союзов в качестве опознавательных знаков для сбора своих людей.

Само слово «нянь» означает жгутик, лучину, факел, а «дан» – партия либо иное политическое объединение (поэтому в русской исторической литературе эти повстанцы стали известны как «факельщики»). Вступление в союзы «Няньдан» было запрещено маньчжурским правительством под страхом смертной казни.

Восстание «факельщиков» началось в 1853 году с выступлений отдельных отрядов в северных районах провинций Аньхой и Хэнань. Во главе восставших вскоре встал Чжан Лосин – разорившийся торговец солью, который объединил разрозненные отряды в одну большую армию, получившую поддержку нищих крестьянских масс. Своё войско Чжан Лосин по примеру армии маньчжуров разделил на пять цветных знамён (чёрное, жёлтое и др.), учредил должности заведующего казной («цзунму»), начальника по военным делам («сыма»), командующего боевыми операциями («сяньфын»).

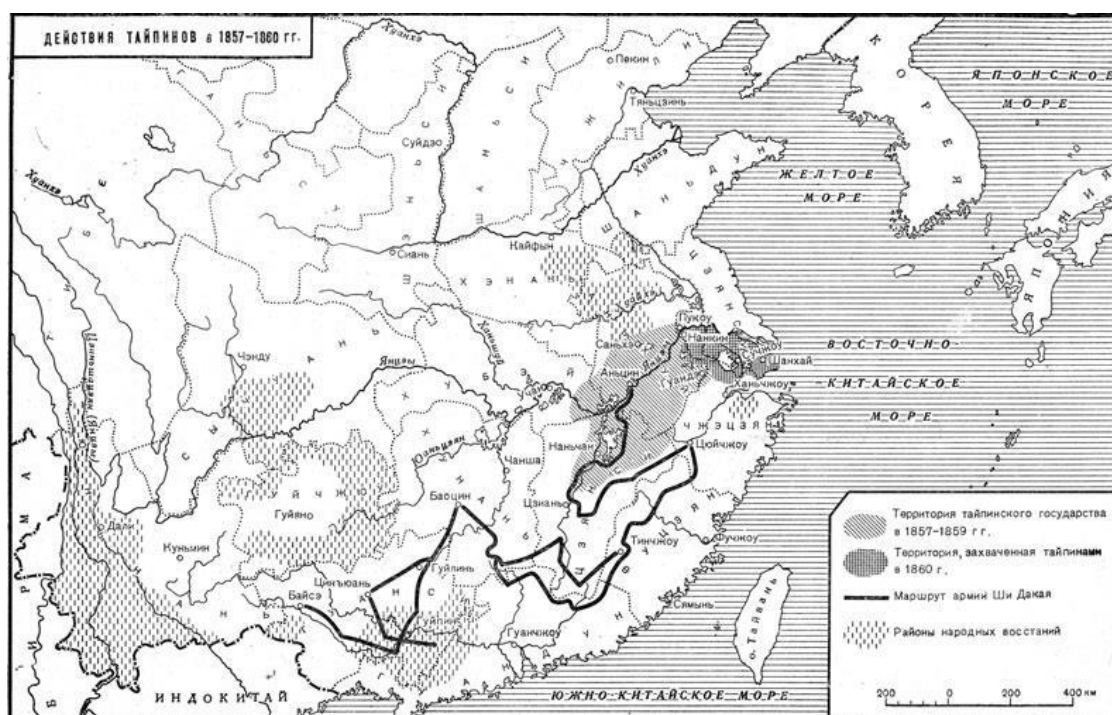
Сам Чжан Лосин носил титул Мин-вана – «царя приказов». Тайпинского «Царя Небесного» он не признавал, его приказам не подчинялся, но периодически воевал против империи Цин в союзе с отдельными отрядами тайпинов. С марта 1857 года Чжан Лосин поддерживал оперативный контакт с Ли Сючэном.

Отряды няньцзюней насчитывали несколько сот тысяч человек. Но в отличие от тайпинов «факельщики», так и не создав регулярную армию и устойчивую власть, все годы оставались повстанческим и партизанским движением с соответствующей тактикой, напоминая «махновцев» или «зелёных» нашей гражданской войны. Пока китайцы Цзэн Гофань, Ли Хунчжан и Цзо Цзунтан воевали с тайпинами, монгол Цэнгэринчи боролся против няньцзюней, китайских «махновцев».

Даже после казни своего вождя «факельщики» не прекратили боевых действия, командиром их партизанских отрядов стал сын казнённого, Чжан Цзуньюй. Тем не менее с разгромом основных сил «факельщиков» к лету 1863 года положение на северном берегу Янцзы на подступах к Нанкину стало для тайпинов ещё более тяжёлым.

Поражение «И-вана» у цепного моста

К середине 1863 года цинские войска истребили и почти все вооружённые отряды тайных обществ на юге и западе Китая, в провинциях Гуандун, Гуанси и Сычуань. В июне того года погиб один из лучших тайпинских вождей-«ванов» Ши Дакай. Он со своими войсками из-за разногласий с «Царём Небесным» и его окружением ушёл из Нанкина ровно 6 лет назад, в июне 1857 года. Сначала Ши Дакай («И-ван», т. е. «Вспомогательный государь» в иерархии тайпинов) оперировал в приморских провинциях, но затем решил пробиться на запад Китая в далёкую и ещё не тронутую войной провинцию Сычуань. Разделив свою почти 200-тысячную армию на две колонны, он двинулся к своей цели. Однако в конце 1858 года завяз в упорных боях с войсками Цзэн Гофаня и отвернул на юг, в провинцию Гуанси, где в течение полутора лет маневрировал и вёл бои с местными цинскими войсками. Что показательно, Ши Дакай так и не смог наладить контакт с местными повстанцами-«красноголовыми», создавшими здесь своё независимое повстанческое государство «Да Чэн Го» («Государство великих свершений»).

Территория государства тайпинов и поход отколовшейся армии Ши Дакая в 1857–1860 годах

В апреле 1860 года цинским войскам удалось нанести тяжёлое поражение Ши Дакаю, разгромив в горах одну из его колонн. Недостаток

продовольствия и натиск противника вынудили «И-вана» двинуться на юг. Летом 1860 года около 50 тысяч бойцов откололись от его армии и несколькими колоннами стали пробиваться на территорию тайпинов к Нанкину. Некоторым из них удалось в 1861 году объединиться с главными силами тайпинов, отдельные отряды переметнулись на сторону противника, но большинство было истреблено по пути на север. Всё это облегчило правительственным силам разгром государства местных повстанцев-«красноголовых» в юго-восточной части Гуанси. В августе 1861 года цинские войска и местные дружины взяли штурмом их «столицу» Сюньчжоу и ликвидировали «Государство Великих Свершений». Остатки войск «красноголовых», до 30 тысяч человек, присоединились к Ши Дакаю.

Ши Дакай двинулся через провинцию Гуанси на север. Обрастая всё новыми отрядами местных повстанцев, его армия в феврале 1862 года на востоке провинции Сычуань вышла к Янцзы, имея в своих рядах уже 200 тысяч почти невооружённых бойцов. Однако цинское командование в Сычуани лишило тайпинов всякой возможности форсировать бурную и стремительную здесь Янцзы, стиснутую скалистыми берегами. Почти год Ши Дакай маневрировал к югу от великой реки Китая.

Только в мае 1863 года главные силы Ши Дакая переправились через верхнее течение Янцзы на границе провинций Сычуань и Юньнань. Они двинулись через территорию родственной бирманцам народности «ицзу» – труднопроходимые скалистые горы, теснины и топи. Цинским властям удалось подкупить вождей ицзу и направить сюда большую армию. В начале июня измученные трудностями похода, стычками с аборигенами и недостатком продовольствия, войска Ши Дакая вышли к цепному мосту на реке Дадухэ.

Здесь, на переправе, они, не сумев захватить мост, попали в окружение цинских сил и отрядов ицзу. Голод и безвыходность положения заставили тайпинов в июне 1863 года сложить оружие, после чего все они были перебиты, а один из лучших тайпинских полководцев Ши Дакай – четвертован.

Удивительно, но спустя 70 лет именно здесь, через этот цепной мост над скалистой пропастью, прорвутся из окружения правительственных войск партизаны-красноармейцы Мао Цзэдуна. Они будут очень похожи на тайпинов, даже вооружены такими же копьями и мечами, лишь фитильные и кремнёвые ружья сменят столь же немногочисленные магазинные винтовки разных систем...

Чарльз Гордон «теряет лицо» вместе с пароходом

Но вернёмся к осажденным в Нанкине тайпинам. 30 июня 1863 года цинские войска разгромили основные части тайпинов, действовавшие на северном берегу Янцзы, напротив располагавшегося на южном берегу Нанкина. Потери империи Цин в том бою составили свыше 5 тысяч человек, тайпины потеряли убитыми и пленными свыше 20 тысяч. В итоге северное побережье Янцзы почти полностью оказалось под контролем пекинского правительства.

22 августа 10-тысячный отряд тайпинов, вооружённых европейскими ружьями, под командованием Ли Сючэна вышел из Нанкина и атаковал позиции цинских войск. Это было последнее крупное контрнаступление «Царства Небесного». В упорном встречном бою тайпины потерпели поражение и отступили. В рядах их армии усилилось разложение, некоторые отряды переходили на сторону маньчжурского правительства, другие отказывались выполнять приказы командования и переходили к самостоятельным партизанским действиям. На сторону маньчжуров переметнулись даже некоторые тайпинские цари-«ваны», которых разложившаяся клика «Царя Небесного» Хун Сюцуаня наплодила к этому времени почти сотню.

5 ноября 1863 года цинские войска заняли пригороды Нанкина, через три дня они полностью обложили стены города, начав подготовку к непосредственному штурму. Все вылазки тайпинов были отбиты.

Однако отряды тайпинов ещё могли наносить цинам отдельные удары и проводить дерзкие диверсии. Именно тогда, 13 ноября 1863 года, «западный брат», англичанин Линдлей, вместе с несколькими подельниками, действуя по заданию Ли Сючэна, захватит недалеко от Шанхая британский же колёсный пароход «Firefly», перевозивший оружие и боеприпасы для «Всегда побеждающей армии» англичанина Чарльза Гордона.

Впрочем, отдельные успешные вылазки не могли изменить общее положение. К концу ноября 1863 года цинские войска очистили от тайпинов всю территорию в 30-километровом радиусе Нанкина. 4 декабря восемь командиров тайпинских частей, оборонявших Сучжоу – второй по значению после Нанкина крупный город из оставшихся в руках тайпинов, убили своего командира «Му-вана» («Идеального царя») и сдали город армии Ли Хунчжана.

Изменники вели переговоры с командующим «Всегда побеждающей армии» Гордоном. Англичанин дал им слово, что перебежчикам сохранят жизнь. Но Ли Хунчжан приказал казнить всю восьмёрку сдавшихся командиров. Гордон в это время находился среди тайпинов в качестве заложника-гаранта. Узнав о казни, Гордон обратился к повстанцам с

речью, обещав им, что накажет коварного Ли Хунчжана. Наивные тайпины отпустили заморского заложника для наказания цинского командарма. Разъярённый такой подставой и «потерей лица», Гордон действительно ворвался в палатку Ли Хунчжана, размахивая револьвером – будущему владыке Китая пришлось прятаться под столом и оттуда обещать европейскому наёмнику золотые горы...

Небесный царь уходит на небо «за подкреплениями»

Понимая, что приморские провинции практически потеряны, а деблокада Нанкина уже невозможна, Ли Сючэн обратился к «Царю Небесному» с предложением вырваться из осаждённой столицы и уйти в провинции среднего течения Янцзы, где начать новую войну. Он предложил обратиться к войскам с призывом: «Лучше погибнуть в боях, чем помереть с голоду». Однако «Царь Небесный» «Тянь-ван», 13 лет заседавший в роскошном нанкинском дворце, видимо, уже не представлял себя без своей Небесной столицы. Он не внял разумным предложениям своего лучшего полководца.

К весне 1864 года армии Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана разгромили последние крупные регулярные группировки тайпинов за пределами Нанкина. Организованный прорыв и эвакуация армии и правительства повстанцев из Нанкина стали невозможны. Маньчжурский император из Пекина слал Цзэн Гофаню грозные требования скорее взять столицу мятежников.

Нанкин был блокирован со всех сторон. Ещё с лета 1863 года в городе начался голод, и руководивший его обороной Ли Сючэн, спасая мирных жителей, разрешил им уходить за стены. 30 мая 1864 года тайпинский «Царь Небесный» обратился к китайскому народу с последним посланием. Он призвал всех сохранять спокойствие и объявил, что решил сам отправиться на небо, чтобы просить Бога прислать новые подкрепления... 1 июня (19 апреля 14 года по календарю Тай-Пин Тянь-Го) он покончил с собой, приняв яд. «Младший брат Иисуса Христа», ставший императором мятежников китайский крестьянин Хун Сюцунань прожил 50 лет, из них последние 12 – в виде живого бога.

6 июня командовавший обороной Нанкина Ли Сючэн возвёл на престол «Царства Небесного Всеобщего Счастья», съёжившегося до 40-километровых границ городских стен, сына покойного основателя секты – юного Хун Гуйфу. 18 июня Ли Сючэн лично повёл в отчаянную вылазку крупный отряд, нанёсший осаждавшим большие потери. Это уже было бесстрашие отчаяния.

26 июня к стенам Нанкина прибыл Чарльз Гордон со своей «Всегда побеждающей армией», здесь уже находились и войска из армии Ли Хунчжана. С начала июля объединённые цинские армии в течение 10 дней ежедневно штурмовали стены города. Бои носили крайне ожесточённый характер. В ходе штурмов осаждающие понесли большие потери, среди убитых были четыре генерала империи Цин.

19 июля 1864 года была взорвана мина в подкопе под стеной у ворот Тайпинмынь. Через 60-метровый пролом в Нанкин ворвались цинские

войска. За сутки непрерывного штурма они овладели всем внешним городом и с ходу ворвались в городскую цитадель. Ли Сючен отдал приказ сжечь резиденцию «Царя Небесного» и вместе с наследником покойного Хун Сюцуаня сумел вырваться из горящего города.

Цинские войска уничтожили в Нанкине до 100 тысяч тайпинов, в основном членов их семей. По свидетельствам очевидцев, над городом несколько дней и ночей стоял ужасающий смрад от сожжённых людей. В ходе штурма Цзэн Гоцюань, младший брат Цзэн Гофаня, захватил казну тайпинского государства, насчитывавшую несколько тонн серебра. В официальном донесении он сообщил маньчжурскому императору, что казну мятежников так и не нашёл.

22 июля к юго-востоку от Нанкина правительственными войсками был схвачен сам Ли Сючэн, отдавший своего коня юному царю тайпинов, которому удалось уйти от погони. Ли Сючэн, выдающийся генерал мятежников, заслуженно пользовался уважением даже у своих врагов. Цзэн Гофань решил лично допросить его и даже сохранить жизнь такому достойному врагу. Но тут он стал свидетелем, как пленные тайпинские генералы, увидев своего командарма, забыли о своих победителях и охранниках и упали перед Ли Сючэном на колени. Конфуцианский поэт Цзэн Гофань тут же понял, что такого авторитета нельзя оставлять в живых...

На допросе Ли Сючэн отказался отвечать победителям, но потребовал принести кисть и бумагу: «Записи нашего историографа сожжены вашими людьми. А если я не расскажу, кто передаст об этом потомкам? Я подробно напишу как о самом себе, так и о своей службе. Но если написанное мной будет предано огню, я писать не буду. Я согласен дать показания, если они будут сохранены для потомков».

Цзэн Гофань распорядился принести пленнику необходимое, и, находясь в клетке, Ли Сючэн больше недели писал свою историю тайпинской войны, изложив весь её ход, с большим достоинством описав и ошибки, допущенные революционерами. 7 августа 1864 года Ли Сючэн – «Чжун-ван», Верный царь тайпинов – был четвертован в Нанкине. По приказу Цзэн Гофаня пряди волос с его головы были разсланы во все провинции Китая, «дабы вселить в сердца людей радость».

Новый «Небесный царь» тайпинов ещё несколько месяцев скрывался от преследования цинских войск, его охраняли партизанские отряды тайпинов под командованием его двоюродного дяди Хун Жэнгана, одного из немногих достойных и храбрых людей среди многочисленных родственников основателя тайпинского движения. Но 9 октября Хун Жэнган был захвачен в плен, а 25 октября наконец схватили и юного «Царя Небесного». Их четвертовали в ноябре 1864 года в 400 километрах к юго-западу от их бывшей столицы, в небольшом городе Наньчане, где

через 63 года начнётся новая великая крестьянская война и родится Красная армия Китая...

Впрочем, падение «Царства Небесного» и казнь его вождей не принесли мир на землю Китая. В большинстве провинций продолжались разрозненные мятежи, восстания охватили и почти все национальные окраины империи Цин.

Последний бой монгола Цэнгэринчи

Тайпинское государство рухнуло. Однако массы мятежников не сложили оружия, они продолжили пусть уже и безнадёжную, но оттого ещё более упорную повстанческую и партизанскую войну практически во всех провинциях Китая.

После падения Нанкина в июле 1864 года к северу и югу от Янцзы ещё сражались две крупные группировки тайпинских войск. Южная группировка, насчитывавшая свыше ста тысяч бойцов, но не имевшая единого руководства, в августе–октябре того же года была разбита. Две её колонны все же вышли из-под удара и отступили далее на юг. Одна из них, в составе 50 тысяч бойцов, пробилась в провинцию Фуцзянь и, захватив ряд небольших городов, создала здесь свою базу, просуществовавшую полгода. В мае 1865 года превосходящим цинским силам удалось разгромить эту колонну повстанцев. Другая колонна в составе 30 тысяч бойцов отступила ещё дальше к югу и несколько месяцев действовала на границе провинций Фуцзянь и Гуандун, пока не была уничтожена в феврале 1866 года.

К северу от Янцзы произошло окончательное слияние тайпинов и повстанческого движения няньцзюней-«факельщиков». Корпус тайпинских войск под командованием «генерала» Чэнь Дэцай ещё в апреле 1864 года объединился в провинции Хэнань с отрядами местных повстанцев-няньцзюней. В начале лета эта объединённая армия не смогла пробиться на помощь осаждённому Нанкину. В ноябре того же года цинские войска во главе с монголом Цэнгэринчи нанесли ей крупное поражение. Многие тайпинские офицеры сдались противнику, а их командир Чэнь Дэцай покончил жизнь самоубийством. Однако партизанская тактика няньцзюней, непрерывно рейдирующих между Хуанхэ и Янцзы, причинила цинским властям ещё немало урона. Повстанцы втянули Цэнгэринчи в изматывающее преследование отдельных партизанских отрядов. Отдельные конные отряды повстанцев проходили за сутки до 200 ли (чуть менее 120 км).

18 мая 1865 года под городом Цзяочжоу в провинции Шаньдун монгольские кавалеристы Цэнгэринчи настигли крупный отряд повстанцев. Те сделали вид, что терпят поражение, и бросились через реку. Преследуя отступающих, Цэнгэринчи во главе своих всадников с ходу форсировал водную преграду и попал под удар заранее сконцентрированных здесь повстанческих отрядов. Вырваться из окружения он не смог и погиб в бою – выжив в боях с англичанами и французами, «знамённый» монгольский князь пал от рук китайских крестьян. Всё тяжелое и лёгкое вооружение отряда Цэнгэринчи досталось повстанцам.

23 мая 1865 года маньчжурский император приказал китайцу Цзэн Гофаню заменить убитого монгола Цэнгэринчи в борьбе с партизанами-«факельщиками». Понимая, что борьба с повстанческим движением требует изменения тактики, Цзэн Гофань уже в июле представил императору свой план борьбы с няньцзюнями. В плане было предусмотрено методичное проведение карательных операций, для чего во всех охваченных движением провинциях создавались опорные базы с крупными гарнизонами из опытных войск, запасами оружия и продовольствия. Базы должны были поддерживать друг друга, нанося удары по повстанцам и не втягиваясь в длительные изматывающие преследования. Цзэн Гофань предложил сформировать и обучить отдельные кавалерийские отряды, которые должны бороться с повстанцами их же партизанскими методами.

Победитель тайпинов методично приступил к осуществлению своего плана. Уже через год, в июле 1866 года, он начал отеснять повстанцев в заранее окруженные районы, где цинские отряды опирались на подготовленные по берегам рек линии обороны. Однако тактика Цзэн Гофаня требовала длительного времени, а нервничающий двор цинского императора жаждал как можно быстрее покончить с мятежами.

К тому же в манёвренной партизанской войне победы стремительно чередовались с поражениями, и правительственные войска не раз несли тяжелые потери. Отряды повстанцев не раз приближались к плотинам Императорского канала, грозя снова отрезать столицу империи Пекин от поставок продовольствия. Цинский двор вернул Цзэн Гофаня на прежний пост наместника трёх центральных провинций, а борьбу с «факельщиками» возглавил Ли Хунчжан. Надо отметить, что маньчжуры справедливо опасались китайских армий и их вождей, выросших в борьбе с тайпинами, и всячески разжигали между ними соперничество. В противовес Ли Хунчжану его старый соперник Цзо Цзунтан был назначен наместником и командующим войсками столичной провинции Чжили.

Нелёгкая победа над «факельщиками»

Смена командующих не способствовала успеху в войне с повстанцами. И хотя в январе 1868 года цинские войска уничтожили крупную группировку мятежников, так называемых «восточных няньдан», другая группа повстанческих отрядов в начале февраля неожиданно появилась на подступах к Пекину. Цинский императорский двор впал в панику. Столичного наместника Цзо Цзунтана едва не отдали под суд, а Ли Хунчжана понизили в имперских чинах и лишили права ношения отличительных павлиньих перьев на головном уборе.

8 февраля 1868 года цинское правительство объявило Пекин на осадном положении. Организацию обороны, как и 15 лет назад во время Северного похода тайпинов, возглавил принц Гун. Непосредственное командование войсками всё же поручили опытному Цзо Цзунтану. Три месяца на дальних подступах к Пекину шла манёвренная война повстанцев и правительственных войск.

В конце апреля «факельщики», повторяя старый путь тайпинов, вышли к пригородам Тяньцзиня. Однако здесь, после непродолжительного равновесия сил, цинам удалось скоординировать действия всех своих войск, а повстанцы, лишённые тыловой поддержки, были отброшены из столичной провинции и зажаты между Императорским каналом и притоками Хуанхэ. Здесь «факельщики» продержались до августа. У них кончилось продовольствие, правительственные войска всё туже стягивали кольцо окружения. Командующий повстанцами Чжан Чжэнцзян, сын павшего в боях основателя повстанческой армии «факельщиков» Чжан Лосина, не перенёс поражения и утопился в реке.

Внукам Чжан Лосина во главе отдельных отрядов удалось вырваться из окружения, но вскоре они были схвачены и казнены. Стоит обратить внимание на эту свойственную тайпинам и прочим мятежникам Китая семейственность и тягу к созданию личных династий. Сыновья «Царя Небесного» тайпинов, сыновья Ли Сючена и других «ванов», дети и родственники прочих мятежных командиров, как правило, занимали командные должности в иерархии повстанцев. Сознание восставших китайских крестьян всё ещё оставалось абсолютно средневековым и монархическим...

К концу 60-х годов XIX века остатки повстанцев-няньцзюней были рассеяны по отдельным провинциям. Но разгром тайпинов и «факельщиков» не означал повсеместного умиротворения. Отдельные мятежи тлели долгие годы по всему Китаю, множество бойцов из разбитых отрядов рассеялось по всей стране. Отдельным тайпинам ещё предстояло сыграть свою роль в истории Китая и его войн.

«Усвоение заморских дел»

Параллельно с разгромом тайпинов и нянцзюней империя Цин пыталась провести военную реформу, чтобы создать современную армию и военное производство. Ещё в 1862 году появился приказ, чтобы все офицеры империи Цин занялись изучением уставов европейских армий. В том же году Ли Хунчжан отправил группы военных в Англию и Германию для изучения современной артиллерии и стрелкового оружия.

В том же 1862 году Цзэн Гофань построил в Аньцине первый современный арсенал. Весь обслуживающий персонал состоял из китайцев, иностранных мастеров не нанимали. Здесь сумели построить и спустить на воды Янцзы первый китайский пароход – небольшое судно по имени «Ванцзяо», которое развивало скорость 10 узлов и имело на вооружении две гладкоствольные пушки.

В Шанхае в том же году Ли Хунчжан, чтобы не отстать от своего учителя, тоже открыл арсенал по производству пушек для собственных отрядов, наняв иностранных мастеров и закупив в Гонконге оборудование. Через три года это уже было крупное, по меркам Китая, производство, на котором можно было изготавливать пароходы, пушки, разрывные снаряды и винтовки. Дополнительное оборудование за 68 000 ляннов (более 2,5 тонны серебра) купили в США. Для строительства кораблей был оборудован один сухой док, в 1868 году здесь спустили на воду два колёсных парохода, вооружённых нарезными орудиями.

По приказу Ли Хунчжана при его шанхайском арсенале была открыта школа переводчиков. С помощью англичан и американцев на китайский язык переводились иностранные уставы и материалы по конструкции и эксплуатации паровых машин.

Собственным «военно-промышленным комплексом» озаботился и Цзо Цзунтан, соратник-соперник Ли Хунчжана. В 1866 году в районе города Фучжоу на берегах тайваньского пролива он построил судостроительную верфь. Если Ли Хунчжан в то время сотрудничал с англичанами и американцами, то Цзо Цзунтан предпочитал французов. За 300 тысяч лян (более 11 тонн серебра) для его верфи во Франции закупили машины и оборудование

На верфи «генерала» Цзо работало почти четыре тысячи рабочих, большей частью офицеры и солдаты его армии. Верфь напоминала военный лагерь. Здесь так же были открыты две школы, в одной изучали французский язык и судостроение, во второй обучали английскому языку и судовождению. Инженерами на верфи Цзо служили в основном французы. Уже в 1869 году здесь построили первое в Китае винтовое судно – канонерскую лодку «Мей-Юань», вооружённую тремя крупнокалиберными нарезными орудиями.

Одним словом, победители тайпинов и ряд высших чиновников империи Цин прекрасно осознавали необходимость модернизации и использования иностранного опыта. В Пекине подобную политику тогда официально именовали «усвоением заморских дел» или «самоусилением». Ли Хунчжан в одном из писем так формулировал задачу: «Если мы заранее не будем, сообразуясь с обстоятельствами, стремиться изменить нашу политику и не будем учиться у иностранцев, то мы непременно потерпим поражение».

Однако все благие намерения и немалые финансовые затраты на «усвоение заморских дел» тормозились по целому комплексу причин. Во-первых, мешало соперничество генеральских группировок, сложившихся в ходе долгой гражданской войны. Конкурирующие кланы Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана, по сути, проводили свои самостоятельные попытки модернизации – единая военная реформа в общегосударственном масштабе так и не состоялась.

Во-вторых, этому препятствовала и сознательная политика высшей маньчжурской аристократии. Стремясь сохранить власть над Китаем, маньчжуры откровенно опасались излишнего усиления китайских генералов в ходе таких реформ, поэтому всячески разжигали между ними интриги и соперничество, что никак не способствовало эффективному «усвоению заморских дел». И в-третьих, все попытки «самоусиления» шли в ходе непрекращавшихся мятежей на окраинах огромной империи.

Этнические мятежи в империи Цин

Ещё много лет правительственным войскам пришлось подавлять восстания этнических меньшинств. До 1872 года продолжались ожесточённые бои карателей из опытной «хунаньской армии» Цзэн Гофаня с повстанцами народностей мяо, которые взбунтовались на юго-западе Китая ещё в 1854 году. Примечательно, что среди повстанцев-мяо было немало принявших христианство, так называемых «белых» и «жёлтых» католиков. Цинские офицеры применили против повстанцев эффективную тактику летучих отрядов из отборных солдат, которые неожиданными ударами уничтожали продовольствие и фураж у мяо, лишая повстанцев тыла.

С 1855 по 1873 год продолжалось восстание мусульман-«хуэй» в провинции Юньнань. Главу этого восстания англичане почти официально именовали «султаном Сулейманом», хотя сами повстанцы предпочитали чисто китайскую терминологию, называя своего вождя Ду Вэньсю «Цзунтун бинма даюаньшуай» – Верховный главнокомандующий объединённых войск.

Отдельные отряды местных повстанцев поднимали лозунги о восстановлении династии Мин, но в целом события в Юньнани были именно этническим восстанием, начавшимся с конфликта местных общин и вылившимся в ожесточённую резню между китайцами, мусульманами и другими этническими меньшинствами.

Мусульманским повстанцам, правда, иногда удавалось объединяться с мятежниками-ханьцами, они даже смогли создать 70-тысячную регулярную армию и 200-тысячное ополчение. В самопровозглашённом государстве «султана Сулеймана» было даже принято подробное «Военно-административное уложение», регулировавшее мобилизацию и устройство армии. Низшим подразделением была пятёрка бойцов – «у», две пятёрки объединялись в отделение-«пэн», а 10 отделений – в «ин», что в современном китайском языке соответствует термину «батальон».

Но после разгрома тайпинов, к концу 60-х годов XIX века, империи Цин удалось сконцентрировать против повстанцев Юньнани более 200 тысяч регулярных войск, включая отряды с европейскими винтовками и артиллерией. К 1873 году в восставших уездах значительная часть мятежных мусульман была просто уничтожена. Когда правительственные войска обещали сохранить жизнь сдавшимся, «Верховный главнокомандующий» Ду Вэньсю, убив всю свою семью и приняв опиум, явился в маньчжурский лагерь с просьбой сохранить жизни сдающихся мусульман. И он, и большинство сдавшихся были казнены.

С 1861 по 1873 год в тысяче километров к северу от Юньнани продолжалось восстание дунган, китайцев-мусульман, проживающих на

северо-западе Центрального Китая. Дунгане резали китайское население, китайцы уничтожали дунган. По некоторым оценкам, в ходе дунганского восстания и его подавления погибло более 8 миллионов человек.

С 1869 года на подавление дунган был направлен Цзо Цзунтан со своей армией. «Генерал» Цзо действовал с исключительной жестокостью. Он отказывался принимать капитуляцию повстанцев и методично истреблял всех мужчин-дунган от 15 до 60 лет. Даже совсем не гуманное цинское правительство вынуждено было признать, что Цзо Цзунтан «излишними убийствами только разжигает мятеж». Но сам Цзо Цзунтан, назначенный наместником мятежных провинций Шаньси и Ганьсу, не проявлял колебаний даже после критики из Пекина – он согласился принять капитуляцию дунган, приказав им собраться и сдать оружие и коней, после чего все сдавшиеся были методично истреблены.

Ещё в 1864 году началось восстание уйгуров и других мусульманских народов в китайской Центральной Азии, в Кашгарии, охватившее затем на полтора десятилетия почти весь огромный Синьцзян, где также возникло самостоятельное мусульманское государство. Поэтому, вырезав восставших дунган, Цзо Цзунтан сразу стал готовить свою армию к карательному походу в Синьцзян...

Глава 13

**«Зубы, не прикрытые губами»: от
Синьцзяна до Крыма. Россия и Китай на
рубежах Центральной Азии**

Мятеж на всякий случай

К началу 70-х годов XIX века после подавления восстаний в центральных провинциях Китая единственной мятежной территорией, не подчиняющейся Пекину, осталось огромное пространство на северо-западе империи Цин – Синьцзян.

Синьцзян, что по-китайски означает «новая граница», – это огромный четырёхугольник между Монголией, казахскими степями, среднеазиатскими ханствами Хивы, Бухары и Коканда, Афганским эмиратом и горами Тибета. Две тысячи километров с востока на запад, немногим менее с севера на юг. Перерезанные высокими горными хребтами засушливые равнины и пустыни с оазисами, по которым в древности пролегал знаменитый «шёлковый путь».

Синьцзян – ещё этот район именуют Джунгарией и Восточным Туркестаном – издавна населяло множество племен и народностей, в основном тюркоязычные уйгуры, кроме них, другие исповедующие ислам народы – дунгане (потомки китайцев-мусульман), казахи, киргизы, таджики, узбеки...

После того как маньчжуры в XVIII веке сокрушили Джунгарское ханство, почти уничтожив исповедовавших буддизм западных монголов-ойратов, созданная на останках погибшего ханства провинция Синьцзян оставалась одной из самых беспокойных в Цинской империи. Здесь с пугающей регулярностью вспыхивали восстания и мятежи местного мусульманского населения – в 1816, 1825, 1830, 1847 и 1857 годах.

Китайские солдаты из провинциального гарнизона в Синьцзяне. Видна английская винтовка Снайдер-Энфилд образца 1866 года

Для умиротворения провинции центральные власти империи Цин держали здесь маньчжурские и китайские гарнизоны, поощряли переселение в Синьцзян выходцев из центральных провинций Китая. Были созданы специальные военные поселения из родственных маньчжурам племён сибо и солонов, которых цинские власти переселили с берегов Амура в Центральную Азию. Административным и военным центром провинции был город Кульджа, ныне в 100 километрах от современной китайско-казахской границы.

Всего к 60-м годам XIX века в Синьцзяне располагалось около 40 тысяч цинских солдат. Эти отдалённые провинциальные гарнизоны оставались абсолютно средневековым воинством в латах, с луками, фитильными ружьями и старинными пушками.

Очередное восстание в Синьцзяне началось в ночь на 4 июня 1864 года в самом центре провинции, в небольшом городке Кучаре, в седой древности бывшем столицей буддийского государства Кучэ. Восстали мусульмане-дунгане. Из-за мятежа их соплеменников в провинциях

Центрального Китая они были на подозрении у местных маньчжурских властей. Среди дунган распространился слух (возможно, не без оснований), что маньчжуры готовятся их вырезать. К взбунтовавшимся дунганам тут же примкнули уйгуры.

Небольшой кучарский гарнизон, состоявший из 1000 китайцев и 150 калмыков, оказался неподготовленным к защите города. Восставшие напали на резиденцию маньчжурского правителя и перебили значительную часть солдат и китайцев, укрывшихся там. Остальная часть гарнизона разбежалась. Из захваченных складов оружие раздавалось всем, кто хотел воевать против «неверных». Желавших оказалось так много, что оружия не хватило и для половины собравшихся. Продовольственные склады и лавки китайцев моментально были разграблены. Утром один из китайских офицеров пытался собрать незначительные силы и контратаковать бунтовщиков, но был смят нахлынувшей толпой. Несколько маньчжурских чиновников, видя безвыходное положение, взорвали вместе с собой пороховой склад.

В конце лета 1864 года восстание быстро охватило весь Синьцзян. Значительную роль в подготовке и инициировании восстания сыграли тайные мусульманские общества.

В Урумчи (ныне столица Синьцзян-уйгурского автономного района КНР) в ночь на 15 июля 1864 года группа солдат-дунган местного гарнизона проникла в дом командующего китайскими частями, убила его и завладела гарнизонной печатью. Сделав с её помощью поддельные приказы и документы, повстанцы без боя разоружили китайские части и овладели крупнейшим в Синьцзяне складом оружия. Одновременно в городе взбунтовалось гражданское население – дунгане и уйгуры.

Через сутки уличных боёв восставшие захватили весь китайский квартал. Маньчжурские отряды, понеся потери в уличных боях, заперлись в городской цитадели Урумчи. Почти три месяца они отражали атаки восставших, отчаянная попытка прорыва из окружения закончилась гибелью более чем 500 маньчжурских солдат.

Калмыцкая кавалерия из провинциального гарнизона империи Цин в Синьцзяне

Отправленный на помощь осаждённым в сентябре 1864 года двухтысячный отряд цинских войск был разгромлен повстанцами на марше. В октябре к повстанцам Урумчи подошла вооружённая помощь из Кучара, и маньжурская цитадель пала в ходе ожесточённого штурма. Маньчжуры сопротивлялись до последнего, дрались на улицах и в домах, семьи многих офицеров покончили жизнь самоубийством. Всего в цитадели погибло около 3 тысяч человек.

В конце осени 1864 года синьцзянские мятежники разгромили присланный пекинским правительством 4-тысячный отряд монгольской кавалерии. Командовавший им маньчжур Хой Цин погиб в бою.

Отдельные маньжуро-китайские гарнизоны в Урумчинском округе сопротивлялись до весны 1865 года. В оазисе Турфана у пустыни Такла-Макан, где один из самых жарких климатов на земле, маньжурская цитадель четыре месяца сопротивлялась повстанцам.

В другом крупнейшем центре Синьцзяна – в Кашгаре – цинским властям удалось заблаговременно разоружить и почти полностью уничтожить солдат-дунган местного гарнизона. Но это лишь отсрочило начало восстания. Уйгуры, при поддержке отрядов мятежников из соседних районов, за несколько суток захватили мусульманскую часть города. Но китайский «новый город» сопротивлялся более 12 месяцев, до сентября 1865 года.

Вообще, несмотря на неожиданность и повсеместность восстания, провинциальные гарнизоны империи Цин везде оказали ожесточённое, даже героическое сопротивление. Они не могли рассчитывать на милость победителей, и им некуда было отступить. Многомиллионный Китай был очень далеко, за горами и безводными пустынями...

Сопротивление восставшим мусульманам оказали и мирные китайские поселенцы. Спасаясь от погромов, они бежали в горы и стали собираться в партизанские отряды. Наиболее удачливые из таких отрядов за несколько лет вырастут в численности до нескольких тысяч человек.

«Тайфурчи» из «новых мусульман»

В результате серии восстаний к осени 1864 года Синьцзян был почти полностью потерян для империи Цин. Далёкая провинция попала в руки мусульманских мятежников как раз в тот период, когда основные силы потрясённой империи с величайшим напряжением штурмовали столицу тайпинов Нанкин. Понятно, что властям в Пекине долгое время было не до событий в Синьцзяне, и почти на пять лет Джунгария и Восточный Туркестан оказались предоставлены сами себе.

Здесь быстро сформировался целый конгломерат небольших феодальных государств: Кучарское, Хотанское и Кашгарское ханства, Урумчинский и Таранчинский султанаты. Разноплеменные и неустойчивые, они очень быстро, уже с весны следующего после восстания 1865 года, начали враждовать и воевать друг с другом. В ряде случаев эти междоусобицы были не менее упорными и жестокими, чем бои во время антикитайского восстания.

В Кашгаре вскоре после начала мятежа главнокомандующим местным повстанческим войском стал неграмотный 45-летний таджик Мухаммед Якуб-бек. Он был ставленником Кокандского хана и до прибытия в Кашгар успел повоевать с русскими войсками, пытаясь оборонять Ташкент, когда две тысячи русских штыков генерала Черняева разгромили 30 тысяч кокандцев.

Организационный талант и опыт борьбы с современной армией выделяли Якуб-бека среди прочих руководителей мятежников, новоявленных султанов и ханов Синьцзяна. Он начал деятельно формировать новую армию Кашгара. Например, когда через год осады капитулировал цинский гарнизон городской цитадели, Якуб-бек предложил почти 3 тысячам сдавшихся маньчжуров и китайцев принять ислам в обмен на сохранение жизни. Из тысячи таких «новых мусульман» он сформировал заметно усиливший его средневековое войско так называемый «тайфурный» отряд, иначе – отряд «тайфурчи». На описании этого отряда стоит остановиться подробнее, так как его оружие ярко иллюстрирует состояние военного дела на окраинах империи Цин.

Тайфур – тяжёлое фитильное ружьё калибром 20–25 мм и длиной около 2 метров, принятое на вооружение цинской армии в XVIII столетии. Это тот самый некогда распространённый в Туркестане «карамультук», чье название в XX веке в русском языке стало насмешливым синонимом безнадёжно устаревшего и нелепого стрелкового оружия. Повстанцам Синьцзяна в захваченных складах и среди трофеев досталось несколько тысяч таких «карамультуков».

В армии Якуб-бека расчёт каждого тайфура составляли 4 бойца-«тайфурчи» – один с фитилём, пулями и пороховыми зарядами в деревянных «патронах», другой с длинным шомполом и двое для переноски тяжелого «карамультака». Двое последних составляли и живой «станок» при стрельбе из тайфура: один клал конец ствола на плечо, плотно притягивая его к себе жгутом материи, второй обеими руками прижимал сверху к плечу шейку приклада. Перед выстрелом эти двое несколько сгибали спины и выставляли вперёд правые ноги. В это время третий боец должен был прицелиться и при помощи тлеющего фитиля в руке произвести выстрел.

По свидетельству очевидцев, из-за примитивности запального устройства и большого количества применяемого при стрельбе из такого ружья некачественного пороха лица многих стрелков-«тайфурчи» носили следы пороховых ожогов, и многие из них при выстреле отворачивали лица. Понятно, что меткость такой стрельбы оставляла желать лучшего (впрочем, встречаются отдельные свидетельства и о весьма искусной стрельбе из таких ружей). Иногда при выстреле отдача сбивала живой «станок» с ног. К тайфуру полагались специальные сошки, с них также могла вестись стрельба, но куда чаще они использовались только при парадных построениях войск.

«Тайфурчи» Якуб-бека.

Европейская гравюра с рисунка очевидца

Стреляли из тайфура тяжёлыми пулями, иногда картечью. 50-граммовая пуля тайфура при попадании имела впечатляющее действие,

но ко второй половине XIX века, в эпоху нарезных казённозарядных винтовок, тяжёлый «карамультик» был уже явным анахронизмом. Тем не менее это оружие было широко распространено в Поднебесной империи и числилось на вооружении цинских войск едва ли не до конца XIX века. Китайцы применяли его против англичан и французов в ходе «опиумных» войн, их огонь испытали на себе и русские войска при завоевании Средней Азии. Последние свидетельства об использовании в боях тайфуров относятся к началу XX века в Монголии и Тибете.

Государство и армия «Счастливого»

По старым цинским уставам стрелков-«тайфурчи» прикрывали лучники и копейщики. Якуб-бек несколько «модернизировал» эту тактику, и цепь «тайфурчи» стали прикрывать стрелки из более лёгких фитильных ружей – по одному на тайфур. Каждые пять тайфуров составляли отделение во главе с командиром, также вооружённым лёгким фитильным ружьём. Примечательно, что сами расчёты тайфуров из плененных маньчжур и китайцев никакого другого оружия, кроме своего тяжёлого «карамультака», не имели.

Помимо расчётов «тайфурчи», войска Якуб-бека состояли из кавалеристов-«джигитов», пехотинцев-«сарбазов» и артиллеристов-«топчи». Сначала эти войска комплектовались добровольцами, но в дальнейшем был организован принудительный рекрутский набор. С каждого городка и посёлка набиралось определённое число рекрутов в возрасте от 15 до 30 лет. Принявшие ислам китайцы были обязаны служить в отрядах «тайфурчи» начиная с 12-летнего возраста, они же выполняли все хозяйственные и строительные работы в войске. Основные командные посты в армии Якуб-бека занимали так называемые «андижанцы» – как и их командующий, выходцы из Кокандского ханства. В артиллерии служило немало наёмников из Афганистана и Индии.

И пехота, и кавалерия делились на десятки и сотни. Имелось некоторое количество кремнёвых ружей, несколько более «современных», чем фитильные «аркебузы» китайских провинциальных гарнизонов Синьцзяна. Но большинство войск было вооружено исключительно холодным оружием. В походах пехота для ускорения движения иногда передвигалась на мобилизованных конных арбах.

Даже такое войско позволило Якуб-беку начать успешную войну за объединение под своей властью территории Синьцзяна. Пока цинские военачальники из школы Цзэн Гофаня гасили последние мятежи в собственно китайских провинциях, Якуб-бек не менее жестокими методами к началу 70-х годов XIX века объединил под своей властью все самопровозглашённые ханства и султанаты Джунгарии и Восточного Туркестана.

Объединенное государство со столицей в Кашгаре получило название Йеттишар, или Джетышаар, дословно – «Семиградье». Семь крупных городов Синьцзяна, древних торговых оазисов на Великом Шёлковом пути, – Кашгар, Хотан, Аксу, Кучар, Курля, Гиссар и Яркенд – стали центрами семи провинций нового исламского ханства.

В число этих семи, давших имя государству, не вошел крупный город Урумчи, так как он был подчинен Якуб-беком последним, лишь через три

года после провозглашения Йеттишара. В Урумчи в подданство к Якуб-беку перешли многие тысячи дунган, массово отступивших с боями в Синьцзян из китайских провинций Шэньси и Ганьсу, где войска Цзо Цзунтана к 1870 году массовым террором подавили их восстание.

Якуб-бек, получивший прозвище «Бадаулет» («Счастливым», «Счастливым»), был чужаком в Синьцзяне. Власть над огромными пространствами в центре Азии действительно досталась ему во многом волей случая, когда он сумел ловко воспользоваться всеобщей ненавистью к китайцам и разобщённостью восставших. И в дальнейшем его власть держалась исключительно на силе оружия. К тому же разросшиеся владения «счастливого» окружали аж три огромные и весьма немирные империи: собственно бывшая Цинская метрополия, не смирившаяся с потерей владений, активно приближавшая свои границы с севера Российская империя и достаточно близкая Британская империя, чьи передовые отряды уже побывали в соседнем Афганистане.

Поэтому одной из главнейших забот Якуб-бека была его армия, достигшая к началу 70-х годов XIX века численности в 45 тысяч бойцов. «Счастливым» прекрасно понимал её военно-техническую отсталость и направил все силы и средства на перевооружение и обучение своих войск, не жалея на это дело налогов, выбитых из местного населения.

Наградной револьвер от «Счастливица»

Войска Якуб-бека были хорошо организованными и неплохо вооружёнными, по меркам Центральной Азии тех лет. Но к началу 70-х годов XIX века маньчжурские власти сумели подавить многочисленные мятежи во внутренних провинциях Китая, и «Счастливик» со своими «джигитами» и «тайфурчи» оказался один на один с армией империи Цин.

Власть Якуб-бека опиралась исключительно на военную силу, и он не жалел сил и средств на перевооружение своих «сарбазов», как именовались рядовые в армии «Семиградья». Посланцы Якуб-бека отправились в Британскую Индию и Османскую империю для закупки оружия, приглашения военных инструкторов и переговоров о политическом признании.

В Лондоне полагали, что самостоятельное государство Якуб-бека поможет им в давлении на Китай и Россию, поэтому в Синьцзян пошли караваны с оружием. Первые британские винтовки появились в войсках «Счастливица»-Бадаулета ещё в 1868 году. В Стамбуле посланцы Якуб-бека признали османского султана верховным сюзереном и «халифом» всех мусульман и в ответ получили признание за «Счастливиком» титула эмира и нескольких офицеров в качестве инструкторов.

Появились у Якуб-бека и британские советники. Среди иностранных инструкторов был замечен и оставшийся безымянным беглый русский солдат. В итоге, по оценкам русской разведки, к 1875 году Якуб-бек помимо своих средневековых войск с холодным оружием и фитильными ружьями имел не менее 6–8 тысяч относительно подготовленных солдат с современными винтовками и несколько горных батарей с нарезными орудиями. При помощи английских и турецких советников было создано и первое военное производство в Синьцзяне – мастерская по выпуску разрывных снарядов и дистанционных «трубок»-взрывателей для артиллерии, мастерская по выпуску капсюлей к ружьям и мастерская по переделке дульнозарядных капсюльных винтовок в казённозарядные.

Побывавший в 1876 году в «Семиградье» с дипломатической миссией капитан Алексей Куропаткин (в будущем главнокомандующий русской армией в ходе войны с Японией 1904–1905 годов) отметил, что на вооружении «красных сарбазов», отборных гвардейцев Якуб-бека, были даже произведённые в США первые образцы многозарядных винтовок Спенсера и револьверы Кольта. По словам Куропаткина, револьверы использовались в войсках Якуб-бека как самое ценное наградное оружие и «составляли предмет общих желаний».

Относительно современная и вооружённая армия позволяла «Счастливику» держать в повиновении почти весь Синьцзян. Но она же

стала и причиной роста внутреннего недовольства в государстве Еттишар. Во-первых, Якуб-бек, будучи чужим для уйгуров, опирался прежде всего на выходцев из Средней Азии, Афганистана и Индии. Во-вторых, недовольство уйгуров подогревали принудительные мобилизации и жесткий налоговый гнёт – так как для содержания и вооружения армии «Счастливику» требовались слишком большие деньги, местному населению было всё тяжелее выплачивать налоги в казну нового государства.

Один из английских посланников, побывавших в Еттишаре в 70-е годы XIX века, даже записал подстрочным переводом звучавшие на городских базарах уйгурские песни, направленные как против китайцев, так и против «андижанцев», как аборигены Синьцзяна называли захвативших власть пришлых соратников Якуб-бека: *«Из Пекина пришло китайцев, как звёзд на небе. / Андижанцы набежали, как лесные кабаны. / Каждый день они брали девственниц и / Отправлялись на охоту за красавицами. / Они забавлялись с танцующими мальчиками (имеются в виду «Ваха бази», мальчики для гомосексуальных утех. – Прим. авт.), / Которых Святой Закон запретил».*

Одним словом, внутренняя обстановка в государстве «Счастливика» была напряжённой – большинство местного населения ненавидело как китайцев, так и людей Якуб-бека. Тот же Куропаткин обратил внимание на то, что солдаты в армии Бадаулета хотя и подготовлены лучше, чем провинциальные китайские, но их боевой дух «оставлял желать лучшего». А между тем империя Цин, задавив тайпинов, няньцзюней и другие мятежи во внутренних провинциях Китая, двинула к границам Синьцзяна войска, не уступавшие армии Якуб-бека по вооружению и превосходящие по численности.

Битва за стратегический плацдарм в Синьцзяне

Особенность Восточного Туркестана в том, что его основные заселённые оазисы отрезаны от Китая четырьмя сотнями километров труднопроходимой песчаной полупустыни. Ровно столько отделяет расположенные на самом востоке Синьцзяна уйгурские города Комул (Хами) и Баркуль от находящегося в провинции Ганьсу китайского городка Цзяюйгуаня, где заканчивается самый западный участок знаменитой Великой Китайской стены.

Колодцы, расположенные на караванном пути через эту пустыню, позволяли одновременно провести из Китая в Синьцзян не более 600–800 человек. Для большего количества движущихся одновременно просто бы не хватило воды. Поэтому города-оазисы Комул и Баркуль («Хамийский оазис», как называли тогда этот район в России) были, по сути, плацдармами, позволявшими перебросить через пустыню мелкими частями и накопить на их территории большую армию. В случае потери такого «плацдарма» Синьцзян становился бы почти неприступен со стороны Китая – единовременный переход через 500 километров пустыни большой армии крайне сложен по причинам логистики, а походы мелкими отрядами в несколько сотен бойцов чреваты разгромом по частям.

Знаменитый русский путешественник того времени, а по сути, военный разведчик Николай Пржевальский на собственном опыте так описывал географию данного района:

«По своему положению Хамийский оазис весьма важен как в военном, так и в торговом отношении. Через него пролегает главный и единственный путь сообщения из Западного Китая в Восточный Туркестан и Джунгарию. Других путей в этом направлении нет и быть не может, так как пустыня пересекается проложенною дорогою в самом узком месте на протяжении 380 верст, да и здесь путь весьма труден по совершенному почти бесплодию местности. Справа же и слева от него расстилаются самые дикие части Гоби...

Таким образом, Хами составляет с востока, т. е. со стороны Китая, ключ ко всему Восточному Туркестану и землям притяньшаньским. Раз этот пункт будет занят неприятелем – вся китайская армия, находящаяся к западу, будет отрезана от источников своего снабжения, т. е. от собственно Китая...

Трудно сказать, почему притяньшаньские мусульмане, освободившись в начале шестидесятых годов от китайского владычества, не поняли всей важности стратегического значения Хамийского оазиса и не напрягли все свои силы, чтобы утвердиться в нём, как не сделал этого и умный Якуб-бек кашгарский, тем более что из Турфана ему было уже

недалеко до Хами. А между тем, доколе описываемый оазис находился бы в руках инсургентов, дотоле китайцы ничего не могли бы им сделать, несмотря на свое численное превосходство».

Попробуем объяснить то, чему в XIX столетии так удивлялся Николай Михайлович Пржевальский, – почему же все повстанцы Синьцзяна так и не захватили стратегический плацдарм «оазиса Хами», способный надёжно прикрыть их от Китая.

В действительности ожесточённая и многолетняя борьба за «плацдармы» Баркуль и Комул (Хами) развернулась сразу после начала в регионе антикитайского восстания. Для правительства в Пекине ситуация осложнялась тем, что в те годы дорога к этим синьцзянским «плацдармам» была перекрыта восстаниями дунган, китайцев-мусульман, в китайских провинциях Ганьсу и Шаньси. Поэтому небольшое подкрепление, чуть более тысячи солдат, сумело пройти к городам Комул и Баркуль лишь в феврале 1865 года, спустя 8 месяцев после начала восстания в Синьцзяне.

Комул повстанцы всё же захватили в июне 1865 года при помощи местных мусульман. Маньчжурская цитадель сопротивлялась более месяца, затем её гарнизон сумел пробиться к городу Баркуль. Этот «плацдарм» сторонникам Пекина удалось удержать – здесь помимо остатков маньчжурских гарнизонов скопилось множество бежавших от погромов китайских переселенцев, из которых были сформированы вспомогательные отряды.

И хотя в августе 1865 года мусульманским повстанцам удалось в ходе недельных боёв разбить цинские войска на подступах к Баркулю и на два месяца осадить город, все попытки штурма закончились неудачей. Китайцы и маньчжуры, которым некуда было отступать, сопротивлялись отчаянно. Среди же повстанцев как раз начались раздоры между уйгурами и дунганами, а затем и настоящие междоусобные войны, в которых через несколько лет победит «Счастличик» Якуб-бек.

Пользуясь раздорами среди повстанцев, летом следующего, 1866 года сторонники империи Цин отбили Комул. Однако в декабре того же года повстанцы с боем вернули этот город, а в январе 1867 года во второй раз осадили Баркуль. И вновь осада закончилась неудачей, а весной повстанцам из-за внутренних междоусобиц снова пришлось отдать цинским войскам Комул. В 1869–1870 годах последовало ещё несколько безрезультатных попыток со стороны уйгуров и дунган взять последний плацдарм империи Цин в Китае. Однако к тому времени маньчжуро-китайские войска в этом районе всё же успели получить подкрепление из нескольких тысяч монгольских всадников и тысячи китайской пехоты с относительно новыми капсюльными винтовками.

Якуб-бек, объединивший к 1872 году силой оружия почти весь Синьцзян, со своей большой армией теоретически имел шансы отбить

стратегический «плацдарм» Комула и Баркуля. Но тут он позволил обмануть себя, вступив в переговоры с Пекином.

Пекин готовится к возвращению Синьцзяна

Налаживая дипломатические связи с англичанами и турками, глава Еттишара-«Семиградья» не забывал и про Пекин. Якуб-бек надеялся, что, став единовластным хозяином Синьцзяна, он сможет заставить империю Цин признать себя в качестве номинального вассала. Эти надежды не были беспочвенны – в Пекине начала 70-х годов XIX века действительно шла напряжённая дискуссия о дальнейших действиях.

Немало влиятельных лиц в имперской верхушке выступали против дорогостоящей и сложной войны за Синьцзян. Например, Ли Хунчжан, ставший наместником столичной провинции Чжили, предлагал удовлетвориться формальным вассалитетом Якуб-бека, а все силы и средства направить на модернизацию армии и флота, обеспечив в первую очередь защиту приморских провинций страны. Финансы, которые потребуются на возвращение Синьцзяна, столичный наместник Ли предлагал потратить на закупку в Европе новейших паровых броненосцев.

Но в итоге победила иная точка зрения, опиравшаяся на старые «геополитические» стереотипы маньчжурской знати, восходившие ещё к временам кочевых империй. «Принц императорской крови», великий князь Чунь, сформулировал это в традиционном красочном стиле, заявив, что без возвращения Синьцзяна «Внутренний Китай станет как зубы, не прикрытые губами».

Возвращать далёкие просторы Восточного Туркестана империя Цин назначила Цзо Цзунтана. После разгрома тайпинов он в сентябре 1866 года получил титул наместника провинций Шаньси и Ганьсу, истребляя там восставших мусульман-китайцев. Поэтому войска Цзо располагались ближе всего к Синьцзяну и стратегическим «плацдармам» Комула и Баркуля.

В 1875 году Цзо Цзунтан официально получил титул «дубань Синьцзян цзюнь», который английские современники переводили как «императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне». «Комиссар» Цзо написал в Пекин, что «без большого превосходства сил и без беспощадных убийств невозможно подавить восстание мусульман», после чего принялся готовить армию к походу в Синьцзян.

К тому времени части Цзо Цзунтана насчитывали 141 батальон-«ин», порядка 70 тысяч солдат, в том числе около 9 тысяч кавалерии. Направлявшиеся в Синьцзян солдаты «комиссара» Цзо получили высокое, по меркам Китая, жалование. Если рядовые гвардейских «восьмизнаменных» частей получали ежемесячно 4 лян серебра, а рядовые провинциальных войск «зелёного знамени» по 1,5 лян, то

рядовой пехотинец у Цзо Цзунтана получал 4,2 ляна, а кавалерист и того больше – 7,2 ляна. То есть по курсу тех лет рядовой пехотинец у «комиссара» Цзо получал в месяц около 11 рублей ассигнациями, а кавалерист – около 19 рублей.

Перед началом похода Цзо Цзунтан сумел увеличить численность своих войск до 95 тысяч. По меркам Китая, войска «императорского комиссара по военным делам в Синьцзяне» были очень неплохо вооружены – согласно данным российских агентов около 60% имели европейские винтовки, а кавалеристы из «цинбин», личной гвардии Цзо Цзунтана, как и гвардейцы Якуб-бека, также были вооружены многозарядными карабинами Спенсера.

«Императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне» Цзо Цзунтан. Портрет сделан русским фотографом Адольфом Боярским в 1875 году

Среди 570 пушек Цзо Цзунтана имелись не только гладкоствольные, но и несколько десятков стальных 4-дюймовых орудий, заряжавшихся с казны. Для оснащения направлявшихся в Синьцзян войск в городе Ланьчжоу на северо-западе Китая был даже построен большой арсенал.

Деньги на его оборудование (почти 113 тонн серебра) пришлось занять у англичан под высокий процент.

Вообще, империя Цин в то время, после двух десятилетий гражданской войны с тайпинами и непрерывных мятежей, испытывала жесточайший дефицит финансовых средств. Поэтому значительная часть финансирования похода в Синьцзян шла при помощи займов у британского Гонконг-Шанхайского банка, который предоставил империи Цин на эти цели внушительную для тех лет сумму в 1 608 274 фунта стерлингов.

При этом, пока длилась подготовка к походу в Синьцзян – «Западному походу», или «Сичжен», как его официально именовали в документах империи Цин, – китайские дипломаты расчётливо вели неофициальные, но постоянные переговоры с представителями Якуб-бека, поддерживая в нём надежду, что Пекин вот-вот согласится на признание формального вассалитета и реальной независимости мятежного «Семиградья». Поэтому армия Якуб-бека начиная с 1873 года несколько лет фактически не вела боевых действий против маньчжуро-китайских войск, которые удерживали «стратегический плацдарм» оазиса Хами, надёжно закрепившись в цитаделях Комула и Баркуля.

К весне 1876 года империя Цин была готова начать поход за возвращения Синьцзяна. Более того, к этому времени негласно поддержать «Западный поход» цинских войск согласилась и Российская империя.

«Содействовать китайцам в нанесении ему хорошего удара...»

К весне 1876 года маньчжуро-китайские войска под командованием «имперского комиссара» Цзо Цзунтана были готовы к генеральному наступлению против мятежного Синьцзяна. Начав «Западный поход» в последние дни февраля, к апрелю передовые части империи Цин, преодолев 400 вёрст пустыни, вошли в стратегический «оазис Хаами».

Якуб-бек, узнав о походе противника, выступил ему навстречу из столичного Кашгара во главе 13-тысячного отборного войска. В мае 1876 года эта гвардия «Счастливица», к которой присоединилось ещё 10 тысяч бойцов провинциальных отрядов, сосредоточилась в городке Токсун, в 400 километрах к западу от «оазиса Хаами». Городок располагался на главной караванной тропе, ведущей в глубь Восточного Туркестана. Якуб-бек рассчитывал здесь, на удобных и хорошо подготовленных позициях, отразить удар войск империи Цин...

В эти же дни в пяти тысячах вёрст к северо-западу от разгоравшейся схватки за Синьцзян, в Санкт-Петербурге, в здании Главного штаба напротив Зимнего дворца, проходило совещание высших чинов Российской империи. Обсуждали именно судьбу Восточного Туркестана. Архивные документы содержат точную формулировку повестки дня: «Сохранение в Кашгаре господства нынешнего владетеля или, напротив, ниспровержение его и восстановление власти китайского правительства».

О том, какое значение придавалось далёким событиям в центре Азии, свидетельствует состав собравшихся: военный министр Дмитрий Милютин, товарищ (заместитель) министра иностранных дел тайный советник Николай Гирс, туркестанский генерал-губернатор Константин фон Кауфман, генерал-губернатор Западной Сибири Николай Казнаков, начальник Главного штаба генерал-адъютант граф Фёдор Гейден, его помощник генерал-лейтенант Григорий Мещеринов, вице-директор Азиатского департамента МИД, действительный статский советник Александр Мельников и заведующий Азиатскими делами Главного штаба полковник Александр Проценко.

Среди собравшихся были лица, прекрасно знавшие обстановку в центре Азии. Именно генерал-адъютант Кауфман всего несколько лет назад присоединял к Российской империи Бухару, Хиву и Коканд. Полковник Проценко ранее неоднократно бывал в экспедициях на окраинах Синьцзяна и к тому времени уже 15 лет занимался организацией военной и политической разведки в Центральной Азии. В качестве эксперта по Китаю к работе заседания привлекли генерал-майора Михаила Венюкова – в прошлом сыгравшего немалую роль в

присоединении к России бывших владений империи Цин на Амуре и в Приморье, не раз бывавшего в Китае именно с целью изучения его армии и политики.

Вопрос о судьбе огромного пространства в центре Азии не был простым. Якуб-бек изначально был противником России, до воцарения в Синьцзяне он, как военачальник Кокандского хана, не раз воевал с русскими. Более того, в 1868 году «Счастличик» заключил официальное соглашение с эмиром Бухары о совместной войне против России и даже собрал в Турфане 9 тысяч воинов для вторжения в новые российские владения на территории Киргизии. Открытую войну Якуб-бека против России предотвратил быстрый разгром русскими войсками Бухары и временное прекращение русско-кокандского конфликта.

У туркестанского генерал-губернатора Кауфмана тогда возникла мысль завоевать отколовшийся от Цинской империи Восточный Туркестан русскими отрядами, но под знаменем кокандского хана. Монарх Коканда Худояр-хан в то время как раз стремился упрочить свою шаткую власть при помощи союза с Россией. По замыслу Кауфмана переход Синьцзяна под номинальную власть Кокандского ханства должен был не только свергнуть враждебного Якуб-бека, но и стать промежуточным этапом на пути поглощения Российской империей всего гигантского Туркестана, Восточного и Западного. Этому способствовали и экономические факторы – караванная торговля Синьцзяна в то время была завязана не на Китай, а на становившуюся российской Среднюю Азию.

В 1871 году двухтысячный русский отряд под началом генерала Герасима Колпаковского занял немалый кусок земель на северо-западе Синьцзяна, в долине реки Или, где восставшие против империи Цин уйгуры и дунгане сначала вырезали несколько десятков тысяч китайцев, маньчжуров и калмыков, а затем начали резать друг друга. Благодаря всеобщей междоусобице туркестанский генерал-губернатор Кауфман малыми силами легко упразднил возникший здесь «Таранчинский султанат» и образовал так называемый «Илийский край» под протекторатом России.

Царь Александр II поспешил успокоить империю Цин, направив русскому послу в Пекине предписание разъяснить эту политику следующим образом: «Вмешательство наше в дела Западного Китая имеет единственной целью оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях...» В реальности Петербург выжидал, как будут развиваться события в Китае и Синьцзяне, – станет ли Пекин возвращать утраченные владения в центре Азии либо откажется от них. Напомним, что в то время верхи империи Цин вели жаркую дискуссию именно об этом, немало влиятельных лиц в Пекине, учитывая страшный кризис в государстве после восстания

тайпинов и «опиумных» войн, предлагали отказаться от Синьцзяна, ограничившись формальным признанием вассалитета со стороны Якуб-бека.

Но к весне 1876 года стало понятно, что империя Цин от Синьцзяна не отказалась и готова к борьбе за него. Изменились и некоторые приоритеты во внешней политике России – после начавшихся годом ранее антитурецких восстаний на Балканах в Петербурге почти не сомневались в скорой войне против Османской империи. Берега Чёрного и Средиземного морей интересовали правительство Александра II куда больше, чем далёкие пустыни Синьцзяна. Это и решило судьбу Восточного Туркестана, который стали рассматривать исключительно в свете надвигающейся войны с турками и постоянного «холодного» конфликта с Британской империей.

Якуб-бек к тому времени официально считался вассалом Османского султана, признав его «халифом» и получив из Стамбула титул «эмира». Исламистские и антирусские вкусы владыки Синьцзяна, равно как и его амбиции в отношении мусульман Средней Азии, секретом не были. Это означало, что в случае войны с Турцией Россия получит на своих ещё не освоенных среднеазиатских границах 45-тысячное враждебное войско с приличным количеством английских винтовок.

Ситуацию эмоционально обрисовал генерал Михаил Венюков: «Только Россия является препоной честолюбивому эмиру в его стремлении основать большое мусульманское государство в Средней Азии... С нашей стороны, конечно, нет никакого резона содействовать осуществлению его планов и, напротив, должно желать, чтобы усилению Еттишара был положен, наконец, предел. Всего бы лучше, по-видимому, было содействовать китайцам в нанесении ему хорошего удара с востока, для чего достаточно упрочить их положение в Чжунгарии и Хами и снабдить их оружием и другими военными запасами. Китайцы – соседи испытанного миролюбия и притом имеют одинаковый с нами интерес в Средней Азии: сдерживать волнения номадов, столь вредных для их оседлых соседей. Их соседство в Кашгаре было бы выгодно для нас уже потому, что заслонило бы нас от британской Северной Индии, откуда идут не только неприязненные нам внушения Якуб-беку, но и оружие, далеко превосходящее луки со стрелами и фитильные ружья среднеазиатцев...»

Все участники совещания в Главном штабе русской Императорской армии согласились с Венюковым. В итоговом протоколе совещания указывалось, что господство Цинской империи в Восточном Туркестане «не столь опасно для наших среднеазиатских владений, как власть Якуб-бека, стремящегося создать подле нашей границы сильное независимое мусульманское государство, могущее всегда поддерживать брожение в подвластном нам мусульманском населении».

«Смуглый Бисмарк» против «Халатника»

Разведка Российской империи работала качественно. Накануне решающей схватки за Синьцзян русские «путешественники» пообщались с лидерами обеих армий, получив представление об их личностях и возможностях.

В 1876 году весь Синьцзян с северо-запада на юго-восток пересекла небольшая экспедиция Пржевальского. Как писал сам путешественник: «По всему видно было, что наше путешествие не по нутру Якуб-беку, но ссориться с русскими для него теперь было нерасчётливо ввиду войны с китайцами».

Пржевальский побывал на личном приёме у владыки «Кашгарского царства», как неофициально именовали мятежный Синьцзян офицеры российского Туркестана. По итогам этого путешествия в Петербург ушло донесение с чётким прогнозом – лоскутное государство Якуб-бека развалится от первого же сильного удара китайцев. В личном разговоре со своими спутниками Пржевальский выразился ещё резче: «Якуб-бек такая же сволочь, как и все азиатские халатники; Кашгарское царство не стоит медного гроша».

Чуть раньше встречи полковника Пржевальского с Якуб-беком по другую сторону фронта другой русский полковник, Юлиан Сосновский, нанёс визит в ставку «императорского комиссара» Цзо Цзунтана. Если о владыке Синьцзяна в Российской империи собирали сведения давно, то о личности китайского военачальника до этого почти ничего не знали. Любопытные мемуары о первой встрече русской делегации с Цзо Цзунтаном оставил Павел Пясецкий, врач и художник в «учёно-торговой» (официальный термин тех лет) экспедиции полковника Сосновского.

«Генерал Цзо человек небольшого роста, довольно полный, лет около шестидесяти, и своим серьёзным и умным лицом несколько напомнил мне Бисмарка, только в смуглом виде», – описывает русский художник китайского военачальника. Впрочем, из дальнейших воспоминаний Пясецкого закрадываются подозрения, что аналогия с Бисмарком носит иронический оттенок, а сам «генерал Цзо» перед встречей с русскими, вероятно, не обошёлся без трубки с опиумом...

«Императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне» в отличие от церемонных чиновников был непосредственен и весел – радовался забавным для китайского уха русским именам, удивлялся европейскому письму буквами, рассказывал о том, как недавно попробовал европейское шампанское и видел в горах летающего дракона, очень красивого, с жёлтой головой, а маленькие драконы, с зелёными головами, по его мнению, не такие красивые... За обедом Цзо не преминул пожаловаться на интриги англичан в Центральной Азии,

встретив полное понимание русской аудитории. По воспоминаниям Пясецкого, добродушный старичок Цзо по-детски «загрустил» до слёз, когда на его вопрос, чья армия сильнее, Китая или России, русские твёрдо ответили, что их войска вооружены лучше и всегда победят китайцев. «Мне даже жалко старика стало», – вспоминал те минуты наивный художник.

Впрочем, грустил «старик» недолго и, сытно рыгнув, после очередной смены обеденных блюд спросил у гостей, прекратилось ли в России людоедство. Полковник Юлиан Сосновский не моргнув глазом ответил, что людоедство ныне существует только в строго отведённых властью местах.

Именно Пясецкий нарисовал первый европейский портрет Цзо Цзунтана, а фотограф экспедиции Адольф Боярский сделал его первое фото. Позируя, генерал Цзо покритиковал христианскую Библию, заявив, что мир не мог быть сотворён семь тысяч лет назад, ведь Китай существует куда дольше. Затем генерал повел своих «русских друзей» на улицу, раздавать рисовые пирожки маленьким детям... Одним словом, кровавый средневековый вождь и многоопытный полевой командир, по первым впечатлениям русских путешественников, выглядел как добродушный толстячок-«конфуцианец» с причудами в духе лубочных представлений о Китае.

В реальности, пока художник и фотограф удивлялись всей этой фантазмагии, Цзо Цзунтан и Сосновский договорились о главном – о поставках из российских владений продовольствия китайским войскам, вошедшим в Синьцзян. Даже Якуб-беку было сложно прокормить в Восточном Туркестане его 45-тысячную армию, а снабжать 90 тысяч китайских солдат в условиях войны за счёт местных ресурсов там было просто невозможно. Вести же в Синьцзян через пески Гоби караваны из Китая было куда сложнее, чем с севера, из российского Туркестана.

Договор о поставках вместе с авансом в серебряной монете отправился из ставки Цзо Цзунтана в город Верный (ныне Алма-Ата). Ценный груз везли в обход Синьцзяна через Монголию под охраной китайских кавалеристов и казаков из конвоя Сосновского.

Коммерция купца Каменского

К лету 1876 года главные силы Якуб-бека на подготовленных позициях прикрывали основную караванную дорогу, ведущую из «Хамийского оазиса» в глубь Синьцзяна. Однако Цзо Цзунтан не стал атаковать лучшие силы противника в лоб, а двинул свои войска по более длинной караванной тропе, проходившей на 200 вёрст севернее, ближе к новой границе Российской империи. Во-первых, на этом направлении солдатам империи Цин противостояли только отряды дунган, китайских мусульман, отношения которых с Якуб-беком и уйгурами были далеки от прочного союза. Во-вторых, близость к новым русским владениям на юге современного Казахстана позволяла китайским войскам рассчитывать на бесперебойные поставки продовольствия.

Поскольку 90-тысячное войско империи Цин преодолевало лежащую между Китаем и Синьцзяном безводную пустыню Гоби мелкими отрядами по частям, сосредоточение войск в крепостях «Хамийского оазиса» закончилось только в июне 1876 года. Далее на северо-запад в обход армии Якуб-бека двинулось 65 передовых батальонов, около 30 тысяч солдат – максимум, способный единовременно перемещаться по караванным «дорогам» Синьцзяна в силу логистики и наличия колодцев с водой. В войсках генерала Цзо были созданы особые отряды для ремонта дорог и обслуживания источников воды.

К августу китайский авангард находился в 100 км к северо-востоку от Урумчи. «Урумчийский оазис» обороняли несколько тысяч дунган под командованием Мухаммеда Биянху (Бо Яньху) – это были остатки китайских мусульман, отступивших в Синьцзян после разгрома их восстания отрядами Цзо Цзунтана в провинциях Шэньси и Ганьсу. Дунгане уступали китайцам не только в численности, но и в вооружении, имея минимум современных винтовок. Якуб-бек ограничился тем, что направил на помощь Урумчи три тысячи уйгуров, тоже не с самым лучшим оружием.

За несколько лет, предшествовавших «Западному походу», китайские спецслужбы не теряли времени и создали эффективную агентуру из числа повстанцев, недовольных деспотизмом Якуб-бека. Поэтому офицеры Цзо Цзунтана хорошо знали расположение повстанческих отрядов в окрестностях Урумчи. 10 августа 1876 года дунгане Мухаммеда Биянху попали под неожиданный удар цинских войск с трёх направлений.

Через трое суток непрерывных боёв сильно потрепанные уйгуры и дунгане укрылись в крепости Гумуди в дневном переходе к северо-востоку от города Урумчи. Из-за стремительности китайского удара осаждённые оказались без запасов воды, и спустя ещё четыре дня, 18 августа, после нескольких кровопролитных штурмов крепость пала.

О настроениях среди повстанцев свидетельствует такой факт. Один из оборонявших крепость вождей, «пансайт» (полковник) Азимкула, на предложение вырваться из окружения и уйти к основным силам Якуб-бека ответил так: «Лучше сто раз умереть, чем снова лизать пыль с ног Счастливики». В итоге Азимкула, по мнению современников, один из лучших офицеров Якуб-бека, пал в бою, застреленный из лука кавалеристом-калмыком из гвардии Цзо Цзунтана.

Лишь небольшому количеству всадников удалось вырваться из павшего Гумуди. Во взятой крепости солдаты империи Цин вырезали шесть тысяч дунган. Свидетелем резни стал русский купец Иосиф Каменский: «Зверству нет предела, в особенности над дунганами; считается за счастье зарезать какого-нибудь дунганина, и за каждую голову платят по два ляна серебром. Надо полагать, что все дунгане весьма скоро будут истреблены до последнего...»

Но всё это не помешало купцу Каменскому с разрешения русских властей продавать Цзо Цзунтану среднеазиатскую пшеницу. Коммерция была чрезвычайно выгодной – при исходной стоимости 15 копеек за пуд доставленная караванами к Урумчи пшеница закупалась интендантами Цзо по цене в 40 раз выше. Китайцы щедро расплачивались с русским купцом британским серебром из займа, полученного от Гонконг-Шанхайского банка. Империя Цин возвращала Синьцзян, не считаясь с ценой.

«Наши войска, обрушившись со всех сторон, убивали их...»

Летом 1876 года войска империи Цин, пользуясь негласной поддержкой России, вели генеральное наступление против повстанцев Синьцзяна. Основной удар отряды «императорского комиссара» Цзо Цзунтана нанесли по союзникам Якуб-бека, плохо вооружённым повстанцам-дунганам. Сам же глава непризнанного государства «Йеттишар» (или «Кашгарского ханства», как называли эту территорию тогда в Европе) с лучшими силами своей армии уклонялся от активных действий, предпочитая ждать атаку китайцев на заранее подготовленных позициях и всё ещё надеясь втянуть Пекин в переговоры о признании формального вассалитета.

18 августа авангардные части Цзо Цзунтана после ожесточённого штурма захватили крепость Гумуди, блокировавшую одну из караванных дорог в дневном переходе к северо-востоку от города Урумчи. После штурма маньчжуро-китайские войска не только устроили резню шести тысячам пленных дунган, но и вырвали у пленников крайне важные сведения. Оказалось, что в Урумчи, одном из крупнейших городов региона, нет регулярных войск Якуб-бека. Владыка Синьцзяна всё ещё ждал лобовую атаку китайцев со стороны стратегического «оазиса Хами».

Изначально китайское командование не планировало атаковать Урумчи, будучи уверенным, что за его стенами укрепился серьёзный гарнизон. Поэтому, согласно разработанному Цзо Цзунтаном планам кампании 1876 года от Гумуди главные силы империи Цин должны были двинуться прямо на запад, вдоль северной границы Синьцзяна с азиатскими владениями России. Целью этого удара должен был стать лежащий в трёх дневных перехода город Манас, в районе которого с весны действовали «туаньянь» (партизанские отряды из китайских и маньчжурских колонистов, недорезанных мятежными дунганам и уйгурами).

Но занявшие 18 августа крепость Гумуди маньчжурские генералы Лю Цзиньтан и Цзинь Шунь проявили необходимую инициативу – узнав об отсутствии в Урумчи войск Якуб-бека, они не стали терять время на согласование с высшим командованием и бросили свои батальоны форсированным маршем к стенам города. Утром 19 августа 1876 года 15 тысяч солдат империи Цин атаковали Урумчи и быстро захватили его.

Этот удар фактически выводил китайские войска в тыл основным силам Якуб-бека, сосредоточившимся в «Турфанском оазисе», прямо к западу от «Оазиса Хами», из которого владыка Синьцзяна всё ещё ждал

лобовой удар армии «комиссара» Цзо. К счастью для Якуб-бека, захваченный Урумчи отделял от Турфанской низменности горный хребет Тянь-Шаня с единственным удобным перевалом, который контролировала крепость Дабаньчэн. «Счастливец» успел до появления китайских авангардов занять её своим гарнизоном, отправив на перевал 800 бойцов с современными винтовками и двумя нарезными пушками. Но всё, что лежало к северу от перевала, становилось для Якуб-бека потерянным.

Войска Цзо Цзунтана, оставив 6-тысячный заслон на перевале у крепости Дабаньчэн, двинулись далее на запад, к городу Манасу. Оставшись без поддержки хорошо вооружённых «сарбазов» и «джигитов» Якуб-бека, повстанческие отряды уйгуров и дунган сопротивлялись отчаянно. Битва за Манас растянулась на месяцы.

Только в первой половине октября 1876 года маньчжуро-китайская артиллерия сумела пробить две бреши в крепостной стене по 5–6 метров. Но несколько попыток лучших частей Цзо Цзунтана ворваться через проломы на улицы Манаса были отбиты. И тогда «Императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне» Цзо Цзунтан предложил запершимся в городе дунганам амнистию в обмен на капитуляцию.

Осаждённые к тому времени уже не надеялись на какую-либо помощь от Якуб-бека и предпочли поверить китайцам. 6 ноября 1876 года повстанцы с семьями вышли из Манаса. Генерал Цзинь Шунь, ранее удачно взявший Урумчи, докладывал главнокомандующему Цзо о последовавших событиях так: «Утром 21-го числа 9 месяца (6 ноября в китайском исчислении) около трёх тысяч дунган разного пола и возраста вышли из крепости через западные ворота под охраной вооружённых воров... Наши войска, обрушившись со всех сторон, убивали их. Не давали бежать ни одному. Спрятавшиеся в городе воры были найдены и убиты».

Сам Цзо Цзунтан следующим образом донёс в Пекин о случившемся в Манасе: «После 60-дневной осады воры были доведены до крайности. 21-го числа 9-го месяца из крепости вдруг вышла толпа якобы для того, чтобы сдаться. После восхода солнца они стали пробивать кольцо окружения и собирались бежать...»

Помимо уничтожения живых повстанцев, солдаты Цзо Цзунтана в захваченном Манасе выкопали из могилы останки «Давут-Халифа», умершего за 5 лет до описываемых событий. Этот бывший чиновник империи Цин и китайский мусульманин по имени То Дэлинь был главой одного из религиозных братств исламистов. Именно он возглавил первый антицинский мятеж в Урумчи в июле 1864 года и считался китайскими властями едва ли не главным зачинщиком всех потрясений в Синьцзяне.

Выкопанный труп по приказу Цзо Цзунтана демонстративно изрубили на мелкие куски.

«Зима не принесла с собой усиления войск Якуб-бека...»

К исходу 1876 года войска империи Цин заняли почти всю Джунгарию, т. е. северо-западную часть Синьцзяна. Находившиеся непосредственно в подчинении Якуб-бека почти 40 тысяч бойцов так и остались в странном бездействии. К удивлению даже ближайших соратников, глава непризнанного государства «Йеттишар» так и не предпринял никаких активных действий. Хотя Якуб-беку предлагали сулившие успех планы – например, провести демонстративную атаку на «оазис Хами» и тем временем попытаться перерезать коммуникации китайских отрядов, несколько месяцев осаждавших Манас.

Хорошо вооружённые современными винтовками регулярные «сарбазы» (пехотинцы) и «джигиты» (кавалеристы) Якуб-бека могли бы существенно потрепать наступающие отряды Цзо Цзунтана. Но «Счастличик» оставался в бездействии, странном для всех, кроме узкого круга дипломатов и разведчиков.

Дело в том, что один из самых доверенных лиц владыки Синьцзяна, Саид Якуб Хан, отправился через Стамбул в Лондон, рассчитывая на посредничество могущественной Британской империи. Сам Якуб-бек всё ещё чувствовал себя уверенно, ведь китайские войска разгромили лишь отряды дунган и уйгуров, ставшие его союзниками только перед лицом общего врага, а до этого не раз воевавшие против самозваного главы Синьцзяна. Захват Урумчи и Манаса вызвал массовое бегство местного населения в районы, контролируемые Якуб-беком. Этих беглецов «Счастличик» без труда вербовал в своё войско, к концу года увеличив его на 10 тысяч новых солдат.

С наступлением зимы прекратили активные действия и войска Цзо Цзунтана. Во-первых, штурмовать в холода высокогорные перевалы было безумием. Во-вторых, недавно переживший разгром «опиумных» войн Пекин был вынужден прислушаться к недвусмысленным сигналам из Лондона. В столицу Британии на переговоры с представителем Якуб-бека отправился цинский дипломат Го Сун-Тао. Кстати, это было первое посольство маньчжурского Китая в Западную Европу, а сам «цзиньши» (профессор) Го был по совместительству известным в Поднебесной историком.

Пекин откровенно побаивался Лондона, кроме того, верхи империи Цин всё ещё не были уверены и в победном исходе столкновения с основными силами Якуб-бека. Переговоры в столице Британии решили вести на всякий случай – чтобы не обострять отношения с англичанами и, одновременно, чтобы и далее не провоцировать Якуб-бека на активные

действия. Цзо Цзунтан даже направил из Урумчи к «Счастливику» парламентёров с предложением в обмен на перемирие выдать цинским властям всех повстанцев-дунган, бежавших в Синьцзян после разгрома мусульманских восстаний в китайских провинциях Шэнси и Ганьсу.

Якуб-бек, естественно, не пошёл на выдачу «язычникам» своих собратьев по вере, но ещё более убедился в правильности своей выжидательной стратегии. Однако холодная зима с 1876 на 1877 год показала, что «Счастливик» обманывает сам себя. Зима была тяжёлой для обеих сторон, но регулярные войска империи Цин могли опираться на ресурсы далёкого Китая и поставки продовольствия из российских владений в Средней Азии. Тогда как огромная, по местным меркам, армия Якуб-бека, сосредоточенная в Турфанской долине и окрестностях, зимой столкнулась с проблемами снабжения.

Как писал полковник Алексей Куропаткин (будущий главнокомандующий в Русско-японской войне), в 1876–1877 годах не раз побывавший в Синьцзяне: «Зима не принесла с собой усиления войск Якуб-бека... Положение войск на передовой линии было бедственное, большая часть стояла в палатках при морозах до 20 градусов, не имела достаточно тёплой одежды и почти не имела топлива».

К трудностям снабжения добавился и упадок духа. Рядовые бойцы и офицеры и даже высшие военачальники Якуб-бека не понимали, отчего «Счастливик» не предпринял никаких действий, чтобы помешать китайцам захватить почти всю Джунгарию. Большая политика в виде переговоров в Лондоне оставалась глубокой тайной. Да мусульманские повстанцы, жившие ещё средневековыми понятиями, и не приняли бы такие «геополитические» манёвры.

Полковник Куропаткин так описывал состояние армии Якуб-бека к весне 1877 года: «Что же касается нравственного духа, то он ухудшался. Дезертирство всё усиливалось и стало захватывать в свои ряды личности, в верности которых Якуб-бек всего менее был способен сомневаться...»

На фоне военных трудностей сказалось внутреннее напряжение в «государстве» Якуб-бека, где все местные уроженцы были недовольны деспотичной властью «Счастливика», опиравшегося преимущественно на своих соплеменников, узбеков-«андижанцев». Первыми к китайцам стали перебегать те, кто ранее служил на чиновничьих должностях в цинском Синьцзяне. Таким перебежчикам «императорский комиссар» Цзо Цзунтан возвращал прежние чиновничьи звания и даже раздавал высокие должности во всё ещё подконтрольных Якуб-беку районах.

В самом начале 1877 года к китайцам перебежал отряд в четыре десятка «отборных джигитов», сопровождавших полевую казну Якуб-бека. Естественно, дезертиры ушли вместе с казной. К весне к китайцам бежал даже родной брат того человека, которого Якуб-бек послал на секретные переговоры в Лондон. Этого перебежчика по имени Хамиль-

хан китайцы наградили деньгами и отпустили жить на нейтральную территорию, в Ташкент, ставший к тому времени русским.

«Всего с 1876-го по февраль 1877 года, – пишет Куропаткин, – дезертировало до 400 человек. Кроме потери казны, кроме бегства нужных ему людей, Бадаулета (Счастливчика) зимою постигло новое несчастье. Устроенный им по дороге из Токсуна в укрепление Даванчи (Дабаньчэн) в урочище Сиапур склад продовольственных запасов и пороха сгорел дотла. В складе было собрано до 80.000 чариков (свыше 147 тонн) муки и до 17.000 чариков (свыше 32 тонн) крупы. Причина пожара неизвестна. Подозревали умышленный поджог».

«Их желание отхватить кусок от нашей страны...»

В начале 1877 года в Урумчи располагалось всего шесть тысяч китайских солдат. Якуб-бек усилил до двух тысяч гарнизон крепости Дабаньчэн, запиравший горный перевал, ведущий из Урумчи в тыл его основных сил в Турфанской долине, и считал себя в полной безопасности на этом направлении. «Счастливчик» всё ещё ждал со стороны китайцев удара в лоб от «оазиса Хами» и надеялся на переговоры в Лондоне.

Но к весне 1877 года Цзо Цзунтан сумел скрытно перебросить в Урумчи пришедшие из далёкого Китая 13 отборных батальонов с современным оружием (6500 пехотинцев, 500 кавалеристов и 38 нарезных орудий). В ночь на 18 апреля, воспользовавшись густым туманом, лучшие войска «императорского комиссара» Цзо неожиданно атаковали крепость Дабаньчэн, прикрывавшую стратегический горный перевал, ведущий в тыл основных сил Якуб-бека.

Крепость к тому времени защищали две тысячи регулярных войск владыки Синьцзяна (из них половина с современными винтовками) и несколько тысяч повстанцев-дунган, бежавших сюда из Урумчи ещё в августе 1876 года. Гарнизон крепости сумел отразить неожиданную атаку маньчжуро-китайских войск. В ходе боя, продолжавшегося целые сутки, 400 «сарбазов» провели успешную вылазку, разгромив отряд в тысячу китайцев и даже ранив командовавшего китайским наступлением генерала Лю Цзиньтана (именно он в прошлом году захватил Урумчи).

Однако войска империи Цин были упорным противником. Они сумели полностью окружить крепость Дабаньчэн и заблокировать единственную горную дорогу, по которой могло прийти подкрепление. Поспешивший на помощь крупный отряд Якуб-бека попал в засаду и был разбит.

Через трое суток непрерывного штурма сказалось превосходство новой китайской артиллерии. В ходе массированного обстрела 20 апреля один из разрывных снарядов попал в пороховой склад. Взрыв повредил укрепления и вызвал большой пожар. К вечеру крепость Дабаньчэн пала. Победителям достались богатые трофеи, включая 800 породистых коней. Свыше двух тысяч мусульманских защитников Синьцзяна погибли, а 1316 человек попали в плен. Офицеры Цзо Цзунтана тщательно подсчитали и донесли командованию, что среди пленников 865 уйгуров, 213 узбеков, 169 дунган и 69 торгоутов (монголов-ойратов).

Цзо Цзунтан сразу повёл политику демонстративного отделения аборигенов Синьцзяна от пришлых «андижанцев»-узбеков, соплеменников Якуб-бека, служивших опорой его диктаторской власти. Всех пленников, кроме узбеков, освободили, щедро выдав им припасы и коней для возвращения по домам. Офицеры Цзо Цзунтана уверили

освобождённых, что империя Цин ведёт войну только против «андижанцев» Якуб-бека.

И тут владыка Синьцзяна допустил ещё одну ошибку. Вот как её описывает Алексей Куропаткин, до середины весны 1877 года остававшийся на территории Восточного Туркестана: «Считая весьма опасным принятый китайцами образ действий, Якуб-бек, чтобы парализовать влияние их обращения с пленными, принял меру, которая ещё более повредила ему и создала симпатию к китайцам. Он предписал сыну своему Хак-кулы-беку лишить пленных возможности распространять слух о своем освобождении далее. Хак-кулы-бек выполнил волю своего отца, умертвив значительную часть этих несчастных. Остальные успели бежать обратно к китайцам... Эта мера, как и следовало ожидать, произвела результат обратный тому, которого ожидал Якуб-бек. Слух об этом зверстве быстро прошел по всей Кашгарии, выказал слабость андижанцев и сделал их ещё более ненавистными. Обращение же китайцев с пленными, преувеличенное в рассказах, послужило к усилению партии, противной Якуб-беку...»

Впрочем, и главный враг Якуб-бека, засевший со штабом в Урумчи «императорский комиссар» Цзо Цзунтан в эти дни был куда больше обеспокоен своим тылом, чем фронтом. В далёком Пекине политическая группировка («партия» – в стилистике XIX века) Ли Хунчжана, главного соперника «комиссара» Цзо в борьбе за влияние над Поднебесной, активизировала свою борьбу за принятие английских предложений по «урегулированию вопроса о Восточном Туркестане».

Министерство иностранных дел Британской империи к тому времени сформулировало свои предложения Пекину так:

«1. Признание эмиром Якуб-беком сюзеренитета Китая (страна, которой он управляет, остаётся полностью под его контролем, но он обязуется периодически посылать представителей с подарками или данью в Пекин к великому императору Китая).

2. Определение границ между Кашгарским ханством и Китаем.

3. Заключение между ними соглашения о взаимопомощи в случае необходимости».

Эти предложения – а из уст Лондона, победителя в «опиумных» войнах, они звучали почти как ультиматум – вызвали настоящую панику у Цзо Цзунтана. Переигрывая Якуб-бека в ходе открытой и тайной войны на просторах Синьцзяна, он боялся проиграть в императорском дворце Пекина.

Из Урумчи в столицу империи Цин ушло взволнованное послание. «Императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне» писал:

«Возможно, что англичане поддерживают Якуб-бека, чтобы использовать его против России. Не будем гадать. Но то, что они

уговаривают Китай признать созданное на его земле небольшое государство, означает не что иное, как их желание отхватить кусок от нашей страны... Сохранять на западе самостоятельное государство – всё равно что толкать себя в беду. Ни в коем случае нельзя допустить существование власти Якуб-бека...»

К маю 1877 года накал схватки за Синьцзян достиг апогея, развернувшись от средневековых крепостей в ущельях Тянь-Шаня до столиц трёх огромных империй – Лондона, Пекина и Петербурга.

Открытие «ворот Восточного Туркестана»

В апреле 1877 года войска империи Цин перешли в генеральное наступление и атаковали самопровозглашённое государство Якуб-бека по всем направлениям. 20 апреля благодаря нарезной артиллерии лучшие части Цзо Цзунтана взяли штурмом крепость Дабаньчэн, защищавшую горную дорогу, ведущую в Турфанскую долину с севера из Урумчи. Эта победа давала возможность выйти в тыл основных сил Якуб-бека, одновременно атакованных с востока.

21 апреля наступавшие с восточного направления из «стратегического оазиса» Хами китайские генералы Чжан И и Сюй Чжанху, смяв передовые части Якуб-бека, взяли городок Пичан, располагавшийся в 150 ли (чуть более 80 км) к востоку от Турфана. Спустя трое суток «сарбазы» и «джигиты» Якуб-бека безуспешно попытались остановить наступавших китайцев в полевом бою на караванной тропе примерно посередине между Пинчаном и Турфаном. Всего со стороны повстанцев здесь действовало около 8 тысяч «регулярных» войск Якуб-бека и 10 тысяч уйгурских ополченцев.

Стойкости войск самопровозглашённого «Семиградья» не способствовало известие, что в их тылу, в полусотне вёрст к западу от Турфана, прорвавшиеся через Дабаньчэн китайские части заняли город Токсун, тем самым перерезав основные караванные тропы, соединявшие Турфанский оазис с остальным Синьцзяном. Токсун защищал десятитысячный отряд под командованием Хак-Кули-бека, младшего сына владыки Синьцзяна. Город атаковали 7 тысяч солдат генерала Лю Цзиньтана – это были лучшие бойцы и лучший генерал в армии «императорского комиссара» Цзо Цзунтана.

Генерал Лю Цзиньтан двигался форсированным маршем, чтобы окружить Токсун и захватить в целостности и сохранности сосредоточенные в городе стратегические запасы зерна. В итоге вырвавшийся вперёд авангард попал под контрудар Хак-Кули-бека, был окружён и едва не погиб. Генерал Лю авангард спас, но захватить зерно так и не сумел – повстанцы успели его сжечь. Токсун был захвачен, крупные силы повстанцев под Турфаном были отрезаны от остального Синьцзяна, но неудача с захватом зерна и упорная оборона Турфана не позволили империи Цин продолжить стремительное наступление в глубь Восточного Туркестана.

На восточных подступах к Турфану повстанцы сумели ненадолго остановить наступление китайцев. Но вскоре им пришлось укрыться за стенами города, когда с запада, т. е. с тыла, подошёл присланный генералом Лю Цзиньтаном трёхтысячный отряд китайских солдат, вооружённых современными винтовками. Турфан, как его называли

русские современники «ворота Восточного Туркестана», оказался в плотной осаде.

Сам владыка Синьцзяна Якуб-бек в это время располагался далеко от места основных боёв, в недавно построенной цитадели города Курля (Korla), почти в 300 км юго-западнее Турфана. Все войска в Турфанской долине номинально возглавлял его младший сын Хак-Кули-бек, но в реальности командование находилось в руках группы «полевых командиров» из узбеков-«андижанцев», уйгуров и дунган, что также не способствовало боеспособности войск «Семиградья».

Узнав, что китайцы захватили Дабаньчэн и Токсун, разгневанный Якуб-бек вызвал сына к себе. Но как позднее вспоминал о тех днях Камиль-хан-ишан, политический советник Якуб-бека и его посланник в Турции, «боясь наказания, Хак-Кули-бек отговаривался от поездки всякими предложениями».

Тем временем в осаждённом китайцами Турфане «полевые командиры» не пришли к единому мнению: узбек Хаким-Хан-Тюра и дунганин Мухаммед Биянху решили прорываться из окружения, тогда как дунганин Ма Жэньдэ и часть местных уйгуров предпочли договариваться с китайцами. В итоге 14 мая 1877 года Турфан вернулся под власть империи Цин – на милость Пекина сдалось более двух тысяч хорошо вооружённых мятежников вместе с большими запасами зерна и боеприпасов.

Не пожелавшие сдаться Хаким-Хан и Биянху во главе конных отрядов с боем прорвались на запад. Сказалось то, о чём писал полковник Алексей Куропаткин, лично наблюдавший кавалерию Восточного Туркестана весной 1877 года: «Войска Якуб-бека по вооружению и обучению стояли выше войск среднеазиатских ханств. В особенности хороша была кашгарская кавалерия, сравнительно с теми беспорядочными, дурно вооружёнными толпами конницы, с которыми нам приходилось сталкиваться в Средней Азии».

Неплохо вооружённые и подготовленные, по меркам Азии, кавалеристы Якуб-бека всё ещё оставались сложным противником для войск «императорского комиссара» Цзо Цзунтана. Но моральное состояние армии повстанцев Синьцзяна продолжало падать. Как писал Куропаткин: «Дух войск Якуб-бека не мог считаться благоприятным для ведения упорной борьбы. Злоупотребления при наборах (насильственная вербовка), невыдача положенного содержания, лишения, которые приходилось переносить войскам на передовой линии, присутствие массы андижанцев, готовых после первых неудач Якуб-бека покинуть его и вернуться на родину с нажитым добром, наконец, борьба с китайцами, исход которой почти для всех казался сомнительным, – все эти причины вызвали в рядах войск Якуб-бека сильное дезертирство, усиливавшееся с каждым днем».

Смерть «Счастливого»

В дни, когда китайские войска окружали Турфан, владыка Синьцзяна встретился с «путешественником» Пржевальским. Русский полковник так вспоминал ту встречу: «Принял нас ласково, по крайней мере наружно, и всё время аудиенции, продолжавшейся около часа, не переставал уверять в своём расположении к русским вообще, а ко мне лично в особенности».

Изначально крайне враждебный к России, под натиском Китая владыка Синьцзяна попытался поменять прежнюю политику, весной 1877 года направив полное восточных комплиментов послание Константину Кауфману, генерал-губернатору российского Туркестана. Отсидевшись с крупными силами вдалеке от «фронта», Якуб-бек всё ещё надеялся спасти своё государство путём дипломатических интриг – в Лондоне к лету должны были начаться переговоры представителей мятежного «Семиградья» и империи Цин. За время переговоров синьцзянский деспот, не зря прозванный «Бадаулетом» («Счастливым»), рассчитывал склонить на свою сторону и Россию, обещая ей «вечное добрососедство» и небывалые торговые привилегии в Восточном Туркестане.

Тем не менее Якуб-бек попенял Пржевальскому, что в войсках Цзо Цзунтана якобы служат русские офицеры в качестве инструкторов. Пржевальский вполне справедливо отрицал эти претензии, заявляя, что в войсках «императорского комиссара» Цзо есть только русские купцы.

Знаменитый путешественник оказался последним подданным Российской империи, кто видел владыку Синьцзяна живым. Спустя ровно месяц после их встречи, 30 мая 1877 года, «Бадаулет» неожиданно умер на шестом десятке лет – ему действительно посчастливилось не увидеть крах своего государства.

Существует несколько версий кончины Якуб-бека. Встречавшийся с ним полковник Алексей Куропаткин так обобщил свои личные впечатления и собранные сведения о владыке Синьцзяна и обстоятельствах его смерти:

«Покойный Якуб-бек был человек умный, деятельный, с удивительною памятью, но вместе с тем хитрый и лукавый; правды почти не говорил; в полном смысле был эгоистом и ни для кого не был другом. Полководцем же в последнее время он выказал себя весьма плохим... В отношении скромности своих личных потребностей Якуб-бек мог служить примером не только для всех азиатских государей, но и для некоторых из своих беков. Его жилища были просты до бедности. Одежда и пища те же, что у всех подчинённых. Единственною допускаяшеюся им роскошью было содержание обширного гарема, в котором насчитывали до 300 женщин. Его походный гарем состоял из шести жён.

Обряды религии своей исполнял усердно. В сутки отдыхал только около четырёх часов, а остальное время был занят. Никому не доверял: во все дела, начиная от конюшни и кухни до самых важных государственных дел, вникал сам. Придворный штат Якуб-бека мало напоминал, по своей малочисленности, придворные штаты бухарского эмира и бывшего кокандского хана. Все распоряжения по управлению страной и всю переписку Якуб-бек вёл через свою канцелярию, состоявшую из четырёх мирз. Эти мирзы служили Якуб-беку одновременно и секретарями и писарями.

Каждое утро, со светом, Якуб-бек уже сидел на своём обычном месте, у двери, на коврике. Вся полученная за истекший день переписка перечитывалась Якуб-беку дострочно. По прочтении каждой бумаги Якуб-бек диктовал тотчас свою резолюцию, которая записывалась мирзою на прочитанной бумаге. В тот же день гонцы, верхом, со скоростью от 140 до 200 вёрст в сутки, везли эти бумаги по назначению. Через каждые 40–50 вёрст гонцы меняли лошадей на станциях, нарочно для этой цели устроенных. Быстрота решений Якуб-бека и их строгость известны всем и заставляли подданных Якуб-бека дрожать при его имени за сотни верст.

16 мая 1877 года, в 5 часов пополудни, Бадаулет был сильно раздражён своим мирзою (секретарем) Хамалом, которого за неточное исполнение каких-то поручений он бил прикладом до смерти. Убив Хамала, Якуб-бек набросился и начал бить своего казначея Сабир-ахуна. В это время с ним сделался удар (так именовали в XIX веке инсульт или инфаркт. – Прим. авт.), лишивший его памяти и языка. Оставаясь в этом положении, Бадаулет 17 мая (30 мая нового стиля. – Прим. авт.) в 2 часа утра скончался. Слухи об отравлении Якуб-бека сыном его Хак-кулибеком и о том, что он сам, ввиду неудач против китайцев принял яд, не имеют основания...»

В Китае с XIX века господствует версия, что Якуб-бек был отравлен одним из своих приближённых – Нияз-беком, бывшим мелким чиновником в цинском Синьцзяне, после антикитайского восстания ставшим «хакимом», т. е. наместником города Хотана. Действительно, после смерти Якуб-бека и усмирения Восточного Туркестана власти империи Цин наградили Нияз-бека должностью наместника ещё более крупного города, Яркенда. Однако вскоре китайцы обвинят награждённого в заговоре и сборе оружия для нового восстания, его арестуют, и в тюрьме он покончит с собой. По легенде, Нияз-бек отравился спрятым в перстне ядом, тем же, которым убил Якуб-бека.

Сегодня мы можем лишь гадать об истинных обстоятельствах смерти владыки Синьцзяна, случившейся ровно 140 лет назад. Бесспорно одно – кончина «Счастливого» стала решающим фактором в дальнейшей судьбе Восточного Туркестана.

«Неверные греховодники китайцы» и схватка за наследство Якуб-бека

Едва узнав о смерти главного врага, «императорский комиссар» Цзо Цзунтан, будучи уверенным в отравлении Якуб-бека агентами китайской разведки, поспешил выдвинуть и повсюду распространить пропагандистскую версию – что главный мятежник сам принял яд и покончил с собой, «оказавшись в безвыходном положении». Эта версия будет считаться официальной до самого конца существования империи Цин.

В стане противников Китая после смерти Якуб-бека сразу обострились до того подспудно тлевшие соперничество и борьба за власть. Младший сын покойного, Хак-Кули-бек, числившийся командующим войсками на «фронте», тут же повёл свои отряды подальше от китайцев, к городу Курля. Там он захватил походную казну, выплатил войскам двухмесячное жалование и спешно отправился в Кашгар, столицу мятежного «Семиградья». С собой Хак-Кули-бек вёз тело отца.

Вместо себя сын Якуб-бека назначил временным командующим войсками на антикитайском «фронте» популярного военачальника, узбека Хаким-Хан-Тюру. На следующий же день после отъезда претендента на синьцзянский престол оставшиеся войска провозгласили Хаким-Хан-Тюру верховным правителем и двинулись вслед за уехавшим Хак-Кули-беком, чтобы раньше него захватить главное казначейство покойного Якуб-бека, хранившееся в городе Аксу.

Но младший сын покойного Якуб-бека сумел раньше захватить сосредоточенные в Аксу ценности и продолжил путь к Кашгару. Он надеялся войти в «столицу» с верными войсками и деньгами раньше, чем гонцы доставят туда сведения о кончине Якуб-бека. Однако его опередил тайный посланник, направленный в Кашгар Нияз-беком, тем самым наместником города Хотана, которого власти империи Цин считали отравителем «Счастливого».

Наместником «столичного» Кашгара был Бек-Кули-бек, старший сын Якуб-бека. Получив сведения о смерти отца и действиях младшего брата, он двинулся ему навстречу со своими войсками. В 80 верстах от Кашгара у моста через реку Кизилсу состоялась встреча близких родственников, закончившаяся тем, что старший брат отрезал младшему голову.

Формально старший сын «Счастливого», Бек-Кули-бек, стал главой Синьцзяна. Перед лицом Китая он попытался сохранить свою самостоятельность, полностью переориентировавшись на Россию. Уже в конце июня 1877 года туркестанский генерал-губернатор Кауфман

получил витиеватое послание Бек-Кули-бека, в котором тот именовал себя «опечаленным сиротой», а самого Кауфмана «любезным другом, с давнего времени и до ныне из дружбы и расположения заботящимся о пользе и благе» земель всего Туркестана.

Помимо уверений в дружбе с намёками на желание протектората Бек-Кули-бек излагал в послании и приукрашенное положение на фронте: «Сообщаю Вам, что в настоящее время неверные греховодники китайцы находятся на линии Турфана и Токсуна. Наши же войска в совершенном спокойствии стоят на линии Карашара и Курля. Увеличив ныне эти войска пятью тысячами хорошо вооружённых солдат, мы в скором времени отправим их в ту сторону. Надеемся, что относительно вышеизложенного Вы благоволите дать нам мудрый совет, который, Бог даст, послужит нам в пользу...»

Но в штабе генерала Кауфмана хорошо знали реальное положение дел в Восточном Туркестане, где образовалось как минимум три центра власти: Бек-Кули-бек в Кашгаре, Хаким-Хан-Тюра в Аксу и подозреваемый в отравлении «Счастливчика» Нияз-бек в Хотане. Любопытно, что всё лето 1877 года войска империи Цин, укрепившись в захваченном Турфанском оазисе, не спешили вмешиваться в развернувшуюся схватку наследников Якуб-бека. В Пекине всё ещё опасались открыто игнорировать весенний ультиматум Лондона, требовавшего мирных переговоров о судьбе и статусе Синьцзяна.

Падение Восточного Туркестана

В июле старший сын Якуб-бека разгромил отряды под командованием Хаким-Хан-Тюра, а в сентябре – отряды Нияз-бека. Первый из разгромленных бежал на российскую территорию, второй – к китайцам. Казалось, старший отпрыск Якуб-бека станет признанным главой Восточного Туркестана, но тут в сентябре 1877 года китайские войска начали новое генеральное наступление.

В Пекине выждали, пока междоусобица в среде синьцзянских повстанцев станет очевидна для Лондона, и лишь в августе объявили, что прибывший в столицу Британии китайский посол Го Сун-Тао не намерен вести переговоры с представителями непонятно кого. Английские власти после смерти Якуб-бека и разразившейся междоусобицы потеряли серьёзный интерес к Синьцзяну – оказывать реальное влияние на этот отдалённый регион они могли только в союзе с крепкой властью Якуб-бека, воевать же с Китаем за шаткую власть его сыновей в Лондоне желающих не было.

Новое наступление китайских войск шло стремительно. Выступив в начале сентября 1877 года из Турфанского оазиса, полки империи Цин уже 9 октября заняли Курлю, бывшую ставку покойного Якуб-бека. Все жители города отступили на запад, предварительно открыв дамбы на реке Карашардаря и затопив часть города. В отместку кавалерия генерала Лю Цзиньтана, состоявшая преимущественно из монголов и калмыков, догнала колонны из десятков тысяч беженцев и уничтожила большинство из них.

Истощённые междоусобицей отряды синьцзянских повстанцев не могли оказать серьёзного сопротивления. В некоторых случаях войскам империи Цин помогал прямой подкуп – так 21 октября сдалась хорошо укреплённая цитадель города Бай. Китайцы не смогли её взять в ходе нескольких кровопролитных штурмов и предпочли заплатить командовавшему обороной уйгуру Мухаммеду Тохти солидное вознаграждение.

На фоне успешного наступления китайцев начался окончательный распад непризнанного государства. В конце октября в «столичном» Кашгаре восстали «новые мусульмане», пленные китайцы, которых покойный Якуб-бек когда-то насильно зачислил в свою армию в качестве «тайфурчи», стрелков из древних фитильных ружей. Восставшие во главе с офицером Хэ Буюнем захватили в заложники семьи многих высших командиров из армии покойного Якуб-бека и заперлись в цитадели Кашгара.

Наследник «Счастливого» Бек-Кули-бек в это время находился более чем в 150 км к юго-востоку – в городе Яркенде, где пытался

собрать войска для противодействия китайскому наступлению. Ему пришлось бросить подготовку и поспешить к Кашгару, по пути значительная часть его армии дезертировала. В «столицу» Бек-Кули-бек прибыл, имея менее 5 тысяч бойцов, и попытка отбить городскую цитадель не удалась. Узнав о событиях в Кашгаре, главные силы империи Цин двинулись к этому городу, по пути громя отдельные отряды и крепости мятежников.

17 декабря «столичный» Кашгар, спустя почти 13 лет, вновь оказался под властью империи Цин, через двое суток пал и Яркенд. В последний день 1877 года маньчжуро-китайская власть вернулась в город Хотан. При взятии этих городов в качестве трофеев войскам «императорского комиссара» Цзо Цзунтана досталось около сотни пушек, тысячи современных винтовок и более десяти тысяч породистых коней.

К началу нового, 1878 года под власть империи Цин вернулись все крупнейшие города и районы Синьцзяна, за исключением «Илийского края», седьмой год занятого русскими войсками. К весне 1878 года из покорённого маньчжуро-китайскими войсками Восточного Туркестана в «Илийский край» и другие российские владения бежало свыше 100 тысяч жителей Синьцзяна, опасавшихся мести и репрессий со стороны вернувшихся чиновников и солдат империи Цин.

Окрылённый победой, Цзо Цзунтан немедленно потребовал от России выдачи бежавших, прежде всего старшего сына Якуб-бека и лидеров ополчения. Спор о беженцах и статусе «Илийского края» на ближайшие годы стал главным в российско-китайских отношениях. Переговоры по этим вопросам начались в 1879 году в Крыму, в Ливадийском дворце – расположенной в Ялте резиденции российских императоров. Начиная эти переговоры, Россия и Китай ещё не догадывались, что по их итогам окажутся на грани большой войны...

Глава 14

**«Нам придётся идти прямо на Пекин...».
Несостоявшаяся русско-китайская война
1880–1881 годов**

«Напоминают людей Синьцзяна...»

Возвращение в 1878 году Восточного Туркестана под власть империи Цин неожиданно для Петербурга поставило Россию на грань большой войны с Китаем. Изначально всё было гладко – Пекин и Петербург начали дипломатические переговоры о дальнейшей судьбе «Илийского края», той части Синьцзяна, которую седьмой год занимали русские войска. Впервые в истории китайский посол посетил столицу России и лично встретился с русским царём. Посланником Пекина стал маньчжурский аристократ Чун Хоу, бывший командующий «знамёнными» войсками в Мукдене и «начальник внутренней стражи» императора Поднебесной.

Один из китайских секретарей Чун Хоу – чиновник 8-го, т. е. предпоследнего, ранга Чжан Дэи – в те дни записал в дневнике свои первые впечатления о России: «Кругом снег и лёд, а по льду ходят куры... Местные жители, кроме чиновников и крупных торговцев, обличем грубы, по виду невежественные и напоминают собой людей Синьцзяна».

Чиновник 8-го ранга Чжан Дэи в соответствии с неизменной на протяжении двух веков униформой гражданской службы империи Цин носил золотой чеканный шарик на шапке и вышитую на груди халата эмблему с изображением «куропатки». По мнению искушенных в охоте русских людей XIX столетия, изображение «куропатки» на груди мелкого китайского чиновника напоминало скорее перепела.

В 1876 году Чжан Дэи в качестве «тунши», секретаря китайского посольства, был направлен в Англию, а затем и в Россию. Около года китаец провёл в Лондоне, а затем через Париж и Берлин направился в Петербург. По пути «тунши» 8-го ранга империи Цин вёл подробный дневник, в котором описывал свои впечатления от увиденного в заморских странах.

Любопытно, что с элементами русской культуры он столкнулся ещё в Лондоне. Как свидетельствует дневник китайца, в столице Британской империи среди зажиточных слоёв тогда были популярны рестораны русской кухни. Англия и Россия вели в те годы затяжную «большую игру», напряжённое политическое соперничество за влияние в Центральной Азии, и британские джентльмены, видимо, были не прочь познакомиться с кухней потенциального противника.

Китайские офицеры и солдаты из провинциального гарнизона Синьцзяна

К сожалению, Чжан Дэи не оставил нам описания этих русских блюд в лондонских ресторанах XIX века, зато подробные записи его дневника дают очень колоритную картинку китайского взгляда на Российскую империю. Чжан Дэи – первый китаец позапрошлого столетия, впервые увидевший нашу страну и чьи личные впечатления сохранились до наших дней.

Китайский дипломат подъезжал к границам Российской империи зимой, в самом конце 1878 года. И прежде всего он отметил резкий контраст Восточной Пруссии и российской Прибалтики: «В Германии вдоль дороги поля лежат тучные, дома стоят ровные, аккуратные. Когда въехали в Россию, я увидел повсюду пустыню, запорошенную снегом. Жители здесь в большинстве своём живут в хижинах, крытых соломой... Кругом снег и лёд, а по льду ходят куры».

Китаец въехал в Россию в разгар зимы, и это наложило отпечаток на все его впечатления. Приближение к столице Российской империи Чжан Дэи описывает цитатой из старинного китайского романа: «Как говорится, на тысячи ли кругом серебряные дворцы из снега и нефритовые деревья – ни единой полоски земли».

Любопытно описание зимних дорог в дневнике китайского дипломата: «Дороги в России широкие, везде заледенелые, и лежит на

них снег толщиной в 8–9 цуней (то есть 25–30 сантиметров), так что экипажам проехать трудно. А потому делают здесь снежные кровати, которые тянут лошади».

Китаец просто не знал понятия «сани» и никогда их ранее не видел. Поэтому он нашел для описания формы русских саней наиболее понятную ему внешнюю аналогию – деревянную кровать. «Снежные кровати, – продолжает описание китайский дипломат, – сбиты из тонких досок, а видом своим они напоминают иероглиф ва (квадрат с выемкой сверху). Снизу, как слева, так и справа, на них набиты железные пластины. Кучер находится спереди, а пассажиры позади него. Тянет повозку одна или две лошади, и скачут они по снегу весьма быстро. Повозка с одной лошадейю называется са-ни, а с двумя – па-ла».

Звучание русских слов «сани» и «пара» китаец передает как «са-ни» и «па-ла». Любопытно, что сани с тройкой лошадей он именуется на финский манер: «вейка», именно так в XIX столетии их именовали в окрестностях Петербурга – китаец для этого пишет иероглифы, звучащие как «вэй-каа».

«Ближе к городу, – продолжает Чжан Дэи, – заметил массивные деревянные строения, среди коих, однако, зданий приличного вида не так уж и много. Одевание местных жителей напоминает платье монголов; белые курмы из овчины, на голове войлочные шапки, ноги обуты в кожаные сапоги. Что до здешнего производства, то оно ограничивается лесным хозяйством, поскольку растёт здесь сосна да ель».

Санкт-Петербурга «тунши» 8-го ранга империи Цин достиг по европейскому календарю в первые дни января 1880 года. По русскому календарю тогда ещё только кончался декабрь 1879-го, а по китайскому стилю шёл 12-й месяц 4-го года правления императора Гуансюя. «День восьмой гуйвэй. Пасмурно и немного снежит. Проехали 3150 ли, в час сую с четвертью (то есть после 7 часов вечера) достигли российской столицы», – записал в дневнике Чжан Дэи.

«Исследуя северные края Элосы (России), – пишет далее китайский дипломат, – можно сказать, что находятся они в хладном поясе, где во все четыре сезона царит стужа, а тепла мало, потому вода и земля здесь замерзают куда раньше, чем в других местах. Лёд здесь появляется уже в пору осени, а в сезон «хладных рос» холод крепчает... Люди здесь спят прямо на льду и даже его едят».

Китайскую миссию поселили в гостинице на улице Михайловской, «в коей тысяча комнат», как записал в дневнике Чжан Дэи. «И хотя сложена она из камня, а перекрытия в ней железные, выглядит здание далеко не изысканно», – резюмировал китаец, уже неплохо знакомый с Лондоном и Парижем. На следующий день он добавляет: «Здания в российской столице разные, от пяти до семи этажей. Видом своим они напоминают иностранные дома в Сайгоне или Сингапуре. Местные

жители, кроме чиновников и крупных торговцев, обликом грубые, по виду невежественные и напоминают собой людей Синьцзяна».

Любопытно, что бородатое и одетое в овчины русское простонародье образованный китаец XIX столетия сравнил со среднеазиатскими подданными Китайской империи. Удивила сына Поднебесной и повсеместная езда детей и даже взрослых на саночках и салазках, он именует их «ледяными диванами». При этом повсеместно носимые валенки, неизвестные в Китае, он называет «войлочными чулками».

«Сусанянь» и «сотни юных дев»

Любопытно сделанное китайцем описание русских всадников, сопровождавших по улицам Петербурга кареты, в которых китайских дипломатов везли в Зимний дворец: «Кареты сопровождали девять человек охраны, облачённые в длинные ярко-красные мундиры, обшитые золотой тесьмой. На голове чёрные с позолотой суконные шапки, видом похожие на пельмени».

Первые дни пребывания китайца в Петербурге совпали с православным Рождеством. И Чжан Дэи даёт подробное описание экзотического для него праздника в экзотическом заснеженном городе.

«Нынче немного метёт, – пишет он. – На улицах города продают небольшие сосенки, поскольку в этот день отмечается рождение Иисуса. Чтобы деревце не упало, оно снизу прикреплено к крестовине. На него вешают разноцветные фонарики и всякие вещицы. Покупает такое деревце каждая семья, которая ставит его в доме, а с наступлением вечера на нём зажигают фонарики. После того как они погаснут, несколько юных отроков начинают раздавать подарки... Все торговые заведения закрыты на три дня. На улицах города множество хмельных людей, пребывающих в радостном расположении духа...»

За эти дни Чжан Дэи побывал в Мариинском театре, где шла опера Глинки «Жизнь за царя» (дореволюционное название оперы «Иван Сусанин»). Представление китайцу понравилось, и в своём дневнике он подробно изложил историю Сусанина, записывая имя главного героя на китайский манер – «Сусанянь» или просто «старый Су».

«Су вёл солдат всю ночь и завёл их в глухой лес, – пишет китаец. – Отсюда до того места, где находился государь, было несколько сотен ли. Солдаты вконец обессилели. Стоял мороз, а тут ещё подул лютый ветер со снегом. Солдаты, взявшись за сабли, принялись допрашивать старика, однако Су, догадываясь о том, что царь уже обо всём знает и успел спастись, громко сказал: «Я не знаю, где находится государь, а завёл я вас сюда для того, чтобы затянуть время, дабы он успел скрыться». Рассвирепевшие солдаты его убили».

Финал этой истории Чжан излагает в чисто китайском, конфуцианском духе: «Через какое-то время царь, осуществив свои планы, присвоил посмертно Су титул Преданного мужа, а его детям дал землю и даровал чиновное звание. Имя героя дошло до наших дней».

Любопытно, что китайский дипломат определил русскую оперу как местный аналог китайского традиционного театра «Цзинцзюй», где актёры так же поют во время представлений. И патриотическое содержание о верном подданном царя и богатые декорации китайскому зрителю очень понравились: «На сцене появлялись самые разные

картины – деревни, широкие поля, дальние леса и реки, высокие кручи, ледяные глыбы, плывущие по воде. Выл ветер, а в воздухе летали хлопья снега. А потом небо просветлело и появилась ясная луна. В последней сцене, когда все трое получали награды, артисты выстроились в один ряд, появились кареты, запряжённые конями, замелькали знамёна и флаги, заиграла громкая музыка. Внизу и наверху зрители пришли в движение, тесня друг друга. Людей было несчётное число. Словом, зрелище великолепное!»

В Петербурге 33-летний китайский дипломат быстро стал большим поклонником балета. На страницах его дневника в описаниях этих экзотических для него танцев царит явный восторг: «Более сотни юных дев в коротких многоцветных одеяниях выстроились в одну линию, а потом стали водить хоровод. Они взлетали вверх подобно ласточкам, подпрыгивали, словно рыбки, порой парили наподобие лебедей или двигались, будто драконы. Зрелище было яркое и захватывающее».

Впрочем, такое сильное впечатление Чжан Дэи неудивительно – для посланца из конфуцианского Китая русский императорский балет с балеринами в небывало коротких юбках смотрелся как хороший эротический фильм для современного зрителя.

Камень преткновения – «Илийский край»

Но вернёмся от эротических переживаний молодого китайского чиновника к большой межгосударственной дипломатии. Ассоциации русского быта с Синьцзяном, возникшие у Чжан Дэи, появились не только от внешнего сходства бород аборигенов Туркестана с бородами русских крестьян – главным предметом сложных переговоров стала именно новая конфигурация русско-китайской границы в Синьцзяне. Петербург был готов вернуть Пекину «Илийский край», т. е. долину реки Или, но предварительно исправив здесь границу в свою пользу и оставив в российском владении почти треть края – несколько районов и перевалов, удобных с чисто военной точки зрения. Этого требовал Константин Кауфман, генерал-губернатор российского Туркестана, настаивая, что данные участки важны для обеспечения потенциальной обороны новых владений Российской империи в Средней Азии.

Кроме того, Кауфман предлагал получить с Пекина выкуп за возвращаемые территории под предлогом компенсации расходов, понесённых в ходе многолетнего пребывания русского гарнизона в «Илийском крае». Сумма компенсации в 120 миллионов рублей серебром определялась генералом чётко по-военному – ровно столько, по подсчётам Кауфмана, будет стоить строительство железной дороги из России в Среднюю Азию. Такая дорога, по справедливому мнению туркестанского генерал-губернатора, лучше всего могла обеспечить оборону новых границ в этом регионе.

В реальности все расходы русских властей в «Илийском крае» не превышали 300 тысяч рублей и были давно компенсированы за счёт местных ресурсов. Поэтому осторожные дипломаты в Петербурге урезали требования генерала Кауфмана до 5 миллионов серебром. В итоге китайский посол Чун Хоу в Крыму, в Ливадийском дворце (куда посол прибыл на аудиенцию с царём), 20 сентября 1879 года подписал договор о фактическом разделе долины реки Или – треть отходила России, две трети возвращались Китаю. Помимо денежных выплат за возвращение «Илийского края» заключённый в Ливадии трактат предоставлял России право свободного плавания по реке Сунгари в глубь Маньчжурии.

Кроме возврата территорий китайский посол требовал выдачи бежавших в Россию уйгурских и дунганских повстанцев. На это управляющий Азиатским департаментом Российского МИДа Николай Гирс отвечал, что «решительно осуждает инсургентов», но политических преступников «мы не выдаем и отступить от такого правила не находим возможным». Посол империи Цин согласился убрать это требование из договора.

Казалось бы, все вопросы вокруг Синьцзяна были решены к взаимному удовлетворению сторон. Но в феврале 1880 года в Петербурге получили неприятное известие – вернувшийся в Пекин посол Чун Хоу арестован и приговорён к смертной казни, а подписанный им в крымской Ливадии договор не ратифицирован маньчжурским императором. Более того, в маньчжуро-китайской элите раздаются громкие призывы готовиться к войне за полное возвращение «Илийского края».

Изначально высшие армейские круги Российской империи не сочли это известие интересным. Военный министр Дмитрий Милютин в личном дневнике так описал обсуждение данной новости на встрече с царём 21 февраля 1880 года: «Не было ничего интересного: прочтены телеграммы из Пекина, не хотят ратифицировать договор, заключённый китайским послом».

Однако пройдёт чуть больше месяца, и 27 марта Милютин отметит в дневнике совсем иное настроение: «В последние дни отовсюду получались сведения не утешительные. Китайцы, по-видимому, готовятся не на шутку к войне с нами. Начальству трёх округов – Туркестанского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского – даны по телеграфу приказания готовиться на случай разрыва и быть осторожными на границе».

«Если бы китайцы не были вынуждены ненавидеть иностранцев...»

По названию ставшей яблоком раздора долины реки Или этот малоизвестный ныне русско-китайский конфликт, едва не вылившийся в большую войну, вошёл в историю как «Илийский кризис». В России уже в 1880 году довольно точно определили причины неожиданной воинственности китайцев – корни «Илийского кризиса» следовало искать во внутренней политике империи Цин.

Генеральские группировки бывших победителей тайпинов («военная партия» на языке русской дипломатии XIX века) откровенно опасались потерять прежнее влияние в случае установления всеобщего мира как внутри, так и на границах Поднебесной. При этом выросшие из «полевых командиров» главы генеральских кланов, прежде всего Цзо Цзунтан и Ли Хунчжан, опирались на всеобщее недовольство китайских чиновников и интеллигентов, вызванное непрерывной цепью унижений со стороны европейских держав в ходе и по итогам «опиумных» войн.

Как писал Фёдор Мартенс, профессор права и «чиновник особых поручений» при канцлере Горчакове, не раз готовивший для царя Александра II аналитические записки по международным проблемам:

«Военная партия, принудившая пекинское правительство отказать в ратификации трактата, подписанного в Ливадии, очевидно, воспользовалась глухим, но глубоким волнением, уже издавна охватившим население Китая и направленным против иностранцев и всех европейских наций, когда-либо прежде заключавших международные трактаты с Китаем... Ливадийский трактат стал для них каплей воды, переполнившей через край чашу несправедливостей, жертвою которых был Китай. Нынешнее недоразумение никогда не возникло бы между Россией и Срединной империей, если бы китайцы не были вынуждены ненавидеть иностранцев, постоянно неуважающих их самые неоспоримые права...»

Кроме того, правителям империи Цин к концу 1870-х годов стало казаться, что после почти сорока лет внутренних и внешних потрясений положение страны наконец стабилизировалось – внутренние восстания подавлены, «опиумные» войны остались в прошлом, армия наконец-то начала процесс модернизации. На этом фоне вроде бы мелкая уступка территорий в усмирённом Синьцзяне воспринималась как особо болезненное продолжение прежней капитулянтской политики перед иностранцами.

Помимо всех указанных выше причин сказалось и личное головокружение от успехов у «императорского комиссара» Цзо Цзунтана

– вернув империи Синьцзян, он искренне уверовал в непобедимость своих солдат и их способность противостоять не только уйгурским повстанцам, но и русским регулярным войскам. Победитель Цзо был тогда на гребне популярности у китайского чиновничества, именно его мнение предопределило опалу посла Чун Хоу и отказ от ратификации Ливадийского договора. Цзо прямо заявлял о готовности воевать с Россией и даже «дойти до Петербурга». В последнее он вряд ли сам верил, но нагнетание военной напряженности стало для Цзо Цзунтана способом сохранить и упрочить своё влияние при дворе маньчжурского императора.

Наместник столичной провинции Ли Хунжчан, старый соратник-соперник Цзо Цзунтана и его клана, на фоне всеобщей в Китае неприязни к иностранцам тоже не мог выглядеть меньшим патриотом. Поэтому и он поддержал отказ от «Ливадийского трактата» – тем более что подготовка к возможной войне позволяла ему выбить дополнительные средства на модернизацию столичных частей и флота, давно ставших его личными войсками.

«Делают китайцев в настоящее время врагом сильным и опасным...»

Каковыми бы ни были причины отказа пекинского правительства от подписанного договора, Петербургу впервые пришлось задуматься о вероятной войне с Китаем. Генералы Российской империи не сомневались, что при прочих равных условиях их регулярные войска сильнее китайских. Но общая протяжённость сухопутной границы двух континентальных империй достигала рекордных семи тысяч вёрст, и на всём их протяжении логистика любых операций против Китая откровенно пугала своей сложностью. Даже энтузиаст освоения Туркестана генерал-губернатор Кауфман ещё в 1878 году писал в Петербург, что любая война с Китаем станет «самой неприятной, самой неблагоприятной, дорогой, бесплодной, которой по упрямству китайцев, всем известному, нельзя предвидеть конца...»

Весной 1880 года, когда дипломаты окончательно убедились в отказе Пекина от Ливадийского договора и воинственных настроениях маньчжуро-китайской элиты, в Главном штабе Русской Императорской армии приступили к разработке планов вероятной войны. Изначально предположили, что китайцы из-за всё той же сложной логистики начнут боевые действия лишь к концу текущего года, но одновременно на двух театрах – у границ Маньчжурии и в Синьцзяне.

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман уверил Петербург, что в районе Синьцзяна потенциальный противник сможет начать боевые действия не раньше весны 1881 года, так как зимой значительные силы не смогут пройти по заснеженным перевалам. К этому времени Кауфман рассчитывал получить из центральных губерний не менее одной пехотной дивизии и пару кавалерийских полков – эти подкрепления он считал достаточными, чтобы начать активные действия против китайцев в Восточном Туркестане. Свой план Кауфман изложил 21 апреля 1880 года в письме военному министру Дмитрию Милютину:

«На борьбу с китайцами я не могу не смотреть весьма серьёзно. Неистощимое терпение китайцев, их огромные, сравнительно с нашими окраинами, средства, воинственность, возбуждённая между ними недавними успехами в борьбе с дунганями и Якуб-беком, хорошее вооружение и организация их войск, наконец, многомиллионность и богатство народа, делают китайцев в настоящее время врагом весьма сильным и опасным. Война с Китаем может протянуться многие годы, если только успех наш будет колеблющийся и мы не будем в состоянии сразу нанести им такой удар, от которого рухнет власть их в Кашгарии и Джунгарии... Всякое промедление даёт китайцам возможность

увеличивать свои средства и уменьшает наши шансы на успех при тех средствах, которыми мы обладаем теперь на нашем крайнем Востоке».

Пока не прибыли подкрепления из Центральной России, генерал-губернатор Кауфман подготовил к возможному столкновению группировку войск – всего 7,5 тысячи пехоты, около 3,5 тысячи кавалерии, 46 орудий, 8 ракетных станков и 3 мортиры. Командовал этими скромными по численности войсками генерал Герасим Колпаковский, десять лет назад захватывавший «Илийский край». Теперь он должен был противостоять силам Цзо Цзунтана, которые оценивались русской разведкой очень приблизительно – от 40 до 100 тысяч, из них около 15 тысяч с современным оружием.

Разработанный Кауфманом план выглядел эффектно – решительное наступление с двух направлений, из центра «Илийского края» города Кульджа и с южных границ «Семипалатинской области» (юго-восточной части современного Казахстана) к «стратегическому оазису» Хами, чтобы отрезать Синьцзян от собственно Китая. При этом в борьбе с войсками Цзо Цзунтана планировалось опираться на бежавших в русские владения активистов и лидеров недавнего антикитайского восстания. Генерал-губернатор Кауфман планировал создать в Восточном Туркестане два «буферных» квази-государства – одно для дунган, второе для уйгуров и узбеков.

В письме министру Милютину от 26 июля 1880 года Кауфман даже назвал лидеров этих «государств»: старого дунганского повстанца Мухаммеда Биянху и Бек-Кули-бека, сына покойного синьцзянского владыки Якуб-бека. К тому времени Кауфман был лично знаком с обоими, первый понравился генерал-губернатору «своей сдержанностью и разумным отношением к настоящему политическому положению», второй ценился «как законный преемник Якуб-бека, имеющий шансы и преданный нашим интересам».

«Стараясь нанести китайцам по возможности чувствительный удар...»

В декабре 1880 года военный министр Милютин направил Кауфману шифровку, в которой изложил общий план начального этапа большой войны с Китаем:

«Первое – со стороны Туркестанского и Западно-Сибирского военных округов держаться активно-оборонительной цели, защищать Кульджу, стараться нанести военное поражение китайцам где-либо поблизости границ, отнюдь не предпринимая далёких и продолжительных экспедиций и употреблять все усилия к созданию в Западном Китае Дунганского и Кашгарского мусульманских государств;

Второе – со стороны Восточной Сибири держаться активной обороны, стараясь нанести китайцам по возможности чувствительный удар занятием Гирина или другого какого-либо значительного города;

Третье – со стороны моря блокировать китайские берега, бомбардировать города, нанося возможно больший вред приморским городам».

Как видим, министр согласился с планами Кауфмана по разжиганию нового антикитайского восстания в Восточном Туркестане, но не решился на дальний бросок к ключевому оазису Хами. Что касается «Восточной Сибири», как тогда именовали Приморье и Приамурье, то и здесь предполагались лишь ограниченные операции «активной обороны».

Впрочем, «ограниченными» они были лишь в масштабах огромной русско-китайской границы. В реальности от Владивостока до расположенного в центре Маньчжурии города Гирина (ныне Цзилинь) было более 400 вёрст. Логистика броска на Гирин могла опираться на впадавшую в Амур судоходную реку Сунгари. Русские к тому времени уже имели на Амуре дюжину железных пароходов, тогда как империя Цин располагала на реках Маньчжурии лишь средневековыми гребными лодками, ничем не отличавшимися от тех, что использовались здесь два столетия назад при осаде Албазина.

Предварительный план министра Милютина основывался на аналитической записке генерал-майора Леонида Соболева, участника покорения Западного Туркестана, в 1880 году занимавшего должность начальник Азиатского отделения Главного штаба. Между прочим, Соболев считал вполне осуществимым поход русских войск даже в Индию, но полагал, что война с Китаем «есть одна из самых трудных политических и военных задач, так как невозможно и думать окончить её одним ударом». Для успешного давления на Китай, по его мнению,

требовалось перебросить на Дальний Восток как минимум два-три корпуса с соответствующими частями усиления.

Между тем в верхах Российской империи зрело мнение, которое летом 1880 года первым выразил младший брат царя, генерал-адмирал и великий князь Константин Николаевич Романов: «Вступивши в борьбу с Китаем, не добиться нам удовлетворения наших требований иначе как взятием Пекина...» Вероятно, великого князя вдохновлял не только пекинский поход англо-французских войск 1860 года, но и свежие успехи британской армии в Афганистане, сумевшей в 1879 году в ходе второй англо-афганской войны занять Кабул.

Если в Китае самым рьяным сторонником «похода на Петербург» был Цзо Цзунтан (торжественно заказавший себе роскошный гроб как знак готовности умереть на войне с русскими), то в России главным энтузиастом «похода на Пекин» выступал Николай Пржевальский. Его пренебрежение к боевым способностям китайцев граничило порой с откровенным расизмом, но в целом соображения Пржевальского были вполне логичны и обоснованны. К мнению знаменитого путешественника и, по совместительству, военного разведчика прислушивались на самых верхах Российской империи – и в Главном штабе, и в Зимнем дворце.

«Исходный пункт действий против столицы Китая...»

Показательно, что записка Пржевальского «О возможной войне с Китаем» была написана 22 октября 1880 года прямо на территории империи Цин в городе Урга (ныне Улан-Батор, столица Монголии). «Все шансы военного успеха на нашей стороне» – так начинал полковник Пржевальский свой адресованный в Петербург план и далее излагал следующее:

«Пассивное упорство китайцев, уже не раз спасавшее их от гибели, легко может быть применено и теперь Пекинским правительством. Если его западная армия (т. е. армия Цзо Цзунтана. – Прим. авт.) будет разбита и Восточный Туркестан перейдет в наши руки, то этот удар для Китая будет ещё не велик. Китайцы могут упорствовать относительно заключения мира, даже потеряв все свои застенные (т. е. расположенные за Великой Китайской стеной. – Прим. авт.) владения. В таком, весьма возможном случае нам придется идти прямо на Пекин и там продиктовать условия мира. Тогда-то район монгольской Урги получит весьма важное значение, как исходный пункт действий против столицы Китая. Путь наших войск будет лежать в диагональном направлении, через Монголию, по Кяхтинско-Калганской дороге. Если же по этому пути невозможно будет собрать достаточного числа верблюдов и встретятся затруднения в воде или подножном корме, тогда армия, направленная против Пекина, может идти туда двумя колоннами: одною из Кяхты, другою, по которой пойдет кавалерия, из Нерчинска по восточной, более плодородной окраине Монголии...»

Хотя Забайкалье граничило с Монголией, т. е. с территорией империи Цин, но русское командование считало этот регион надёжно защищённым даже в разгар «Илийского кризиса». В Забайкальской области Российской империи на 1880 год насчитывалось всего 6 конных полков и 12 пеших батальонов с минимумом артиллерии. Но ни примерно 15 тысяч монгольской кавалерии, ни несколько десятков тысяч монгольского ополчения, которое теоретически мог созвать пекинский император, в качестве серьёзного противника не рассматривались – всадники с луками и фитильными ружьями давно уже не походили на воинственных монголов эпохи Чингисхана. Более того, русские власти справедливо полагали, что часть монголов настроена враждебно к Пекину и не прочь образовать своё независимое ханство.

На территории Монголии располагалось и несколько тысяч маньчжуро-китайских солдат из регулярных войск «зелёного знамени». Эти провинциальные части ещё не коснулись попытки модернизации –

они не имели ни реального опыта, ни современного оружия. За несколько лет до «Илийского кризиса» их внимательно изучил полковник Яков Барабаш, служивший при русском консульстве в Урге.

«Вооружение составляют пики на бамбуковых древках, – писал Барабаш, – и фитильные фальконеты с пистолетными прикладами. Встречаются также изредка сабли и алебарды. Красоты ради по меньшей мере десятая часть людей занята исключительно ношением разноцветных знамён... Эффект, по их мнению, достигается непрерывной пальбой, отчего люди приучаются стрелять без всякого смысла. Тактика китайцев и основанное на ней маневрирование войск нелепы».

На этом жалком фоне воевавшие в Синьцзяне отряды Цзо Цзунтана или столичные войска Ли Хунчжана выглядели вполне современной армией. Но вероятность переброски значительных войск из Центрального Китая через степи Монголии рассматривалась русскими офицерами как близкая к нулю. Действительно, у империи Цин такого опыта не было с XVIII века. Зато в 1881 году в Монголии начнёт работу разведывательная экспедиция поручика Евтюгина, главной задачей которого была именно оценка возможностей прохода крупных частей кавалерии из Забайкалья к Пекину.

Параллельно с кавалерийским рейдом к столице империи Цин с северо-запада в Петербурге летом 1880 года стали планировать не менее решительную операцию – переброску в воды Тихого океана силами морского флота 25-тысячной группировки при 100 полевых орудиях, которая, высадившись на берегах Жёлтого моря, атакует Пекин с востока.

«Военное положение того края представляется в неутешительном виде...»

Если на границах Синьцзяна и в Забайкалье русские военные власти чувствовали себя уверенно и на случай открытой войны с Китаем даже планировали активные наступательные операции, то относительно дальневосточных рубежей Российской империи настроения были более осторожными.

В Приморье, ставшем русским только 20 лет назад, вероятный конфликт с Китаем вызывал опасения. Во Владивостоке население города тогда не превышало 9 тысяч человек, из них почти 4 тысячи составляли китайцы и корейцы, т. е. подданные империи Цин. Любопытно, что восьмитысячная регулярная армия корейского короля-«вана», тогда вассала Пекина, в планах возможного русско-китайского конфликта не рассматривалась вообще – её считали полностью бутафорской и небоеспособной даже китайцы...

Но близкую Маньчжурию во Владивостоке с 1879 года откровенно опасались – в городе и окрестностях насчитывалось лишь полторы тысячи солдат двух «линейных» батальонов. Всего же на огромном отрезке границы – почти 2000 вёрст по Амуру и реке Уссури – Россия располагала лишь 11 тысячами «штыков» и «сабель» при 32 артиллерийских орудиях. Из них лишь половина относилась к регулярной армии, той её части, которая считалась наименее подготовленной и боеспособной, – т. е. к пограничным «линейным батальонам». Остальную половину составляли недавно созданные конные и пешие сотни амурских и уссурийских казаков и почти три тысячи служивых из разбросанных по Приамурью и Приморью различных «местных» и «конвойных» команд, в основном выполнявших строительные функции в почти необжитом и малонаселённом крае. Тогда как на территории соседней Маньчжурии к моменту «Илийского кризиса» численность войск империи Цин оценивалась русской разведкой примерно в 42 тысячи. Правда, это были старые «восьмизнамённые» войска, укомплектованные из местных маньчжуров и родственных им племён солонов и дауров. Их изначальная боеспособность оценивалась невысоко.

За несколько лет до «Илийского кризиса» генерал-майор Михаил Венюков, изучавший военный потенциал Китая, так писал о «восьмизнамённых» частях в Маньчжурии: «Представьте себе милицию, плохо обученную, совсем почти непрaktикующуюся в своём деле и вооружённую стрелами, копьями, саблями или, самое большое, дрянными фитильными ружьями... Они дурно вооружены, плохо обучены, не имеют европейски-образованных офицеров и вообще ни в

каком отношении для русских, даже рабочих линейных батальонов, не могут быть опасными».

Любопытно, что такое отношение к боеспособности маньчжур подтвердило единственное боестолкновение русских и цинских войск в Приморье, произошедшее совершенно случайно за год до «Илийского кризиса». На рассвете 6 июля 1879 года в нескольких десятках вёрст от озера Ханка у хребта Шитэулин уссурийская казачья конная сотня под командованием майора Ножина, преследуя банду «хунхузлов», атаковала крупный отряд маньчжурских войск. Расположившихся на привале «восьмизнаменных» солдат империи Цин русский майор просто перепутал с таёжными бандитами.

Казачья атаковала в конном строю с шашками наголо, несколько сотен маньчжур попытались отстреливаться. Бой прекратился, когда майор Ножин заметил белый шарик на шапке одного из противников – элемент униформы маньчжурского офицера. По итогам столкновения китайская сторона насчитала несколько десятков убитых и раненых. Казаки потерь не имели, кроме четырёх раненых лошадей...

Однако с началом «Илийского кризиса» благостное восприятие потенциального противника закончилось. В Петербурге верно оценили, что проблемы логистики не позволят быстро усилить русские войска в Приморье и Приамурье, тогда как у империи Цин имелось куда больше возможностей по наращиванию сил в пограничной Маньчжурии. Больше всего опасались, что из окрестностей Пекина будут переброшены части Ли Хунчжана – до 30 тысяч солдат, вооружённых современным оружием и обученных европейскими инструкторами.

Первое большое совещание по поводу обороны Приморья на случай войны с Китаем прошло в Петербурге 16 апреля 1880 года. По его итогам военный министр Российской империи Дмитрий Милютин записал в личном дневнике: «Военное положение того края представляется в неутешительном виде. Трудно что-нибудь сделать в короткое время для обеспечения этой отдаленной окраины от какого-либо враждебного покушения китайцев».

«Наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими...»

Вскоре опасения за судьбу Приморья усилили новые сведения, пришедшие в Петербург как с Дальнего Востока, так и с Запада. Летом 1880 года китайское правительство, готовясь к возможной войне с Россией, закупило в Европе свыше 52 тысяч ружей, в основном устаревших моделей, но среди них было и 20 тысяч относительно новых винтовок Ремингтона. Кроме того, в Германии представители империи Цин купили 150 пушек различного калибра.

Одновременно на китайской стороне Амура и в маньчжурском пограничном посёлке Саньчакоу, расположенном южнее озера Ханка лишь в сотне вёрст от Владивостока, были замечены немецкие инструкторы, руководившие постройкой укреплений. В итоге личный дневник военного министра Милютина пополнила новая тревожная запись: «Отовсюду получают сведения об обширных приготовлениях Китая к войне, агенты его деятельно отправляют из Европы и Америки массу хорошего оружия, пороха, пушек, торпед и прочего. Возникает мнение, что наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими».

Именно тогда стали спешно строить первые сухопутные укрепления будущей Владивостокской крепости – три деревоземляных форта и два люнета. Правда, дальневосточная специфика сказалась и здесь: русское население Приморья было ещё крайне малочисленным, и при экстренном строительстве укреплений использовали китайцев, как наёмных рабочих, так и в качестве подрядчиков. Например, согласно архивным документам, в разгар подготовки войны с Китаем некий подрядчик-маньчжур по имени Докун-гуй получил от руководившего оборонительными работами военного инженера Василия Широкова 1778 рублей 52 копейки за строительство укрепленных позиций для трёх 9-дюймовых мортир.

С учетом реальной ситуации план обороны Владивостока и Приморья мог опираться только на флот и подкрепление, срочно переброшенное морем через половину земного шара. До «Илийского кризиса» Россия обычно держала на Тихом океане от трёх до пяти крейсеров, но весной 1880 года пришлось начать срочную подготовку большой эскадры, предназначенной для операций у берегов Китая.

«Дядька Степан», морской министр Российской империи и Главный начальник морских сил на Тихом океане (в 1880 году) адмирал флота Степан Лесовский

О значении этого мероприятия свидетельствует тот факт, что эскадру возглавил сам «Дядька Степан» – морской министр Российской империи, адмирал флота Степан Степанович Лесовский. На тот момент это был самый опытный в России флотоводец, ему довелось служить на Дальнем Востоке ещё в годы Крымской войны. Любопытно, что летом 1880 года в разговоре с великим князем Константином Николаевичем Романовым, носившим чин «генерал-адмирала» (т. е. высший флотский чин в Российской империи), адмирал Лесовский подчеркнул отличие текущего

состояния Китая от периода «опиумных» войн. По мнению Лесовского, империя Цин стала куда более подготовленной к столкновению с европейским оружием.

Эскадра Степана Лесовского отправилась к берегам Китая из Кронштадта 5 июля 1880 года. Первоначально отплытие назначили тремя днями ранее, но отложили по случаю приступа зубной боли у царя Александра II, который из-за этого не смог приехать в Кронштадт для торжественного смотра эскадры, уходящей, по сути, на войну. Данный факт, подробно изложенный в личном дневнике военного министра Милютина, ярко свидетельствует, что не только цинский Китай, но и Российскую империю тогда всё ещё отличала масса средневековых пережитков.

Вместе с военными кораблями на Дальний Восток уходил «крейсер Добровольного флота» – пароход «Россия». Он вёз новейшие артиллерийские орудия для укреплений Владивостока и солдат для формирования в Приморье стрелковой бригады. Как записал в дневнике военный министр Милютин: «Можно надеяться, что когда китайцы увидят развитие наших сил и на море и на сухом пути, то воинственный их пыл несколько укротится. Тем не менее принимаемые нами меры должны приводиться в исполнение энергично».

«Активные действия на китайские порты...»

Морской путь от Балтики до Приморья занял два месяца. В сентябре 1880 года во Владивостоке сосредоточилась вся эскадра адмирала Лесовского в составе новейших броненосных фрегатов «Минин» и «Князь Пожарский», крейсеров «Европа», «Азия», «Африка» и восьми клиперов «Джигит», «Наездник», «Стрелок», «Пластун», «Крейсер», «Разбойник», «Забияка», «Абрек». Одновременно в город прибыли пароходы «Доброфлота» – «Россия», «Нижний Новгород» и «Петербург», доставившие солдат и военные грузы, в частности, новейшие 6-дюймовые пушки и 9-дюймовые мортиры образца 1877 года.

Всю осень 1880 года вместе с пехотным гарнизоном и наёмными китайцами на экстренных работах по сооружению укреплений и инфраструктуры Владивостока ежедневно работали свыше тысячи матросов прибывшей эскадры. Порт Владивостока всё ещё не был оборудован должным образом, отсутствовали на российском Дальнем Востоке и запасы угля, достаточные для такого количества кораблей. Но адмирал Лесовский в случае большой войны с Китаем рассчитывал на благожелательный нейтралитет Японии и доступ к её портам и ресурсам – у Токио тогда был в разгаре похожий конфликт с Пекином за острова архипелага Рюкю.

26 сентября во Владивостоке состоялось совещание адмирала Лесовского и командующего войсками Приморской области генерал-майора Михаила Тихменева, с участием всех находившихся в Приморье армейских и флотских командиров. Выработывали план будущей войны с Китаем – первоочередной задачей определили обеспечение коммуникаций по Амуру и Уссури, а в качестве желательной цели рассматривали наступление в глубь Маньчжурии на город Мукден, с которым, по мнению участников совещания, «связаны традиции, священные как для царствующей династии Китая, так и для маньчжурского народа, почему надо ожидать, что успехи наших войск в Маньчжурии существенно будут способствовать достижению конечных целей войны».

Корабли эскадры Лесовского при этом должны были обеспечить морскую оборону Владивостока и провести «активные действия на китайские порты, с целью удержать китайский флот в своих гаванях для их защиты». В качестве «активных действий» предполагался и десант, числом не менее 4000 «штыков», который планировалось высадить на побережье столичной провинции Чжили у оконечности Великой Китайской стены. При этом русская эскадра на Тихом океане хотя и могла прервать китайское судоходство, бомбардировать некоторые приморские города Китая и даже высадить десант, но вряд ли могла с успехом

атаковать береговые укрепления потенциального противника, так как не имела в своём составе ни одной канонерки с малой осадкой для действий в мелководных устьях китайских рек.

Все участники прошедшего во Владивостоке совещания подчёркивали необходимость дальнейшего увеличения численности русских войск и флота на Дальнем Востоке. Тем временем в далёком Петербурге прикинули цену такой крупной переброски войск в Тихоокеанский регион и десанта на китайском побережье. Одна только перевозка с Балтики во Владивосток 8 тысяч солдат – минимум, необходимый для «отвлекающего» десанта и одновременной защиты Приморья, – требовала 890 тысяч рублей ежемесячных расходов в течение долгого времени.

Переброска же на Дальний Восток 25-тысячного корпуса при сотне орудий (расчётный минимум для успешного наступления к Пекину) стоила уже 3,5 миллиона ежемесячно. Тогда как все заграничные плаванья боевых кораблей российского флота в 1880 году обошлись казне лишь в 2,6 миллиона рублей.

Общий расчёт стоимости большой войны с Китаем был подготовлен к концу 1880 года начальником Азиатского отделения Главного штаба генерал-майором Леонидом Соболевым. Действия двух-трёх русских корпусов в Маньчжурии и на подступах к Пекину обошлись бы царской казне в 200–300 миллионов рублей. Для сравнения: вся недавняя война с Османской империей 1877–1878 годов со всеми прямыми и косвенными расходами стоила около миллиарда рублей. При этом начальник Азиатского отделения Главного штаба не брался предсказать, сколько лет продлится большая война с Китаем, но справедливо полагал, что её «невозможно и думать окончить одним ударом».

«Уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад...»

Сам Военный министр Российской империи на протяжении 1880 года не раз отметит в своём дневнике, что приготовления к этой войне требуют «огромных денежных средств». «Мы все были того мнения, что для России крайне было бы невыгодно, если бы недоразумения наши с Китаем протянулись слишком на долгое время», – запишет Милютин после одного из совещаний в Зимнем дворце.

Эти опасения подогревали всё новые сведения об активности Китая на рынке европейских вооружений. Ещё в конце осени 1880 года «морской агент» (атташе) в Германии капитан 1-го ранга Николай Невахович представил сведения о том, что в Англии готовы к спуску на воду два современных крейсера, предназначенных Китаю, а в Германии китайское правительство помимо закупки торпед заказало строительство двух новых броненосцев.

Заказанные в Англии однотипные лёгкие крейсера «Чаоюн» и «Янвей» поступят на вооружение китайского флота уже в следующем, 1881 году. Их максимальная скорость хода в 16,5 узла на тот момент превосходила показатели большинства российских кораблей. Броненосцы же, о которых шла речь в донесении «агента» Неваховича, – это будущие «Динъюань» и «Чжэньюань», самые знаменитые и мощные китайские военные суда XIX столетия. Для 80-х годов того века это был новейший проект и весьма серьёзный аргумент, тем более что на Тихом океане Россия ещё не скоро будет иметь подобные корабли.

К этим тревожным сведениям добавлялись разведданные, собранные российским консулом в Тяньцзине Карлом Вебером (в скором будущем первым послом в Корее). Консул сообщал, что из южных провинций Китая к Пекину и в Маньчжурию на парусных судах и зафрахтованных английских пароходах непрерывным потоком перебрасывают войска, продовольствие и закупленное в Европе новое оружие.

Неудивительно, что в дневнике министра Милютина в те дни появится такая запись: «Поспешил известить по телеграфу начальников дальних пограничных округов, чтобы они занялись разработкою плана для будущего военного устройства наших пограничных с Китаем окраин, ввиду выяснившегося намерения нашего гигантского соседа развить и преобразовать свои военные силы. Уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад, а кто знает, каким он будет впредь через 15 лет».

Примечательно, что в те же месяцы Милютин в своих дневниках не раз фиксирует мысли и планы по поводу распада Османской империи, но ничего подобного у него не проскальзывает в отношении империи Цин.

Резюме всех опасений по поводу Китая военный министр Милютин зафиксировал в дневниковой записи от 12 декабря 1880 года: «Вчера присутствовал в совещании по китайским делам; оно происходило в Министерстве иностранных дел, с участием нового министра финансов Абазы. Общее настроение клонилось к уступчивости, для избежания во что бы то ни стало войны с Китаем...»

«Почему бы не начать с Китая?»

Помимо реакции высших военных и государственных кругов Российской империи, было бы любопытно узнать реакцию русского общества тех лет на возможный крупный конфликт с огромным восточным соседом. Но попытки изучить этот вопрос показывают, что в целом общественность России просто не заметила опасность войны с империей Цин – интриги вокруг «османского наследства» на Балканах и только что возникший в центре Европы «Второй Рейх» занимали русскую интеллигенцию куда больше, не оставляя мест для смутных новостей из непонятного Китая.

*Гардемарины китайского военного флота в униформе.
Фотография 1880-х годов. При иных раскладах истории они могли бы стать опасностью для России*

Однако накануне «Илийского кризиса» о возможной войне России с китайцами написал один из главных «смутьянов» того времени, Михаил Бакунин. Первый русский анархист, когда-то бывший прапорщиком

артиллерии, так рассуждал о потенциальном русско-китайском конфликте:

«Уж если пошло на завоевание, почему бы не начать с Китая? Китай очень богат и во всех отношениях доступнее для нас, чем Индия, так как между ним и Россией нет никого и ничего. Ступай и возьми, если можешь».

Да, пользуясь неурядицею и междоусобными войнами, ставшими хроническою болезнью Китая, можно было бы распространить очень далеко завоевание в этом крае, и кажется, что русское правительство затевает что-то в этом роде; оно силится явным образом отделить от него Монголию и Манчжурию; пожалуй, в один прекрасный день мы услышим, что русские войска совершили вторжение на западной границе Китая. Дело чрезвычайно опасное, ужасно напоминающее нам пресловутые победы древних римлян над германскими народами, победы, кончившиеся, как известно, разграблением и покорением Римской империи дикими германскими племенами...

Напрасно презирают китайские массы. Они грозны уже одним своим огромным количеством; грозны также и потому, что о них не должно судить по китайским купцам, с которыми купцы европейские ведут дела в Шанхае, в Кантоне или в Маймачине. Внутри Китая живут массы, гораздо менее изуродованные китайскою цивилизациею, несравненно более энергические, к тому же непременно воинственные, воспитанные в военных привычках нескончаемою междоусобною войною, в которой гибнут десятки и сотни тысяч людей. Надо заметить еще, что в последнее время они стали знакомиться с употреблением новейшего оружия и также с европейскою дисциплиною. Соедините только эту дисциплину и знакомство с новым оружием и с новою тактикою с первобытным варварством китайских масс, с отсутствием в них всякого понятия о человеческом протесте, всякого инстинкта свободы, с привычкою самого рабского повиновения, да примите в соображение чудовищную огромность населения, принужденного искать себе выхода, и вы поймёте, как велика опасность, грозящая нам со стороны Востока. Вот с этою-то опасностью и играет наше русское правительство, невинное, как дитя...»

Как видим, русский анархист не избежал модного увлечения призраком «жёлтой опасности». Но его мысли любопытны, а главное, хорошо отражают настроения широких слоёв российской интеллигенции тех лет. Хотя подготовка к возможному конфликту с Китаем была русской общественностью не замечена, но начнись в реальности большая война против дальневосточного соседа, — она тут же стала бы в России непопулярна, в отличие от недавних битв на Балканах.

Характерные отклики российских обывателей на возможную войну с Китаем зафиксировал популярный писатель и журналист Всеволод Крестовский, летом 1880 года как раз плывший из Одессы во

Владивосток, чтобы на случай возможного конфликта стать официальным историографом при Тихоокеанской эскадре адмирала Лесовского. Крестовский, например, описывает такую сценку в Сингапуре:

«Неожиданно застаём нескольких пассажиров, возвращающихся из Приморской области и Уссурийского края в Россию. Познакомились, разумеется.

– Что нового? – спрашиваем.

– Да ничего, – отвечают. – Всё благополучно. Это у вас надо спрашивать про новости-то. Вы, так сказать, у источника.

– Да мы пока ничего ещё не знаем.

– Ну, а мы и того менее.

– Однако, что же китайцы? На границе-то как?

– Да никак, по-старому. Перемены никакой не заметно.

– К войне готовятся?

– Кто это? Китайцы-то?.. Зачем? Никакой войны не будет, вот посмотрите, всё обойдется и так! Ни им, ни нам воевать там пока не сподручно, да и расчёта нет. Или разве от скуки в Петербурге сочинят войну?»

Всеволод Крестовский описывает и любопытную сцену, разыгравшуюся в августе 1880 года в туземной части Шанхая, – журналист, направлявшийся воевать с Китаем, не преминул заглянуть на территорию потенциального противника:

«Все сразу узнали, что я русский, и потому в бродившей за мною толпе любопытных не было недостатка. В двух лавках обратились ко мне через переводчика с расспросами, точно ли мы намерены воевать с ними и за что именно. Я отвечал, что нам насчёт войны ничего не известно, равно как и о том, существуют ли к ней какие-либо поводы: это-де дело разумения высших властей, а не наше. Мне отвечали на это, что в Шанхае недавно появилась брошюра какого-то пекинского цензора общественных нравов (называли и имя, да позабыл), в которой он взвешивает шансы войны и мира с Россией и склоняется в пользу войны, взывая к патриотизму нации.

– Ну что ж, если быть войне, то будем воевать, а пока мы в мире, я буду у вас покупать, а вы мне продавайте, – отвечал я на это в шутливом тоне, и китайские купцы очень любезно соглашались со мной. Но вообще я ни в ком и ни в чем не заметил ни малейшей по отношению к себе враждебности, хотя и провёл в китайском городе почти целый день и за мной постоянно ходила толпа простонародных зевак...»

«Вывезите архивы и императора из Пекина...»

Пока в Петербурге откровенно опасались столкновения с Китаем, ровно те же, если не большие, страхи испытывали и в Пекине – несмотря на всплеск патриотизма, большая война с северо-западным соседом пугала и маньчжурских аристократов, и китайских чиновников.

Ещё в июле 1880 года по приглашению пекинского правительства в столицу империи Цин прибыл генерал Чарльз Гордон. К тому времени гроза тайпинов и бывший командующий «Всегда побеждающей армией» успел поучаствовать в Крымской войне, побывать британским консулом на Дунае и даже завоевать Судан для египетского хедива. Власти империи Цин пригласили Гордона, имевшего чин генерала китайской армии, в качестве эксперта по обороне Маньчжурии и Пекина – английский авантюрист считался у маньчжурских аристократов бесспорным военным авторитетом.

Но это приглашение сыграло с китайскими верхами злую шутку. Имея опыт войны как против русских, так и против китайцев, Гордон – между прочим, раненный при осаде Севастополя – не сомневался, что при прочих равных условиях войска Российской империи куда сильнее маньчжуро-китайских «знамённых» солдат. К осени 1880 года приглашённый эксперт нарисовал для маньчжурских «принцев крови» почти апокалиптическую картину:

«Если вы начнёте войну, то сожгите пригороды Пекина, вывезите архивы и императора из Пекина, поместите их в центр страны и ведите партизанскую войну пять лет. Россия тогда не сможет победить вас...»

Совет в целом был логичный – в России как раз больше всего опасались затяжной войны и необходимости наступать в глубь многомиллионной страны. Однако на цинскую аристократию, хорошо помнившую бегство из Пекина в ходе последней «опиумной» войны, этот рецепт Гордона произвёл удручающее впечатление.

Но помимо чисто военных опасностей были ещё и внутренние причины, делавшие эту войну нежелательной для маньчжурской династии при любом её исходе. Номинальным главой цинского Китая тогда считался император Гуансюй, но ему едва исполнилось 10 лет. От имени мальчика правила его тётка, вдовствующая императрица Цы Си, умело игравшая на противоречиях различных кланов в цинской верхушке. По итогам «экспертизы» Гордона в сентябре 1880 года в Пекине собрался «Цзюньцзичу» (Военный совет, высший орган империи Цин) на котором именно императрица Цы Си сделала маньчжуро-китайской элите предложение, наглядно характеризующее внутреннее состояние этого государства.

Цы Си предложила, чтобы сторонники военного столкновения с Россией приняли на себя обязательство в случае поражения Китая возместить императорской казне все издержки войны, включая выплату возможной контрибуции. Военный совет утвердил это «предложение», мишенью которого были прежде всего лидеры двух самых влиятельных «генеральских кланов» – этнические китайцы Цзо Цзунтан и Ли Хунчжан.

Дело в том, что правящее Китаем маньчжурское меньшинство (безусловным лидером которого к тому времени являлась императрица Цы Си) к осени 1880 года осознало главное – этническим маньчжурам и их власти над Китаем угрожает любой исход этой войны. Негативные последствия поражения были очевидны. Затяжная война с Россией тоже не вела ни к чему хорошему для династии, лишь недавно оправившейся от тридцати лет внутренних и внешних потрясений. Но искушённая в интригах императрица Цы Си осознала и ту опасность, которая угрожала маньчжурской власти даже в случае гипотетической победы – чрезмерное усиление «генеральских кланов» Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана, т. е. этнических китайцев.

«Граница между Россией и Китаем имеет одинаковую протяжённость для обеих сторон...»

Резкий рост влияния «ханьцев» в государственном аппарате и вооружённых силах империи Цин беспокоил маньчжур ещё со времён восстания тайпинов и образования частных армий китайских лоялистов. Маньчжурская верхушка под предводительством Цы Си решала эту проблему, разжигая противоречия и балансируя между китайскими группировками. Прежде всего между синьцзянским наместником Цзо Цзунтаном и столичным наместником Ли Хунчжаном, за каждым из которых стояли десятки генералов и многие тысячи солдат – по меркам того Китая, слишком опытных и хорошо вооружённых.

Командующий столичных войск Цинской империи Ли Хунчжан на демонстрации первого в Китае пулемёта «максим»

Для власти маньчжурского меньшинства любое усиление влияния этнических китайцев было уже крайне опасно. Поэтому в Пекине, осознав все внешние и внутренние угрозы, решили не доводить конфликт с Россией до открытого столкновения. Поворот к миру тут же поддержал наместник столичной провинции Ли Хунчжан – реальной войны он не

жаждал, а от «военной тревоги» уже получил все возможные бонусы. Подготовка к войне с Россией позволила ему выбить из правительства огромные средства, пошедшие на усиление подконтрольных ему войск.

Именно столичные войска Ли Хунчжана прежде всего получали закупленные в Европе новые винтовки и пушки, а заказанные в Англии и Германии новейшие крейсера и броненосцы предназначались для радикального усиления «Бэйянского», т. е. Северного флота, базировавшегося для прикрытия морских подступов к Пекину в Вэйхайвее и Люйшунью (Порт-Артуре). Офицеры «Бэйянского флота» также входили в «генеральскую группировку» Ли Хунчжана – показательно, что командующий этим флотом адмирал Дин Жунчан когда-то начинал свою карьеру в войсках тайпинов и перешёл на сторону империи Цин только в 1861 году, договорившись с Ли Хунчжаном об амнистии во время затяжных жестоких боёв за город Аньцин на реке Янцзы.

Если столичный наместник Ли Хунчжан сразу поддержал «мирные инициативы» хитрой Цы Си, то для успокоения второго авторитета среди ханьских генералов, Цзо Цзунтана, маньчжурской императрице пришлось пойти на бюрократическую хитрость. «Граница между Россией и Китаем имеет одинаковую протяженность для обеих сторон, и если Россия вторгнется в Китай в одном месте, то Китай может вторгнуться в Россию в другом» – эти слова Цзо Цзунтана были тогда слишком популярны среди китайского чиновничества. Поэтому в конце 1880 года «императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне», неустанно призывавший к войне с Россией, был вызван в Пекин для почётного повышения.

Цзо Цзунтана торжественно назначили «советником трона» и главой военного министерства. Но в реальности императрица Цы Си этим ловким бюрократическим манёвром оторвала слишком воинственного «комиссара» Цзо от верных ему войск, оставшихся далеко в Синьцзяне, поместив нового министра в вотчину его непримиримого конкурента, Ли Хунчжана. Главный сторонник войны был таким образом нейтрализован, и путь к мирным переговорам открыт.

«Решение некоторых пограничных вопросов, касающихся пользы обеих империй...»

Чтобы продемонстрировать России готовность к компромиссам, власти империи Цин помиловали приговорённого ранее к смерти маньчжура Чун Хоу, бывшего посла, год назад подписавшего в Крыму первый вариант договора о границе в Синьцзяне. Примечательно, что мириться в Петербург с подачи Цы Си на этот раз отправился этнический китаец Цзэн Цзицзэ – старший сын Цзэн Гофаня, давно умершего победителя тайпинов, основателя всех китайских «генеральских кланов», под крылом которого в прошлом начинались карьеры и Ли Хунчжана, и Цзо Цзунтана.

Перед отправкой в Россию Цзэна-младшего украсили титулом «хоу» – вторым по значению в маньчжурской иерархии после «князей императорской крови». Поэтому на языке русских дипломатов новый китайский посланник именовался «маркиз Цзэн».

В Петербурге, по своим причинам опасавшемся войны, мирную миссию «маркиза Цзэна» встретили благожелательно. Стороны пошли на взаимные уступки, и за 17 дней до убийства революционерами царя Александра II в феврале 1881 года был подписан новый русско-китайский договор. Как утверждалось в его преамбуле, договор заключён «для скрепления дружественных отношений» и для «разрешения некоторых пограничных вопросов, касающихся пользы обеих империй».

Россия удержала за собой не третью, а пятую часть «Илийского края». Китайский выкуп за возвращаемый русскими кусок Синьцзяна увеличился с 5 до 9 миллионов рублей серебром. Примечательно, что итоговая сумма в тексте договора была прописана и в британской валюте, так как «один миллион четыреста тридцать одну тысячу шестьсот шестьдесят четыре фунта стерлингов и два шиллинга» Китай должен был выплатить России через лондонский Barings Bank.

На этот раз новый договор Пекин ратифицировал без проволочек, аккуратно в срок китайцы выплатили и весь выкуп до шиллинга. На границе Синьцзяна 10 марта 1882 года уполномоченные двух империй – командующий войсками Семиреченской области генерал-майор Алексей Фриде и советник илийского цзяньцзюня (губернатора) амбань (т. е. глава округа) Шентай – подписали итоговой протокол «о сдаче и приёме» земель в долине реки Или.

Открытый пограничный конфликт России и Китая ушёл в прошлое. Но обе стороны тут же принялись укреплять свои рубежи, прежде всего на Дальнем Востоке, – в ближайшее десятилетие число войск по обе стороны Амура и Уссури удвоилось.

Глава 15

«Положение России относительно Китая побуждает...». Влияние китайского соседа на заселение Амура и постройку Транссиба

Гектар за 3 рубля

В середине XIX века на территории современных Амурской области, Еврейской автономной области, Сахалина, Хабаровского и Приморского краёв проживало в общей сложности около 18 тысяч человек. Для сравнения: сегодня общая численность населения в этих регионах около 5 миллионов, почти в 300 раз больше.

Крошечные племена гиляков (нивхов), гольдов (нанайцев), орочей и удэгейцев были почти не заметны в бескрайней дальневосточной тайге. Новая граница России с Китаем протянулась почти на 2000 км и требовала не только охраны, но и заселения.

Первыми жителями новых дальневосточных земель, как это часто бывало в русской истории, стали казаки. 29 декабря 1858 года указом царя Александра II было образовано Амурское казачье войско. Вскоре, 1 июня 1860 года, появилось «Положение об Амурском казачьем войске», первый документ в российской истории, регулировавший предоставление земель в этом регионе.

Новое казачье войско формировалось из казаков, бурят и крестьян Забайкалья. Их расселяли по границе, на берегах Амура и Уссури, в указанных властями местах. В качестве компенсации казаки-переселенцы получали большие земельные наделы. Офицерам, в зависимости от звания, выдавалось от 200 до 400 десятин, а рядовым казакам – по 30 десятин земли на каждую мужскую душу в семье.

Казаки Уссурийского пешего батальона, входившего в состав Амурского казачьего войска. Фотография 1870-х годов

Десятина – дореволюционная мера площади, равнялась 109 соткам или 1,09 гектара. То есть каждая казачья семья получала в вечное владение многие десятки гектаров дальневосточной земли.

Такие меры правительства быстро дали наглядный результат. Всего через год, в 1862-м, по недавно безлюдным берегам Амура уже насчитывалось 67 казачьих станиц с населением почти в 12 тысяч человек, а в Приморье – 23 станицы, в которых проживало 5 тысяч казаков.

Однако для огромных пространств Дальнего Востока этого было ничтожно мало. Новое казачество позволило лишь организовать

пограничную охрану, для освоения же этих пространств требовались даже не десятки, а сотни тысяч переселенцев.

Поэтому 26 марта 1861 года правительство Российской империи утверждает положение «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». По этим «Правилам» переселившиеся на Дальний Восток крестьяне получали бесплатно во временное пользование на 20 лет до 100 десятин земли на одну семью с правом последующего выкупа. Земля могла и сразу же приобретаться в собственность по цене 3 рубля за десятину.

100 десятин (или 109 гектаров) – это было почти в 30 раз больше, чем средний земельный надел крестьянской семьи в европейской части России. Кроме того, все дальневосточные переселенцы получали дополнительные льготы. На 10 лет они освобождались от призывов в армию и пожизненно от уплаты подушной подати, самого большого налога, который тогда платили крестьяне.

Политика предоставления земли и льгот дала результаты. За 20 лет, с 1861 по 1881 год, на Дальний Восток переселилось 11 634 крестьянских семей. Несмотря на ощутимые льготы, переселение к берегам Амура тогда было очень долгим и сложным. Железных дорог к востоку от Урала ещё не было – переселение на крестьянской телеге по сибирскому тракту и почти полному бездорожью Забайкалья растягивалось на полтора-два года.

Выдержать два года дороги через почти всю Россию могли немногие. Тем более что правительство, предоставив землю и льготы переселенцам, не озаботилось помощью и поддержкой в ходе самого переселения. Преодолевать, по сути, пешком почти 5000 вёрст от Урала до основанного в 1858 году Хабаровска крестьянам приходилось за свой счёт.

Осознав, что в таких условиях, несмотря на щедрую землю и льготы, темп переселения будет низким, правительство Российской империи в 1882 году занялось организацией переселения с привлечением самых современных тогда технологий. Решено было возить переселенцев на Дальний Восток пароходами.

На Дальний Восток через Одессу

Такой путь получался дорогим и экзотическим – из Одессы морем через проливы Босфор и Дарданеллы мимо Крита и Кипра к Суэцкому каналу. Далее пароходы с переселенцами шли по Красному морю в Индийский океан. Мимо Индии и острова Цейлон они направлялись к Сингапуру, а оттуда, вдоль берегов Вьетнама, Китая, Кореи и Японии, шли к русскому Приморью во Владивосток.

1 июня 1882 года был принят Закон «О казённокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», согласно которому ежегодно в Приморье за «казённый кошт», т. е. за счёт государственных средств, переселялось несколько сотен семей. Путь на пароходе из Одессы во Владивосток занимал не менее 50 суток, и каждая переселённая таким образом семья обходилась государству в 1300 рублей – огромная по тем временам сумма, когда месячный средний заработок по стране не превышал 15 руб.

Организация переселения в европейской части России поручалась Министерству внутренних дел и генерал-губернатору Одессы. По прибытии на Дальний Восток заботы о приёме и расселении поручались военному губернатору Приморской области.

Именно тогда военный губернатор Приморской области Павел Фридрихович Унтербергер обратил внимание на перекос в половом составе переселенцев – на Дальний Восток переезжало заметно больше мужчин, чем женщин. «Результатом явилось крайне нежелательное положение, – писал Унтербергер, – около 10% молодых парней не находили невест и поэтому не могли обзавестись семьёй и устраивать собственное хозяйство, что прямо шло в разрез интересам скорейшей колонизации края». Для исправления гендерного дисбаланса по предложению администрации Приморья те семьи, в которых число девочек и женщин превышало количество мужчин, стали перевозить на Дальний Восток за счёт государства.

В мае 1893 года Приамурский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской высказался так: «Необходимы самые энергичные и решительные меры, чтобы переселенческое движение на восточную окраину было поставлено по возможности в благоприятные условия». И правительство Российской империи озаботилось совершенствованием поддержки переселенцев – с марта 1896 года переезжающим на Дальний Восток стали предоставляться сроком на три года беспроцентные ссуды в размере 100 рублей на семью.

Выплачивались и безвозвратные пособия на перевозку людей и имущества. Только в 1895 году на перевозку переселенцев пароходами по реке Амур государство потратило свыше полумиллиона рублей. До завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали

пассажирское плавание по рекам Шилка и Амур, из Забайкалья до Хабаровска, было очень дорогим – путь занимал 10 дней, переселенцы платили 10 рублей за взрослый билет и 5 рублей за детский.

Меры государственной поддержки и льготы дали свои результаты. С 1882 по 1891 год на Дальний Восток для ведения сельского хозяйства переселилось 25 223 крестьянина.

«Представляется по состоянию финансовых средств невозможным...»

В самом начале 1890 года в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге собрался Комитет министров Российской империи – высший и самый влиятельный орган, принимавший решения по наиболее значимым вопросам государственного управления. В то время к таким вопросам относилось и железнодорожное строительство – Россия быстро покрывалась сетью рельсовых трасс, имевших важнейшее значение как для экономики, так и для обороны.

В европейской части страны с железными дорогами дела обстояли уже очень неплохо, но восточнее Урала, на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока, не было ещё ни метра стальных рельс. Именно вопрос о строительстве трансконтинентальной железной дороги до Владивостока и стал повесткой заседания Комитета министров. И заседали министры Российской империи по данному вопросу уже не первый раз, и даже не десятый.

В необходимости дороги в России тогда не сомневался никто, более того – уже существовал её детальный проект. Сам царь Александр III ещё в 1886 году не выдержал и с чувством написал необычную резолюцию на одном из докладов о необходимости железной трассы на Дальний Восток: «Должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор ничего не сделало для удовлетворения потребностей богатого, но запущенного края. А пора, давно пора».

Но реализация такого проекта стоила больше 300 миллионов полновесных царских рублей – почти триллион в современных рублях. И такие фантастические расходы пугали министров даже больше, чем эмоциональные резолюции самодержавного императора. В очередной раз обсудив заоблачные цифры, высшие чиновники империи ответили на требования царя с нехарактерной для бюрократического слога печалью: «Комитет министров, хотя и вполне сознаёт крайнюю необходимость осуществления Уссурийской железной дороги, тем не менее находит, что ввиду значительных средств, потребных на строительство этой линии, немедленный приступ к работам на оной представляется по состоянию финансовых средств невозможным».

Тогда ещё никто не знал, что всего через несколько месяцев случится нечто, способное перевесить страхи министров перед непомерными расходами. Этим решающим фактором стало пришедшее в июле 1890 года в Петербург известие, что железную дорогу к российскому Дальнему Востоку начал строить Китай...

Всего за 40 лет до описываемых событий именно Китай владел землями вдоль Амура и в Приморье. Только в середине XIX столетия, воспользовавшись слабостью государственной власти в Пекине, Россия смогла заключить с китайцами ряд договоров, серьёзно изменивших границу на Дальнем Востоке – без применения оружия и единого выстрела в состав нашей страны тогда вошли земли, которые сегодня составляют Амурскую область, Приморский край, Сахалинскую область, Еврейскую автономную область и большую часть Хабаровского края.

Эти территории от европейской части России отделяли 6 тысяч вёрст. От Москвы до Амура полтора века назад можно было добраться лишь в конной повозке по Сибирскому тракту, затратив на дорогу не менее 11 месяцев. Морской путь из Петербурга до берегов Приморья вокруг всей Европы, Африки и Азии занимал тогда полгода. Фактически Дальний Восток в то время был далёким и отрезанным от России «островом».

Поэтому почти сразу возник вопрос о строительстве первой железной дороги для новых земель на Амуре и в Приморье. До основания Владивостока оставалось ещё 6 лет, когда в 1854 году генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьёв-Амурский писал царю Николаю I о нуждах и перспективах дальневосточного края: «По всем вероятностям будет проведена железная дорога, надобность в коей сделается настоятельной в весьма непродолжительном времени».

Но в середине XIX века проект железной, или, как тогда нередко говорили, «чугунной» дороги из европейской России через всю Сибирь до берегов Тихого океана выглядел слишком фантастично. Только в 1851 году построили первую крупную железнодорожную трассу между Москвой и Петербургом – 604 версты этой дороги обошлись казне в 67 миллионов рублей. Дорога до Владивостока потребовала бы в десятки раз больше денег – ведь транссибирскую «чугунку» надо было прокладывать в почти безлюдной тайге, пересекая сотни рек. А доходы государства в то время едва превышали 200 миллионов рублей в год.

Неудачная Крымская война тогда почти разорила императорскую казну, расходы государства в полтора раза превысили доходы. И когда в 1856 году адмирал Геннадий Невельской, присоединивший к России устье Амура, обратился в Петербург с соображениями о железной дороге на Дальний Восток, новый царь Александр II ответил кратко и жёстко: «С данной просьбой граф Муравьёв-Амурский обращался к покойному батюшке. Но Сенат отклонил данное предложение. И мы отклоняем этот дорогостоящий проект».

«Железная дорога необходима во всех отношениях...»

Несмотря на такое решение высшей власти, в 50–70-е годы XIX века неоднократно появлялись различные планы строительства железнодорожных трасс на Дальнем Востоке. Первый из них относится к 1857 году, когда военные инженеры составили план рельсового пути от бухты Де-Кастри до Амура.

В том же году к проектам строительства железной дороги на Дальнем Востоке обратился иностранный капитал. Британский инженер Дуль и американец Коллинз предложили Петербургу создать международную акционерную компанию «Амурская компанейская железная дорога». Но для создания железной трассы от Нижнего Новгорода до Тихого океана иностранцы потребовали права бессрочного владения землей, по которой предполагалось вести дорогу, а также освобождение компании от всех налогов и повинностей. В итоге российские власти отказались от такого проекта, справедливо опасаясь, что в случае его реализации далёкий и ещё не освоенный русскими край полностью окажется под иностранным влиянием.

К 70-м годам XIX века бюджет России оправился от потрясений Крымской войны. И власти вновь вернулись к вопросу о железных дорогах для Дальнего Востока. Возможности их строительства в Петербурге рассматривала специальная комиссия под председательством младшего сына царя Александра II, великого князя Алексея Александровича.

В итоге в 1875 году приняли решение начать строительство первого железного пути в Приморье, от Владивостока к озеру Ханко и далее к Амуру. Через год инженеры начали предварительные изыскания, прокладывая путь будущей трассы.

Но задуманную дорогу похоронила очередная большая война России с Османской империей, начавшаяся весной 1877 года. Боевые действия за несколько месяцев съели почти полмиллиарда царских рублей, более чем на десятилетие отодвинув все начинания по созданию железных дорог в Приморье и Восточной Сибири.

При этом и в обществе, и в правительстве на всех уровнях существовал консенсус по поводу дороги через всю Сибирь на Дальний Восток – её необходимость для экономического развития региона уже никто не оспаривал. 14 июля 1885 года газета «Владивосток» писала: «Опять не было три недели почты. Обмелел Амур, по Сучану пароходы не ходят. Кому надо попасть в Хабаровск, в Читу, в Иркутск или

сибирским путём в Россию – сиди и жди у моря погоды. Повторим ещё раз, железная дорога необходима во всех отношениях – это артерия края».

После нескольких проектов железной дороги, планов по её строительству с участием иностранного капитала и заседаний специальных комиссий Дальний Восток всё ещё оставался слишком дальним. Железная дорога заканчивалась на Урале, и далее, как и веками раньше, через всю Сибирь тянулся конный тракт. Из Забайкалья до Владивостока добирались в основном пароходами по реке Шилке и Амуру. Зимой, когда Амур замерзал, или летом, когда он мелел, регулярное сообщение прерывалось.

Альтернативой был путь в Приморье из Одессы океанским пароходом через Черноморские проливы, Суэцкий канал, мимо Индии, Китая, Кореи и Японии. Такой путь занимал два месяца, но, проходя мимо чужих берегов, полностью зависел от других стран – любой конфликт с колониальной Британией, Китаем или Японией тут же отрезал Дальний Восток от Европейской России.

«Считать вопросом первостепенной для России важности...»

Именно поэтому Петербург так обеспокоили – да что там обеспокоили, по-настоящему напугали! – появившиеся летом 1890 года сведения о планах строительства китайской железной дороги к русскому Приморью. Китай при помощи английских инженеров начал тогда строить свою железную дорогу от Пекина на север, в Маньчжурию, и далее до посёлка Хуньчунь, расположенного на стыке трёх границ: Китая, России и Кореи, всего в сотне вёрст от Владивостока.

В Китае тогда жило 400 миллионов человек, тогда как на граничащих с ним землях подданных России – в 200 раз меньше. Перспектива появления железной дороги, способной приблизить бесчисленные миллионы китайцев к малолюдному Дальнему Востоку России, откровенно испугала Петербург. Всего 40 лет назад эти земли официально считались китайскими, и рост влияния китайских властей, неизбежный здесь после появления их дороги, мог соблазнить Пекин вспомнить об этом.

Хотя в XIX столетии Китай находился в кризисе, периодически становясь объектом колониальной экспансии европейцев, но именно 70–80-е годы того века стали коротким периодом стабилизации Поднебесной. Китайское государство не только было самым населённым на планете, но и оставалось достаточно богатым – Пекин в те годы активно модернизировал армию, потратив огромные деньги на закупку в Европе, прежде всего в Германии, новейшего оружия и боевых кораблей.

Китайский флот к 1890 году по праву считался самым сильным на Тихом океане. Армия была многочисленной и уже не средневековой, как несколькими десятилетиями ранее. При этом власти империи Цин именно в 80-е годы XIX века стали активно заселять выходцами из Центрального Китая прежде малолюдную Маньчжурию, примыкавшую к новой русской границе. Всё это, вкуче с задуманной железной дорогой из глубины самой населённой страны к Приморью, делало положение русских владений на Дальнем Востоке потенциально уязвимым.

Поэтому уже в августе 1890 года министр иностранных дел Российской империи Николай Гирс обратился к царю: «Положение России относительно Китая побуждает Министерство иностранных дел считать постройку Сибирской железной дороги вопросом первостепенной для России важности».

«С постройкой дороги Россия приобретёт главенствующее значение на Дальнем Востоке...»

Встревоженного главу МИД поддержали военный министр и министр путей сообщения. Против был лишь министр финансов Иван Вышнеградский, ужасавшийся цене небывалой дороги. Для начала строительства требовалось срочно найти 150 миллионов рублей (около 7 миллиардов долларов в современных ценах), всего же расходы должны были достигнуть фантастической тогда цифры в 335 миллионов царских рублей. Но геополитические расклады победили финансовые соображения – Александр III распорядился «приступить скорее к постройке дороги».

Скорости ради военный министр Пётр Ванновский предложил строить дорогу через весь Азиатский континент сразу с двух концов, навстречу друг другу – от Владивостока и от города Миасса на Урале.

Стратегическую роль магистрали через всю Сибирь к Тихому океану тут же оценили в Европе. Один из германских генералов, Густав Крамер, высказался со свойственной немцам точностью: «В политическом отношении с постройкой дороги Россия приобретёт главенствующее значение на Дальнем Востоке и будет в состоянии на всем протяжении защищать свою границу и преследовать безопасно свои политические цели».

Официальный документ о создании долгожданного Транссиба от имени русского царя был более витиеватым и торжественным, но столь же точно отражал важность этой дороги для России. Подписанный 29 марта 1891 года рескрипт императора Александра III гласил: «Повелеваю ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей сетью внутренних рельсовых сообщений».

Императорский рескрипт был написан на имя наследника, будущего царя Николая II, которому действующий царь и отец поручал лично начать строительство самой длинной на планете железной дороги. «Возлагаю на Вас, – писал Александр III сыну, – совершение во Владивостоке закладки Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути. Знаменательное участие Ваше в начинании предпринимаемого дела послужит полным свидетельством душевного Моего стремления облегчить сношения Сибири с прочими частями Империи, и тем явить сему краю, близкому Моему сердцу, живейшее Моё попечение о мирном его преуспевании».

«Историческая дорога, по которой продвигается русский народ...»

В это время наследник российского престола как раз совершал морское путешествие, типичное для всех первых переселенцев на Дальний Восток, – через Суэцкий канал, вдоль берегов Индии, Китая и Японии в Приморье. Как писал сопровождавший будущего царя князь Ухтомский: «В ту сторону, куда лежит историческая дорога, по которой продвигается русский народ».

11 мая (23-го по новому стилю) 1891 года царевич Николай прибыл во Владивосток, в тот же день обнаружив императорский рескрипт о начале строительства «Великого Сибирского рельсового пути». Торжественное начало работ состоялось 19 мая (31-го по новому стилю) 1891 года.

В 10 часов утра в двух верстах от Владивостока при большом стечении народа отслужили торжественный молебен, по окончании которого взлетела сигнальная ракета, открывшая праздничный салют. Под грохот выстрелов кораблей Тихоокеанской эскадры и пушек Владивостокской крепости будущий царь Николай II, как описывалось в официальном отчёте, «соизволил лично наложить в приготовленную тачку земли и свезти её на полотно строящейся железной дороги».

К тому времени рельсы уже проложили на две первые версты, и во Владивосток царевич со свитой вернулся в самом первом поезде Уссурийской железной дороги, роскошно украшенном зеленью и флагами. В городе Николай II участвовал в церемонии закладки Владивостокского вокзала на берегу бухты Золотой Рог, крайней точке Транссиба.

Дорога и сам процесс её строительства сыграли важнейшую роль в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России.

Например, с 1891 года всего за пять лет грузооборот Владивостокского порта увеличился более чем в 30 раз. Значительная часть ввезенных грузов предназначалась для строительства Транссиба, прежде всего – Уссурийской железной дороги как его самой восточной части. Со сдачей в эксплуатацию рельсового пути от Тихого океана до Урала именно Владивосток стал морскими воротами трансконтинентальной магистрали.

Любопытно, что так напугавшая власти Российской империи китайская железная дорога от Пекина до Приморья в XIX веке так и не была построена. Очень скоро, в 1895 году, Китай ввязался в неудачную войну с Японией, затем его потрясло очередное народное восстание, а Маньчжурию в ходе ещё одной войны поделили русские и японцы.

Завершение строительства «Великого рельсового пути» открыло и новую эпоху в переселении русских людей на берега Амура и в Приморье. С началом работы Транссиба всего за пять лет, с 1901 по 1905 год, на Дальний Восток прибыло 44 320 крестьян – почти столько же, сколько за всё предшествующее десятилетие.

Отныне путь из европейской части России до Владивостока занимал не полтора года на телеге и не два месяца на пароходе, а всего две-три недели в железнодорожном вагоне. Железная дорога, крепко связывающая регион с центром страны, свидетельствовала о том, что Россия пришла на Дальний Восток навсегда.

Библиография

1. Andrew Wilson. The «ever-victorious army», a history of the Chinese campaign under Lt. – Col. C. G. Gordon C. B. R.E. and of the suppression of the Taiping rebellion. London, 1868
2. Arthur Waley. The Opium War Through Chinese Eyes. Stanford University Press, 1968
3. Augustus F. Lindley. Ti-ping tien-kwoh: The History of the Ti-Ping Revolution, Including a Narrative of the Author's Personal Adventures, vol. 1–2, London, 1866
4. Hodong Kim. Holy war in China: the Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, 2004
5. Wolseley G. J. Narrative of the War with China in 1860. London, 1862
6. *Авилов Р. С.* Из истории русско-китайской границы: «Шитэулинский инцидент» 1879 года. Русский Сборник: исследования по истории России. Том XI. М., 2012
7. Англо-китайская война по китайским документам. Журнал «Отечественные записки», 1853, т. 89.
8. *Барабаш Я. Ф.* Записка об условиях, способах и средствах, обеспечивающих успех военного столкновения с Китаем в Приамурском военном округе. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 30. СПб, 1888.
9. *Барабаш Я. Ф.* Монгольские и китайские войска в Урге. Журнал «Военный сборник», № 7, 1872.
10. Баранов А. На реке Амуре в 1854–1855 гг. Воспоминания офицера из отряда Н. Н. Муравьева. Журнал «Русская Старина», т. 71, 1891.
11. *Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы к биографии, кн. I–II. М., 1891.
12. *Богданов Р. К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880. Записки Приамурского отдела Русского Географического общества, т. V, вып. III. Хабаровск, 1900.
13. Борьба за Тяньцзинь. Журнал «Военный сборник», 1859, № 10.
14. *Буссе Ф. Ф.* Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. СПб., 1896.
15. *Бутаков А., Тизенгаузен А.* «Опиумные» войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М.: Изд-во АСТ, 2002.
16. *Валиханов Ч.* О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарин) в 1858–1859 гг.

Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата, 1985.

17. *Васильев В. П.* О движении магометанства в Китае. СПб., 1867.
18. *Венюков М.* О современном состоянии военных сил и средств Японии и Китая по данным 1869–1870 гг. Журнал «Военный сборник», 1871, № 80–81.
19. *Венюков М.* Очерки современного Китая. СПб., тип. В. Безобразова и Кс, 1874.
20. Война Англии с Китаем. «Военный журнал», 1851, № 1.
21. *Воскресенский А. Д.* Дипломатическая история Санкт-Петербургского русско-китайского договора 1881 года. М., 1995.
22. *Гейнс А. К.* О восстании мусульманского населения или дунгеной в Западном Китае. Журнал «Военный Сборник», № 8, 1866.
23. *Глен Н. А.* Первый амурский поход Н. Н. Муравьёва. Журнал «Исторический вестник», т. 36. № 6, 1889.
24. *Головачов В.* Обзор деятельности русского флота в 1879 г. Журнал «Морской сборник», № 1, 1880.
25. *Добель П.* Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. М.: Изд-во Восточный Дом, 2002.
26. *Дубровская Д. В.* Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., 1998.
27. Ефимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
28. *Записки Г. Д. Скобельцына.* Журнал «Исторический вестник», № 10, 1894.
29. *Иакинф (Бичурин).* Китайские военные силы. Журнал «Сын Отечества», 1840, том V, № 2.
30. *Иакинф (Бичурин).* Обзорение приморских пунктов Китая, служащих ныне театром для военных действий англичан. Журнал «Отечественные записки», 1841, т. 15.
31. *Иванов А.* Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Выпуск II. СПб., 1873.
32. *Илюшечкин В.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
33. *Ипатова А.* Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М.: Наука-ГРВЛ, 1976.
34. *Исиев Д. А.* Уйгурское государство Йэтишар (1864–1877). М., 1981.
35. История экономического развития Китая 1840–1948 гг. Сборник статистических материалов. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
36. *Кара-Мурза Г.* Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850–1864. М., 1941.
37. *Кафаров П. И.* Палладий, архимандрит. Выписки из дневника, ведённого в Пекине в 1858 г. Журнал «Морской сборник», 1860, № 9–10.

38. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994.
39. Китайское войско и его огнестрельное оружие. Журнал «Библиотека для чтения», 1840, № 38
40. *Ковалевский Е.* Путешествие в Китай. Части 1–2. СПб.: Тип. Королева и К^е, 1853.
41. *Кондратенко Р. В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб, 2006.
42. *Кузес В.* Шанхайское восстание «Союза малых мечей» 1853–1855 гг. М., 1980.
43. *Куропаткин А. Н.* Кашгария: Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
44. *Куропаткин А. Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., тип. А. С. Суворина, 1913.
45. *Кюнер Н. В.* Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск–Владивосток, 1927.
46. *Ларин В. Л.* Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-х годах XIX в. М., 1986.
47. *Леонтьевский З.* Большой смотр дайцинских (китайских) войск 3 ноября 1824, журнал «Северная пчела», 1832, № 266, 267.
48. *Лянцичао.* Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет. Пер. с кит. А. Н. Вознесенский и Чжанчинтун. СПб., изд. В. Березовский, 1905.
49. *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Китай. СПб., 1881.
50. *Мертваго Д.* Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 год. СПб., 1884.
51. *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. 1877–1880 гг. Т. 4. 1881–82 гг. М., 1950.
52. Мобилизация китайской армии, состав её, вооружение и денежное довольствие. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 14. СПб., 1885.
53. *Моисеев В. Л.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Издательство «Аз Бука», 2003.
54. *Пантусов Н. Н.* Война мусульман против китайцев. Казань, 1881.
55. *Пиленко А.* Новые броненосцы для Китая. Журнал «Морской сборник», № 2, 1881.
56. План обороны Пекина. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 24. СПб., 1886.
57. *Позднеев Д.* Тайпинское восстание в Китае. СПб., 1898
58. *Пржевальский Н. М.* О возможной войне с Китаем. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 1. СПб., 1883.

59. *Путята Д.* Китай. Очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Серединной империи и военного значения пограничной с Россией полосы. СПб.: Военная типография, 1895.

60. *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг., через Сибирь, Средний и Северо-Западный Китай. – М., 1882.

61. *Сгибнев А. С.* Амурская экспедиция 1854 г. Журнал «Древняя и Новая Россия», № № 11–12, 1878.

62. *Скачков К. А.* О военно-морском деле у китайцев. Журнал «Морской сборник», XXXVII, 1858.

63. *Скачков К.* Пекин в дни тайпинского восстания: Из записок очевидца. М., 1958.

64. *Скорпилев А.* Армия тайпинской революции. Журнал «Проблемы Китая», № 4–5, 1930.

65. *Скорпилев А.* Доклад о тайпинской революции. Журнал «Проблемы Китая», № 1, 1929.

66. *Совский И.* Управление и работа китайской военщины в Синь-Цзяне. Л., 1932.

67. *Сосновский Ю. А.* Русская учёно-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 гг. // Военный сборник, № 9–11, 1876.

68. Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М., 1960.

69. *Фань Вэнь-Лань.* Новая история Китая. Том I, 1840–1901 гг. М., 1955.

70. *Харнский К.* Китай с древнейших времён до наших дней. Владивосток, 1927.

71. *Ходжаев А.* Карательные походы цинского правительства против народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 1878–1881 гг. М., 1987.

72. *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.). М., 1979.

73. *Хохлов А. Н.* Военная помощь России Китаю в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. В сборнике «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (История и экономика)». М.: Наука, 1967.

74. *Хуа Ган.* История революционной войны Тайпинского государства. М., 1952.

75. *Чеканов Н.* Восстание няньцзюней в Китае, 1853–1868. М., 1963.

76. *Шан Юэ.* Очерки уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX в. М., 1959.

77. Шпильман Д. Крестьянская революция в Китае. Восстание Тайпинов. 1850–1864. М., 1925.

78. *Шумахер П. В.* К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 год. Журнал «Русский архив», № 2, 1878.

79. *Шумахер П. В.* Об обстоятельствах, сопровождавших заключение Айгунского трактата. Журнал «Русский архив», № 3, 1878.

Table of Contents

Алексей Волынец Деревянные пушки Китая. Россия и Китай – между союзом и конфликтом	7
Глава 1 «Ежели б Амур-река была в российском владении...». Как Россия потеряла Амур на 169 лет	8
«На великой реке Амуре стоят драки сильные...»	9
«Русским следует вернуться в Якутск, который и должен служить границей...»	12
«Рубеж между обоими государствами постановить...»	15
«Ежели б Амур-река была в российском владении...»	17
«Должно домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру...»	19
«О способах к осмотру Амура, не подав подозрения китайцам...»	21
«Чтоб нам был уступлен один из берегов Амура...»	24
«Особый Комитет по делам Дальнего Востока»	26
Глава 2 «Ничего не может быть презреннее...» китайской военной силы...». Армия цинского Китая накануне первой «опиумной войны»	27
Полтора века без войн	28
Миллионы богдыхана	30
«Но вот приближается к ним от запада сосед...»	35
Опиум для Китая	38
Глава 3 Царская Россия глазами Китая. Какой в XIX столетии виделась Российская империя из Китая	41
«Серебряный журавль» против европейского опиума	42
Русский рецепт для Китая	45
История России в китайском изложении	47
«Количество государственных рабов превосходит численность войск»	49
Россия «и в Азии, и в Европе, и в Америке»	51
«Река Воэрья, течёт до Асытэлэцзань...»	53

Украина по-китайски и Казанская Россия	55
Глава 4 Война миров. Первая «опиумная» война – как англичане победили Китай	57
Наркоторговцы готовятся к войне с Китаем	58
От Динхая до Кантона	61
«Обуздание варваров ласками»	64
«Каждое действие, как его ни скрывай, обязательно станет известным варварам...»	66
Пароходы атакуют	68
Сэр Хью против князя И	71
«Всадники в латах бросились вперед...»	73
Белый флаг над Кантоном	75
Приключения сипаев в Китае	77
«Истребление противника в больших масштабах...»	79
Очередной императорский племянник	81
Поход к устью Янцзы	84
Прорыв вверх по великой реке	86
Бои под солнечным ударом	88
«Маньчжуры падали от ружейного огня, но не падали духом...»	89
Глава 5 «Ты сойдёшь с ума от Амура!..». Как Россия возвращалась к давно потерянным амурским берегам	91
«Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить»	92
«Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура...»	96
«Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен»	98
«Итак, это наше!»	100
Пароход по завещанию	102
«И край Амурский открывал...»	105
«Чтобы при этом не пахло порохом...»	108
«Амурский сплав»	110
«Солдаты любили пароход...»	112
«Огненная лодка с множеством суровых людей»	114

Глава 6 «Младший брат Христа» против Конфуция: восстание тайпинов. Как в Китае XIX века началась самая большая крестьянская война в мировой истории	116
Китайский брат Иисуса Христа	118
«Царство Небесное» и его ополченцы	121
Первые потери и неудачи «Царства Небесного»	124
Триумф в долине Янцзы	126
Армейская структура тайпинов	128
Золотой век британских торговцев оружием	132
Армия «Царства Небесного»	134
Военные уставы тайпинов	135
«Их отряды казались грудями тюльпанов...»	137
Дисциплина и военная пропаганда тайпинов	139
«Военный коммунизм» тайпинов	141
Рейд на Пекин	144
Бои в столичной провинции	146
Тем временем в долине Янцзы	148
Поэт на защите империи	150
Контрнаступление «И-вана»	154
Когда Хуанхэ тоже восстаёт против императора	156
«Триады» идеально захватывают Шанхай	158
Стены Шанхая	160
«Мятежники Шанхая покупают у иностранцев капсули и ружья...»	162
Бомбы и крупнокалиберные ружья Шанхая	164
Русский воин о повстанцах Шанхая	167
Бамбуковый огнемёт	168
Первые попытки штурма Шанхая	171
Февральский штурм глазами англичан	174
Война при помощи скрипки и европейской одежды	176
В борьбу за Шанхай вступают европейцы	178
Французское фиаско по-шанхайски	180
Город штурмует голод	182

Революция пожирает своих детей, или Резня среди «младших братьев Христа»	183
От крестьянской революции к феодальной теократии	186
Глава 7 Как Амур не стал границей между Россией и Англией. Крымская война на амурских берегах	188
«Намерен пройти на устье Амура во что бы то ни стало...»	189
Встреча двух экспедиций	192
«Эти избы как бы свидетельствовали, что земля эта русская...»	194
«Забытая, а всё-таки земля...»	196
Второй амурский «сплав»	199
«Появились они с недобрыми намерениями...»	200
Первый георгиевский кавалер на Амуре	202
Что такое «полицейская» война?	204
Дальние родственники в Петербурге и Пекине	206
Нарезная винтовка против фитильной аркебузы	208
Глава 8 Вторая «опиумная» война. Как британский учёный обманул маньчжурского наместника	210
Сомнительный <i>casus belli</i> для «полицейской» войны	211
Заботы императорского наместника	214
Начало «полицейской» войны	216
«Полицейская» война становится интернациональной	218
Неспешное начало войны	220
Очередной штурм Кантона	222
Арест вражеского полководца	224
Англо-французы ищут путь на Пекин	226
Канонерки штурмуют форты	228
По реке к Пекину	230
«Всеобщее изобилие» и «иностранный лекарь»	231
Глава 9 «Амур сделался достоянием России!». Как потерять бриллиантовую звезду, но обрести амурский берег	233
«Для определения восточных границ двух великих империй...»	234

«За 200 лет политические обстоятельства совершенно изменились...»	236
«Сомнительно, чтобы китайцы уступили берег Амура без войны...»	238
«Россия готова помочь Китаю...»	240
«Сегодня будем пировать, а все дела отложим до завтра...»	243
«Особенно неприятно отразился на лицах маньчжуров...»	245
«Левый берег реки Амура да будет владением Российского государства...»	247
Глава 10 Деревянные пушки Китая. Третья «опиумная» война, или Как европейцы разграбили Пекин	251
«Знамённый» монгол против британского адмирала	252
«Мы должны попытаться атаковать Пекин...»	255
Подготовка броска на Пекин	257
Англичане занимают будущий Порт-Артур	259
Деревянные пушки Китая	261
Штурм Дагу	263
Новые переговоры и путь на Пекин	265
«Коровьи рога» против европейцев	268
Битва на мосту с мраморными львами	270
Походные чайники «принца» Гуна	273
Грабёж императорских жемчужин	276
Глава 11 Россия и Китай: первая попытка военного союза. Как русские гвардейцы пытались учить «восьмизнамённых» солдат	278
«Россия готова помочь Китаю приобрести военные материалы...»	279
«Трудное и щекотливое дело»	282
«России легче нанести Китаю удар...»	286
«При всем старании нельзя ожидать должного успеха...»	288
«Китайцы не ожидали, что им дадут такое превосходное оружие...»	290
«Были съедены и тела казнённых...»	292

Глава 12 «Уйти на него за подкреплениями». Как империи Цин всё же удалось победить «христиан»-тайпинов	296
Заложники для верности «Верного царя»	297
Спасение «Небесной столицы»	300
«Шанхайский иностранный полк»	303
Борьба за Янцзы	305
Адмиралы, бравшие Пекин, защищают Шанхай	307
«Отряды иностранного оружия»	309
«Двойной дракон» для европейского наёмника	311
«Няньцзюни» – китайские махновцы	313
Поражение «И-вана» у цепного моста	316
Чарльз Гордон «теряет лицо» вместе с пароходом	318
Небесный царь уходит на небо «за подкреплениями»	320
Последний бой монгола Цэнгэринчи	323
Нелёгкая победа над «факельщиками»	325
«Усвоение заморских дел»	326
Этнические мятежи в империи Цин	328
Глава 13 «Зубы, не прикрытые губами»: от Синьцзяна до Крыма. Россия и Китай на рубежах Центральной Азии	330
Мятеж на всякий случай	331
«Тайфурчи» из «новых мусульман»	336
Государство и армия «Счастливица»	339
Наградной револьвер от «Счастливича»	341
Битва за стратегический плацдарм в Синьцзяне	343
Пекин готовится к возвращению Синьцзяна	346
«Содействовать китайцам в нанесении ему хорошего удара...»	350
«Смуглый Бисмарк» против «Халатника»	353
Коммерция купца Каменского	355
«Наши войска, обрушившись со всех сторон, убивали их...»	357
«Зима не принесла с собой усиления войск Якуб-бека...»	360
«Их желание отхватить кусок от нашей страны...»	363

Открытие «ворот Восточного Туркестана»	366
Смерть «Счастливица»	368
«Неверные греховодники китайцы» и схватка за наследство Якуб-бека	370
Падение Восточного Туркестана	372
Глава 14 «Нам придётся идти прямо на Пекин...».	
Несостоявшаяся русско-китайская война 1880–1881	374
ГОДОВ	
«Напоминают людей Синьцзяна...»	375
«Сусанянь» и «сотни юных дев»	379
Камень преткновения – «Илийский край»	381
«Если бы китайцы не были вынуждены ненавидеть иностранцев...»	383
«Делают китайцев в настоящее время врагом сильным и опасным...»	385
«Стараясь нанести китайцам по возможности чувствительный удар...»	387
«Исходный пункт действий против столицы Китая...»	389
«Военное положение того края представляется в неутешительном виде...»	391
«Наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими...»	393
«Активные действия на китайские порты...»	396
«Уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад...»	398
«Почему бы не начать с Китая?»	400
«Вывезите архивы и императора из Пекина...»	403
«Граница между Россией и Китаем имеет одинаковую протяжённость для обеих сторон...»	405
«Решение некоторых пограничных вопросов, касающихся пользы обеих империй...»	407
Глава 15 «Положение России относительно Китая побуждает...». Влияние китайского соседа на заселение Амура и постройку Транссиба	408
Гектар за 3 рубля	409
На Дальний Восток через Одессу	412

«Представляется по состоянию финансовых средств невозможным...»	414
«Железная дорога необходима во всех отношениях...»	416
«Считать вопросом первостепенной для России важности...»	418
«С постройкой дороги Россия приобретёт главенствующее значение на Дальнем Востоке...»	419
«Историческая дорога, по которой продвигается русский народ...»	420
Библиография	422